

АКАДЕМИЯ НАУК АБХАЗИИ
АБХАЗСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Д.И. ГУЛИА

«ВОЙНА И МИР В ИСТОРИИ КАВКАЗА»

Материалы Международной научной конференции,
посвященной 20-летию Победы народа Абхазии
в Отечественной войне 1992-1993 гг.
(24-26 сентября 2013 г.)

АБИГИ
Сухум – 2016

Ред. коллегия:

*Авидзба В.Ш., Бгажба О.Х., Салакая С.Ш., Анчабадзе Ю.Д., Ачугба Т.А.,
Цвинария И.И., Чкок-Эшиба Э.М., Авидзба А.Ф.*

В.Ш. Авидзба,
Сухум

«ВОЙНА И МИР В ИСТОРИИ КАВКАЗА»

Материалы Международной научной конференции, посвященной
20-летию Победы народа Абхазии в Отечественной войне 1992-1993 гг.
(24-26 сентября 2013 г.)

«Дом печати», Сухум. 2016. – 380 с.

В данный сборник вошли материалы Международной научной конференции «Война и мир в истории Кавказа» посвященной 20-летию Победы народа Абхазии в Отечественной войне 1992-1993 гг., состоявшейся в Сухуме 24-26 сентября 2013 г.

Книга рассчитана на специалистов и тех, кто интересуются историей Абхазии и Кавказа.

© АБИГИ им. Д.И. Гулиа, 2016

Ҳатыр зқәу ағызыцә!

Аңсны Аңынцътәлатәи еибашъраәи аиаира агеижътеи 20 шықәса атра иазкны иазпхъагәатоу аусмбаңгатәкәа ируаку жәларбжъаратәи аттаарадырратә конференция иахъа аусура иалагоит. Ари аконференция аусура рхы аладырхәразы иахтапит имачымкәа атарауаа сиуенишым атәылақәа рқынтә. Аңснаа шәыхъзала азин сышәт – ҳасасцәа бзиала шәаабсит ҳәа раҳәара.

Сгәы иаанагоит, акырантә имфаңаңгахъоу егырт аконференциәкәа реицш аригты алтшәа бзиақәа аиусеит ҳәа. Аңсса тарауааи ҳасасцәеи рыйжъара иқалап интерес зцуу аиңажәареи, дыррала ахеибартәареи, илахөыху аимак-айғаккәеи.

Уважаемые участники конференции!
Дорогие гости!

Хочу начать свое выступление со слов благодарности и признательности нашим гостям, приехавшим поздравить народ Абхазии с 20-летием победы в Отечественной войне 1992-1993 гг. и принять участие в работе конференции, посвященной этому событию.

20 лет назад, точнее 30 сентября 1993 года, произошло событие, открывшее новую страницу истории нашего народа. Абхазия

одержала победу в навязанной ей неравной, жестокой, кровопролитной войне, и тем самым открыла себе путь к независимому существованию. Подобный исход не входил в планы тех, кого принято называть «сильными мира сего» и свидетельством тому их попытки изолировать Абхазию от внешнего мира. Делалось это неприкрыто, высокомерно, чтобы показать нашу неспособность к самоорганизации и государственному строительству. Все это служило препятствием для достижения Абхазией своих целей, однако замыслы наших противников провалились. Лишь под занавес XX века, благодаря нынешнему руководству Российской Федерации, ситуация начала постепенно меняться в лучшую сторону, а в 2008 году, после очередной кровавой авантюры Грузии в Южной Осетии последовало и признание с ее стороны. Народ Абхазии всегда будет признателен за это России.

Нет необходимости во вступительной речи подробно останавливаться на причинах, ходе, движущих силах и результатах Отечественной войны Абхазии. Этим вопросам посвящены специальные доклады. Скажу лишь о том, что значение этой победы невозможно переоценить. Ибо это было единственным, безальтернативным условием самосохранения абхазского народа в тех исторических условиях. Безусловно, для достижения этой цели пришлось пожертвовать многим – разрушением инфраструктуры, экономики, но самое главное – тысячами жизней. Здесь необходимо особо сказать о тех, кто по зову сердца пришел на помочь истекавшей кровью Абхазии. Благодарная Абхазия будет вечно помнить каждого, кто погиб за ее свободу, и тех, кто Божьей милостью остался жив.

Невозможно не упомянуть имени Владислава Григорьевича Ардзинба, с которым справедливо связывают нашу победу. Он своим появлением в политике, а главное своими действиями начисто опроверг заниженную роль личности в истории. Приведу одну цитату из его интервью абхазскому телевидению. Он сказал: «Я все же думаю, что мир не настолько безнравственен, как кажется некоторым, и Россия – она многолика, есть общественность России, есть интеллигенция России, русский народ, есть народы России... они сумеют точно определить, что произошло в Абхазии и дать

оценку всему этому» (В.Г. Ардзинба. Сб. интервью и выступлений 1992-2005, с. 30). Эту мысль – убеждение он повторял неоднократно и в других своих выступлениях и речах, напоминая, что мир не без добрых людей, и что помимо сиюминутных интересов, как кажется иногда господствующим политическим элитам, есть и фундаментальное понимание добра и зла, которые зиждутся на морально-нравственных оценках.

Отечественная война Абхазии, конечно, главная тема нашей конференции, но далеко не единственная. В программе конференции содержатся доклады, посвященные другим регионам Кавказа. Причем, судя по их названиям, в них отражены различные эпохи: от Средневековья до современности. Конечно же, есть доклады, посвященные не только военной тематике, но и различным сторонам мирной и относительно мирной жизни. Я надеюсь, что результатом конференции станет сближение позиций ученых-историков по отношению к историческому прошлому народов Кавказа, расширение знаний об истории других народов и налаживание дружеских, профессиональных взаимоотношений.

Немало докладов посвящено и современной тематике, что тоже закономерно. Осмысление современности, или как говорил Ф. Искандер, «времени, в котором стоим» требует осознания запросов нынешнего времени. Без этого невозможно адекватно ответить на ее вызовы. И таким образом не консервируется история, ибо история – это процесс. Вслед за покойным Никитой Георгиевичем Шервашидзе приведу слова Майкла Игнатьева о том, «что жить в прошлом – это как потерять один глаз, но забыть прошлое – значит ослепнуть». Надеюсь, работа нашей конференции позволит снять многие вопросы, станет сдерживающим фактором «войн истории» и определит курс правдивого изложения исторического прошлого кавказских народов.

Представлю делегации, прибывшие к нам на конференцию. Это Армения, Российская Федерация, Украина, Турция, Эстония. Самая многочисленная из России. Это научные центры: Институт востоковедения РАН, Институт этнологии и антропологии им. Миклухо-Маклая РАН, Институт российской истории РАН, Ин-

ститут социальных и политических исследований Черноморско-Каспийского региона, Российский государственный гуманитарный университет, Московский государственный институт международных отношений, Московский государственный открытый университет, Высшая школа экономики (все представляют Москву), Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) (Санкт-Петербург), Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону), Северо-кавказский федеральный университет (Ставрополь), а также из республик Адыгеи – Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований им. Т. Керашева, Адыгейский государственный университет, Майкопский государственный технологический университет, Дагестанский институт истории, археологии и этнографии, Дагестанского научного центра РАН, Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН, Карабаево-Черкесский институт гуманитарных исследований правительства КЧР и Чеченский институт гуманитарных исследований.

Позвольте еще раз поблагодарить вас за участие в конференции и выразить благодарность тем, кто оказывал и оказывает поддержку в восстановлении нашего института, подвергшегося сожжению оккупационными войсками Грузии в ходе войны. На этом разрешите Международную научную конференцию «Война и мир на Кавказе: прошлое, настоящее, будущее» считать открытой и пожелать ее участникам плодотворной успешной работы.

А.Ф. Авидзба,
Сухум

ВОПРОСЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В АБХАЗИИ (1992-1993 гг.)

14 августа 1992 г. должна была состояться сессия ВС РА, на которой планировалось обсудить проект Договора между Абхазией и Грузией. Но она не состоялась по причине того, что за несколько часов до ее открытия грузинские войска вторглись в Абхазию. Население узнало об агрессии Грузии в 12 часов дня, когда по Абхазскому телевидению было передано экстренное сообщение пресс-службы ВС Абхазии о начале Грузией военных действий против Абхазии. В. Ардзинба в тот же день призвал народ к сопротивлению, а Президиум ВС Абхазии объявил мобилизацию взрослого населения Абхазии от 18 до 40 лет. В первый день войны войска Госсовета Грузии были остановлены на Красном мосту, у въезда в центр столицы Абхазии в сотни метрах от здания Верховного Совета.

В Тбилиси, наверняка, не стали бы тянуть с вторжением в Абхазию, ведь к тому времени ее военные формирования не раз подходили к грузино-абхазской границе, и даже один раз побывали на российско-абхазской границе. Но, видимо, там рассудили, что сначала надо вступить в ООН, с тем, чтобы Грузия была признана в рамках бывшей Грузинской ССР, а затем договориться с Россией. Когда все эти условия были выполнены, Грузия приступила к осуществлению плана по усмирению вышедшей из подчинения Абхазии. Новые тбилисские власти, как и старые, стремились сохра-

нить унитарное государство, для чего потребовалось воплотить в жизнь тезис о ликвидации государственности Абхазии.

При этом, конечно же, Грузия не желала ввязываться в большую войну. Блицкриг и молниеносное покорение Абхазии не получили бы огласки и тогда Госсовету не пришлось бы оправдывать свою агрессию. Для поддержания благоприятной информационной почвы и нужной идеологической подоплеки Грузия в качестве официального повода войны выдвигала поочередно следующие объяснения: охрана железной дороги; освобождение ответственных работников Госсовета Грузии; сохранение территориальной целостности Грузии; мусульманский фундаментализм абхазов; «апартаидный» закон о выборах в ВС Абхазии. При этом ощущалось явное стремление убедить международное сообщество в том, что агрессия Грузии носит вынужденный характер.

В первые дни войны представителями абхазской и грузинской сторон было достигнуто соглашение об отводе войск с линии противостояния. Однако, к 2 часам дня 18 августа грузинские военные формирования полностью установили свой контроль над столицей Абхазии и объявили об отрешении от должности В. Ардзинба. В этот же день законные власти Абхазии сформировали Государственный комитет обороны под председательством В. Ардзинба. 18 же августа оккупационные власти Сухума образовали «военный совет», 31 августа – Временный Комитет по стабилизации, а 20 ноября – т. н. Совет Министров.

В первые же дни вторжения в Абхазию представители около 40 культурных обществ абхазской и кавказской зарубежной диаспоры образовали инициативную группу, 23 августа состоялось первое официальное заседание Кавказского Комитета Солидарности с Абхазией под председательством А. Цушба, прибыла в Гудауту и первая группа абхазских воинов из Турции в составе 35 человек.

15 августа КГНК и МЧА призвали народы Северного Кавказа встать на защиту Абхазии. Несмотря на противодействия, чинимые российскими властями, по всему Северному Кавказу шли акции протesta против вторжения войск Госсовета Грузии в Абхазию. 18 августа в Грозном состоялась X чрезвычайная расширен-

ная сессия КГНК, которая заявила: в случае не вывода грузинских войск с территории Абхазии до 21 августа, «объявить о начале военных действий КГНК в отношении Грузии», о формировании добровольческих частей «для защиты справедливого дела абхазского народа». 21 августа Президент и Председатель Парламента КГНК Ю. Шанибов и Ю. Сосламбеков издали Указ, в котором говорилось: всем штабам Конфедерации обеспечить переброску добровольцев на территорию Абхазии для вооруженного отпора агрессорам; всем вооруженным формированиям Конфедерации при противодействии им каких-либо сил вступать в бой и пробиваться на территорию Абхазии любыми методами».

Тогда добровольческое движение в поддержку Абхазии подвергалось систематическим нападкам со стороны российских и грузинских политиков. В ответ на это Президент МЧА Ю. Калмыков заявил о том, что чем скорее будут выведены войска Госсовета Грузии из Абхазии, тем меньше добровольческих отрядов будет сформировано на Северном Кавказе. Позже 23 сентября был арестован Президент КГНК Ю. Шанибов. Это привело к дестабилизации военно-политической ситуации на Северном Кавказе, а в Нальчике к столкновениям между российским ОМОНом и митинговавшими, в результате которых погиб один человек.

Для сражавшейся Абхазии трудно переоценить значимость добровольческого движения в целом и, в частности, Конфедерации горских народов Кавказа. 16 сентября, уже после эскалации военных действий, В. Ардзинба сказал, что именно позиция КГНК не позволила уничтожить абхазский народ. В свою очередь, начало абхазо-грузинской войны и бескомпромиссная позиция КГНК – КНК в ней способствовали возрастанию ее военно-политической значимости в регионе. Не случайно, именно время абхазо-грузинской войны стало пиком ее популярности.

После начала войны и Грузия, и Абхазия, с одной стороны, апеллировали к России, а с другой – осуждали политику Москвы, обвиняя ее в поддержке противной стороны. Впрочем, от такой участии трудно уйти всяческому посреднику военно-политического конфликта. В то же время противоборствующие стороны, будучи

не в состоянии договориться между собой, обращались за помощью и поддержкой к России. В силу этого она являлась участницей всех значимых политических мероприятий по прекращению войны и неизменно выступала гарантом соблюдения всех договоренностей, достигавшихся воюющими сторонами. Поэтому все крупные соглашения, призванные прекратить войну, были подписаны на территории России при ее непосредственном участии. Исходя из складывавшихся тогда обстоятельств, роль Москвы можно сформулировать следующим образом: традиционные исторические, политические, экономические и культурные связи, geopolитика, присутствие российских войск в регионе, и в связи с этим, невозможность разрешения абхазо-грузинских противоречий без участия России, делают российский фактор в абхазо-грузинской войне определяющим.

При этом необходимо иметь в виду, что в рассматриваемое время об однозначной позиции России можно говорить лишь с большой натяжкой. Тогда в силу серьезного политического противостояния внутри самой России, принятия решений относительно событий в Абхазии зависело от определенных политических и военных чинов, их личных симпатий и антипатий, а нередко и моральных принципов. Иногда Москве становилось и вовсе не до Абхазии с Грузией, хотя наличие у нее стратегических интересов в этом регионе было предопределено региональной и глобальной геополитикой, отказаться от которых означало бы добровольную капитуляцию в политическом сражении за влияния на территории бывшего СССР.

В ноябре 2005 г. Э. Шеварднадзе, в очередной раз, заявил, что война в Абхазии была русско-грузинской. Этот тезис, родившийся еще в ходе войны, продолжает быть востребованным среди грузинского истеблишмента, который подобной спекуляцией зарабатывает перед Западом политические дивиденды, преподнося Грузию жертвой имперских устремлений России. Здесь также, на-верняка, присутствует элемент самоутешения: стыдно проиграть маленькой и беззащитной Абхазии, но не стыдно проиграть большой и сильной России.

Нюрнбергский и Токийский уставы международных трибуналов, которые являются частью Международного гуманитарного права, предусматривают три вида тяжчайших международных преступлений, угрожающих основам существования наций и государств, их прогрессивному международному общению: преступления против мира, преступления военные, преступления против человечности. И все эти виды тяжчайших преступлений были совершены Грузией после вторжения в Абхазию. И эти преступления должны были вызвать международные санкции в рамках международной ответственности, предусмотренной Международным правом.

Однако, после агрессии Грузии против Абхазии мировое сообщество долгое время, а по большому счету до конца войны, оставалось безмолвным, несмотря на то, что уже 18 августа В. Ардзинба обратился ко всем международным гуманитарным организациям, ко всем государственным и общественным деятелям с призывом услышать зов о помощи и направить в Абхазию объективных наблюдателей.

Как известно, право всех народов на самоопределение закреплено в Пактах о правах человека 1966 г. – в Международном Пакте об экономических, социальных и культурных правах и Международном Пакте о гражданских и политических правах. Но тогда никто (кроме самих абхазов и их братьев из Северного Кавказа) и не вспоминал о правах человека, о праве нации на самоопределение, о других неотъемлемых правах и свободах, предусмотренных в многочисленных международно-правовых документах.

2 ноября делегация Организации Непредставленных Народов во главе с Генеральным секретарем ОНН М. ван Праагом прибыла в Гудауту. 7 ноября в Москве состоялась заключительная пресс-конференция, на которой М. ван Прааг выступил с заявлением, в котором, в частности, отмечалось, что если международное сообщество срочно не уделят внимание ситуации в Абхазии, то существует серьезная опасность продолжения войны и распространения эскалации в соседние регионы. Однако, в целом позиция международных организаций, в лице ООН и СБСЕ осталась неизменной, и они продолжали оказывать одностороннюю поддержку Грузии и лично Э. Шеварднадзе.

24 августа в оккупированном Сухуме состоялось собрание депутатской фракции «Демократическая Абхазия», на котором было принято решение о мобилизации резервистов населения оккупированной территории Абхазии. 25 августа командующий войсками Госсовета Грузии в Абхазии Г. Каркашвили, видимо, под впечатлением этого «решения», выступил по телевидению с ультимативным требованием в течение 24 часов сложить оружие. В противном случае он пообещал «этим сепаратистам, что если из общей численности погибнет 100 тысяч грузин, то из ваших погибнет все 97 тысяч, которые будут поддерживать решение Ардзинба».

3 сентября 1992 г. в Москве состоялась встреча руководителей России, Грузии и Абхазии при участии руководителей республик Северного Кавказа. На ней в результате всестороннего давления на абхазскую сторону, был подписан документ, предусматривавший сохранение территориальной целостности Грузии и оставление ее войск на территории Абхазии. 6 сентября на пресс-конференции в Гудауте В. Ардзинба, комментируя итоги Московской встречи, сказал, что на встрече проталкивался тот вариант, который устраивал Грузию и руководству Абхазии попросту выкручивали руки. По его словам, если бы Абхазия не подписала документ, ее перед всей мировой общественностью представили бы виновницей срыва переговоров. 4 сентября В. Ардзинба заявил, что вывод грузинских войск продолжает быть основным условием восстановления мира и спокойствия в Абхазии. Комиссия по контролю и инспекции работала в течение сентября, но достичь реальных результатов не удалось.

В те дни, когда был арестован Президент КГНК Ю. Шанибов, а волна массового движения за его освобождение набирала обороты, в двух политических центрах мира шла подготовка к существенным мероприятиям. В Москве, на очередной сессии Верховного Совета, готовились обсудить ситуацию в Абхазии, а в Нью-Йорке – также на очередной сессии – к выступлению Э. Шеварднадзе.

25 сентября Э. Шеварднадзе с трибуны ООН обратился за помощью к Западу, ко всем международным организациям. При этом он по сути обвинил Россию в агрессии. В тот же день ВС РФ принял Постановление «Об обстановке на Северном Кавказе в связи

с событиями в Абхазии», в котором решительно осуждались действия руководства Грузии; содержалось требование от Грузии немедленного прекращения вооруженных действий и вывода воинских формирований с территории Абхазии. В Тбилиси это Постановление вызвало негодование. 28 сентября в Кремле состоялась встреча Ельцина и Шеварднадзе, которая проходила «в строгих тонах», что было предопределено резкой риторикой главы Грузии.

Можно предположить, что к тому моменту абхазо-грузинская война подошла к некоторой невидимой черте стало ясно: блицкриг Госсовета Грузии окончательно провалился. Каждый день войны приносил неисчислимые жертвы с обеих сторон. В Абхазии уничтожался народ, его прошлое, настоящее и будущее. И чем с большим ожесточением он уничтожался, тем больше была решимость сопротивления врагу. И если, Грузия, начиная войну, демонстрировала шапкозакидательские настроения, то к исходу первого периода Абхазия доказала, что с ней, не только надо, но и необходимо считаться.

2 октября 1992 г. в результате наступления абхазского ополчения Гагра была освобождена, 6 октября была освобождена вся северо-западная часть Абхазии, и на границе между Абхазией и Россией на р. Псоу была восстановлена юрисдикция законных властей Абхазии. Значение Гагрской операции трудно переоценить. С нее началось освобождение Абхазии и в результате ее успешного прохождения была открыта «дорога жизни», обеспечившая сухопутное сообщение с «большой землей». Символично, что на второй день после освобождения северо-западной части Абхазии, 7 октября в Лыхны открылся I Всемирный конгресс абхазо-абазинского (абаза) народа.

После поражения в Гаграх военная риторика в Грузии стала усиливаться, что было вызвано отчасти востребованностью и популярностью реваншистских настроений в грузинском обществе. Именно в это время в Грузии атрибутом хорошего тона стало выражение уверенности и необходимости сокрушительной победы над Абхазией. Возврат Гагры и война до победного конца стали главными лозунгами.

22 октября 1992 г. грузинскими формированиями были сожжены здания Абхазского института языка, литературы и истории и Государственного архива Абхазии. В результате этого акта вандализма полностью были уничтожены уникальные документы, материалы по истории и культуре Абхазии. Подобные действия грузинской стороны еще раз перед всем миром продемонстрировали политику руководства Грузии, сущностью которой являлись агрессия и геноцид. Сожжение АБИЯЛИ и Госархива не было вызвано никакой военной необходимостью, что лишний раз свидетельствует о том, что оно было осуществлено с единственной целью – уничтожить историческую память абхазского народа. А историческая память, как известно, уничтожается только тогда, когда она хранит нелицеприятные для оккупантов сведения. Данная акция была заранее спланированным актом культурного геноцида, который по Международному праву, считается самым кощунственным проявлением геноцида, самым страшным преступлением против человечности. И насколько должен быть циничным мир, чтобы вершители его судеб на фоне своих обвинений абхазов в нарушении «территориальной целостности» Грузии, не пожелали увидеть наличия столь масштабного преступления по отношению к ним?! А ведь международное сообщество голосовало за Гаагскую конвенцию о культурном достоянии 1954 г., в котором говорится: «Ущерб, наносимый культурному достоянию какого бы то ни было народа равносителен ущербу для культурного наследия всего [человечества]..., сохранение культурного наследия имеет огромное значение для всех народов мира, и... важно, чтобы это наследие находилось под международной защитой».

7 декабря в продолжение названной политики, Э. Шеварднадзе заявил о необходимости «достойно завершить войну в Абхазии», что означало возвращение диктата Тбилиси над Сухумом. Это было невозможно не сломив ее сопротивление, что в свою очередь, можно было сделать только физически уничтожив или изолировав всех непокорных абхазов.

14 декабря над высокогорным селом Лата грузинскими военными формированиями был сбит российский вертолет МИ-8,

выполнявший гуманитарный рейс из блокадного Ткуарчала. В результате этого варварского акта заживо сгорело 86 человек, в том числе более 30 детей и 8 беременных женщин. Латская трагедия останется примером вопиющего проявления преступления против человечности, которое должно было неминуемо привести к международной ответственности.

15 января в программе «Новости» было передано сообщение грузинских журналистов о том, что якобы в стычке с оппозиционными представителями, был ранен Председатель Верховного Совета Абхазии В. Ардзинба. Пресс-служба ВС РА опровергла информацию. После этого последовало «уточненное» сообщение о том, что в В. Ардзинба стрелял сторонник мирного пути решения конфликта, и он, раненый находится на излечении в Москве. Спустя же некоторое время объявили, что он скончался, и даже сообщили дату похорон. И, наконец, 20 января, вечерняя программа «Вести» со ссылкой на грузинские источники не исключила возможности нахождения В. Ардзинба в Иране. И той же ночью, видимо, уже окончательно уверовавшие в правдивость этих слухов, грузинские военнослужащие в Сухуме отпраздновали «гибель» абхазского лидера, и устроили грандиозный салют из всех видов оружия. Сам В. Ардзинба назвал слухи о его смерти сильно преувеличеными, в ответ на что Т. Надарейшвили публично заявил, что это был «двойник умершего абхазского лидера».

5 января абхазской стороной было предпринято наступление на Сухум. В ходе боевой операции, прорвав оборонительные линии противника, подразделения абхазских сил нанесли ему ощутимый урон в живой силе и технике. Однако Январская попытка освобождения оккупированной абхазской столицы завершилась неудачей.

15–16 марта 1993 г. абхазская армия предприняла новую попытку освобождения своей столицы, которая окончилась неудачей. После боев была достигнута договоренность о прекращении огня с 4.00 часов 20 марта до 3.00 часов 21 марта с тем, чтобы абхазская сторона могла вести поиски в тылу врага погибших и без вести пропавших. Но удалось найти далеко не всех. Горе людей, потерявших своих близких во время наступления, усугубилось невозмож-

ностью их похоронить. Грузинская сторона отказалась выдать трупы погибших абхазских бойцов. Это делалось с умыслом: вызвать недовольство народа своим руководством, привести его к расколу.

В самом конце марта министр иностранных дел Грузии А. Кавсадзе выскажал желание нанести визит руководству Абхазии без всяких объяснений о его целях и задачах. Видимо, в Грузии посчитали, что после неудачного наступления, боевой дух абхазской стороны сломлен и настал момент диктовать свои условия. Однако абхазская сторона настаивала на выводе грузинских войск из Абхазии.

14 мая состоялась встреча Э. Шеварднадзе и Б. Ельцина, на которой было достигнуто Соглашение о прекращении огня в Абхазии с 20 мая. Хотя решение о перемирии было принято без участия Абхазии, В. Ардзинба издал приказ о прекращении огня на всех фронтах абхазо-грузинской войны с 20 мая 1993 г. А что касается Грузии, то она, оставаясь верной своим традициям, используя прекращение огня, активизировала работу по переброске дополнительных сил в зону конфликта, особенно в оккупированный Сухум.

О том, что московские переговоры носили более демонстративный характер, нежели были направлены на достижение конкретных результатов, свидетельствуют и противоречивые высказывания их участников. По ним чувствовалось, что Э. Шеварднадзе был не совсем уверен в своих силах и его обычна риторика, граничившая с бравадой, на этот раз отсутствовала. В ответ на заявление Б. Ельцина о выводе в июне грузинской боевой техники с территории Абхазии, глава Госсовета отреагировал, что результаты встречи превзошли его ожидания. В этом, судя по всему, просматриваются некоторые подводные камни, сопровождавшие эти переговоры. Россия, уже проведением самой встречи, оказывая большую поддержку Э. Шеварднадзе, что было необходимо ему для укрепления авторитета в своей стране, в то же время, не могла не воспользоваться этим обстоятельством для политического давления на Тбилиси.

Результатами этих переговоров стали также участие в них представителя Президента России Б. Пастухова, прибывшего в Гудауту 21 мая, и спецпосланника Генсека ООН Э. Бруннера, прибывшего сюда 22 мая.

17 мая было создано Министерство иностранных дел Республики Абхазия – ведомство являющееся атрибутом независимого государства. 21 мая в обращении В. Ардзинба Генеральному секретарю ООН были обозначены магистральные пути развития абхазского государства в послевоенное время. В документе подчеркивалось, что, после всего, что произошло, уже будет невозможно вернуться к тому, что было вполне реально до войны. А в заявлении Министерства иностранных дел РА 25 июня было сказано, что абхазы не хотят, чтобы им навязали такой мир, который обернется для них тихим удушением, и сбросит абхазский народ в пропасть истории. Сам абхазский народ за пять дней до этого, 20 июня на сходе в с. Лыхны заявил, что он выступает за то, чтобы Абхазия была Абхазией, а не колонией Грузии. Таким образом, абхазский народ выказался против того, чтобы он был «сброшен в пропасть истории».

В начале июля 1993 г. абхазская армия предприняла военную операцию по освобождению Сухума и всей оккупированной части страны. В отличие от предшествовавших операций, она не стала краткосрочной. Операция вошла в историю под названием «Июльское наступление». Продолжалось оно с 2 по 27 июля, в результате которого абхазская армия взяла под свой контроль господствовавшие над Сухумом высоты. Параллельно с боевыми действиями между представителями Абхазии и Грузии при посредничестве России проходили переговоры, которые в свою очередь завершились 27 июля подписанием в Сочи «Соглашения о прекращении огня в Абхазии и механизме контроля за его соблюдением». Документ предусматривал полный вывод грузинских войск с территории Абхазии. Была создана Объединенная трехсторонняя комиссия, под наблюдением которой должны были выведены грузинские войска. Сроки вывода назначались на 9, 11, 14, 16 августа, затем на 1 и 9 сентября, но они все были сорваны. Положения в Абхазии обсуждались на встречах Б. Ельцина с Шеварднадзе 23 августа и с В. Ардзинба 24 августа.

С учетом неоднократных срывов грузинской стороной графика вывода своих войск из Абхазии, в письме в Объединенную комис-

сию Верховный Совет РА 11 сентября заявил, что дальнейшее участие абхазской части в работе этой комиссии возможно лишь при условии получения гарантий выполнения грузинской стороной всех ранее принятых решений.

Очередное наступление абхазской армии началось рано утром 16 сентября. 17 сентября Э. Шеварднадзе объявил всеобщую мобилизацию в Грузии. 17 сентября он выступил с обращением к Президенту России, Генеральному секретарю ООН и мировой общественности, в котором призвал остановить «казнь маленькой страны», спасти «мою родину и мой народ от гибели», будто бы шли бои не за столицу Абхазии, а Грузии.

Некоторые наблюдатели допускают возможность координации действий абхазской армии с звиадистами, которые проявили очередной всплеск активности именно 15 сентября. Однако уже 16 сентября, в день, когда абхазы начали свое наступление, звиадисты прекратили военные действия в Имерети и Гурии. Никакой координации действий не могло быть уже потому, что во время Июльского наступления руководитель вооруженного крыла звиадистов Л. Кобалия воевал против абхазов, да и потом в ходе Сентябрьского наступления также он был на стороне грузинских правительственные войск. По логике сторонников тезиса о согласованности действий звиадистов и абхазов получается, что звиадисты в июле воевали против абхазов, в августе и первой половине сентября воевали против грузин, а в середине сентября договорились с абхазами и координировали свои действия с ними, а затем, через два дня, перешли в стан правительственные войск и опять вступили в войну против абхазов. Справедливости ради надо отметить, что решения и действия Л. Кобалия и его воинства не совсем поддаются логическому объяснению, однако разговоры о скородинированности действий абхазов со сторонниками З. Гамсахурдия безосновательны.

К тому же, в рассматриваемое время войска Л. Кобалия оказывались почти всегда там, где был Т. Китовани, и, судя по всему, подчинялся он не столько З. Гамсахурдии, сколько экс-министру обороны Грузии.

Наступление абхазской армии совпало с серьезным политическим кризисом в Москве, который завершился 4 октября расстрелом здания Верховного Совета РФ из танков. В таких обстоятельствах России было некогда обращать особенное внимание на события, происходившие в Абхазии.

27 сентября в 15. 30 был освобожден Дом правительства – последний очаг сопротивления оккупантов в Сухуме. 30 сентября, в результате развития наступления, в 20. 00. абхазская армия вышла к р. Ингур – Государственной границе между Абхазией и Грузией, где был водружен Государственный флаг Республики Абхазия. Война, длившаяся 413 суток и принесшая неисчислимые жертвы и беды абхазскому и другим народам, была победоносно завершена. После поражения в Абхазии, Грузия вынуждена была вернуться в фарватер российской политики и отказаться от западной ориентации, что свидетельствует о глобальных geopolитических последствиях победы абхазской армии в сентябре 1993 года.

Абхазия победила в войне, но вышла из нее обескровленной: материальный и экономический ущерб, нанесенный народному хозяйству Республики Абхазия в Отечественной войне, составил 11, 6 млрд. долларов США. Абхазы в этой войне защищали Родину, и им отступать было некуда, в силу этого, в первую очередь, абхазская армия, состоявшая в подавляющем своем большинстве из далеких от военной службы в обычное время людей, в 1993 г. была признана самой боеспособной армией в мире в контактном бою. Невозможно переоценить роль в этом главнокомандующего В. Ардзинба. Такие личности появляются в нужное время и в нужном месте. Они приходят из прошлого и опережают свое время, зажигают людей огнем, добытым среди своего народа и освещают его путь к свободе. Полководец В. Ардзинба был возведен на гребень великих свершений самой историей и его предводительство является важным определяющим фактором, позволившим абхазскому народу выстоять и победить в одной из самых кровавых и жестоких войн конца XX века.

В.М. Пачулия,
Сухум

СЕНТЯБРЬСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ И ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ В ГРУЗИНО-АБХАЗСКОЙ ВОЙНЕ (1992-1993 гг.)

В ходе Июльской (1993 г.) наступательной операции на фронтах грузино-абхазской войны сложилась следующая обстановка.

На Гумистинском фронте абхазская армия овладела стратегическими высотами над северо-западной частью Сухума.

А на Восточном фронте, также завладев важнейшими стратегическими высотами в районе Мишвели (Эшкыт), она получила возможность контролировать часть Гальского района, от села Чхортол до села Река.

Дальнейшее наступление абхазской армии было приостановлено ввиду заключения трёхстороннего Сочинского соглашения от 27 июля 1993 года. Однако грузинская сторона не думала выполнять свои обязательства согласно этому соглашению. Исправная грузинская военная техника была надежно укрыта. Только для отвода глаз в Грузию отправилась боевая техника, нуждающаяся в ремонте.

Также грузинское руководство не выполнило пункт возвращения законного абхазского руководства во главе с В.Г. Ардзинба в Сухум.

В условиях, когда окончательно выяснилось, что грузинские войска не будут выведены из Абхазии, с учётом новых обстоятельств, Генштаб Абхазии приступил к разработке широкомасштабной операции по освобождению столицы Абхазии и всей оккупированной

территории республики. План операции был разработан министром обороны генерал-майором С.А. Сосналиевым и начальником Генерального штаба генерал-майором С.П. Дбар.

Разработка плана операции проходила под непосредственным руководством Главнокомандующего Вооружёнными силами Республики Абхазия В.Г. Ардзинба в строжайшей секретности. Чтобы избежать утечки информации Министерство обороны и Генштаб были передислоцированы из центра на окраину Гудауты, в здание дома отдыха ЦК профсоюза «Строитель».

По замыслу операции предполагалось осуществить одновременное наступление на обоих фронтах: Гумистинском и Восточном. Командование отказалось от проведения артиллерийской и авиационной подготовки на Гумистинском фронте, приняв решение начать наступление в светлое время суток. Кроме того, не были обозначены главный и отвлекающий удары.

Согласно плану операции на Гумистинском фронте войска должны были наступать с трёх главных направлений: западного, северо-западного и северного.

Военно-морские силы под командованием капитана 2-го ранга Ю.Г. Ачба должны были блокировать морскую акваторию г. Сухум и тем самым лишить противника возможности использовать морские плавсредства.

Перед артиллеристами Гумистинского фронта (командующий А.А. Кобахия) стояла задача прикрывать атакующие подразделения и уничтожить огневые позиции противника.

Перед войсками Восточного фронта стояла задача заблокировать трассу Сухум – Очамчира, лишив тем самым Сухумскую вражескую группировку возможности подтянуть резервы и получить помощь.

Абхазской армии противостоял II-1 армейский корпус грузинской армии под командованием генерал-майора З.Г. Учадзе. Этот корпус состоял из двух бригад – 23-й и 24-й, а также из многочисленных подразделений корпусного подчинения: танкового батальона, ракетного и артиллерийского дивизиона, горно-стрелкового Шромского батальона, батальона «Союз афганцев», бригады быстрого реагирования, батальона Шевердени, военной полиции,

3-го полка, батальона им. К.П. Чолокишили, а также множества спецподразделений и служб обеспечения.

23-я механизированная бригада под командованием генерал-майора Адамия Г. дислоцировалась в Сухуме, Сухумском и Гульрипшском районах, а 24-я бригада под командованием полковника Тохадзе, в Очамчырском районе. В общей сложности на Сухумском направлении находилось под ружьем от 12 до 15 тысяч грузин, в Очамчырском и Гальском районах – до 6 тысяч и резерв до 2-х тысяч.

Наступление на Восточном фронте началось с 15-го на 16-е сентября 1993 года под командованием полковника М.Б. Кишмария, который накануне прибыв в Гудауту согласовал план операции с Генштабом.

Рано утром 16 сентября все три полка Восточного фронта перешли в наступление: командир 1-го полка – В.И. майор Ануа, командир 2-го полка – З. Хаджимба, командир 3-го полка – майор Л. Миквабия.

3-й (Ткварчельский) полк с придаными подразделениями: Адзюбинский батальон под командованием Д. Муцба, Киндгский батальон под командованием З. Чкония, Атарский батальон под командованием Г. Квициния перешли в наступление в 3 часа ночи 16 сентября. Уже к 5 часам утра они вышли к Кодорскому мосту, а в 7 часов утра освободили часть Адзюбжи до центра, в 14 часов взяли в кольцо Ахалдабу.

Продолжив наступление, Адзюбинский и Атарский батальоны освободили н.п. Аракич и Дача.

В тот же день, 16 сентября подразделения 1-го полка овладели населёнными пунктами Ануаа-рху, Лабра, Тамыш, Киндги и частью села Новые Киндги.

Подразделения 2-го полка, наступавшие на Араду и Цагера, хотя и нанесли противнику большой урон, были вынуждены отойти на прежние позиции.

На Гумистинском фронте началось наступление позже, к полудню 16 сентября.

1-я бригада под командованием подполковника В.Х. Смыр наступала по двум направлениям: западному, северо-западному, т.е.

с Нижнего и Верхнего Гумистинских мостов на город. Задача – освобождение Верхнего моста – возлагалась на Афоно-Эшерский батальон 1-й бригады (командир Ф. Тарба). Этому батальону была придана комендантская рота Гумистинского фронта (командир В. Тванба).

Ровно в 14 часов 45 минут 1-я рота Афоно-Эшерского батальона под командованием Рауля Смыра атаковала Верхний мост. Развивая наступление по центральной трассе Н. Афон – Сухум и по улице Гречко вступила в бой с противником.

За этой ротой последовал весь личный состав батальона. Афоно-Эшерский батальон установил контроль от «Мраморного цеха» берега Гумисты до подножия Цугуровки возле объездной дороги.

За Афоно-Эшерским батальоном последовал Армянский батальон имени маршала Баграмяна (командир В. Косян), который поднялся по объездной дороге на окраину Верхней Яштухи и занял позиции.

17 сентября в 14 часов дня на этом направлении в бой с противником вступил Пицундский батальон (командир Н. Долбая).

19 сентября к Афоно-Эшерскому батальону присоединилась рота Гудаутского гарнизона около 70 человек (командир Л. Осия).

На данном направлении вечером 20 сентября стал переломным. В 16 часов 1-я рота Афоно-Эшерского батальона, рота Гудаутского военного гарнизона и небольшая группа Гарика Шамба атаковали снизу вверх 16-этажные дома на трассе у въезда в город Сухум. В ходе ожесточенных боёв оба 16-этажных дома были освобождены. И тут наши подразделения твердо закрепились. Хотя этот бой не обошёлся без существенных потерь: был убит комиссар Афоно-Эшерского батальона Лерик Тамбия.

В тот вечер прибывший сюда полковник Г.К. Агрба – начальник Гудаутского гарнизона – стал координатором боевых действий в направлении Нового района и Старого посёлка.

Утром 21 сентября по правой стороне ул. Дзержинского стал выдвигаться Отдельный батальон береговой охраны под командованием В. Дармава и закрепился в здании Управления троллейбусного хозяйства.

25 сентября вечером был освобождён Старый посёлок, в результате наступательных действий Афоно-Эшерского батальона, Гудаутского военного гарнизона, Отдельного батальона береговой охраны, а также групп «Душман» (командир В. Ашба), «Малыш» (командир Ефендиев, прозвище – «Монгол») и др.

На Маякском направлении освобождение Нижнего моста было возложено на Сухумский батальон (командир С. Матосян). 16 сентября в 13 часов этот батальон, атаковав шоссейный мост, захватил плацдарм на левом берегу Гумисты.

Наступление на этом направлении противник встретил масированным огнём и контратакой. В этот вечер вступили в бой разведрота 1-й бригады (командир Р. Авидзба) и 3-й батальон 1-й бригады (командир З. Кутелия). Эти подразделения 17 сентября, атаковав противника, выбили его с позиции. Продолжая наступление, дошли до дачи Гречко.

Затем началось крупномасштабное наступление в сторону Учхоза. На помощь подошли следующие подразделения: «Берег-1» (командир В. Чамагуа), «Берег-2» (командир Г. Кетия), группа Г. Язычба, Замостянская рота (командир Д. Авидзба), кабардинская группа (командир М. Бли).

18 сентября вечером эти подразделения с боями вышли к посту ГАИ на Маяке и Ачадарской железнодорожной платформе.

22 сентября, согласно плану командования 1-й бригады, началось наступление 2-го и 3-го батальонов, группы Г. Язычба и Замостянской роты в направлении Гумистинского массива для овладения Новым районом. Атакуя, наши подразделения дошли до высотных домов, но понесли большие потери. Был убит командир группы Г. Язычба, получил ранение командир 2-го батальона С. Матосян.

Северное направление. В 13 часов 16 сентября началось наступление подразделений II бригады под командованием Г. Саманба с севера на столицу.

1-й батальон (командир А. Гарцкия) и 2-й батальон (командир А. Ардзинба) развили наступление из Шромы, в 14 часов освободили Нижние Каманы. К утру 17 сентября 2-й батальон с придан-

ной разведгруппой «Тишина» (командир И. Зайцев) полностью освободили Бирцху.

16 сентября 3-1 батальон (командир Ф. Дбар), двигаясь по трассе, вышел к сванской башне.

В этот же день 1-я горнострелковая рота (командир Л. Цугба) совместно с отдельной ротой 1-й бригады (командир Отырба А.) и 3-й ротой 1-го батальона (командир З. Абгаджава) освободили с. Одиши и с. Верхняя Линдава, а 17 сентября освободили н.п. Лекухона и Верхний Келасур.

16 сентября 5-й батальон (командир В. Тарнава) и разведрота II-й бригады (командир Маргания Г.) освободили часть н.п. Квемо-Линда (Нижняя Линдава), продолжая наступление вышли на развилку Квемо-Линда-Одиши-Гварда.

18 сентября 4-й батальон (командир Р. Джикирба), батальон «Горец» (командир С. Аршба) и одна рота 5-го батальона (командир С. Псардия) освободили полностью Нижнюю Линдаву. При выполнении боевой задачи погибли командир 4-го батальона Рауф Шутьевич Джикирба и комиссар 4-го батальона Мирод Гожба.

Учитывая сложившуюся ситуацию, на помощь 4-му батальону был переброшен Гагрский батальон (командир Д. Чирикбая).

Также 18 сентября неудачно сложилось наступление 3-го батальона по трассе Шрома-Сухум в н.п. Тависуплеба. Следует подчеркнуть, что противник очень ожесточённо сопротивлялся на всех участках обоих фронтов. Это неправда, что грузины бежали. Да, это случилось, но только после освобождения Сухума.

В Тависуплебе противник поджёг танк 4 «Мустанг» (командир Д. Джопуа). заживо сгорел весь экипаж танка. На этом направлении в ходе продолжительного боя погибли начальник штаба 3-го батальона Даур Миквабия, комиссар батальона Рауф Дасания и получил ранение командир батальона Фата Дбар.

Командиром 3-го батальона был назначен Рафик Айба, но вскоре его сменил Руслан Ладария.

В результате дальнейшего наступления 20 сентября по правой части трассы Шрома-Сухум 3-й батальон освободил правую часть с. Тависуплеба. 1-й батальон (командир З. Пилия) и одна рота Гагр-

ского резервного батальона освободили Нижнюю Яштуху. Они с боями вышли на подступы к Сухумскому интернату.

20 сентября также шли ожесточённые бои за овладение г. Гварда. Гагрский батальон (командир Д. Чирикбая) и разведрота II-й бригады (командир Г. Маргания) успешно справились с задачей. Стало возможным отсюда контролировать ближайшие населённые пункты, в особенности с. Абжаква. Тогда же артиллеристы сыграли особую роль в нейтрализации Сухумского аэропорта, доставив сюда на г. Гварда установку «Град».

23 сентября вечером в 20 часов 2-й батальон под командованием А. Ардзинба успешно освободил Сухумскую гору, фуникулёр. На следующий день для смены подошёл 2-й резервный батальон (командир Р. Латария).

26 сентября 3-й батальон обошёл Сухумский обезьяний питомник и занял позиции напротив железнодорожной платформы Бараташвили.

Также 26 сентября началось наступление из Старого посёлка на Новый район. Со стороны ул. Дзержинского и района ПТУ в сторону Нового района атаковал противника прибывший из Северного Кавказа ИШ. Басаев с группой чеченцев 60 человек. Эта группа с боями дошла до 20-й средней школы.

Основные силы противника засели в 15-й средней школе. После обработки их из артиллерии и «ЗУШек» началась атака мотострелков и противник бросился бежать в сторону района Маяка.

Что касается добровольческих подразделений, то, в основном, они вернулись на Родину после Сочинского соглашения от 27 июля 1993 года. Узнав о Сентябрьском наступлении многие добровольцы возвращались и вливались в различные действующие подразделения.

27 сентября началось крупномасштабное наступление по овладению центром г. Сухум.

Со стороны Республиканского стадиона и Центрального рынка в направлении центра города наступали подразделения 1-й бригады: 1-й батальон (командир Ф. Тарба), 2-й батальон (Л. Микаа), 3-й батальон (командир З. Кутелия). Справа от них по проспекту мира

и берегу моря – зенитно-пулемётная батарея (командир Ардзинба Леонид).

Со стороны здания Республиканской Генпрокуратуры наступали в направлении Дома правительства кабардинская группа (командир М. Шоров) и армянский батальон (командир В. Косян). Они первыми подошли с боями к Дому правительства.

С севера в сторону Дома правительства стали спускаться подразделения II-й бригады: 1-й батальон (командир З. Пилия), 2-й батальон (командир Ака Ардзинба), 3-й батальон (командир Р. Ладария).

Вслед за этими батальонами стали выдвигаться и другие подразделения.

В 13 часов 30 минут у Дома правительства завязался бой. Здание было освобождено и над ним водружен Знамя Победы. Первыми в здание вошли кабардинцы и знамя водрузил кабардинец Аслан Абаев.

28 сентября войскам Гумистинского фронта был дан отдых. 29 сентября войска Гумистинского фронта, продолжая наступление, вышли к реке Кодор, где на мосту произошла историческая встреча двух фронтов.

Развивая наступление, оба фронта днём 30 сентября, освободив Очамчиру, Гал, вышли к реке Ингур – на Государственную границу с Грузией, и водрузили у моста абхазский флаг.

В результате Сентябрьской наступательной операции наступила долгожданная Победа. На алтарь Победы сложили свои головы до 2-х тысяч бойцов и командиров. Только в Сентябрьском наступлении погибло 336 воинов.

До сих пор победа, одержанная Абхазией над Грузией, удивляет весь мир. Свое позорное поражение Шеварднадзе объяснил тем, что Грузия проиграла войну не абхазам, а регулярным частям российской армии. Не было и не воевало никаких российских частей и подразделений на стороне Абхазии. Воевали российские добровольцы.

Я попытаюсь **тезисно** определить главные, на мой взгляд, факторы, приведшие наш народ к победе.

1-й фактор – это сплоченность и единство абхазского народа, и его решительный настрой на защиту отечества. Если абхазы ре-

шительно не встали бы на защиту Родины, то никто не пришел бы на помошь, и необходимости в этом не было бы.

2-й фактор – это добровольческое движение в поддержку Абхазии. В начале войны грузины вполне могли провести блицкриг, если бы не добровольцы Северного Кавказа. Здесь очень велика роль Конфедерации горских народов Кавказа под руководством Юрия Магомедовича Шанибова. Именно по призыву Конфедерации направились в Абхазию через Главный кавказский хребет достойные сыны Кавказа. Их примеру последовали казаки Юга России, добровольцы из всех частей Российской Федерации, а также представители абхазской и всей кавказской диаспоры из Турции и Сирии.

3-й фактор – это поддержка абхазского сопротивления национальными общинами Абхазии. Твердый настрой абхазов защищать Родину, оказал существенное влияние на русских, армян, греков, турков и другие национальности, проживающие в Абхазии. Постепенно они стали вступать в ряды абхазских формирований.

4-й фактор – российский. Если в начале войны российская исполнительная власть была явно на стороне Шеварднадзе, то за тем, под давлением северокавказских народов, российского парламента, под влиянием настроений рядовых россиян, она заняла более гибкую, осторожную позицию.

5-й фактор – наличие абхазской государственности со всеми его атрибутами. Имевшиеся перед войной государственные структуры, позволили оперативно, в ходе войны, создать органы военного времени и сформировать армию.

6-й фактор – наличие достойного национального лидера во главе государства, в данном случае в лице Владислава Григорьевича Ардзинба. Народ верил ему и сплотился вокруг него.

7-й фактор – создание боеспособной армии. Это основа нашей военной победы.

Абхазская армия с лета 1993 года на голову была выше грузинской по боеспособности, дисциплинированности и выучке. Это и позволило победить многократно превосходящего по численности противника, хорошо оснащенного боевой техникой и вооружением.

Сентябрьское наступление 1993 года показало, что абхазские войска были подготовлены к активным, решительным и высокоманевренным боевым действиям. Они умело поражали противника огнем, прорывали в высоком темпе его оборону, громили его во встречном бою, с нанесением ему смелых, дерзких, внезапных ударов, упреждая его в открытии огня. Блестяще показали себя в ближнем и контактном бою.

Личный и командный состав Вооруженных Сил Абхазии в результате военной кампании 1993 г. обогатился опытом ведения боев в специфических условиях – как в городских, так и в горных, научился успешно штурмовать сильные опорные пункты и узлы сопротивления.

Заслуживают высокой оценки не только сухопутные войска, но и действия Военно-воздушных сил (командующий полковник В.А. Эшба), Военно-морских сил (командующий, капитан 2-го ранга Ю.З. Ачба), войск ПВО (командующий Э.А. Аншба), артиллерии (командующий А.А. Кобахия), бронетанковых войск (командир Ф.Л. Авидзба) и всех служб вооруженных сил, успешно решавших общие стратегические задачи в ходе Сентябрьского наступления.

Успешные действия абхазской армии стали возможными благодаря умелому руководству Главнокомандующего Вооруженными Силами Республики Абхазии В.Г. Ардзинба, министра обороны генерал-майора С.А. Сосналиева, начальника Генштаба генерал-майора С.П. Дбар, командующего Восточным фронтом полковника М.Б. Кишмария.

Р.И. Сефербеков,
Махачкала

ИЗ ИСТОРИИ ПРОНИКОВЕНИЯ ХРИСТИАНСТВА И ИСЛАМА В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ КАРАХ

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ
научного проекта №13-01-00079*

Одной из этнических групп аварцев являются карапальцы, проживающие в нынешнем Чародинском районе Республики Дагестан. До присоединения Дагестана в состав России карапальцы входили в Карабахский союз сельских обществ¹. В своем историческом развитии этот союз входил в разные государственные образования. В IV в. до н.э. – IV в. н.э. Карабах, как и другие раннефеодальные образования Дагестана, входил в раннеклассовое государство Кавказская Албания². В IV в. н.э. по ряду причин социально-экономического и внешнеполитического порядка это государство распалось. На его месте с течением времени образовался ряд новых государств, в числе которых был и Серир, возникновение которого исследователи относят к VI в. н.э.³

¹ Нурмагомедов И.Г. Карабахский союз сельских обществ в XIX – начале XX вв. (Вопросы социально-экономического развития и административно-политического устройства). Махачкала, 2007. – С. 3.

² Гасанов М.Р. Дагестан в составе Кавказской Албании (некоторые вопросы социально-экономической и политической истории). Махачкала, 1995. – С. 6-7.

³ См.: Бейлис В.М. Из истории Дагестана VI– XI вв. // Исторические записки. М., 1963. Т. 3. – С. 259; Атаев М.М. «Царство» Серир // Государство

По данным ряда авторов, Серир занимал бассейн четырех рек Койсу, то есть территорию Нагорного Дагестана¹. В.В. Бартольд указывал, что Серир соответствовал области, населенной аварскими народностями². По сведениям Б.М. Атаева, в IX–XII вв. Серир включал в себя территорию между Грузией, Кипчаком, Ширваном и Дербентом³.

Как предполагает И.Г. Нурмагомедов, территория Карабаха также входила в состав Серира⁴. В начале XII века царство Серир распалось, чему в немалой степени способствовало вторжение арабов в Дагестан⁵. На развалинах Серира возникло большое количество отдельных независимых союзов сельских обществ⁶, в числе которых был и Карабахский союз сельских обществ⁷.

Жители Серира были язычниками. Принятие ими христианства относится к VIII–X вв.⁸ Язычество, а затем и христианство исповедовали и карапальцы. Пережитки язычества сохранялись у них и в период существования христианства, вытесненного исламом⁹.

В ходе своего исторического развития карапальцы, как и другие аварцы, испытывали влияние соседней Грузии, которая при царице

и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. – С. 11.

¹ Айтберов Т.М., Гасанов М.Р., Алиев Б.Г. Материалы по хронологии и генеалогии // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986. – С. 147.

² Бартольд В.В. Сочинения. М., 1965. Т. III. – С. 410.

³ Атаев Б.М. Аварцы: история, язык, письменность. Махачкала, 1996. – С. 36.

⁴ См.: Нурмагомедов И.Г. Карабахский союз сельских обществ в XIX – начале XX вв. – С. 20.

⁵ Атаев М.М. Авария в X–XV вв. Махачкала, 1995. – С. 75-76.

⁶ См.: История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. А.И. Османов. В 2-х т. М.: Наука, 2004. Т. 1. – С. 197.

⁷ Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 1999. – С. 65.

⁸ Тахнаева П.И. Христианская культура средневековой Аварии в контексте реконструкции политической истории (VII–XVI вв.). Махачкала, 2004. – С. 34–38.

⁹ Нурмагомедов И.Г. Карабахский союз сельских обществ в XIX – начале XX вв. – С. 21.

Тамаре особенно активно распространяла христианство в Дагестане¹. Процессу христианизации способствовали и традиционные торгово-экономические дагестано-грузинские связи².

Как считает А.Р. Шихсаидов, наличие широких политических связей Серира с Грузией «делает вполне вероятным проникновение сюда христианских элементов еще до X в.»³.

По мнению Д.М. Атаева, время упрочения христианства в Аварии падает на X–XII вв., то есть на эпоху, когда средневековая Грузия достигла вершины своего политического и культурного развития. Именно к этому периоду относится большинство христианских древностей Аварии⁴.

Вероятно, в это же время христианство проникло и к каралальцам, которые имели с Грузией традиционные экономические и культурные связи. О грузинском влиянии и процессе христианизации каралальцев свидетельствуют зафиксированные Г.Х. Ичаловым топонимы («больоназул риштИ» – «загон для свиней», «больоназул бокъал» – «свиные хлева» и т.д.), предания о грузинском происхождении некоторых поселений, тухумов, личных имен, памятников культовой архитектуры (церкви), могильников, крестов⁵.

¹ Тахнаева П.И. Христианская культура средневековой Аварии в контексте реконструкции политической истории (VII–XVI вв.). Махачкала, 2004. – С. 39–60; Криштопа А.Е. Дагестан в XIII – начале XV вв.: Очерк политической истории. М., 2007. – С. 60–61.

² См.: Гасанов М.Р. У истоков братства: Некоторые вопросы развития дагестано-грузинских взаимоотношений. Махачкала, 1986; Он же. Исторические связи Дагестана и Грузии. Махачкала, 1991; Атаев Б.М. Аварцы: история, язык, письменность. – С. 45.

³ Шихсаидов А.Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1957. Т. 3. – С. 62.

⁴ Атаев Д.М. Христианские древности Аварии // Ученые записки Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1958. Т. 4. – С. 161–182; Он же. Нагорный Дагестан в раннем Средневековье. Махачкала, 1963. С. 209.

⁵ Полевой материал, собранный Ичаловым Г.Х. в 1975 г. // Рукописный фонд Института ИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 558. Л. 73,91.

В XII–XV веках происходит активное проникновение ислама в Дагестан¹, чему способствовало ослабление влияния Грузии². Процесс исламизации горных районов Дагестана, в частности Карабаха, не был связан с арабскими завоеваниями. В IX–X веках арабы «перестали быть носителями ислама в Дагестане, где с самого начала IX в. наступила мирная полоса»³. Их место заняли мусульмане Ширвана во главе с чисто мусульманской династией⁴.

С конца XI века эстафету распространения ислама в Дагестане, особенно в его горной части, принял Кумух, куда стекались гази – «борцы за веру», которые «рекрутировались из обнищавших в результате становления феодальных отношений общинников»⁵.

Устная же традиция каралальцев связывает распространение ислама в Карабахе с именем шейха Абу Муслима⁶.

Христианство сохраняло свои позиции в Аварии, видимо, и в первой трети XIV в. Серьезный удар христианству был нанесен Тимуром, при котором аварские нуцалы становятся проводниками исламской политики⁷.

Как считает А.Р. Шихсаидов, к концу XIV в. ислам в Аварии уже занял прочные позиции и сделался государственной религией. Лишь к концу XVI в. ислам приобрел статус официальной религии

¹ Шихсаидов А.Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. – С. 76.

² Кавказ и Кавказская война: Публичные лекции, читанные в зале Пассажа в 1860 г. Генерального штаба полковником Романовским. СПб., 1860. – С. 71.

³ Гаджиев М.Г., Давудов О.М., Шихсаидов А.Р. История Дагестана (с древнейших времен до конца XV в.). Махачкала, 1996. – С. 207.

⁴ Шихсаидов А.Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан. – С. 72.

⁵ Ахмедов Ш.М. К вопросу о распространении ислама в Дагестане // Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала, 1975. Т. 2. – С. 123.

⁶ См.: Бобровников В.О., Сефербеков Р.И. Абу Муслим у мусульман Восточного Кавказа (к истории и этнографии культов святых) // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. М.: «Вост. лит.» РАН, 2003. – С. 154–214.

⁷ Атаев Д.М. Нагорный Дагестан в раннем Средневековье. – С. 210–211.

во всех дагестанских феодальных обществах и многочисленных союзах сельских обществ¹.

О времени принятия карапальцами ислама известно по данным того же А.Р. Шихсаидова, который писал, что «в 1485 году общество Гидатль стало мусульманским, а общество Караж принял ислам за сорок лет до гидатлинцев»².

По данным М.М. Гусейнова, «распространяемый из Кумуха ислам в 1435 г. утвердился в Караже»³.

Однако имеются и более ранние свидетельства исламизации карапальцев. В своем историческом арабоязычном сочинении «История Тледока», события которого относятся ко второй половине XIV века, Мухаммадрафи аш-Ширвани повествует о завоевании курейшитами Султанаахмадом и Алибеком вилайята Каражи в семьсот двенадцатом году хиджры (1312-13 гг.)⁴.

О том, что распространение ислама в Караже происходило не всегда мирным путем, помимо приведенного источника, свидетельствуют и полевые материалы И.Г. Нурмагомедова⁵.

Таким образом, приведенный материал свидетельствует о том, что процесс христианизации карапальцев продолжался с X по XIV вв., а ислам утвердился у них в XIV–XV вв.

В.А. Нюшков,
Сухум

АБХАЗИЯ И АРАБСКИЙ ХАЛИФАТ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VIII в.

Возникнув в результате мусульманских завоеваний в VII–IX вв. как арабское теократическое государство раннефеодального типа, Арабский Халифат по своим размерам превзошел Римскую империю, воврав в себя, в результате победных войн и значительные территории: «начав военные действия за пределами Аравии в 30-х годах VII века, в том же столетии завладел Сирией, Палестиной, Египтом и другими восточными провинциями Византийской империи, подчинил себе Иран, вторгся в Северную Африку, Закавказье и Среднюю Азию. В течение одного века он завоевал огромную территорию, номинально простиравшуюся от Атлантического океана и границ Южной Франции на западе до Индии и Западного Китая – на востоке»¹. Идеологией Арабского Халифата стал ислам. Само слово арабы в Средневековье означало мусульманин. «Всех сразу, одним словом. Безразлично, о народах ли Аравии, Египта или Сирии шла речь. Мусульманин, значит, араб. Десятки народов в одночасье стали арабами»².

Что же касается самого понимания хода арабского завоевания и его последствий в Восточном Причерноморье (в Закавказье), в

¹ Шихсаидов А.Р. Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М.: Вост. лит. РАН, 2001. – С. 4, 29.

² Шихсаидов А.Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII–XV вв.). Махачкала, 1969. – С. 203–209.

³ Гусейнов М.М. История селения Бацада. Махачкала, 1993. – С. 5.

⁴ Мухаммадрафи аш-Ширвани. История Тледока // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. – С. 145.

⁵ Нурмагомедов И.Г. Каражский союз сельских обществ в XIX – начале XX в. – С. 22–23.

¹ Климович Л.И. Книга о коране, его происхождении и мифологии. – М., 1986. – С. 70.

² Мурад Аджи.– Средневековая история тюрков и Великой Степи. – М. 2001. – С. 49.

том числе и на территории современной Абхазии, то оно основывается, прежде всего, на письменных источниках, с конца VII века (Феофана Хронографа, Абу-л-Абаса ал-Балазури, ат-Табари, Моисея Каганкатваци и др.), к этому же времени перестаёт фиксироваться и сама знаменитая Цебельдинская археологическая культура, судя по отсутствию в конце VII века апсилийского материала. В этой связи Ю.Н. Воронов предположил, опираясь на анализ соответствующих письменных источников, что «основную роль в гибели Цебельдинской культуры должно было сыграть нашествие арабов»¹, что несколько сомнительно². Именно этот период более всего чётко вырисовывается как начало распространения влияния Халифата на Западный Кавказ, вплоть до конца VIII века.

Между тем, первое сражение абхазов с арабами произошло далеко за пределами Абхазии ещё в середине VII в. на армянской земле, когда по приказу халифа Османа арабский полководец Хабаиб ибн-Маслама вторгся с большим войском в Армению. Арабский историк Ал-Балазури, явившийся одним из первых исламских историков IX века, в своей работе «Книга завоеваний стран» («Китаб – футух ал-булдан») отмечает, что арабы неожиданно столкнулись там с союзниками армян, «вспомогательными отрядами» абхазов, алан и хазар, приглашёнными патрикием Армениака³. В

¹ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. – М., 1975. – С. 152.

² Связывать прекращение Цебельдинской культуры с арабскими вторжениями в Абхазию (в её исторических этнополитических областях: Абагия и Апсилия), по последним данным, возможно, преждевременно, поскольку такая постановка темы не вполне коррелируется со стадией IV/11, в которой верхняя дата существования означенной культуры обозначена 640/670 гг. (Казанский М.М., Мастькова А.В. Федераты в империи: эволюция некрополя Циблиум (II – VII вв.) // Вторая Абхазская Международная археологическая конференция (8 – 12 ноября 2008 г.). Материалы конференции. – Сухум. 2011. – С. 110). Появление же арабов впервые на территории Абхазии – Апсилии и Мисиминии следует, скорее всего, датировать годами между 698 – 700 гг.

³ Хонелия Р.А. Некоторые вопросы политической истории Абхазии VI – VIII вв. по данным армянских источников // Сборник научных трудов аспирантов. Сухуми. 1967. – С. 209; Гунба М.М. Абхазия в первом тысячелетии н.э. (социально-экономические и политические отношения). – Сухум. 1989. – С. 198.

последующее время абхазы уже воевали с арабами на собственной территории, отбиваясь от них.

Как известно, в последние годы правления императора Ираклия Византийская империя в борьбе с арабами потерпела ряд поражений и потеряла Сирию и Палестину. В начале 40-х гг. пал Иран, после чего путь арабам в Закавказье был открыт. Их проникновение происходило за счёт вытеснения влияния Византийской империи в Закавказье. Первой страной, почувствовавшей удар, стала Армения. В 640 г. арабы вторглись в Армению и взяли ее столицу Двин. Стремясь закрепиться в ней, арабы предприняли ряд походов в Малую Азию. Они укрепились в области Мелитины в пограничной зоне к западу от центральных армянских земель и оттуда наносили удары по ромеям. Дабы обеспечить безопасность своим новым приобретениям, Халифат неоднократно совершил вторжения в центр Малой Азии, порой доходя до Константинополя. Так, «ежегодно с 663 по 667 гг., арабы грабили римские земли Малой Азии, уводя множество пленных и окончательно разоряя римские земли земледельцев и города»¹. Византийцы упорно сопротивлялись, сдерживая натиск арабов, однако в 692 г. войска византийского императора Юстиниана II потерпели поражение и для достижения мира вынуждены были отказаться от Армении (восставшей против Византии), вслед за которой арабы захватили и расположенную севернее Картли, прочно утвердившись в ней, о чём свидетельствует тот факт, что они чеканили здесь в это время свою монету. В результате, на рубеже VII – VIII вв., окончательно покорив Армению, а также Картли и Аран (Албанию) вместе с прикаспийскими областями, арабы сформировали провинцию Халифата «Арминия» с центром в городе Двин². В составе Арабского халифата эти страны будут пребывать до второй половины IX века, когда на развалинах Арминии возродились независимые армянские, грузинские и албанские государства эпохи Багратидов³.

¹ Величко А.М. История византийских императоров. От Юстина до Феодосия III. – М., 2012. – С.356.

² Тер-Гевондян А.Н. Армения и Арабский Халифат. – Ереван. 1977. – С.74.

³ Шагинян А.К. Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. – СПб. 2011. – С. 6.

Таким образом, если ранее объектом арабских вторжений оказывалась лишь Картли, то теперь настало очередь и самой Лазики. «Появление сильного противника на восточных границах Лазики и политическая анархия, вызванная острой борьбой за престол в самой Византии в конце VII – в начале VIII вв. создали благоприятную обстановку для усиления сепаратистских настроений в Колхиде»¹. На ослабление позиций Византии в этом регионе указывает переход на сторону арабов в 696-97 гг. патриархия Лазики Сергия и её столицы г. Археополиса. «Возмущился также Сергий, патриарх Лазики и Варнукия, и отдал земли сии аравитянам в подданство»². В начале VIII в. арабы захватили также некоторые крепости по Кодорскому ущелью (в центральной Апсии)³. Об этом свидетельствует и византийский историк Феофан Хронограф. Из его сведений становится известно, что арабы вместе с Лазикой захватили Апсиию и Абастию, население которой также предприняло антивизантийские действия, желая тем самым освободиться от подчинения Византийской империи. Однако правитель Апсиии Марин не поддержал действия, предпринятые абасгами, они остались союзниками византийцев. Отсутствие же среди перечисляемых Феофаном областей (Абасгия, Лазика, Иверия), в которых господствовали сарацины (арабы) в 717 г., области Апсиии указывает на то, что она по-прежнему находилась в сфере влияния византийской имперской администрации⁴.

В итоге, в отличие от апсилов, абасги открыто заняли проарабскую позицию, выступив, таким образом, вместе с армянами и лазами против имперского присутствия на Кавказе, и это вполне

¹ Воронов Ю.Н. Колхида на рубеже средневековья. Научные труды. Том первый. – Сухум. 2006. – С. 373.

² Летопись византийца Феофана (в переводе с греч. В.И. Оболенского и Ф.А. Тарновского, с предисловием О.М. Бодянского). – М., 1884. – С. 271.

³ В то же время, надо подчеркнуть, что ромеи сумели удержать в своих руках частично побережье Колхиды (район г. Фасиса). Арабам удалось присоединить к провинции Арминия только Картли до Аланских ворот Кавказского хребта.

⁴ Чичуров В.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. – М., 1980. – С. 65.

понятно и объяснимо, народы Закавказья всегда и в эпоху императора Юстиниана I, и в последующие эпохи Византийского владычества испытывали колониальный гнёт и желание освободиться путём другой, даже пусть грозной силы, было превыше всего. Правда, И.Ш. Агрба считает, что византийские власти инкриминировали абхазам пособничество арабам с целью расстроить дружественные отношения между абасгами и аланами¹.

В это время серьёзная ситуация сложилась и на Северном Кавказе. Здесь нападению Арабского Халифата подверглись Хазарский каганат и Алания, сохранявшие так же, как и Апсиия, лояльность и союзнические отношения с Византийской империей. По сведениям арабского историка и богослова Ал-Дахаби, аланы сами же подвергались насилию со стороны арабских завоевателей: отрывок из «Истории ислама» «информирует нас о том, что в 724 г. ал-Джаррах Абд Аллах ал-Хаками вторгся в Хазарию через Дарьяльский путь, и что на следующий год он собрал подати с аланов, как подушную, так и поземельную»². Поэтому нет ничего странного в том, что аланы испытывая враждебность к арабам и их союзникам, сами при этом выступали часто союзниками византийцев, о чём и свидетельствует Феофан Хронограф, красочно описавший вояж будущего византийского императора, спафария Льва Исавра, через земли Лазики и Апсиии в Аланию. Он был послан сюда специально императором Юстинианом II, заподозренный им в неверности. Согласно Феофану, Юстиниан не хотел вредить ему явно, но в нем осталось тайное подозрение к Леону, которого и послал он в Аланию с деньгами, чтобы возбудить аланов против Авазгии. «Лев, прибыв в Лазику, деньги оставил на хранение в Фасисе. Взяв с собой немного местных жителей, он отправился в Апсиию, и, преодолев Кавказские горы, пришёл в Аланию»³. Далее, летописец,

¹ Агрба И.Ш. Абхазское царство и Византия (VIII – X вв.). – Сухум. 2011. – С. 61.

² Цит. по: Августи Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М., 2003. – С. 324.

³ Чичуров В.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. – М., 1980. – С. 65.

стремясь отобразить, что бывает с теми, кто пошёл против империи, раскрывает весь дипломатический талант Льва Исаура, наказавшего руками аланов непокорных абасгов¹.

Таким образом, в частности, интерпретируя сведения Феофана Хронографа, Августи Алемань заключил, что «этот эпизод представляет фрагмент из истории борьбы между Византией и халифатом Омейадов в VII – VIII вв. за господство над кавказскими землями»². И в данном случае византийцы с помощью Льва Исаура и алан в 708-709 гг. смогли запугать абасгов, и прежде враждебные Византии абазги оказываются её союзниками и подданными. Такой манёвр дал империи в 730-х гг. возможность создать в Восточном Причерноморье форпост своей власти в лице Абасгии и Апсиили, что в дальнейшем спровоцировало следующие арабские походы³.

Между тем, надо учитывать один очень важный момент – появление арабов в Западном Закавказье носило определённый смысл, и это не был простой захват территории, подчинявшихся Византийской империи и установление на них своего господства. В первую очередь, это было создание плацдарма на этих территориях против главного своего противника на Северном Кавказе Хазарского каганата, и в этом смысле данный регион для Арабского Халифата имел стратегическое значение, заключавшееся в том, чтобы обойти каганат с западной стороны и ударить ему в тыл, через земли аланов, создавая, таким образом, «широкий фронт борьбы против Хазарского каганата на всём протяжении Главного Кавказского хребта»⁴.

Неслучайным кажется и то, что в начале VIII в. арабы размещаются (как выше упоминалось) в крепостях Кодорского ущелья

¹ Там же. – С. 66.

² Августи Алемань. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. – М., 2003. – С. 273.

³ Виноградов А.Ю. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII – первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. Вып. 1. – Краснодар. 2013. – С. 173.

⁴ Хонелия Р.А. Некоторые вопросы политической истории Абхазии VI – VIII вв. по данным армянских источников // Сборник научных трудов аспирантов. – Сухуми. 1967. – С. 212.

(для более мелких вторжений на Северный Кавказ и Хазарию) и в столице Лазики Цихе-Годжи. Их утверждение в Закавказье, – пишет М.И. Артамонов, сопровождавшееся организацией там своего управления, привело к новым столкновениям с хазарами, которые в дальнейшем выступают против арабов не только самостоятельно, но и как верные союзники империи¹. Хазары не раз оттягивали на себя силы арабов и тем самым давали Византии возможность спастись от разгрома. В результате естественной преградой между двумя враждующими сторонами (Хазарского каната и Арабского Халифата) стал Большой Кавказ. «Борьба за контроль над горными проходами стала одной из стратегических задач соперничающих сторон. Наиболее кровопролитные сражения развернулись за Дербентский проход и Дарьялский перевал – «ворота алан». Другие, менее известные пути пролегали западнее Дарьяла, сходясь в Зарамагской котловине». Здесь, в стратегически важном месте, находятся остатки древнего оборонительного сооружения – Касарского укрепления, защищавшего от угрозы с севера. «Обладание им обеспечивало контроль над пролегавшими через котловину перевальными путями»².

Похожая ситуация наблюдается и в Абхазии, а именно, в Апсиили, с её центром в Цебельдинской долине. Здесь проходила одна из важнейших того времени магистралей (Даринский путь), соединявшая как Северный, так и Южный Кавказ, через Клухорский перевал, далее, северо-западнее ещё один был удобный для перехода – Санчарский перевал. Тут же недалеко от Даринского пути, также на стратегическом важном месте располагалась крепость Сидерон, называвшаяся также и Железной за свою неприступность.

Согласно Феофану Хронографу, по возвращению из земель аланов и наказания враждебных византийцам Лев Исаур вновь оказался в Апсиили, здесь он нашёл часть войска, бежавшего от арабов и скрывавшегося в ущельях. Взяв их с собой, спафарий,

¹ Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962. – С. 202.

² Албегова З. Арабский форпост в горах Центрального Кавказа // Достояние поколений. №1 (8). – М., 2010. – С. 35–37.

из-за невозможности выйти другой дорогой, осаждает стратегически значимую Железную крепость. Описывая данное событие, византийский историк отмечает: «*Там была крепость, называемая Сидерон, топотеритом которой был некто по имени Фарасман. Он попал под власть сарацин, но сохранял мир и с армянами*»¹, вследствие чего некоторыми исследователями был сделан вывод, что он был армянского происхождения и являлся местоблюстителем (топотеритом) в этом районе Западного Закавказья. Осада Сидерона и безуспешное сопротивление проарабского гарнизона и последовавшее вслед за ним сражение, в котором приняли участие ромеи, 50 аланов (сопровождавшие Льва Исавра) и, главное, 300 апсилейцев, во главе с «*первым среди апсилов*» Марином, который пришёл на помощь Исавру, решили судьбу гарнизона Сидерона. После взятия крепости, успешно выполнив антиарабскую миссию, Лев Исавр посетил резиденцию Марина², которая находилась, по-видимому, на горе Шапки в 7 км. от Цабала, известная, по письменным источникам, как Роготория. «*Таким образом, и в начале VIII в. апсилы, в отличие от своих соседей лазов и абасгов, продолжали сохранять традиционную провизантийскую ориентацию*», приходя на помощь византийцам даже в самых тяжёлых условиях³.

Итак, арабы, имевшие общий военный перевес, поставили перед собой задачу окончательно разгромить хазар, представлявших для их интересов в Закавказье большую опасность, превратив не-посредственно данную территорию (включая Абхазию) в один из плацдармов борьбы против Хазарского каганата. Об этом, в частности, свидетельствует армянский историк Моисей Каганкаваци: в конце 20-х годов VIII века арабский полководец Джахар ибн Абдулах аль Хакими (через Апсилию и Клухорский перевал) два раза (в 723 – 725 и 729 – 730 гг.) вторгся в Аланию и Хазарию⁴, оче-

¹ Чичуров В.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. – М., 1980. – С. 67.

² Там же. – С. 67.

³ Воронов Ю.Н. Тайна Цебельдинской долины. – М., 1975. – С. 153.

⁴ Цит по: Анчабадзе З.В. Из истории средневековой Абхазии (VI – XVII вв.). – Сухуми. 1959. – С.92; Хонелия Р.А. Некоторые вопросы политической

видно, по Даринскому пути¹. Всякий раз эти походы носили эпизодический характер, однако имели они серьёзные последствия. Особенно страдали те местности, которые прилегали к главному пути следования арабов (Кутаиси – Археополь – Цебельда)².

К середине 30-х годов VIII в. борьба Арабского Халифата с Хазарией приобретает еще более ожесточённый характер. В 735 г. арабский полководец, наместник Армении, Азербайджана и Джазиры и будущий халиф Мерван ибн Мухаммад прибыл в Закавказье со сравнительно небольшим войском. Он остановился в столице Армении. Двине, чтобы усилить своё войско армянскими воинами. Кроме того для него было остро необходимо иметь надёжный тыл в Армении для серьёзной войны с хазарами³. В 737 г., Мерван ибн Мухаммад во главе многотысячного войска нанес решающий удар по хазарам, напав одновременно через Дербент и Дарьял. В результате сокрушительного поражения хазары были принуждены к миру, который продлился 25 лет⁴. Но перед этим походом, как сообщает М.И. Артамонов, в 735 г. Мерван усмирил в Закавказье восставших грузин⁵, а «к началу 737 г. Мерван окончательно за-

истории Абхазии VI – VIII вв. по данным армянских источников // Сборник научных трудов аспирантов. – Сухуми. 1967. – С.212.

¹ Тем не менее, точно, каким путём прошёл он в Аланию, неизвестно, а возвратился через Аланские ворота, т.е. через Дарьяльское ущелье (Большаков О.Г. История Халифата: в 4-х томах. Том 4: «Апогей и падение арабского Халифата 695–750». – М. 2010. – С. 166). Однако, наиболее удобный путь вторжения в Аланию, представляется, был через Клухорский перевал.

² Воронов Ю.Н. Колхиды на рубеже Средневековья. Научные труды. Том первый. – Сухум. 2006. – С. 376.

³ Большаков О.Г. История Халифата: в 4-х томах. Том 4: «Апогей и падение арабского Халифата 695–750». – М., 2010. – С.186. Между тем, наместником Закавказья вместе с Северной Месопотамией Мерван был назначен в 732 г. Это подтверждают и мусульманские авторы. Но начать своё наступление против хазар он смог только в 737 г. (Шагинян А.К. Армения и страны Южного Кавказа в условиях византийско-иранской и арабской власти. – СПб., 2011. – С. 243).

⁴ Албегова З. Арабский форпост в горах Центрального Кавказа // Достоиние поколений. №1 (8). –М., 2010. – С.38

⁵ Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962. – С.218.

мирил Закавказье и был готов к решительной схватке с хазарами¹ на Северном Кавказе, обеспечив, тем самым, себе тыл на Южном Кавказе. Таким образом, разгромив хазар под Дербентом и алан, Мерван в 737 г., как гласит текст Ибн ал-А'сама, «двинулся со всей своей армией в 150 тысяч человек кратчайшим путём к столице хазар на Нижней Волге, к ал-Бейда, позже известной под именем Итиля, не отвлекаясь никакими побочными целями и не уклоняясь ни на Кубань, ни на Дон. О том же свидетельствуют, но очень кратко и поэтому не вполне ясно и убедительно, и другие арабские авторы – Ибн ал-Асир и Ибн Халдун (1332–1406)»².

Однако, иногда слепое следование порядку изложения событий в средневековых арабских источниках, сопряжённых с той или иной датой, ставит перед нами проблему соотношения с датировкой как самих событий, так и упоминаемых в иных (в не арабских) источниках. В данном случае это может относится и к Анакопийскому сражению³, разыгравшемуся у одноимённой крепости, основная линия стен которой была возведена в конце VII в. при непосредственном участии византийцев, встроенных новыми вторжениями арабов.

Следует заметить, в этой связи, что сведения о сражении сохранились только в двух древнегрузинских письменных источниках; это – «Житие и деяния Вахтанга Горгасала» Джоаншера Джоаншериани и раннесредневековое анонимное сочинение «Мученичество Давида и Константина»⁴. По их противоречивым сведениям:

¹ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990. – С.184.

² Артамонов М.И. История хазар. – Л., 1962. – С. 223.

³ Фиксируемая в историографии датировка сражения определяется 737–738 гг., что не коррелируется с началом похода Мервана в Хазарию. В частности, А. Шагинян, сопоставив сведения ат-Табари, а также ал-Куфи (их упоминания о «грязном походе» в 732 г.) и Джоаншера Джоаншериани (рассказывающего о непрекращающихся ливнях во время похода Мервана), полагает, что поход Мервана в Картли, а затем в Лазику и Абхазию следует датировать концом 732 г., в сезон начавшихся ливневых дождей (Шагинян, 2011. С. 241).

⁴ Амичба Г.А. Новый Афон и его окрестности. – Сухуми 1988. – С. 37.

Мерван ибн Мухаммад обошел все земли Кавказа, разорил Восточную и Западную Грузию, преследуя грузинских картлийских царей Мира и Арчилы, которые бежали в Абхазию. По пути он «захватил все города и крепости, в том числе трехградную крепость Цихе-Годжи, преодолел пограничную Клисурскую стену». Вступив в Абхазию, он «разорил город Абшилии Цхум. Затем подступил к Анакопийской крепости» и взял её в осаду, сам же арабский военачальник «расположился лагерем у Питиоты, в городе на морском побережье, именуемом Цхум»¹. Однако выгодное стратегическое положение и укреплённость крепости в Анакопии, а также отвратительная экосистема местности и последовавшее затем сражение сорвали все планы Мервана по захвату Абхазии и, вероятно, дальнейшее продвижение на северо-запад, и он отступил. Неизвестно, «как бы сложилась будущая карта Восточной и Западной Европы, если бы арабы захватили Анакопию»². В этом смысле поход Мервана в Абхазию может быть понят как попытка найти северо-западный проход на Северный Кавказ³. В то же время неудачный его поход, очевидно, не затронул горную крепость Сидерон, но уже после следующего похода нового арабского военачальника серьёзный удар был нанесён византийцам и в этой части Восточного Причерноморья⁴.

Как сообщает Феофан Хронограф, в 738 г. арабский полководец Сулейман ибн-Исам, направившись в горную территорию Абхазии, вступил в Апсилию и осадил Сидерон, где укрывался сын

¹ Цит по: Сообщения средневековых грузинских письменных источников об Абхазии. Тексты собрал, перевёл на русский язык, предисловием и комментариями снабдил Г.А. Амичба. – Сухуми. 1986. – С. 9, 23, 26.

² Бгажба О.Х., Лакоба С.З. История Абхазии с древнейших времён до наших дней. – Сухум. 2007. – С. 119.

³ Однако не может не настораживать тот факт, что арабские источники, подробно описав значимые походы Мервана, ни слова не упомянули о грандиозном походе арабского военачальника в Западное Закавказье. Странно и то, что об этом молчат и другие письменные источники: византийские, армянские и персидские (известные нам).

⁴ Виноградов А.Ю. Византийская политика в Восточном Причерноморье (вторая половина VII – первая половина X в.) // Древности Западного Кавказа. Вып. 1.– Краснодар. 2013. – С. 162.

«блестательного патриция» Марина, правитель апсилов Евстахий, руководствуясь при этом главной целью продолжить наносить превентивные удары по Хазарии со стороны Апсилии. «В сем году (738 г.) Сулейман, сын Исама, имел поход в римские земли; взял осадою так называемую железную крепость и отвел в плен Евстахия, сына Марина патриция»¹. За отказ принять ислам, Евстахий был казнён. Впоследствии он был причислен к лику святых.

Кстати, следы последней битвы на территории Абхазии с арабами сохранились и по сей день. Так, в Цибилиуме (Цабале) поверх наиболее поздних (VI – VII вв.) культурных отложений обнаружено огромное число речных булыг весом до двадцати пяти килограмм каждая, служивших в качестве катапультных ядер. За четыре километра подвозили осаждавшие эти боеприпасы, с помощью которых были пробиты бреши в стенах. Через них устремились арабы на охваченную пламенем территорию внутри стен, где скрывался апсилийский гарнизон².

Итак, можно говорить, что в первой половине VIII в. в Абхазии было совершено 4 арабских похода: 1) в начале века, 2) в конце 20-х годов (арабский полководец Джахар ибн Абдулах аль Хакими), 3) начало – середина 30-х годов (Мерван ибн Мухаммад) и 4) 738 г. (Сулейман ибн-Исам).

Возвращаясь к сражению под Анакопией и поражению под её стенами арабов, следует отметить, что данное обстоятельство сыграло решающую роль в истории Восточного Причерноморья, дав возможность Абасскому княжеству, выдвинувшись в лидирующее положение за счёт обескровленной арабами Апсилии и Лазики. И дальнейшая трансформация княжества в царство произошла при активном участии, имевших близкородственные связи с абасскими царями, хазар, которым, как и византийцам, необходимо было сильное союзное христианское раннефеодальное государство, способное противостоять арабам.

¹ Летопись византийца Феофана (в переводе с греч. В.И. Оболенского, и Ф.А. Тарновского, с предисловием О.М. Бодянского). – М., 1884. – С. 301.

² Воронов Ю.Н. Колхиды на рубеже Средневековья. Научные труды. Том первый. – Сухум. 2006. – С. 378.

М.А. Гизбулаев,
Махачкала

ТАРИХ ХАЛИФА ИБН ХАЙАТ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ДАГЕСТАНА В VII – VIII вв.

Сочинения арабских историков и географов IX – XIV вв. о Кавказе являются предметом исследования как в зарубежной (Й. Маркварт, В. Ф. Минорский), так и российской историографии (М.И. Артамонов, С.В. Юшков, Б.Н. Заходер, В.М. Бейлис, А.Р. Шихсаидов и др.). Их изучение стало самостоятельной областью арабистики, и тем не менее сказывается отсутствие полной сводной публикации текстов и переводов, использование сведений арабских авторов в работах по истории народов Кавказа, в частности, Дагестана. Исторические сочинения на арабском языке сохранили весьма ценные сведения по социально-экономической, культурной и политической истории народов Дагестана. Фрагментарность извлечений из арабских источников и скудность источников базы не дает возможности исследователям обстоятельно изучить средневековую историю народов Дагестана.

Данная работа является фактически первой попыткой системного исследования арабских исторических сочинений о средневековом Дагестане (VI–XII вв.), которая выполняется в отделе древней и средневековой истории Дагестана ИИАЭ ДНЦ РАН. Целью данного доклада является освещение сведений по истории Дагестана в VII – VIII вв. на основе перевода, интерпретации и комментирования выдержек из сочинения Халифы ибн Хайата, относящихся к истории народов Кавказа. Сведения, отраженные в его труде, от-

носятся ко времени правления третьего Халифа 'Усмана ибн 'Аффана (644–656 гг.) и Умайядских халифов: 'Абдулмалика ибн Марвана (685 – 705 гг.), Валида ибн 'Абдулмалика (705–715 гг.), Йазида ибн 'Абдулмалика (720–724 гг.). Они являются в некоторых случаях уникальными, которые позволяют выяснить даты сражений, размер податей, названия ряда дагестанских городов и княжеств, характеризуют их положение при Халифате.

Из дошедших до нас исторических сочинений самый ранний труд, в котором содержатся сведения о Дагестане – это сочинение Халифы ибн Хайята *Ta'riх Халифа ибн Хайята* («История Халифы ибн Хайята»), которое было завершено после 232-х. г./846 г., как явствует из упоминания этого года, в самом конце книги¹. В настоящее время нет еще полного перевода арабской хроники Халифы ибн Хайята на какой-либо из европейских или восточных языков. Осуществлены только переводы отдельных отрывков по истории арабо-хазарских войн (Т.М. Сипенкова, В.М. Бейлис).² Используемое нами Бейрутское издание 1993 г., включает вводную часть, в которой Сухайл Заккар – сирийский ученый, историк указывает на то, что рукопись истории Халифы ибн Хайята хранится в фонде Публичной библиотеки в Рабате, и известна нам как список Ибрахима ал-Китаби. Издание подготовлено Сухайлом Заккаром, который еще в докторантуре в Лондоне (1964) изучал *Ta'riх Халифа ибн Хайята*.

Мусульманский историк Халифа ибн Хайята ибн Халифа, известен по прозвищу Абу 'Амру Шабаб, а по нисбе ал-'Усфури ат-Тамими ал-Басри был одним из мухаддисов, хронистов, историков и генеалогов, жившим в Басре (ум. 240-х. г./854 г.). Известно, что

¹ Сухайл Заккар. *Ta'riх Халифа ибн Хайята*. Изд. Дару-л-Фикр. Бейрут, 1993. – С.395

² Сипенкова Т.М. «История» Халифы ибн Хайята как источник по истории арабских завоеваний на Кавказе и в Закавказье // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. V. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1980. – С. 76–81; Бейлис В.М. Сообщения Халифы ибн Хайята ал-'Усфури об арабо-хазарских войнах в VII – первой половине VIII в. // ДГВЕ. 1998 г. Памяти А.П. Новосельцева / Отв. ред. Т.М. Калинина. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. – С. 32–53.

он родился в Ираке, в городе Басре в 160/777г. В Басре Ибн Хайята подробно знакомился с исторической наукой, возникшей из хадиса. По мнению немецкого востоковеда Ж. Шахта, в арабской исторической литературе творчество Халифы ибн Хайята показывает подлинно арабский дух и выучку настоящей арабской науки *тариха*¹.

Рассматривая вопрос об источниках *Ta'riх Халифа ибн Хайята*, необходимо отметить, что Ибн Хайята использовал материал двух основных источников для своего повествования – *ал-макалийи* и *ар-расмийи*. К первой группе источников, которые послужили основой для компиляции об исторических событиях и фактах, условно называемой местной, относятся предания жителей (*ар-руват*), которые являлись выходцами из завоеванных мусульманами определенных территорий. Вторая же, известная как официальная, была сводом преданий жителей Медины, поскольку она имела целью дать не только историю Пророка (мир ему), но и историю праведных халифов (*хулафа ар-Рашидун*).

Автор начинает свое сочинение с пояснения понятия *ta'riх*, с введения мусульманского летоисчисления по хиджре и приступает к изложению событий с первого года хиджры, следуя погодному принципу изложения материала до 232-х. г./847 г.

Труд Ибн Хайята имеет важное значение для изучения истории Дагестана, особенно событий, происходивших в середине VII в. и VIII в. Между первымзнакомством мусульманских войск с Дагестаном и временем написания *Ta'riх Халифа ибн Хайята* прошло более полтора века. За это время произошли значительные изменения в интересующем нас регионе и много событий, связанных с Арраном (Албания) и Баб ал-Абвабом. Эти области превратились в военно-стратегические оплоты Халифата и центры, из которых ислам распространял свое влияние на горцев Кавказа.

Так, в сведениях, относящихся к 25 г. х./646г., упомянут один из первых мусульманских военачальников, совершивших поход

¹ Schacht J. *The Kitab al-Tarih of Khalifa bin Hayyat*. *Arabica*, 16, 1969. – P. 79.

на Кавказ – сподвижник пророка Салман ибн Раби'а,¹ которому приписывают завоевание ряда городов и княжеств в Дагестане: «Усман ибн 'Аффан /Халиф/ снял с должности наместника Куфы Са'ида ибн Малика, и назначил на его место Валида ибн 'Укба ибн Абу Му'айт,² последний отправил двенадцать-тысячный отряд во главе Салманом ибн Раби'ой ал-Бахили в поход на Барза'а (بَرْزَاء),³ где он сражался и захватил в плен жителей города». Далее автор исторического сочинения добавляет, что «Барза'а был завоеван Салманом ибн Раби'ой ал-Бахили еще при халифе 'Умаре ибн Хаттабе'.⁴ Судя по сведениям, приводимым арабским историком, мы можем заключить, что причина для вторичного отправления халифской армии под командованием Салманом в Арран была в нарушении местной знатью мирного договора, заключенного с ними еще во времена правления второго халифа. Из источников следует, что Халиф 'Умар поручил завоевание Восточного Кавказа, в частности, ал-Баба⁵ Сураке ибн Амру, в авангарде которого выступил Абд ар-Рахман ибн Раби'а, брат Салмана, который шел на помочь ранее посланному арабскому отряду, которым командовал Букайра ибн Абдуллах ал-Лайси.⁶

¹ Салман ибн Раби'а – видный сподвижник пророка Мухаммада. Сначала он был утвержден халифом 'Умаром в звании судьи в Куфе. После этого Салман не раз участвовал в военных походах на Кавказ, но был убит в одном из сражений с хазарами в г. Баланжар около 650-653 г. (О нем см.: <http://www.sahaba.rasoolona.com/Sahaby/8592/>)

² Валид ибн 'Укба ибн Абу Му'айт – правитель Куфы (25-29 х.г.), являлся сводным братом 'Усмана ибн 'Аффана, из того же рода Умайи, что и сам халиф. О нем см.: Ибн Са'ад. ал-Табакат ал-Кубра. Т.В. – С. 94-110

³ Барда'а, столица Аррана, стала центром халифатской администрации на Кавказе. Она была занята во время правления халифа 'Усмана ибн 'Аффана (уб. 656 г.) на условиях капитуляции.

⁴ Сухайл Заккар. 1993. – С. 114.

⁵ Владения Баб ал-Абваба охватывали в основном сам город Дербент и земли прилегающие к нему с юга и юго-запада. Он находился на важнейшем военно-стратегическом пути и известной торговой трассе мира, что во многом определило ход его исторического развития. См.: Кудрявцев А.А. Древний Дербент. М., 1982. – С.102.

⁶ Ат-Табари. Тарих ар-русуль ва-л-мулук. Каир, 1967. Сер. 1. Т.В. – С. 2263.

На этом не закончилось наступление мусульманских войск на Восточном Кавказе. Ибн Хайят повествует о боевых подвигах Салмана ибн Раби'а. Следующий отрывок, которое, относится к 29 г.х./650 г., позволяет познакомиться с военными событиями указанного периода, сообщает о поражении мусульманских войск и гибели Салмана под Баланджаром: «И прибыл Салман ибн Раби'а в одну из волостей Армении, где он встретил отступающего с боя /с хазарами/ Са'ида,¹ и тогда в авангарде армии пошел Салман в Баланджар,² где последний и погиб, да помилует его Аллах».³ Видимо, данная военная кампания Салмана относится к эпизоду, согласно которому, оказавшись в трудном положении в борьбе с византийцами и местными князьями, которые разделили Армению и обложили подданных тяжелыми налогами, армянский ишхан Теодорос Рштуни обратился за помощью к арабам, и ему было прислано войско Салмана ибн Раби'и ал-Бахили и Хабиба ибн Масламы.⁴ Согласно ал-Куфи, 'Усман послал Хабиба в Армению, после известия о гибели Салмана.⁵

После стабилизации внутреннего политического положения Халифата к концу VII века, арабские войска начали расши-

¹ Са'ид ибн ал-'Ас (ум. 679 г.) – знатный курайшит; был правителем Куфы после Валида ибн 'Укбы.

² Согласно ал-Истахри, который располагал город Баланджар за Дербентом. См.: Ал-Истахрий (Пер. Н.А. Карапулова). – С.18. Сделанный Котовичем вывод о том, что наиболее вероятным местом нахождения Баланджара должно быть междуречье Рубаса и Гольгер-чая, нам представляется достаточно правильным. См.: Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. – С.194.

³ Сухайл Заккар. 1993. С.118. Согласно ал-Балазури, неожиданное столкновение с превосходящими силами хазар в Баланжаре оказалось роковым для Салмана ибн Раби'и и его войска в 653 г. Из четырехтысячного войска спаслись лишь единицы. См.: ал-Балазури, Ф.- Liber expugnationis regionum, auctore Imamo Ahmed ibn Jahja ibn Djabir al-Beladsori... Ed. M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1866. – С. 204.

⁴ Большаков О.Г. История Халифата. Т. 2. Эпоха великих завоеваний, 633-656. Москва, 1993. – С.79

⁵ Куфи. Т. 2. – С. 114.

рение и повторное завоевание территорий, в частности, на Кавказе. В начале VIII в. Халифат возобновил свои походы на Дагестан. Мусульманские войска под командованием Масламы ибн 'Абдулмалика¹ повторно захватили часть территории Дагестана у хазар.² Следующее, интересующее нас упоминание, встречается в разделе 95 г.х./714 г.: «Маслама ибн 'Абдулмалик захватил Баб, расположенный в Армении, и превратил его в развалины. А затем, через девять лет он восстановил его».³ Судя по всему, успех Масламы был кратковременным, и хазарам удалось вернуть Баб под свой контроль, и лишь через девять лет мусульманский полководец, сумел окончательно утвердиться в городе. После чего, Маслама восстановил город и поселил здесь арабских поселенцев,⁴ и таким образом, крепостные стены Баб ал-Абваба стали надежным замком северных границ Халифата для отражения нападений хазар. Маслама ибн 'Абдулмалик с 708 по 733 гг. с тремя перерывами был наместником Армении.

В историческом сочинении Ибн Хаййата есть небольшие подробности о военных действиях другого наместника Восточного Кавказа, Джарраха ибн 'Абдуллаха ал-Хаками⁵, совершивший по-

¹ Маслама ибн 'Абдулмалик (ум. 738 г.) – известный мусульманский полководец, сын умайядского халифа 'Абдулмалика ибн Марвана, был правителем Ирака. Командовал войсками в походах против хазар и Византии. О нем см.: Akbar Shah. History of Islam. Vol 2. Caliphate of Banu Umayya. Darussalam., 2001. – Р.191.

² Семенов И.Г. Первые походы арабского полководца Масламы против хазар (707–714 гг.) // Вопросы истории Дагестана. IV. Махачкала, 2008. – С. 17–18.

³ Сухайл Заккар., 1993. С.238. По сведениям хроники «Дербенд-наме», Маслама отреставрировал башни Дербента... Дал указания отремонтировать разрушенные места города и крепости. См.: Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993. – С. 64.

⁴ Нурмагомедов А.М. Дагестан и Арабский Халифат. Диссер. к.ист.н. Махачкала, 2007. – С. 28.

⁵ Джаррах ибн 'Абдуллаха ал-Хаками (уб. 730 г.) – генерал умайядской армии, который возглавлял военные экспедиции на Кавказ; был представителем знатного происхождения из племени Хакам, а также правителем Армении. О нем см.: Khalid Yahya Blankinship. The End of Jihad State: The Reign of

ходы на алан и хазар. Сведения, которые относятся к 104 г.х./722 г. сообщают, что в «этом году халиф Йазид ибн 'Абдулмалик сменил наместника Армении Ма'аллака ибн Сафара на Джарраха ибн 'Абдуллаха ал-Хаками.¹ И в понедельник от месяца *Рабиул аввал* Джаррахом был взят Баланджар. А затем, на реке Арран,² на расстоянии в двух *фарсахах* (около 10 км.) от Баба, произошло крупное сражение между войсками Джарраха и сына хакана³. В результате сражения сын хакана с армией были разбиты, они были обращены в бегство, и многие из них попали в плен. Также после победного похода Джарраха ибн 'Абдуллаха в Баланджар, он направился в волость (*рустаки*) Хайзан (نَازِيْح) и Базгу (أَوْغَزْبَ),⁴ жители которых попросили у него мирного договора».⁵ Однако, отсутствие дальнейших успехов в борьбе с хазарами и аланами повлекло за собой временное смещение Джарраха с должности наместника Армении в 725 г., и повторное назначение на эту должность Масламы.

Продолжая рассматривать события, последовавшие за действиями халифских наместников на Восточном Кавказе Масламы и Джарраха, следует отметить упоминание Ибн Хаййата о завоевании Марваном ибн Мухаммадом⁶ ряда политических образований

Hisham ibn Abdulmalik and the Collapse of the Umayyads. State University of New York. 1992. – Р. 149.

¹ Возможно причиной смещения Ма'аллака ибн Сафара с должности наместника Армении является поражение, понесенное им в сражении с хазарами в 721 г.

² По мнению А.П. Новосельцева, р. Арран может соответствовать Улу-чаю или Артозеню. См.: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1968. – С.18

³ Более подробно описывает этот поход Ибн ал-Асир. См.: *Ибн-ал-Асир. Тарих ал-Камил. / Пер. А. Жүзе*, Баку, 1940. – С.6.

⁴ Согласно В. Г. Котовичу, город Базгу/Таргу находился примерно посередине между Дербентом и Махачкалой, и видимо был центром Хамрина. Котович В.Г., Котович В.М., Магомедов С.М. Археологические работы на территории средневекового княжества Хамрин // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971–1972 гг. Махачкала, 1973. – С.3–5.

⁵ Сухайл Заккар. 1993. – С. 257.

⁶ Марван ибн Мухаммад – последний халиф (744–750) из династии Умайядов. Именно назначение на должность наместника на Кавказе молодого

Дагестана. Ибн Хайят рассказывает о событиях 117 г.х./735 г. достаточно подробно: «В этот год Марван ибн Мухаммад, правитель Армении и Азербайджана, отправил две военные экспедиции на высокогорные районы Кавказского хребта (جبل قفقاز), в ходе одной из которых были завоеваны три горные крепости (نورسخ), расположенные на территории Алании,¹ а при помощи другой были заняты земли Туман-шаха.² Марван отправил местного правителя Туман-шаха к халифу Хишаму ибн 'Абдулмалику,³ но затем он был им возвращен, и Марван вернул ему владение».⁴ Мы видим, что таким образом Марван провел подготовку к сражению с хазарами: подступы к ним со стороны Баба и Алании были обеспечены.

На этом не закончились завоевательные походы Марвана ибн Мухаммада на Кавказе. Через два года, он направил из Армении войска через Дарьяльский проход (باب الالب) на земли хазар. Сам Марван с войсками вышел к хазарским городам Баланджар, Семендер⁵, и оттуда направился к Байда (пер. с араб. Белая) (بلاضي), где находился хазарский хакан. Город был взят Марваном, однако хакану удалось оттуда сбежать⁶. После этих событий хазары перестали представлять серьезную угрозу интересам Халифата на Кав-

Марвана ибн Мухаммада сделало возможным осуществление крупной военной операции, которая привела к практически полному разгрому хазарской армии. О нем см.: Семенов И.Г. Образование хазарского каганата и его военно-политические отношения с Арабским Халифатом во второй половине VII–VIII веке. Диссер. д.ист.н. Нальчик, 2011.

¹ По всей видимости, эти фортификации контролировали подходы к Дарьяльскому ущелью с севера.

² Туман-шах–титул правителя Тумана (Кумух), одного из княжеств на территории современного Дагестана. См.: История Дагестана. Т.1. М., 1967. – С.126.

³ Хишам ибн 'Абдулмалик – умайядский халиф, правивший в 723–743. О нем см.: Khalid Yahya Blankinship. Указ. соч. 1992.

⁴ Сухайл Заккар.1993. – С.274.

⁵ Семендер – одна из ранних столиц (около Махачкалы) Хазарии приблизительно до 723 г., а затем она была окончательно завоевана мусульманами, и управление хазарами было перенесено оттуда в город Атил (около Астрахани). См.: Артамонов. История хазар. М., 1962. – С.10.

⁶ Сухайл Заккар.,1993. – С.274.

казе, и, что не менее важно, Византия лишилась своего сильного союзника в войне с мусульманами.

Последнее упоминание об исследуемом нами регионе указывается в 121 г.х./739 г., в котором Марван развернул крупномасштабные военные наступления против дагестанских владетелей, после того, как он нанес поражение хазарам. «В этом году Марван ибн Мухаммад из Армении, будучи ее правителем, вступил в земли правителя Сарира, в частности, к его крепости (قلعة سارير)¹, где он убивал и брал в плен. Затем он вступил в крепость (قلعة حماسك)², где находился правитель Сарира (راس سارير)². Последний отступил оттуда в другую крепость, которая называлась Хусрадж /Хунзах (خورشاد)³, там же находился и золотой престол. Затем Марван осаждал эту крепость и зиму и лето, и он / Марван / заключил с ним /правитель Сарира/ мирный договор, с условием доставлять, в качестве дани, ежегодно, по одной тысячи душ и сто тысячи мадиев /1 мади = 19 сах зерна/».⁴ После этих событий идет рассказ Ибн Хайта о покорении Марваном других феодальных владений: Туман⁵, Зи-рубкаран⁶, (نيرمك), Хамрийн⁷ (نيرمك), Маската (в тексте Mac-

¹ Исходя из сведений средневековых арабских авторов, можно сделать вывод, что Сарир был по масштабам Кавказа крупным владением, объединившим целый ряд кавказских народов. См.: Бейлис В.М. Из истории Дагестана VI–XI вв. (Сарир) // Исторические записки. 1963. Т.3. – С.254.

² Арабские авторы сообщают, что Сахиб ас-Сарир – это потомок известного сасанидского полководца Бахрама Джура и получил это прозвание в середине VII в. (Шихсаидов А.Р. и др. Указ. соч. – С.48.

³ Видимо, речь идет о каком-то центре феодального владения, имевшем сильно укрепленную цитадель на территории Сарира.

⁴ Сухайл Заккар.,1993. – С.277

⁵ Туман занимал территорию, населенную лакцами, в современном Нагорном Дагестане.

⁶ Это населенный пункт и одноименное владение, локализующееся в пределах территории Кубачи. См.: Айтберов Т.М. К вопросу об исламизации Зирихгирена. Махачкала, 1988. – С.61.

⁷ Речь идет о хазарской крепости Хамрин в районе совр. гамри-озень и селения Утамыш, Кайакентский район, Дагестан. См.; Аликберов А.К. Эпоха классического Ислама на Кавказе. М., 2003. – С. 159.

дар (رادس م), Лайзана¹ (в тексте Киран (ناریک), Табарсаран² (в тексте Табаристан (ناتسربط) и Филан³ (نالیف), правители которых явились к нему с просьбой заключить с ними мирный договор. Видимо весьма приблизительное знакомство Ибн Хаййата с географией Кавказа привело к тому, что в его передаче некоторые географические названия оказались искаженными.

Таким образом, для изучения средневековой истории Дагестана сведения арабских авторов представляют особую ценность. На основании вышеприведенных данных можно считать, что *Ta'riх Халифа ибн Хайят* («История Халифы ибн Хаййата») заслуживает дальнейшего углубленного изучения.

А. Д. Панеш,
Майкоп

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В истории всего человечества войны являлись всегда страшным бедствием, оставляющим кровавую память и тяжелое наследие потомкам. Однако вопреки простой логике прошлое обычно не становится, как говорили уже древние римляне, «учителем жизни», а само может как бы превращаться в источник новых межэтнических или конфессиональных противостояний и конфликтов. Несмотря на это, горький опыт войн заставляет людей все глубже задумываться над этим вселенским бедствием, искать пути согласия, примирения и взаимного прощения. Появление на то, что и на территории бывшей Российской империи и Советского Союза начинает пробуждаться осознание необходимости вступления на путь «исторического консенсуса» между народами. В пользу этого говорят ежегодно проводимые Дни памяти жертв Кавказской войны. В Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, на Кубани, в Адыгее местная администрация совместно с общественностью воздают должное героям прошлого, павшим в этой жестокой истребительной войне. Сама история Кавказской войны, напоминающая о трагических событиях прошлого, должна призывать не к конфронтации, а к укреплению

¹ См.: Гаджиев В.Г. Государство и государственные учреждения дореволюционного Дагестана – как исследовательская проблема // «Государство и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане». Махачкала, 1989. – С.6.

² Здесь скорее всего ошибка переписчика в указании территории, поскольку имеется в виду княжество Табарсарана, а не Табаристана. Историческая область в юго-восточной части Дагестана, территория по долине Рубас. См.: Минорский В.Ф. Указ. соч. С.126; Ал-Истахрий. Географический словарь // СМОМПК. Вып. XXIX. Тифлис, 1901. – С.17.

³ Сведения о локализации Филана противоречивы. А.К. Бакиханов отождествляет Филан с «нагорным Кумухом, где ныне Казикумух и магалы Акшинские и некоторые аварские». См.: Бакиханов А.К. Гюлистан – Ирам. Баку, 1926. – С.34; А.Н. Генко отождествляет Филан с аварами бассейна реки Аварское койсу. См.: Генко А.Н. Арабский язык и кавказоведение. М–Л. – С. 108.

дружественных отношений между народами Северного Кавказа и всей России.

События Кавказской войны протекали на фоне сложной, неустойчивой и противоречивой внешнеполитической обстановки на Северо-Западном Кавказе. Ситуацию в этом регионе определяло военно-политическое взаимодействие двух основных сил – России и Османской империи. В условиях столь сложной геополитической обстановки и в зависимости от внутренних причин отношения адыгов с сопредельными государствами складывались по-разному и имели неоднозначный характер. Одни из этнотерриториальных групп адыгов оказывались так или иначе в сфере влияния России, а другие – Турции. В этих условиях адыгам приходилось вести вооруженную борьбу за свою самостоятельность.

Взаимоотношения адыгов с Россией не были равнозначными на всем протяжении первой половины, середины и начала второй половины XIX в. Серьезное влияние на их характер оказывали внешнеполитическая ситуация и внутренняя социально-экономическая обстановка. Важную роль играл и общий геополитический курс, проводившийся на Кавказе¹. При этом выявляется определенная закономерность: влияния смены и чередования жесткой и более сбалансированной политической и военной линии на характер российско-адыгских отношений. В этом смысле достоин внимания тот факт, что проводившаяся в первой четверти XIX в. генералом А. П. Ермоловым и вызывавшая осуждение прогрессивных кругов России жестокая военно-карательная политика привела к вооруженной конфронтации с адыгами. Замена в дальнейшем такой политики более умеренным курсом способствовала некоторой стабилизации российско-адыгских отношений.

Определенное влияние на обстановку в северо-западном регионе оказала Крымская война 1853-1856 гг. Англия и Франция пытались использовать местное горское население в борьбе с Россией².

¹ Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб., 2000. – С. 18-19.

² Ибрагимбейли Х. М. Кавказ в Крымской войне 1853-1856 г. и международные отношения. М., 1971. – С. 68.

В 1854 г. лорд Пальмерстон вынашивал планы создания независимого Черкесского государства. Другие западные политики делали ставку на создание Черкесского государства под эгидой Англии, либо под протекторатом Османской империи. Большие надежды Турция, Англия и Франция возлагали на наиба Шамиля Мухаммеда Амина, действовавшего на Северо-Западном Кавказе. Однако их расчеты на привлечение адыгов на свою сторону в войне с Россией не привели к успеху. Населявшие Закубанье адыги и другие кавказские народы не поддержали намерений Турции и ее западных союзников вовлечь их в войну с Россией на Черноморском побережье Северо-Западного Кавказа. Попытка турецких властей заставить адыгов принять «подданство» Османской империи была пресечена ими самым решительным образом. Даже захват в 1855 г. Анапы оккупационным корпусом Турции и союзников по Крымской войне не отразился на решимости адыгов не принимать участия в войне с Россией. Парижский мирный договор (1856 г.), несмотря на поражение России в Крымской войне, признал право на владение Черноморским побережьем Северо-Западного Кавказа.

Характер отношений России с Черкесией определялся политической имамата на Северо-Западном Кавказе. Однако пропаганда и внедрение здесь мюридизма проходили значительно медленнее, чем в Чечне и Дагестане. Адыгское общество не имело достаточной идеологической базы для быстрого распространения этого течения. Слабостью позиций ислама на Северо-Западном Кавказе и среди западных адыгов объясняется тот факт, что хотя «мусульманский фактор» сыграл здесь определенную роль, но он не был решающим в их борьбе за свою независимость. Идеология мюридизма послужила религиозной оболочкой для политической консолидации и борьбы адыгов за свою самостоятельность.

Проникновение адептов мюридизма в адыгскую среду усилило напряженность в их взаимоотношениях с Россией в условиях Кавказской войны. Деятельность наибов Шамиля в Черкесии открыто поддерживалась Османской империей и полутайно Англией и другими странами Запада. Однако это не означает, что они являлись турецкими и английскими «шпионами и агентами».

Внедрение мюридизма в адыгскую среду сопровождалось внутренними экзцессами и борьбой между различными феодально-клановыми группировками. Постепенно это вылилось в противоборство двух основных направлений, возглавленных Мухаммедом Амином и Сефер-беем Заноко¹.

Российско-адыгские отношения нельзя изображать как сплошное противостояние, так как они не имели однообразного характера в различные периоды исследуемой эпохи. Взаимоотношения между Россией и Черкесией определялись сложным переплетением конкретно-исторических факторов. Значительное влияние на их сущность оказывала geopolитическая ситуация и внутренняя социально-экономическая обстановка. Характер русско-адыгских отношений вытекал главным образом из особенностей взаимодействия России с Османской империей, Англией, Францией и другими странами Западной Европы. В равной степени это касается и адыго-турецких отношений, которые не носили однозначного характера и отличались подчас неприязнью и даже враждебностью.

Немаловажную роль в Черкесии сыграла и политика имамата Шамиля на Северо-Западном Кавказе. Проникновение при этом мюридизма из Чечни и Дагестана имело неоднозначное значение для российско-черкесских отношений. Деятельность наибов Шамиля в Закубанье была направлена на дальнейшую политическую консолидацию адыгов в борьбе за свою независимость. Идеи ислама послужили объективно определенным фактором расширения фронта освободительного движения северокавказских народов. Вместе с тем идеология и практика мюридизма в силу социокультурных особенностей развития адыгского общества не получили здесь достаточно широкого распространения.

Российско-адыгские отношения зависели в той или иной мере и от характера социально-экономического развития Черкесии. Сложные внутренние процессы, протекавшие в среде адыгов, влияли на них в прямой, либо косвенной форме. Особое значение при этом имели социальные конфликты, происходившие между адыг-

¹ Чирг А. Ю. Мухаммед Амин на Северо-Западном Кавказе. Майкоп, 2013. – С. 102-103.

ской феодальной знатью и рядовыми массами крестьянства. Классовая борьба среди адыгов оказывала влияние на политическую ориентацию различных их групп и сословий¹.

В первой половине XIX в. у западных адыгов господствовали феодальные отношения. Отличительной чертой адыгского феодализма являлось существование двух типов феодальных обществ – «аристократического» и «демократического». В результате длительной борьбы шапсугских, натухайских и абадзехских крестьян власть феодальной аристократии была свергнута². У «аристократических» субэтносов сохранялось княжеское управление. Народное правление, установившееся у шапсугов, натухайцев и абадзехов явилось политической предпосылкой реформаторского движения в годы наибства Мухаммеда Амина. Именно среди этих субэтносов идеология наиба получила наибольшее распространение.

Борьба адыгов Северо-Западного Кавказа против царской России в XIX в. носила народно-освободительный характер. Она представляла собой широкое движение, в котором принимали участие все социальные слои Черкесии. Боевые действия адыгов в большинстве случаев возглавлялись князьями, дворянами, старшинами, которые нередко выражали общенациональные настроения. Активным участником освободительного движения являлось мусульманское духовенство. Сопротивление адыгов колониальной политике царизма вылилось в народно-освободительное движение. Но адыги, как и раньше, оставались политически раздробленными и это сказывалось на их борьбе за независимость.

Борьба адыгов Северо-Западного Кавказа против царизма была связана и с движением горцев под руководством Шамиля. Движение горцев Чечни и Дагестана с 40-х гг. XIX в. имело ярко выраженную тенденцию к расширению связей с другими очагами освободительной борьбы. Шамиль, всячески стремившийся объединить северокавказских горцев, посыпал к западным адыгам

¹ Покровский М. В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX веков. Краснодар, 1989. – С. 67.

² Кажаров В. Х. Адыгская хаса. Нальчик, 1992.

своих наибов. Они прилагали огромные усилия для политической консолидации черкесов. Наибы добивались также переустройства общественной жизни адыгов с помощью учения мюридизма и внедрения шариата. Однако первые наибы Хаджи-Магомет и Сулейман-эфенди добились незначительных успехов в деле общественного переустройства западных адыгов, а в распространении мюридизма они прибегли к насилиственному внедрению шариата. Не проявили наибы гибкости и в вопросе о правах сословий, что послужило основной причиной их неудач. Деятельность Хаджи-Магомета и Сулеймана-эфендия укрепила позиции мусульманского духовенства и объективно подготовила почву для реформаторской деятельности Мухаммеда Амина.

Западные адыги давно проявляли стремление к политической консолидации. Народное собрание на Пшехе, дефтер 1831 г. и Адагумское собрание 1848 г. были первыми их попытками к объединению. Мухаммед Амин продолжил этот курс и в отличие от своих предшественников сумел добиться консолидации значительной части адыгских субэтносов. Однако пропаганда мюридизма не имела особого успеха у адыгов. В условиях Черкесии, где ислам в XIX в. не пустил еще глубоких корней, мюридизм постепенно утрачивал свою первоначальную сущность и превращался в политическое средство объединения западных адыгов. Мухаммед Амин появляется на Северо-Западном Кавказе в момент наибольшей политической активности западных адыгов. Проведенные им преобразования придали освободительному движению западных адыгов более организованный и сплоченный характер. Однако деструктивное воздействие Кавказской войны не позволило адыгам прочно объединиться и создать государственность. Наметившаяся в ходе освободительного движения тенденция к сплочению в единую народность не смогла в полной мере реализоваться. Процессы политической консолидации в Черкесии протекали довольно сложно и противоречиво. Это объясняется действием многих факторов, как внутренних, так и внешних. Их соотношение во многом зависело от конкретной социально-экономической, политической и geopolитической ситуации.

Одним из негативных факторов политической консолидации западных адыгов являлось противостояние Мухаммеда Амина и Сефер-бея Заноко. Придерживаясь разных политических ориентаций, они разобщали силы адыгов.

Борьба адыгов за независимость имела свои особенности. Во-первых, в ней не было ярко выраженной исламской религиозной оболочки. Во-вторых, большинство представителей класса феодалов и многочисленное крестьянство выступали как одна сила в стремлении отстоять свою независимость. В ходе народно-освободительного движения пробуждалось национальное сознание западных адыгов, возрастало их стремление к сплочению в единое политическое целое. Этот процесс имел общедемократическое содержание.

История адыгов рассматриваемого периода представляет значительный интерес для изучения особенностей и закономерностей политического и социально-экономического развития народов Северного Кавказа в XIX в. Вместе с тем она заслуживает пристального внимания как одна из страниц исторического взаимодействия России и Кавказа.

Т.Х. Алоев,
Нальчик

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ АБАЗСКИХ ОБЩЕСТВ МЕЖДУРЕЧЬЯ БЗЫБИ И СОЧИ В 30-Е ГГ. XIX в.

26 июня 1838 г. находясь в Хизе, что в устье р. Шахе, внимательно наблюдавший за политической жизнью в Черкесии Джеймс Бэлл зафиксировал в своем дневнике весьма впечатлившее его явление. Ввиду высокой информативности сообщения позволим себе привести следующую пространную выдержку из его наблюдения. «Русские, несомненно, могут похвастаться некоторым «реальным» успехом в завоевании этого побережья, в том смысле, что они захватили столько земли, сколько могут контролировать пушки их фортов; но, что касается успехов их морального завоевания, они, бесспорно, прямо противоположны, так как никогда в человеческой памяти, ни даже в преданиях, относящихся к ней, не было такого единения, какое сегодня существует на всем пространстве этих северо-западных провинций, все еще сохраняющих свободное между собой сообщение. Я хочу резюмировать здесь доказательства этого единения, так как этот факт имеет огромную важность... Вдоль побережья жители говорят на трех различных языках: «адыге», который распространен до маленькой речки Бу, являющейся южной границей Нотухача; «абаза», между Бу и Хамишем». О том, какой язык в данном случае подразумевается под этим названием можно судить по следующим наблюдениям Бэлла. Он писал: «Язык азраев заметно отличается от языка адыгов

или черкесов... Существует третий язык, на котором говорят на территории от Вардана до Хамиша и даже далее»¹. Л.Я.Люлье не оставляет сомнений относительно принадлежности данного языка. Он отмечает: «Между землями, населенными с одной стороны Натухажцами, а с другой, Джигетами, находится отдельное племя Убыхи. Из них – прибрежных Черкесы называют Абадзе; живущих же на верховьях речек к хребту – Убыхами². – Т.А.); и «азра», от Хамиша и далее на юг, до границы с Мингрелией. Различие этих трех местных наречий таково, что местные жители, говорящие на одном из них, не в состоянии понимать два других. Некогда жители обоих берегов Хамиша в результате древних распрея относились друг к другу холодно и со взаимной неприязнью, и между ними существовали ограниченные сношения и малая общность чувств. Однако, по мере усиления внешнего притеснения, опасность такого состояния дел стала более очевидной, и два вождя – Джериоко-Оку Ислам, южный вождь, и Хаджи Дачим-Оку, вождь на этом побережье края, – договорились положить этому конец. Этим двум вождям удалось установить столь полное согласие между двумя племенами, что во время двух высадок противника в Ардухаче и в Саше они объединились и душой и телом в своих общих усилиях по их отражению, и можно сказать, что отныне образуют одно сообщество, простирающееся от Гагры до Тоапсе. Территорию от Тоапсе до Пшата можно считать краем второй общности, где главным образом предпринимаются меры достижения согласия с живущими в непосредственной близости абазаками; остальная часть Нотухача, вместе с Шапсуком, образует третью общность, которая во многом самая могущественная из трех и, будучи таковой, оказывает огромное моральное влияние на другие сообщества. Я не раз имел возможность заметить, с каким старанием эти последние пытаются не обидеть первую. Прежние разграничительные линии между Бу и Хамишем полностью стерты, так как вплоть до Гагры

¹ Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837 – 1839 годов. В двух томах. Перевод с английского К.А.Мальбахов. Т.2. Нальчик, 2007. – С.255.

² Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Киев, 1991.

все жители приняли имя «адыге» и объединяются отныне под этим большим национальным именем»¹.

Если принимать во внимание мотивы пребывания Дж. Бэлла в стране адыгов и в целом антироссийскую направленность его деятельности, вполне правомерен скепсис в отношении возможности столь впечатляющего уровня консолидационных процессов у населения, вовлеченного в открытую вооруженную борьбу против главной соперницы Великобритании на евразийском geopolитическом пространстве. Совершенно очевидно, что для того чтобы столь тесное объединение разноязычного населения юго-западного сектора Черкесии, «образовавшее одно сообщество» имело место, одного «внешнего притеснения» было недостаточно. И в этом случае со всей определенностью следует говорить о более глубоких предпосылках, обусловивших складывание подобной этнополитической конфигурации.

Обращение к источникам позволяет вполне здирно представить тенденции, определявшие контуры ключевой рамки этнополитического взаимодействия в указанном субрегионе. Подписание Адрианопольского трактата в 1829 г. закономерно стимулировало поиски оптимальной стратегии эффективного имперского утверждения в закубанской части Черкесии. В русле подобных изысканий находится и записка двух офицеров Кавказского корпуса – генерал-майора Бековича-Черкасского и полковника Гасфорта, датируемая сентябрем 1830 г. Эти авторы, признавая «разделение народа Адиге на разные» составляющие, считали, что его «первое главное племя Абадзе»². В их рапорте констатировалось, что «сюда принадлежат колена» «собственно называемые Абадзе живущие по Черному морю». Показательно, что только после «колена Абадзе» в документе перечисляются (в порядке последовательности) натухайцы, шапсуги, абадзехи и убыхи. Авторы, не игнорируя различия между этими коленами, все же утверждали, что «они вхо-

¹ Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837 – 1839 годов. В двух томах. Перевод с английского К.А.Мальбахов. Т.2. Нальчик, 2007. – С. 43.

² Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Т. VII. Тифлис, 1878. – С.904.

дят в общее военно-политическое соображение». Соответственно и предложенное ими будущее административное деление «ново-приобретенного» края отражало подобное видение. В «рапорте» предлагалось учреждение «1-го» округа», «который мог-бы заключать в себе береговое пространство Черного моря, от устья Кубани до высокого горного отрога, близ Гагры, отделяющего сию полосу земли от Абхазии»¹.

Подобное предложение, несомненно, проистекало из уже сложившихся представлений о характере территориальной дифференциации этнополитических формирований в регионе. Об этом можно судить по сведениям И.Бларамберга о границах между Абхазией и Черкесией, относящихся к первой половине 30-х гг. XIX в. Он писал: «Абазги (абазины), или абхазы, живут в краях, границами которых являются: на юге – река Ингурис, отделяющая Абхазию от Мингрелии; на севере и северо-западе – река Гагрипши, отделяющая абхазов от черкесов»². «Черное море омывает западную границу Черкесии от устья Кубани до реки [Г]агрипши»³. «Гагры, или Гагра, – разрушенный монастырь близ устья реки Гагрипши, являющейся северной границей Абхазии»⁴. Весьма скрупулезное изучение различных аспектов жизни населения региона позволило автору в другом месте выпукло обозначить связь между предложенной им пространственной маркировкой и идентичностью. «Абхазия… называемая местными жителями Абснэ, на юге отделена от Мингрелии рекой Ингурис… на севере и северо-западе река Гагрипши отделяет ее от садзов и других черкесских племен...»⁵. В более детальном изложении данное мнение выглядит следующим

¹ Акты, собранные кавказской археографической комиссией. Т. VII. Тифлис, 1878. – С. 96.

² Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. – С.22.

³ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. – С.22.

⁴ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. – С. 68.

⁵ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. – С. 86.

образом. «Все это пространство (между Мингрелией и крепостью Анапа. – Т.А.) заселено различными народностями, которые по их происхождению и языку могут быть сгруппированы в две основные группы народов: 1) абазы, или абхазы и 2) черкесы, или адыге.

У первых существует пять республик в южной части той территории, о которой мы говорили, эта ее часть называется Абхазия. Считается, что эти республики находятся под властью одного пра-вящего князя Абхазии, который признает главенство России.

Черкесские племена занимают побережье к северо-западу от Абхазии до крепости Анапа, а также левобережье Кубани. У них существуют независимые друг от друга небольшие княжества. Основные племена адыгов расселены вдоль побережья в направлении от северных границ Абхазии до Анапы. Это – садзы, джигеты, пшавы, ясхипши, убыхи и гуайи¹. Очевидно, что в суждениях И. Бларамберга присутствует немало откровенных заблуждений, вносящих путаницу в этнополитическую мозаику описанного им региона. К примеру, можно обратить внимание на чрезмерность упоминания в одном ряду садзов и джигетов, являющихся разными названиями одного и того же этнического формирования. Разумеется, и упоминание пшавов в указанной последовательности должно быть воспринято критически. Здесь, конечно же, речь не могла идти о жителях одного из высокогорных районов на востоке Грузии. Скорее всего, в тексте имеет место грубое искажение наименования «псху». «Ясхипши» также является искаженной формой названия «Эсхорипш», которое выступало в качестве второго наименования садзского общества «Арткуадж». Небезупречно упоминание в этом ряду и убыхов с натухайским подразделением «гуайе». Но как ни странно, Бларамберг, путаясь в деталях, вполне адекватен в осмыслиении реалий более масштабного порядка.

Это подтверждается, в частности, и в работах Ф.Ф. Торнау, который лично исследовал интересующую нас часть Западного Кавказа. Тем показательнее его суждения относительно населения рассматриваемого здесь района, что он, в отличие от предыдущих

¹ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. – С. 74-75.

авторов последовательно опирался на лингвистический принцип определения этнической принадлежности. В этом плане совершенно логично, что Торнау никоим образом не игнорировал имеющейся языковой близости между населением различных ареалов, как он обозначал, «абазинского племени» как черноморского побережья, так и северного склона главного хребта. Между тем данное обстоятельство не препятствовало пониманию им и других, не менее важных аспектов этнополитических реалий в данном субрегионе Кавказа. Поэтому для него было совершенно очевидно, что «проехать за Гагры» с юго-востока на северо-запад означало попасть «к неприязненным черкесам»¹ ввиду того, что, как неоднократно им указывалось, «Абхазия… занимала морской берег от Ингура до Бзыба»². Соответственно и абхазы, по нему, занимали именно этот участок Черноморского побережья³. Далее, он отмечал: «От реки Бзыба до р. Сочи обитают абазины… Называют они себя сами абадзою, иногда и садзами, под каким названием более известны соседям своим…»⁴. И хотя здесь указывалось на распространенность в данном субрегионе абхазского языка «без всякого приметного изменения», ситуация с идиомом садзов-джигетов была не столь однозначной. Во-первых, нельзя игнорировать компетентных оценок, согласно которым речь идет лишь об «отдаленном наречии» абхазского языка⁵. Во-вторых, имеются сведения о еще более радикальном расхождении идиомов к северо-западу и юго-востоку от долины р. Бзыба. Так, в источнике отмечается, что

¹ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Подготовили Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. – С. 65.

² Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Подготовили Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. – С. 66, 171.

³ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Подготовили Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. – С. 483.

⁴ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Подготовили Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. – С. 456.

⁵ Военно-статистическое обозрение восточного берега Черного моря. По рекогносировкам и материалам, собранным на месте, составлял Генерального Штаба Полковник Карльгоф // Исторический обзор Терека, Ставрополья и Кубани. М., 2008. – С. 277.

асадзкуа имело «еще особенное наречие – *асадзисуа*, не похожее ни на абхазский, ни на убыхский язык»¹. И в этом плане не столь важна даже степень взаимопонимаемости между представителями апсуа и асадзкуа, сколь однозначное указание на наличие у последних отдельного эндолингвонима, т.е. названия языка самими носителями соответствующего идиома. Это обстоятельство в свою очередь позволяет согласно двухфакторной этнолингвистической классификации (эндоэтноним + язык) рассматривать садзов, если не в качестве этнической единицы основного уровня, в силу наличия у них единого с северокавказскими абазинами эндоэтнонима, то, по меньшей мере, определенно дивергентным по отношению к абхазам этническим формированием. В этой связи закономерно, что абхазы называли своих соседей джигетов «сохраняя им их название», т.е. отличая от себя². Те, со своей стороны также пользовались в отношении апсуа и населенной им страны, четко маркирующей их терминологией. О том, что в отношении населения, проживавшего к юго-востоку от гагринского хребта, жители более северных районов использовали наименование «псибе», писал еще Дж.Бэлл. Но он ошибочно полагал, что данный термин был инновацией в этнонимической номенклатуре региона, вызванной вышеизложенными им этнополитическими процессами³. На самом деле использование этого термина имело весьма давние традиции. Еще Клапрот, в начале XIX в. писал, что «бсуббех, абассинское племя, живущее... на возвышенностях, начинающихся у снежных гор, и постепенно опускающихся к Черному морю. Они занимают территорию до Согум-Кала»⁴. Он также отмечал: «Согум-Кала, обычно обозначаемая при написании как Сохум-Кала, является главной крепостью турок на побережье Черного моря... недалеко,

¹ Зураб Вианорович Анчабадзе. Избранные труды в двух томах. Т.И. Сухум, 2010. – С. 444.

² Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Киев, 1991. – С. 10.

³ Бэлл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837 – 1839 годов. В двух томах. Перевод с английского К.А.Мальбахов. Т.2. Нальчик, 2007. – С. 43.

⁴ Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Перевод с английского К.А. Мальбахов. Нальчик, 2008. – С. 124.

среди гор, находятся жилища бсуббехов»¹. Весьма определенно о ситуации писал и Ф.Ф.Торнау. Говоря о том, что Абхазия с севера ограничена рекой Бзыбь, он указывал на то, что она «населена народом, называемым черкесами бзыбь от реки этого имени, как и называют себя сами, принимая также название абсуа. Под словом «бзыбь», – продолжал он, – понимается обыкновенно вся Абхазия или весь абхазский народ; абсуа – более частно и служит ответом абхазца при вопросе ему, какого он происхождения»². Укорененность подобного представления подтверждается и тем фактом, что вплоть до наших дней потомки депортированного населения из гагро-хостинского междуречья проживающих в Аджарии мухаджиров из собственно Абхазии называют «бзыпаа», т.е. бзыбь³. Возможно такая ситуация сложилась не в последнюю очередь по той причине, что «личным владением ah'a была Бзыбская Абхазия»⁴.

В условиях, когда на уровне языка и самосознания со стороны населения рассматриваемого субрегиона наблюдалось ясное осознание своей инаковости по отношению к южным соседям, дополнительным (и в данном контексте, во многом решающим) фактором определения ключевого вектора этнической динамики становится политическая ориентация. В этом плане показательно свидетельство Ад. Берже. Он справедливо относил население, проживавшее между рр. Хоста и Бзыбь, к большой лингвистической группе «Азега». Однако это обстоятельство не мешало ему утверждать следующее. «В настоящее время под общим наименованием Черкес разумеют все горские племена, живущие на северном скате Кавказского хребта и на равнинах Кубанских, начиная от Кубани до крепости Анапы и оттуда по южному скату хребта... Сюда входит, считая и землю Убыхов, вся Малая Кабарда, большая половина Кабардин-

¹ Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. Перевод с английского К.А. Мальбахов. Нальчик, 2008. – С. 136.

² Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф.Торнау. Подготовили Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. – С. 465.

³ Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX – XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010. – С. 58.

⁴ Фадеев А. Краткий очерк истории Абхазии. Ч.1. (С древнейших времен до Крестьянской реформы 1870 года). Сухум, 1934. – 104.

ской плоскости... подгорное пространство между Тебердою, Кубанью, Лабою, Белою, левый берег Нижней Кубани и наконец восточный берег Черного моря от устьев Кубани до р. Бзыби»¹.

Ранее подобный взгляд обнаружил и К.Ф. Сталь. Он писал о том, что «восточный берег Черного моря, от впадения Кубани в Черное море до р. Бзыба, занят черкесским народом»². Свое мнение автор обосновывал тем обстоятельством, что «абадзехи, Большой Шапсуг, Натхо-Куадж, Малый Шапсуг, убыхи, вордан-цахе, агзах, ахучипсу, псху» учредили союз «между собою и в 1841 году подписали памятный у черкес дефтер»³. Более артикулировано тезис Стала выглядит следующим образом: «Общества абадзехские, шапсуги, убыхи, вердан, чаче (Саша. – Т.А.), ахучипси и адзах (асадзкуа. – Т.А.) положили составить союз, чтобы положить основание всему относящемуся к их религиозным и мирским делам; они связались между собою присягою и на народном собрании на Пшехе в 1841 году издали дефтер»⁴. По сути это было институциональным оформлением консолидационного процесса у большей части населения Западного Кавказа. О том, что подобный итог стал результатом сознательного политического творчества жителей региона свидетельствует и вышеупомянутый Ад. Берже. Он писал: «Закубанские черкесы еще с 1837 года начали заключать между собою союзы, как лучшее средство успешных против нас действий, а в 1841 году имели народное собрание на Ишхе (Пшехе. – Т.А.)»⁵. Обращает на себя внимание то, что означенное время начала (транспарентного для российской стороны) выстраивания институционально закрепленной политической конфигурации регионального масштаба

¹ Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992. – С. 18.

² Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т.ХХI. Тифлис, 1900. – С. 64.

³ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т.ХХI. Тифлис, 1900. – С. 154.

⁴ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т.ХХI. Тифлис, 1900. – С. 166.

⁵ Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992. – С. 19.

вполне конгруирует с устоявшимися уже к середине 30-х гг. XIX в. «идентичностными» реалиями в юго-западном секторе Черкесии. Так, в отношении командующего Отдельным Кавказским корпусом Г.В. Розена военному министру А.И. Чернышеву от 16 июля 1835 г. по поводу нападения «черкес на Гагры» «Джигетцы и другие прибрежные горские племена, обитающие по ту сторону Гагр» устойчиво отождествляются с черкесами¹. В связи с этим можно было бы предположить, что подобная характеристика явилась результатом недостаточной компетентности в вопросах этнополитической маркировки населения данного субрегиона со стороны находившегося за сотни километров от него российского командующего. Однако сложно допустить незнание этих реалий князями бзыбской Абхазии. В этом плане показательно, что спустя полгода после указанных событий, в феврале 1836 г. небезызвестный князь Ростом Инал-Ипа прочно идентифицировал в качестве черкесов «партию» в 500 человек «под предводительством тавада Хиппат-Иппа Соломона», с которой он вступил в перестрелку на речке Жеудзеха².

Для подлинного понимания внутренних императивов, обусловливающих устойчивость подобной ситуации, существенное значение имеет выявление модуса вовлечения абазского населения рассматриваемого субрегиона в черкесский этнополитический континуум. В этой связи представляется целесообразным выяснение характера взаимодействия садзов и медовеевцев со своими северными соседями. Интересные характеристики в этом плане оставил Ад. Берже. Им констатировалось, что «Ахчипсо... отличаются духом воинственным, отважным и находятся в тесной связи с Убыхами», а «Айбуга... Это – небольшое разбойничье общество, производящее преимущественно грабежи в Абхазии (можно предположить, что во многих случаях совместно с теми же убыхами)»³. Далее автор отмечал, что «часть Цандрипша и неболь-

¹ Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX веков (1762 – 1859). Сборник документальных материалов. Т.И. Сухум, 2011. – С. 161.

² Материалы по истории Абхазии XVIII – XIX веков (1762 – 1859). Сборник документальных материалов. Т.И. Сухум, 2011. – С. 184.

³ Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992. – С. 11.

шое общество Хышха (в верховьях Хашупсе)... покорилась в 1840 году... но покорность эта ненадежна по влиянию на это общество беспокойных соседей – Убыхов¹. Здесь же указывалось, что такие общества как «Кечьба» и «Аредба» также «удерживались» в орбите «Убыхов и Ахчипсоу». Об обществах «Цвиджа» и «Бага» автор был того мнения, что они «находятся под сильным влиянием Убыхов, а в особенности князей Берзеков»².

Сведения других источников вполне согласуются с подобной картиной. Так, Ф.Ф. Торнау полагал, что «Садзы числом хотя и не слабее убых... но совершенно находятся под [их] влиянием...»³ Г.И. Филипсон отмечал, что «Джигеты были под сильным влиянием Убыхов...»⁴. Их взаимодействие было настолько тесным, что К.Ф. Сталь счел возможным говорить об общей «стране убыхов и джигетов» в рамках субрегиона⁵. Соответственно он указывал на то, что «Убыхи... разделяются на общества: 1) Убых, 2) Вардане, 3) Сочи, 4) Адзах (асадзкуа. – Т.А.) и 5) Ахчипси»⁶. С таким представлением согласуется и мнение другого автора, гласящее о том, что «долины на побережье Черного моря до речки Гагрипши насылают племена убыхов и саше, которых называют также джигеты... ясхипсы (эсхорипш. – Т.А.), иналкупы (псху. – Т.А.)...»⁷. Взгляд на подобную прочную политическую вовлеченность садзов и медовеевцев в Убыхию сквозь демографический, социально-классовый и этнолингвистический аспекты позволяет выявить параметры

¹ Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992. – С. 11.

² Берже Ад. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Нальчик, 1992. – С. 12.

³ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Подготовили Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. – С. 458.

⁴ [Филипсон Г.И.] Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. М., 1885. – С. 192.

⁵ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т.ХХI. Тифлис, 1900. – С. 96.

⁶ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т.ХХI. Тифлис, 1900. – С. 96.

⁷ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. – С. 126.

определенные плодотворность опыта инкорпорации абазских обществ уже в общечеркесский контекст.

Заметной особенностью демографической ситуации в Убыхии рассматриваемого периода являлось широкое расселение здесь адыгов. Еще Хан-Гирей отмечал значительное присутствие на убыхском побережье – в устьях рек «шапсхгцев» и «натхоккоадцев»¹. Торнау писал, что «до реки Саше живут натухайцы и шапсуги, принадлежащие к племени известному у нас под именем черкесского, или адыге, как они сами себя называют»². Также им отмечалось, что в Саше проживало «жителей до 10.000, в том числе... черкесы и убыхи»³. Последние согласно сведениям данного автора «составляли перемешавшись с шапсугами, несколько отдельных обществ...»⁴.

Не вдаваясь в выяснение всех аспектов устоявшегося адыго-убыхского modus Vivendi, обратим внимание на одну из существенных предпосылок наблюдавшихся мощных консолидационных процессов. Так, требует серьезного внимания сведение о том, что убыхская «чернь» была «отчасти черкесами»⁵. Автор другого труда хотя и сообщает что черкесы убыхов, садзов и медовеевцев называют «кушха-зид абазы», что означает «загорные абазы» посчитал нужным уточнить, что «однако на самом деле они адыгейского происхождения»⁶. На этом фоне определенное звучание приобретает наблюдение Торнау, согласно которому «подобное слияние племен заметно и в Бзыбском округе, особенно между

¹ Султан Хан-Гирей: Избранные труды и документы. Сост. Губжоков М.Н. Майкоп, 2009. – С. 73.

² Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Подготовили Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. – С. 102.

³ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Подготовили Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. – С. 172.

⁴ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Подготовили Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. – С. 174.

⁵ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т.ХХI. Тифлис, 1900. – С. 96.

⁶ Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. – С. 126.

абхазцами, над самою рекою Бзыбом живущими, которых оклад лица... ближе подходит к черкесскому»¹.

Значимым, возможно, определяющим фактором в направлении и динамике этноконсолидационных процессов приближавшихся к уровню полноценного синтеза выступало то обстоятельство, что убыхское «дворянство [было] черкесского происхождения»². Существование дворянского рода Берзек у абадзехов и убыхов, игравшего у последних несравненно более значимую роль, нежели у их северных соседей весьма определенно указывает на обоснованность такого взгляда. В случае с владельцем общества Саша князем Али-Ахмет Облагу он находит дополнительное подтверждение. Как сообщает Ф.Ф. Торнау, этот владелец «происхождение которого... от племени адыга», был «из всех князей и владельцев от р. Шахе до р. Бзыба сильнейший» и «самый значительный», а расположение «по обеим сторонам р. Сочи» его крупное село носило второе название Облагукуадж³.

В подобном контексте естественным выглядит положение, когда в Саше, т.е. Облагукуадже «в употреблении [было] три языка: черкесский, абазинский и убыхский»⁴. На основе одной статичной констатации довольно сложно составить четкое представление о специфике и динамике языковой ситуации в этом районе. Однако источники позволяют безошибочно отследить доминировавшую в этнолингвистических процессах тенденцию. Весьма примечательны в этом плане наблюдения все того же Ф.Ф. Торнау. После поездки на убыхское побережье он писал, что «не успел познакомиться с их народным языком, потому что убыхи, с которыми... встречался, всегда говорили по-черкесски»⁵. Объяснял же он по-

¹ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Подготовили Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. – С.465.

² Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т.ХХI. Тифлис, 1900. – С. 96.

³ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Подготовили Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. – С. 460, 233.

⁴ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Подготовили Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. – С. 460.

⁵ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Подготовили Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. – С. 174.

добное положение тем, что убыхи «слились с соседями своими, которых язык предпочитают собственному»¹. Обозначившийся тренд был очевиден и для других наблюдателей. «Убыхи говорят особым языком, – сообщал Л.Я. Люлье и добавлял, – Со временем язык этот может исчезнуть, по всеобщему употреблению языка черкесского»². К.Ф. Сталь не оставил без внимания данное обстоятельство. Он писал: «У убыхов в простонародье есть еще свой язык, но он день ото дня исчезает. Абазинцы и ногайцы закубанские, кроме своего языка, говорят все черкесским языком»³.

В этих условиях представляется, что свидетельство Дж. Бэлла о том, что жители черноморского побережья «вплоть до Гагры» на юге приняли имя «адыге» следует воспринимать не просто как решительный шаг с их стороны в направлении определенных политических предпочтений, но и как проявление качественного сдвига этнокультурного характера. Он же был возможен лишь вследствие длительных по времени и интенсивных по характеру протекания процессов культурной синергии у населения данного субрегиона. Говоря словами Ш.Д. Инал-Ипа, речь шла о сложении «некоей этно-лингвистической непрерывности в пределах определенного круга этнических единиц»⁴. И именно на этой прочной платформе сформировалась ситуация которую Т.А. Ачугба охарактеризовал следующим образом: «Садзен не входил в состав Абхазского княжества и его жители находились в тесном экономическом и особенно военно-политическом союзе с убыхами и черкесами (адыгами)»⁵[9, с.58 – 59].

¹ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. Подготовили Б.М. Керефов и Р.У. Туганов. Нальчик, 1999. – С. 491.

² Люлье Л.Я. Черкесия. Историко-этнографические статьи. Киев, 1991. – С. 18.

³ Сталь К.Ф. Этнографический очерк черкесского народа // Кавказский сборник. Т.ХХI. Тифлис, 1900. – С. 114.

⁴ Инал-Ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Т.III. Сухум, 2011. – С. 596.

⁵ Ачугба Т.А. Этническая история абхазов XIX – XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты. Сухум, 2010. – С. 58-59.

M.B. Гумба,
Сухум

К ВОПРОСУ О ПРИЧИНАХ ВОЗВРАЩЕНИЯ ВЛАДЕТЕЛЬНОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА В ОККУПИРОВАННУЮ ТУРКАМИ АБХАЗИЮ В ПЕРИОД КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

Настоящий доклад ставит своей целью ответить на главные вопросы, в чем состояли причины возвращения князя Михаила в оккупированную турками Абхазию.

Бедь именно возвращение владетеля Абхазии послужило поводом для разного рода суждений, обвинений его в измене российским интересам. В имеющейся как зарубежной, так и отечественной исторической литературе нет однозначной оценки его действиям. Историки М.И. Богданович, К.А. Бороздин, А.Н. Тарасов-Дьячков и другие придерживаются версии измены владетеля; абхазские историки Г.А. Дзидзария, З.В. Анчабадзе отвергают эту версию; третьи – вовсе обходят молчанием.

Вместе с тем имеющиеся документы, в частности Акты Кавказской Археографической комиссии (в дальнейшем АКАК), их детальное изучение помогут нам ответить на вопрос, какой именно мотив побудил владетельного князя Михаила принять это решение.

После благополучного вывода российских войск из Абхазии, первым действием князя Михаила было выяснить – где ему оставаться? Судя по имеющимся документам, после вывода российских войск князь остается у родственников жены в Мегрелии. Вопрос о дальнейшем местонахождении князя Михаила, император

Николай 1, передал на решение вновь избранного управляющего Кавказом ген.-ад. Н.Н. Муравьева. Встретившись в Тифлисе, владетель Абхазии и ген. Н.Н. Муравьев обсудили вопрос о дальнейшем местопребывании владетеля. Н.Н. Муравьев предложил ему остаться в Тифлисе или в войсках на границе с Турцией.

Изучая более поздний документ (рапорт Н.Н. Муравьева от 27 февраля 1856 года)¹, видим, что князь, считаясь со своим положением, титулом, и достаточно высоким воинским званием, высказал собственное пожелание быть начальником Гурийского отряда, расположенного в Мегрелии по соседству с Абхазией, однако ему было в этом отказано.

Отметим также, что спустя месяц – полтора генерал Н.Н. Муравьев в июле 1854 года назначает на эту должность князя И.К. Багратион-Мухранского².

Вспомним, что нахождение Михаила у своего тестя, очень тяготило владетельнице Мегрелии Екатерину Дадиани. Она и князь Багратин-Мухранский горячо желали «под каким бы то ни было предлогом» удалить князя Михаила³.

Вскоре в Мегрелию в Зугдиди приезжает ген. Н.А. Реад. Он встретился с князем Михаилом. Возможно, ген. Н.А. Реад выполнил просьбу князя Багратион-Мухранского, возможно и то, что для нас пока остается неизвестным. Спустя 20 дней, владетель, внезапно покидает Мегрелию, говоря, что едет по секретному заданию ген. Н.А. Реада⁴. Секретное поручение, данное главнокомандующим владетелю, оставалось секретным для всех⁵.

Находясь в Абхазии, князь Михаил фактически ведет себя как русский резидент, систематически посыпая сообщения российскому командованию о происходящих в Абхазии событиях. Нахождение владетеля в Абхазии не вызывает никаких тревог и сомнений.

¹ АКАК. Т.- 11. – С. 50-51.

² Очерки истории Грузии. Т.-5, – Т6., 1990. – С. 155.

³ АКАК. Т.-11. – С. 238.

⁴ Абхазия и абхазы в российской периодике. Т.2, Сух., 2008. – С. 657. (Записки Услара); АКАК. Т. – 11. – С. 237.

⁵ АКАК. Т.-11. – С. 238.

Отметим, что переписка с князем Михаилом генерала В.О. Бебутова продолжалась до конца Крымской войны.

Действия владетеля Абхазии внезапно принимают двусмысленный характер, его начинают подозревать в измене российским интересам и переходе на сторону турок. В этом главнейшую роль сыграл рапорт И.К. Багратиона-Мухранского, привезенный срочно из Мегрелии в Тифлис ротмистром Григорием Чачба-Шервашидзе князю В.О. Бебутову¹. Именно указанный рапорт и личные показания, как очевидца, находящегося при владетеле ротмистра Григория Чачба-Шервашидзе послужили в дальнейшем поводом для разного рода кривотолкам в адрес владетеля Абхазии.

Г.А. Дзидзария писал: «Этим кавказская администрация и военное командование начали злополучное дело об «измене», «неверности» и «неблагонадежности» Михаила Шервашидзе, стремясь в дальнейшем использовать данные обвинения для ликвидации Абхазского княжества еще в том периоде»².

Указанные сведения, как известно, были доведены и до императора, который, объективно оценив ситуацию, просил повременить с окончательным.

Вместе с тем, в письме генерала Н.Н. Муравьева к князю В.А. Долгорукому имеется намек на причину, побудившую князя Михаила вернуться в Абхазию. Н.Н. Муравьев пишет: «...я готов полагать, что он к сему...поступку побужден был ненавистью, питаемой им к ныне владетельному дому в Мегрелии...»³.

В настоящем докладе мы не будем освещать всех действий, который предпринимал владетель, находясь в Абхазии в период оккупации турками. Все они, как объясняет сам владетель, были нацелены для пользы российским интересам. В частности: он воспрепятствовал туркам в наборе из Абхазии рекрут, для регулярных войск и возвратил из Кобулети тех новобранцев, которые были туда уже отправлены. Он расстроил собранное Мустафа-пашою

горское ополчение, которое последний намерен был отправить в Самурзакан для завоевания этого края. Расстроил присоединение к корпусу Омер-паши горцев при наступательном движении его в Мегрелию. Остановил грабеж, начатый в Мегрелии¹. Также князь систематически доставлял сведения и полезные советы ген.-м. И.К. Багратион-Мухранскому, но они им не были приняты.

Владетель объяснял свой выбор следующим образом: «...я последовал за войском..., чтобы быть неразлучно с ними, вместе пролить кровь свою против врага. С этим желанием я явился к высшему начальству в Тифлисе. ...В ожидании поручения, приличного моему званию, прошел год... начальство поменялось и не обратило внимание на мое положение, оставил меня как человека «праздного». Будучи совершенно уверен в своей бесполезности, я решил: «чем остаться без дела, лучше возвратиться в мое владение...». Сохранить его от разорения и присутствием своим употребить все свое влияние к отклонению абхазцев и горцев от сбора для действия против русских». Находиться среди русского воинства в бездействии и видеть, как менее его достойные возвышаются над ним, князь Михаил считал несовместимым с его положением.

Нельзя также игнорировать поступок князя Михаила в отношении присланному ему из Турции фирмана, который он, не побоявшись, при свидетелях, бросил на землю².

Как показывают документы, и сам князь Михаил не был уверен в турках. Вспомним, что Омер-паша одним из условий его преданности требовал возврата из Мегрелии семьи князя Михаила. Чтобы показать свою мнимую преданность, владетель при свидетелях отправлял к жене своей одно послание за другим с требованием прибыть в Абхазию и при этом «тайно писал, чтобы она оставалась в Мингрелии»³.

Турецкое правительство в начале 1856 года, также, стало сомневаться в преданности владетеля и пригласило князя Михаила для решения некоторых вопросов в Трапезунд, но князь отказался

¹ АКАК. Т.11. – С. 46.

² Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сух.. 1982. – С. 135.

³ АКАК. Т.-Х1. – С. 46.

¹ АКАК. Т.-11. – С. 52.

² Документы по ист. Грузии. Т.-1, Тб., 1954 г. – С. 64.

³ АКАК. Т.-11. – С. 239.

от приглашения «из опасения быть арестованным», зная, что сын генерала Каца Маан, отправленный в Трапезунд, уже «содержался под стражей»¹.

Многие из знавших князя Михаила не соглашались с предъявленными ему обвинениями в измене, к ним относился князь В. Эристов, действительный статский советник Дмитрий Кипиани и даже находящийся с ним в неприязненных отношениях Н.П. Колюбакин, который, в письме от 15 сентября 1855 года генералу В.О. Бебутову подтверждал, что: «Михаил Шервашидзе черкесских предводителей доныне удерживал от сборов и действий наступательных...»².

Необходимо также, выяснить, почему именно Багратин-Мухранский и Григорий Чачба-Шервашидзе являются авторами этого рапорта? В чем их интерес? Где могли пересечься их пути? И что их связывает?

Начнем с Григория Чачба-Шервашидзе. Он двоюродный племянник владельца, был всегда одним из самых приближенных к нему людей и по поручениям его принимал участие в делах управления краем, особенно по разбирательству споров и тяжебных дел людей, приходивших на суд владельца. Это был только один из его родственников, который никогда не подвергался его неудовольствиям и удалению. Что могло побудить его на такую клевету? В документах упоминаются причины недовольства Григория, а именно: «признавал некоторые из земель, причисленных к имениям владельца, за свои родовые земли, неправильно им присвоенные...»³.

За предательский донос он был повышен в должности, профессор Г.А. Дзидзария по этому поводу писал: «Абжуйский удельный князь...конечно, рад был стараться, за что он и удостаивается «состоять при начальнике Гурийского отряда»⁴.

Но, изучив материалы более подробно, мы найдем и другой мотив, вынудивший Григория Чачба-Шервашидзе выступить против

¹ АКАК. Т.-11. – С. 271

² АКАК. Т.-11. – С. 12

³ АКАК. Т.-11. – С. 46-49

⁴ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сух., 1982. – С. 135

владельца, а именно его родственная связь с Мегрельским владельцем домом. Мать Григория Чачба-Шервашидзе была родной сестрой Левана Дадиани¹.

А почему Багратион-Мухранский был настроен против князя Михаила? Если проследить личную жизнь князя Михаила, можно понять, где пересекались их пути и отчего сложились такие неприязненные отношения между ними. Как известно, князь Михаил горячо был влюблен в дочь Левана Дадиани Нину, но по христианским религиозным канонам, он получил отказ от отца возлюбленной, так как первый брак еще не был расторгнут. Дело это, как известно, приняло очень неприятный оборот, оно дошло до самого управляющего Кавказом барона Г.В. Розена и даже разбиралось в Синоде. При этом, главным соперником на руку и сердце княжны Нины, был именно князь И.К. Багратион-Мухранский, за которого она, в конечном счете, и вышла замуж². Теперь понятно, почему князь И.К. Багратион-Мухранский – член владельческого дома Дадиани так неприязненно относился к Михаилу. Как должен был отнестись князь Михаил к тому, что начальство над Гурийским отрядом было отдано не ему, а Мухранскому, и каково было гордому абхазу принимать сообщение от бывшего соперника удалиться из Мегрелии? В этих отношениях очень много личных мужских тонкостей, где мужская честь и гордость князя Михаила не могли допустить того, чтобы князь Мухранский мог бы над ним командовать.

В этих обстоятельствах Михаил выбирает самый правильный и верный шаг, он едет в Абхазию, чтобы быть со своим народом.

Кто он, князь Михаил? Генерал-адъютант русской армии? Безусловно, да. Но, прежде всего, он владелец Абхазии и это его ко многому обязывало. Кроме того, до него доходили слухи о недовольстве абхазов по поводу долгого отсутствия в крае. Самым тревожным известием для него было, что князья Гиди Мажара Чачба-Шервашидзе отдались под власть турок и успели их убедить, что владение их независимо от Михаила. Имевшие на князя большое

¹ Дзидзария Г.А. Труды. Т.- 3. – С. 102.

² Дзидзария Г.А. Махаджирство... – С. 145.

влияние Хасан Маан, Баталбей Маршан и Керантух Берзек упрекали его в забвении родины; они убеждали его, что вся политическая жизнь владетеля зависит не от приобретенных им служебных достоинств, а от наследственного владельческого сана; что, теряя уважение в народе, он теряет свое лицо.

Начальник штаба Гурийского отряда П.К. Услар, писал: «*Возратиться в Абхазию он не мог, не компрометируя себя в глазах нашего правительства; удалиться в Тифлис или в Россию он не смел, опасаясь выпустить даже временно из-под наблюдения своего внутренние дела в Абхазии, где партии ему враждебные могли пристроить решительный перевес*»¹.

Действительно, положение владельца Абхазии было весьма затруднительно, и вряд ли он мог, даже при наилучших желаниях избегнуть двойственной роли, налагаемой на него силою обстоятельств.

П.К. Услар, рассуждая о действиях князя Михаила в годы Крымской войны, отмечал: «*Князь Михаил находясь еще в Мегрелии, вместе с тем находился в ежедневных отношениях с Абхазией, занятой турками. В чем заключалась цель этих отношений, быть может, известно было высшему Кавказскому начальству, но в эти тайны не посвящены были – ни князь Мухранский, ни княгиня Да-диани. Секретное поручение, данное главнокомандующим владельцу, до сих пор остается секретом*»².

В русских источниках, в частности в материалах АКАК, деятельность князя оценивается как изменническая. Хотя сами царские генералы прекрасно осознавали, что никакой измены не было, так как у князя Михаила были возможности вредить им, но он, не был в этом заинтересован. Как правильно отметил Г.А. Дзидзария: «*такое понимание «возможностей» было одной из решающих причин, почему царские власти признавали необходимым, «чтобы действия правосудия над этим человеком...отложены были до другого, более благоприятного времени*»³.

¹ АКАК. Т.-11. – С. 237

² АКАК. Т.-11. – С. 238.

³ АКАК. Т.- 11. – С. 53; Дзидзария Г.А. Махаджирство... – С. 145.

В определенной степени на судьбу владельца Абхазии влияло положительное отношение к нему российских императоров, которые сдерживали огромное желание военных чиновников устранить его. Ведь именно после окончания Крымской войны поданное ген. Н.Н. Муравьевым ходатайство об устраниении от должности управления княжеством князя Михаила, императором было отклонено. И более того – ввод российских войск в Абхазию и прием оставленных после военных действий укреплений был возложен именно на владельца Абхазии.

Князь В. Эристов писал о действиях князя Михаила в Абхазии: «*владетель добился прекращения всяких раздоров, партии рассеял, привел всех к присяге действовать по его указанию, и все успокоилось*»¹.

И эти его действия были поняты и оценены самим Государем императором Александром II, который объяснял, что его отсутствие в рядах войск: «*легко могло произойти последствием... положения, в которое он поставлен в двойном его качестве: владельца, обязанного печься о подвластном ему крае и военнослужащего...*»².

И сегодня, время позволяет нам оценить поступок владельца Абхазии, как самый верный и правильный в создавшейся обстановке. Что было бы, если бы он оставил Абхазию на произвол судьбы, как бы тогда повернулись события? Никакие генеральские аксельбанты, ему бы не помогли, так как никакие награды и звания другого государства не могут быть выше признания собственного народа.

Таким образом, главной причиной побудившей князя Михаила вернуться в оккупированную турками Абхазию, было глубокое осознание своей главной миссии – ответственности перед народом.

¹ Дзидзария Г.А. Махаджирство... – С. 143.

² Эсадзе С.С. К 40-летию уничтожения абхазской автономии. В кн.: Абхазия и абхазы в российской периодике. Т.-1, Сух., 2005. – С. 240.

3.Х. Ибрагимова,
Москва

КАВКАЗСКИЕ ГОРЦЫ И РОССИЙСКИЕ ИМПЕРАТОРЫ – ИСТОРИЯ ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Посещение членами императорской семьи Кавказа крайне скучно освещено в исторической литературе. Еще меньше историки пишут о пребывании в качестве делегатов на торжественных приемах в столице Российской империи представителей коренных жителей Кавказа. О непосредственных встречах российских императоров с чеченцами сведений в исторической литературе практически нет, никогда эта тема не являлась предметом специального исследования учёных. Сохранились лишь отдельные архивные документы, свидетельствующие о довольно ярких, запоминающихся встречах императоров с чеченцами в разные годы, во время и после завершения Кавказской войны, как на военной периферии, так и в столице империи, на личных приемах у императора.

Николай Павлович стал первым российским императором, посетившим Кавказ. Изучив обстановку на Кавказе осенью 1837 года, он остался весьма недоволен тем, как управлялся Кавказ, на присоединение которого было затрачено столько сил и средств. После торжественной встречи в Тифлисе в октябре 1837 года император произнёс ответную речь, в которой, в частности, сказал: «Нельзя не дивиться, как чувства народной преданности к лицу монарха не изгладились от того скверного управления, которое, сознаюсь, к моему стыду, так долго тяготеет над этим краем...». Побывал

Николай I и в «мирной» Чечне. Чеченцы решили, воспользовавшись этим, подать царю жалобу о причинах своего недовольства местным начальством. Вот что пишет генерал Кундухов: «В 1837 г. император Николай I, первый из русских царей, осчастливили приездом своим Кавказ . На другой день государь принимал депутатов с народными просьбами, говорил с ними очень благосклонно, исключая из этого злополучных чеченцев, которых упрекал в неверности ему и его русским законам.

Чеченцы в свою очередь ответили: «Вашему Императорскому Величеству мы преданы не менее других горцев и уважаем законы не менее других, но, к несчастью нашему, ближайшее начальство, затемняя истину и не соблюдая никаких законов и обычаев, управляет нами совершенно по своему произволу, отзываясь о нас с дурной стороны...».

Резкий, но очень справедливый ответ чеченцев не понравился государю, и, назвав его клеветой, он приказал им «выкинуть из головы вредные мысли». Своим подчиненным император указал «держать чеченцев под сильным страхом»¹. Когда правительство Николая I в 1840 г. предъявило ультиматум о разоружении мирных чеченцев, они ответили: «Чеченцев никто не разоружал – разоружали только их трупы» – и, восставши, присоединились к знаменитому имаму Шамилю, написав на своем знамени стих из Корана: «О избранники Бога, вы не знали ни страха, ни траура».

Александр II, старший сын Николая I, посетил Кавказ несколько раз – в 1850 году, когда был еще наследником престола, и в 1861, 1871 годах – уже, будучи императором². К приезду царя местные власти старались не ударить «в грязь лицом» и очень тщательно готовились. В высокогорной Чечне колесных дорог после завершения войны не было, но для проезда императора в 1870 году была проложена дорога на Ботлих (из Терской области в Дагестанскую область), что в значительной степени в дальнейшем улучшило экономическое положение местных жителей, так как повысило уро-

¹ Из путешествия по Кавказу // Кавказ. Париж. 1936, №1 (25). – С. 3.

² Прозрительев Г.Н. Александр II в Ставрополе на Кавказе. Ставрополь 1911. – С. 3.

вень торговых связей Чечни с Дагестаном и Грузией. Чеченцы стали называть эту дорогу «Царской»¹. «Царская» дорога спускалась с Керкетского перевала (6 993 м.), на котором была установлена каменная пирамида в память посещения императором Александром II Кавказа, проехавшего здесь в 1871 году².

После завершения Крестьянской реформы в 1871 году Александр II в сопровождении двух сыновей: наследника цесаревича Александра Александровича (в будущем – императора Александра III) и великого князя Владимира Александровича великой княгини и своего брата Михаила Николаевича – наместника на Кавказе³. отправился на Кавказ, чтобы ознакомиться со сложившейся там обстановкой. Монарх посещает Петровск (ныне – Махачкала), Темир-Хан-Шуру (ныне Буйнакск), последний оплот Шамиля – аул Гуниб. Царь объехал также Чеченскую равнину, был в столице Терской области – Владикавказе, а также посетил Поти, Кутаиси, Тифлис. Александра II, как и его отца Николая I в свое время, сопровождал в путешествии большой конвой конных горцев из местных почетных фамилий. По примеру своего покойного отца, император тоже приехал на Кавказ не с пустыми руками. По его личному распоряжению, на Санкт-Петербургском монетном дворе было изготовлено в два приема (1500 и 1800 штук) 3300 медалей. В качестве награды он вручал их сопровождавшим его чинам почетного конвоя, высоким местным чиновникам и представителям различных групп депутатов, посещавших его. Медали были изготовлены из серебра. Носили медаль «Кавказ – 1871» на груди, на ленте ордена святой Анны⁴. Также в честь на Кавказ императора местная администрация подготовила списки чеченцев, которым

¹ Маргграф О. Чеченские селения. // Терские ведомости. Владикавказ. 21 ноября 1881. – С. 3.

² Экскурсия в нагорную Чечню и западный Дагестан летом 1901 года // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. ХУ. №4. 1902. – С. 222.

³ Кавказский военно-исторический музей. Краткий путеводитель по Кавказскому военно-историческому музею. Тифлис. 1909. – С. 70.

⁴ Чепурнов Н.И. Наградные медали Государства Российского. М., 2002. – С. 345.

были вручены медали «За усердие». В круг этих лиц входили как простые жители чеченских аулов, например, наград удостоились Дударка Хайдаев, Чангарой Улюхаев, так и военные из Терской постоянной милиции, а также служащие: словесные переводчики народного суда и письмоводители при наibaх¹.

Во время поездки императора по Терской области ему подавались прошения от разных сословий, в том числе и от горцев. Для разбора жалоб была создана специальная комиссия, на каждое прошение давался обстоятельный ответ. В некоторых случаях император лично накладывал свою резолюцию. В 1871 году горцами, состоящими в ведомстве военно-народного управления Дагестанской области на высочайшее имя было подано прошение. Жители приграничного района Дагестанской области хотели оставить исключительно в их пользовании Андийские высоты, которыми пользовались в то время ичкеринцы (чеченцы). Спор об этих горах возник еще в 1861 году, журнальным постановлением Особой комиссии, утвержденной в 1868 году императорским высочеством эти горы были признаны казенными. Главнокомандующий Кавказской армией на прошении вывел свою резолюцию: «Полагал бы отказать»², и чеченцы продолжили пользоваться спорной территорией.

После крушения имамата делались попытки оживить старые народные обычаи вайнахов. Вновь был поднят авторитет старейшин, шейхов, мулл и алимов. Мехк-ххел, или диван, как его стали называть вайнахи в период войны, собирался подпольно. Только в 1879 году он собрался открыто в Чаберлоевском обществе. Это заседание Мехкхела посвящалось приезду Александра II на Кавказ. Его приезд был использован как повод, чтобы легализовать традиционную вайнахскую общественную структуру³.

В 1888 году Александр III, его супруга императрица Мария Федоровна и сыновья – наследник – цесаревич Николай Алексан-

¹ РГВИА. Ф. 970. Оп.2 Д.1925. Л. 48

² Хашаев Х.-М.О. Феодальные отношения в Дагестане. XIX – нач. XX вв. Архивные материалы. М., 1969. – С. 278.

³ Саидов И.М. Некоторые особенности общественного быта // Очерки истории ЧИАССР. Т.1. Грозный. 1967. – С. 157.

дрович (будущий император Николай II) и великий князь Георгий Александрович на поезде прибыли в Ростов-на-Дону, откуда царская семья направилась во Владикавказ. В столице Терской области император и наследник престола вышли из вагона, одетые в форму Терской сотни конвоя е.и.в. Вечером состоялся торжественный обед, на котором подавали, среди прочего, горские национальные блюда и напитки, в том числе знаменитое в то время осетинское бархатное черное пиво. Во время обеда играл войсковой оркестр. 19 сентября 1888 года был объявлен праздничным днем, в присутствии императора недалеко от военного лагеря, на окраине Владикавказа состоялся смотр войск в честь прибытия царской семьи. На торжественном параде сборным полком горцев Терской области командовал генерал-майор Арцу Чермоев. В состав полка входили сотни: кабардинская, осетинская, ингушская, чеченская и кумыкская. Во главе чеченской сотни стоял князь А-С. Алхазов. 20 сентября 1888 года в 10 часов утра был устроен императорский прием «депутатам от горских племен». После этого на площади для депутатов был подан завтрак от Двора императорского величества¹. Воспользовавшись приездом императора многие жители обращались к нему с просьбами и чаще всего речь заходила о нехватке земли. Так, жители чеченских селений Шали и Бердыкель – Сулейман Хаджи Назыров и Исхан Хаджи Ганаев от имени всего чеченского народа подали прошение, в котором жаловались на недостаток земли и указывали, что удобные места отчуждены в частную собственность генералам, офицерам, занятых в казну, а необходимый строительный материал и дрова им приходится покупать у частных владельцев или у казны². Как и в приезд Александра II, Александр III наградил военнослужащих и гражданских лиц во время его путешествия в 1888 году по Кавказу. Но в этот раз награды получили старшины различных чеченских сел – в основном это были золотые и серебряные медали «За усердие» для ношения их на груди и на шее на лентах различного достоин-

¹ ГА РФ. Ф. 677. Оп.1. Д.84. Л. 37.

² Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный. 1963. – С. 19.

ства¹. Из Владикавказа поезд с семьей императора Александра III уехал в Екатеринодар и далее: Новороссийск, Новый Афон, Батум, Тифлис, Баку и Кутаис.

Александр III не случайно решил посетить святую Афонскую землю. Император помнил о том, что его отец, Александр II всячески покровительствовал афонским монахам. В августе 1875 г. несколько монахов обители св. Пантелеимона, расположенной на горе Афон в Греции, прибыли в Абхазию, чтобы выбрать место для нового монастыря. Предварительно афонские монахи – отец Иероним и отец Макарий обратились к своему защитнику и благодетелю графу Н. П. Игнатьеву, чтобы он попросил разрешить «русской братии Пантелеимонова монастыря поселиться на Кавказе и основать там новую обитель». Игнатьев не стал медлить. 8 февраля 1875 года он написал наместнику Кавказа великому князю Михаилу Николаевичу (брату императора) письмо следующего содержания: «Глубина православных убеждений, чистота и строгость жизни... нашей братии на Афоне служит, мне кажется, ручательством, что и на Кавказе иноки эти будут полезными и ревностными деятелями распространения православия и обрусения края»².

В 1874 г. афонские монахи уже обращались к Михаилу Николаевичу с прошением о предоставлении земли для устройства новой обители. В письме к наместнику Кавказа они просили «благоволить им даровать и указать удобное место из необозримых кавказских пределов для постройки обители и прирезать к ней часть земли и леса для обеспечения обители на будущие времена». По ходатайству Н. П. Игнатьева это разрешение было получено, и в августе 1875 года монастырские уполномоченные во главе с деятельным помощником старцев Иеронима и Макария иеромонахом Арсением прибыли на Кавказ, в Новый Афон.

Александр II дал высочайшее согласие на основание монастыря и выделил под застройку монастырских помещений и хозяйствственные нужды братии землю. В 1876 г. на пустынном берегу Черно-

¹ РГВИА. Ф. 970. Оп.3. Д. 195. Л. 10.

² Канадаев И. Н. Очерки Закавказской жизни. Т. 1. Москва. 1902. – С. 218.

го моря началось возведение нижней части монастыря. 8 декабря 1879 года Александром II был утвержден «Устав Новоафонского монастыря». Устав давал Ново-афонскому монастырю широкие права не только в миссионерской, но и в хозяйственной деятельности. За ним закреплялось 525 десятин лучшей пахотной земли¹. Вскоре трудолюбивые монахи построили на этом месте один из крупнейших на Кавказе духовных центров, Новоафонский монастырь. Центральное место обители занимал величественный собор святого великомученика Пантелеимона. Четыре придела храма были освящены в честь святых августейшей семьи императора Александра III, посетившей монастырь в 1888 году и участвовавшей при закладке камня строящегося собора. Приделы собора были следующие: святого Александра Невского (небесного покровителя Государя Александра III), святой Марии Магдалины (покровительницы Государыни Марии Федоровны), святого Николая Чудотворца (покровителя императора Николая II) и святого Георгия Победоносца (покровителя цесаревича Георгия Александровича).

На церемонию закладки монастырского собора в Новый Афон 24 сентября 1888 года приехал император Александр III с августейшим семейством – с супругой, императрицей Марией Федоровной, и сыном Николаем (будущим Николаем II). Императорская семья прибыла морем на пароходе «Москва» и провела в Новом Афоне всего один день. В честь этого события монахи построили на морском берегу часовню, установили у водопада мемориальную доску с надписью, а вдоль дороги, от монастыря до церкви Симона Кананита, по которой царь прошел пешком (т.н. «царская аллея»), высадили кипарисы. На церемонии освящения главного престола соборного храма в 1888 году присутствовал император Александр III с императрицей Марией Федоровной, в честь которых был отлит малый колокол. Император преподнес в дар монастырю музыкальные куранты, которые и сегодня украшают башню колокольни².

¹ Пачулиа В. П. Новый Афон. Путеводитель. Тбилиси. 1964. – С. 9.

² Абхазия. Новый путеводитель/ Автор-составитель Д.М. Дасания. Сухум. 2010. – С. 133.

Николай II правил Россией с 1894 по 1917 годы. Он стал последним императором Российской империи, побывавшим на Кавказе. Посещение императором Кавказского края совпало с годом первой революции. На этот раз царь принимал все кавказские delegations в Армавире. Для выбора достойных депутатов каждое чеченское село должно было выдвинуть своего соискателя. Затем из всех выбранных уважаемых представителей нужно было руководству Терской области отобрать 2-х чеченских депутатов с плоскости и 2-х – с горного участка. По решению Терской администрации в 1905 году в Армавир для преподнесения хлеба-соли императору были назначены следующие депутаты от горной и равнинной Чечни: старшина Дащинского старшинства – Уци Арсанукаев; старшина Чубяхкенроевского старшинства – Генди Азиев; старшина села Бено-Юрт – Докал Дурдиев и житель села Урус-Мартан Ауторхан Алхазуров¹.

В декабре 1914 г. император решил посетить Кавказский фронт и целый месяц провел в поездке по югу Российской империи. Маршрут его путешествия пролегал через следующие населенные пункты: Смоленск, Тула, Орел, Курск, Харьков, Екатеринодар, Тифлис, Карс, Сарыкамыш, Меджингерт, Владикавказ, Новочеркасск, Воронеж, Тамбов, Рязань, Москва, Гарволин, Ново-Минск. Через Екатеринодар (24-го ноября), Дербент и Баладжары царский поезд проследовал в Тифлис. Здесь император прежде всего посетил древнейшие соборы: Сионский и Ванский (армяно-григорианский). Находясь на Кавказе, со своей стороны глава российского государства всячески подчеркивал личное уважение ко всем конфессиям, особое внимание он уделил приверженцам мусульманской религии. В Тифлисе Николай II нашел возможность для общения с представителями высшего мусульманского духовенства, посетил шиитскую и суннитскую мечети, выслушал стоя на коленях молебны на арабском языке². Во время поездки на Кавказский

¹ ЦГА РСО-А. Ф. 22. Оп.52 Д.784. Л. 22.

² Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии. Ноябрь – декабрь 1914 года // Нива, №27. 1915. – С. 21.

фронт в 1914 году Николай II при посещении Владикавказа принял депутатов от чеченцев, кумыков, ингушей и других народов Терской области. Император путешествовал на поезде и после Владикавказа прибыл в Грозный в 1 час 10 минут ночи, но пробыл здесь недолго и отравился далее уже в 1 час. 20 минут¹.

Одними из самых интересных страниц русско-чеченской истории являются эпизоды личных встреч императора с представителями чеченского народа. В декабре 1825 года полковника А.Н. Чеченского вызвали в Петербург присягнуть новому государю. Александр Николаевич Чеченский являлся уроженцем чеченского аула Алды, был приемным сыном Н.Н. Раевского. Он окончил Благородный пансион при Московском университете – служил на Кавказе, сражался на бородинском поле, участвовал в торжественном шествии государя и в параде победителей в Париже. После приглашения на присягу к императору Александр узнал, что среди арестованных декабристов немало его боевых друзей, поэтому он решил отказаться от присутствия на присяге, в знак солидарности со своими друзьями – декабристами. Однако, не желая навлечь монарший гнев на семью своего отчима Раевского, предстал перед царем. Император выговорил старому воину, герою России за то, что тот «не уведомил правительство в существовании тайных обществ, не желал присягнуть ему»².

Почти через сто лет 27 июня 1915 года другой дерзкий чеченец штабс-ротмистр Арцу Чермоев, он находившийся в дивизии великого князя Михаила Александровича полка ходатайствовал о разрешении представить его императорскому величеству по следующему делу ... 15 октября 1860 года генерал-фельдмаршалом А.И. Барятинским была выдана прокламация чеченскому народу от имени е.и.в., в которой говорилось: «Право каждого из вас на принадлежащее ему имущество будет неприкосновенно. Русским Начальством будут утверждены за вами эти права актами». Так как прокламация была объявлена всенародно, но не значилась в числе

опубликованных государственных актов, штабс-ротмистр Чермоев, как представитель древнейшей чеченской фамилии, у которого хранилась прокламация, предполагал «...всеподданнейше ходатайствовать о разрешении объявить Чеченскому народу и полку, что Его Величество читал прокламацию и повелел Председателю Совета Министров немедленно рассмотреть ее и дождожить Его Величеству». К своему ходатайству Арцу Чермоев приложил нотариально заверенную копию прокламации. Свои действия, направленные на восстановление законных прав Чеченского народа и закрепленных прокламацией Российского государства, А.Чермоев объяснял тем, что эти права стали постоянно нарушаться и «...нет возможности их защитить законным путем». Об этом свидетельствовали приведенные им факты: «Ныне на землях чеченцев обнаружена нефть, почему появились нефтепромышленники, делающие изыскания и заявки на земли, исконно принадлежавшие Чечне, что взволновало весь народ»¹. А. Чермоев также докладывал, что 12 апреля 1913 года Его Императорским Высочеством был одобрен журнал Совета Министров о внесении в Госдуму законо-проекта о поземельном устройстве Кавказского края, по которому предполагалось закрепить чеченские земли актами и планами на право полной собственности за населением Чечни. К сожалению, мы так и не знаем каков был ответ императора на самый злободневный чеченский вопрос, смело поднятый Арцу Чермоевым.

В августе 1856 года должна была состояться коронация Александра I, в связи с чем он пожелал, чтобы «... при предстоящем обряде коронования находились в Москве, по примеру 1826 года, Депутаты Кавказского и Закавказского края» Император «...соизволил повелеть назначить депутатов по усмотрению начальства на местах»². Сначала кавказской администрацией были назначены следующие депутаты: князья и офицеры от ногайцев, кабардинцев, абазин, осетин и черкесов. Чеченцев среди них не было, видно, из-за «неблагонадежности» – хотя эта группа населения была одной из самых многочисленных на Кавказе. Среди руководителей под-

¹ РГВИА. Ф 970. Оп.3. Д.1939. Л.9.

² Вахидова М. Чеченский сын Раевского // Наука и религия, №9. М., сентябрь 2002. – С. 13.

¹ РГВИА. Ф. 970. Оп.3. Д.1965. Л. 343.

² РГВИА. Ф 14 257. Оп.3. Д.389. Л.1.

готовки депутатов был граф Николай Иванович Евдокимов, который посчитал несправедливым отсутствие чеченских депутатов, но так как у чеченцев было много недоброжелателей после Кавказской войны, он решил пойти нестандартным путем и предложил чеченца в качестве переводчика при кавказских депутатах. Н.И. Евдокимов был из простых крестьян и поэтому намного лучше понимал чаяния народа, чем его коллеги. 20 июня 1856 года Командующий Левым флангом Кавказской линии генерал-майор Евдокимов подал рапорт временно командующему войсками Кавказской линии В. М. Козловскому, в котором рекомендовал назначить к отправляемым в Москву депутатам переводчиком капитана Арцу Чермоева. Евдокимов дал Чермоеву прекрасную характеристику, написал о том, что знает его лично, что Арцу Чермоев, кроме чеченского, знаком еще с кумыкским и осетинским языками, хорошо владеет русским языком. Немаловажной деталью, по мнению графа Евдокимова, было то, что Чермоев был «довольно представителен наружностью» – для присутствия на таком торжественном мероприятии, как коронация императора¹.

Число депутатов от горцев было ограничено, но, когда уже часть депутатов и Арцу Чермоев прибыли в Ставрополь, один из них, Султан-Сагат-Гирей скончался, в связи с чем было ходатайство от руководства назначить А.Чермоева депутатом вместо умершего, так как число депутатов при этом не увеличивалось, следовательно, не было дополнительных расходов на дорогу, ведь Арцу Чермоев уже прибыл в Ставрополь. Султан-Саган-Гирей являлся депутатом от черкесов. Его земляки просили разрешить им выдвинуть другого депутата, но им было отказано, а А.Чермоев, по стечению обстоятельств и благодаря содействию Н.И.Евдокимова, стал чеченским депутатом. Переводчиком был назначен подпоручик К.Куденетов, хотя он, правда, и не знал чеченского языка.

Граф Евдокимов и дальше продолжал хлопотать о чеченском народе. На имя высочайшего начальства он подал рапорт, в котором писал: «Положение Чеченского племени как по преданности, так и по храбрости известно не только здешнему Начальству, но и

¹ РГВИА. Ф. 14 257. Оп.3. Д.389. Л. 32-34.

Государю Императору и весьма вероятно, что его Величеству благоугодно будет при Священном короновании Своем вспомнить и о чеченцах. Я потом счел покорнейше просить, не благоугодно ли будет разрешить мне для выбора депутатов на Коронацию, назначить со стороны Чеченцев представителей из самых преданных нам и почетных эфендиев¹. После рассмотрения данного рапорта Кавказским руководством было принято решение отправить в качестве депутатов в Москву от жителей Большой Чечни: наiba Большой Чечни капитана Давлетгирей Зармаева и главного кадия Чеченского народа поручика Али-Мурзу Хаса-Марзаева. От жителей Малой Чечни решено было делегировать старшину Аджи Гишкова. В силу того, что у этих депутатов не было прислути, им было разрешено в качестве помощников взять с собой в Москву своих родственников, каждому по одному: Д. Зармаеву – юнкера Вагапа Курумова; А-М. Хаса-Мурзаеву – юнкера Сатая Эльджуркаева; Арцу Чермоеву – юнкера Бехо Чермоева; Аджи Гишкова – Умара Гишкова (он был возвращен по болезни)². Все сопровождавшие лица имели к этому времени знаки отличия и медали. Таким образом, из всех кавказских представителей на коронации чеченская делегация, благодаря стараниям графа Евдокимова, была одной из самых многочисленных – насчитывала 7 человек, хотя первоначально чеченцы в списках вовсе не значились. Более того, условия транспортировки чеченских депутатов в Москву были более комфортные, чем у других представителей. 13 июля 1856 года чеченцы были отправлены из Грозного в Ставрополь. Кавказская администрация посчитала возможным: «... для спокойного следования в пути этих депутатов и в особенности Д. Зармаева, обремененного старостью и ранами, приобрести тарантас ценою 250 руб. серебром». По тем временам это были большие деньги, но, видно, руководство решило подстраховаться после смерти одного из черкесских депутатов по пути в Москву. Кроме того, чеченцам были выданы прогонные деньги и суточные по 3 рубля на каждого. Всего было потрачено на чеченских депутатов 317 рублей 38 1/2 ко-

¹ РГВИА. Ф. 14 257. Оп.3. Д.389. Л.36.

² РГВИА. Ф. 14 257. Оп.3. Д.389. Л. 298.

пейки серебром. Депутаты отбыли из Грозной на двух тройках, чем превысили расход выданных денег, но зато начали путь «с шиком».

Депутаты прибыли в Москву в начале августа 1856 года и присутствовали на коронации императора Александра I. В честь высочайшей церемонии всем кавказским депутатам были выданы золотые коронационные медали, а серебряные предназначались для переводчиков. Основной части делегатов награды были вручены в Москве, а А.-М. Хаси-Мурзаев и Д. Зармаев получили свои медали на Кавказе, так как они раньше остальных депутатов выехали на родину и не успели получить награды на коронации¹. 17 и 18 января 1895 года в Зимнем дворце был назначен прием многочисленных делегаций, прибывших со всех концов России для выражения Их Величествам верноподданных чувств и принесения поздравлений с бракосочетанием, состоявшимся 14 ноября 1894 года. Представители Кавказа выехали в столицу империи 8 января 1895 года, а 18 января их поздравления принял лично император. Депутаты от Терской области: ингуши, кабардинцы; чеченцы, кумыки в Зимнем дворце преподнесли царской чете подарки и выразили свои самые наилучшие пожелания². В 1906 году в Санкт-Петербург, для представления Его императорскому Величеству прибыла делегация от Кавказской конной бригады. Император принял депутатов 23 марта 1906 года в 14.00 в Царском селе. В составе депутатов был раненый есаул – князь Бекович-Черкасский, поручик Басиев, войсковой старшина Нальгиев³.

В 1909 году, 5 декабря в Канне (Франция), на 78 году жизни скончался Михаил Николаевич, бывший наместник на Кавказе. Вследствие ходатайства главнокомандующего войсками Кавказского военного округа, последовало Высочайшее разрешение на командирование в Петербург, кроме депутатов от частей войск, шефом которых состоял Его Императорское Высочество Михаил Николаевич – общей делегации от всех войск названного округа

¹ РГВИА. Ф. 14 257. Оп.3. Д.389. Л. 281.

² Придворные известия // Правительственный вестник, №14. СПб., 18 января 1895. – С. 1.

³ ГА РФ. Ф.677. Оп.1. Д. 84. Л.1.

для возложения венка на гроб своего бывшего главнокомандующего¹. От Терской области на похоронах присутствовали: кабардинец, коллежский советник – Кудашев; ингуш, поручик – Албогачиев; чеченец – А.Чермоев и житель Хасав-Юртовского Округа – Капланов². 28 декабря, в 14.00 часов 30 минут в Большом Царкосельском дворце, в Белой столовой император принял депутатов Терской области³. Кавказские депутаты выразили императору свои искренние соболезнования, в связи с кончиной его брата, Михаила Николаевича, подчиненными которого они являлись⁴. Его Величество обходил представлявшихся, «удостаивая их милостивым вниманием»⁵. В 1913 году состоялись торжества в честь 300-летия Дома Романовых. В связи с этим грандиозным событием чеченцы ходатайствовали разрешить им преподнести наследнику Цесаревича национальный костюм, старинное – золотой чеканки вооружение и серебряную статуэтку чеченской арбы. Для вручения подарков в Петербург были направлены депутаты от Чеченского народа: кадий Веденского и Грозненского округов Абас Аутахаджиев, кадий Грозненского горского суда Хасан Есиев и энгеноевец Касум Хаджи Ильясов⁶.

Подведем некоторые итоги. В 1837 году состоялась первая встреча российского императора с горцами на Кавказе, и казалось, что такие встречи будут проходить вечно, что коренные жители Кавказа теперь навсегда будут неразрывно связаны с Российской империей, станут ее сынами. Но жизнь оказалась намного сложнее, чем предполагали люди, революционные события навсегда изменили эволюционный исторический ход событий. Последний российский император Николай II после 1914 года уже никогда не вступит на кавказскую землю и будет расстрелян большевиками

¹ РГВИА. Ф. 970. Оп.3. Д.1443. Л.32.

² Придворные известия// Правительственный вестник, №279. СПб., 30 декабря 1909. Л.1.

³ РГИА. Ф. 516. Оп.2. Д. 252. Л.107.

⁴ Телеграммы // Кавказ, №296. Тифлис, 30 декабря 1909. – С. 2.

⁵ Официальные известия // СПб ведомости, №290. СПб., 29 декабря 1909. – С. 2.

⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 52. Д.1339. Л.68.

в 1918 году. Для многих жителей Кавказа это известие отозвалось болью в сердцах. Во время путешествий по Кавказу императоры близко общались с самыми разными людьми, часто решали их насущные проблемы, одаривали горцев наградами и землями. Для жителей Кавказа это уже были не те «белые цари», что правят где-то далеко на севере, а близкие и понятные люди, наделенные неограниченной властью и способные мгновенно решить самые трудные задачи, которые не разрешались веками. Как говорит абхазская мудрость: «Кто зло делает – для себя, кто добро делает – тоже для себя». Гостеприимные встречи на Кавказе людей разных национальностей и вероисповеданий с российскими императорами навсегда останутся теперь в анналах истории и будут служить наглядным примером взаимоотношений высшей власти и общества в пределах огромной, многонациональной страны.

Л.И. Цвижба,
Москва

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ КАВКАЗСКИЕ ГОРЦЫ В XIX в.

В историографии Кавказской войны больше известны аманаты – заложники, которых выдавали в знак покорности для обеспечения соблюдения договора и содержались в крепостях кавказских. Число аманатов, выдаваемых горцами, зависело от степени покорности обществ или отдельных родов¹.

Но при этом остается без должного внимания тема пленных горцев, каковых было тысячи. В плен попадали по-разному. Пленных содержали в крепостных арестантских ротах, расположенных, как правило, далеко от Кавказа; их ссылали в Сибирь и другие регионы Российской империи на поселения.

В период военных действий в плен попадали не только мужчины, но и дети и женщины. Этих людей использовали, в определенных случаях, в качестве аманатов.

Порядок нахождения горцев в плену регламентирован рядом документов. Так, высочайшее соизволение от 7 сентября 1840 г. гласит, что всех горцев, которые будут взяты в плен в «продолжении военных действий в настоящем году на Кавказе и отправлены потом в Новочеркасск, назначать предварительно в арестантские роты Инженерного ведомства, находящиеся в Кронштадте, Свеаборге, на Аланде, в Риге, Динабурге, Ревеле, Киеве, Бобруйске,

¹ Цвижба Л.И. Аманаты//Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. М., 1997. – С.128-130.

Измаиле и Кинбурне, а затем и в другие крепости, исключая состоящих в Грузинском инженерном округе, как ближайших к местам военных действий с горским народом¹. Из циркулярного предписания (от 26 августа 1842 г.) следует, что детей мужского пола определять в батальоны военных кантонистов, а женщин – в Московский воспитательный дом. По доставлении пленных горцев с семействами в Новочеркасск, детей их, имеющих более 7 лет, распределять согласно последовавшему от них повелению, а жен их с прочими малолетними детьми оставлять в войске Донском и устраивать их там по распоряжению наказного атамана. Если захвачены будут в плен женщины без мужей, старики и обоего пола дети горцев всякого возраста, то всех отправлять в Новочеркасск, а далее, как уже говорилось выше, в арестантские роты Инженерного ведомства. И еще важно отметить, что было предписано пересылаемых с Кавказа горцев снабжать в пути одеждой, обувью и кормовыми деньгами по распоряжению местного начальства на общем положении о ссыльных арестантах².

Перед государством стоял вопрос, «куда следует обращать пленных горцев и азиатцев», сосланных в арестантские роты или отанных на военную службу на определенные сроки. Из Высочайшего повеления, направленного Инспекторским департаментом Военного министерства начальнику Штаба генерал-инспектора по Инженерной части г.-а. А.К. Герау 16 марта 1843 г. следует:

«1. Из пленных горцев и азиатцев, сосланных в арестантские роты и отанных в военные службы на определенные сроки, по истечении оных, возвратить на родину только тех, которые не приняли православной веры и принадлежат к покорным племенам. Тех же, кои вступили в православие, водворять на жительство во внутренние губернии.

2. Принадлежащих племенам враждебным или полупокорным не возвращать на родину, но оставлять в местах ссылки или отправлять на поселение в отдаленные губернии.

¹ РГВИА. Ф.827. Оп.7. Д.215. Л.5.

² Там же. Л.13-13об.

3. Постановить для этого правилом, дабы начальники войск и арестантских рот, в коих находятся пленные горцы, за 6 месяцев перед окончанием сроков ссылки их представлять списки Инспекторскому департаменту, который, по собранному через начальство Кавказского корпуса надлежащих сведений, к покорным или непокорным племенам принадлежали сосланные горцы, распределяет их согласно вышеизложенным (1-му и 2-му) пунктам высочайшего повеления¹.

Следующий документ, регламентирующий положение арестантов – это установленные правила высочайшим повелением от 5 ноября 1850 г., которые гласили:

1. Об арестантах, сосланных на срок, к исходу срока, т.е. на начало последнего года, а об арестантах, ссылаемых без назначения срока, по происшествии 3-х лет со времени прибытия в арестантские роты, спрашивать кавказское начальство на счет возможности возвращения на родину, и если это не признается возможным, оставлять бессрочным еще на 3 года, по происшествии которых опять делать запрос. После 3-х запросов с отрицательным ответом и также арестантов, сосланных на сроки, распределять на службу в действующее войско или в военно-рабочие роты Инженерного ведомства с учетом их способностей.

2. Сношения с начальством Кавказского корпуса возложить на комендантов крепостей, с тем, чтобы они, по получении отзывов об арестантах, подлежащих к возвращению на родину, и определенных в военно-рабочие роты и помещенных в богадельни, входили с представлением по команде, с приложением в подлинном полученного от начальства Кавказского корпуса ответе².

Среди тех, кто содержался в арестантских ротах, были и преступники. Об этой категории арестантов Высочайшим манифестом от 27 марта 1855 г. определено, что преступников, поступивших в арестантские роты Инженерного ведомства в разряд всегдаших, если поведение их исправилось, перевести в разряд военно-срочных, срочным же, которых поведение исправилось,

¹ Там же. Ф. 312. Оп. 1. Д. 3275. Л. 9-10.

² Там же. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1319. Л. 8-9об.

сократить сроки пребывания в арестантских ротах, а именно: сосланным на время от 8 до 10 лет – 4-я годами, сосланным на время от 5 до 8 лет – 3-я годами, сосланным на время от 2 до 5 лет – 2-я годами, всех сосланных от одного до 3-х лет, если они пробыли в ротах не менее как от 6 месяцев до 1 года и исправились в поведении, перевести в военно-учебные роты или гарнизонные войска либо куда по закону будет следовать¹.

Безусловно, представляют интерес биографии пленных. Многочисленные архивные документы по Кавказской войне позволяют систематизировать их биографии и проследить дальнейшую судьбу, если не каждого, то, во всяком случае, многих горцев.

Случайный плен:

В ряде случаев попадания горцев в независимость можно отнести к случайному плену. Так, например, кабардинец Юнус Захамычев сын Захамычева был схвачен в Ставрополе при покупке им проса «для неприязненных народов» и, распоряжением командующего войсками Кавказской линии и в Черномории расположенных, сдан в рекруты 17 февраля 1834 г., а затем сослан на 10 лет. В выписке из формулярного списка арестантов на 31 октября 1841 г., составленном комендантом Динабургской крепости от 31 октября 1841 г. значится, что Юнус Захамычев состоял в Финляндском линейном №5 батальоне².

В сентябре 1841 г. на берегу Черного моря были захвачены в плен турки и черкесы, среди которых был Заурбек Седжяш (он же Шаяш). Он вместе с другими пленными отправлен к наказному атаману Войска Донского для дальнейшего распоряжения. За него стал хлопотать состоявший в ведомстве Черноморской кордонной линии прапорщик из горцев Тлекеч Тамбиев, т.к. Седжяш был родным братом его жены.

Командир Отдельного Кавказского корпуса, учитывая заслуги Тамбиева, в частности, что он в продолжение 7 лет служил верным лазутчиком и освободил 5-х солдат, взятых черкесами в плен в Николаевском укреплении, предписал командующему Черноморской

линией (11 мая 1842 г.), предоставить Заурбеку Седжяш «полную свободу, обласкав его как человека, постоянно доказывающего русскому правительству свою преданность». К тому времени Заурбек Седжяш находился в Кронштадтской арестантской роте №2, но в сентябре 1843 г. он отправлен в Екатеринодар к командующему Черноморской кордонной линией¹.

Другая история связана с абадзехом Ахмет Ходжи Гусейном, который был взят в плен на Черноморской береговой линии в 1846 г. с турецкого контрабандного судна вместе с его пассажирами. Ахмет возвращался на родину по окончании воспитания в Стамбуле, пленен в 1846 г., отправлен в Новороссийск, оттуда сослан в арестантские роты в Аланды.

В переписке, состоявшейся с 21 января по 21 мая 1852 г. между Департаментом военных поселений, начальником Штаба по инженерной части и комендантом Аландов полковником Бодиско, значится следующее: «Во внимание к просьбе родственника старшины Шумафа Гажога, оказывающего нам услуги со времени генерала Ермолова, главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом ходатайствует о возвращении на родину Хаджи Гусейна». Кроме того, отмечалось, что Ахмет Ходжи, будучи арестантом роты №7 в Аландах, вел себя хорошо, что позволяло отправить его на родину. Возвращение Ахмет Ходжи Гусейна на родину произошло только через шесть лет².

Еще одна категория людей, попадавших в «случайный плен». Это горцы, взятые в плен в период военных действий, например, как при штурме крепости Ахульго.

Из переписки генерал-инспектора по Инженерной части и управляющего Инженерным департаментом от 12 июля 1842 г. следует, что среди попавших в плен при штурме Ахульго жители Гумбетовского общества дер. Мехельты были взяты еще Шамилем в качестве заложников «за приверженность их русскому правительству» и содержались в замке Ахульго, а после штурма Ахульго отправлены вместе с другими пленными в крепостные арестанты

¹ Там же. Д. 2019. Л. 1-2.

² Там же. Ф. 827. Оп. 7. Д. 287. Л. 8, 10об.

¹ Там же. Ф. 312. Оп. 1. Д. 3275. Л. 25-27.

² Там же. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1503. Л. 1-3, 6, 9.

на 10 лет, в Бендеры: Нурама Хамидова, Куташа Халитиева, Аджиау Умарова и в Ригу – Муртуза-Умара Дебирова. Всем было по 40 лет от роду. Причиной возвращения их на родину стало то, что «многочисленная родня их отложилась от неприятеля, и, находясь постоянно на службе при г.-м. Ахмет-хан-Махтулинском, участвовала во многих делах против горцев»¹.

Следует отметить, что при штурме Ахульго попало в плен «разного рода людей», в том числе дети и женщины, но тех, кто выслан в арестантские роты сроком на 10 лет было 90 мюридов. Список пленных мюридов, взятых в плен 22 августа 1839 г. в Ахульго, составлен по деревням с указанием имен и фамилий, возраст и крепость, куда направлен каждый. В списке отмечен возраст пленных – от 22 до 65 лет, среди них были и умершие: 20, 22 и 30 лет².

Плен за побег к горцам и за кражи:

Переписка Военного министерства, генерал-инспектора по Инженерной части, управляющего Инженерным департаментом с 26 июня по 21 августа 1848 г. посвящена возвращению на родину из арестантской роты Кронштадтской крепости жителя Старо-Юртовска Муртай Мусаева, сосланного в 1842 г. по распоряжению начальника Кавказской линии за двукратный побег к непокорным горцам и воровство лошадей. Из данной ему характеристики следует, что Мусаев, находясь в арестантской роте №2, «вел себя хорошо и заслуживает облегчения его участия». Император Николай I, по всеподданнейшему докладу генерал-инспектора по Инженерной части разрешил арестанта «возвратить на родину»³.

Бичан Цеков, 52 лет, из холопов князя Лоова, сослан без наказания и без назначения срока в Свеаборскую крепость в 1857 г. за «двуократный побег к непокорным горцам, за участие к партиям хищников, в воровстве и другие предосудительные поступки». Был женат, семья осталась в горах «у непокорных горцев». Из доноса Свеаборгского коменданта начальнику штаба генерал-инспектора по Инженерной части г.-м. К. П. фон Кауфману от 3

¹ Там же. Ф. 827. Оп. 7. Д. 403. Л. 1-10б.

² Там же. Д. 157. Л. 1-3об.

³ Там же. Ф. 312. Оп. 1. Д. 3613. Л. 1-10б., 3.

марта 1859 г. следует, что крепостной арестант Бичан Цеков со дня прибытия в роту, т.е. с 27.04.1858 г., находился в Свеаборгском госпитале и, неспособный к крепостным работам, назначен в багадельню. Возвращен на родину в конце 1859 г.¹

Плен за сношение с горцами и хищничества:

В августе 1859 г. из Брест-Литовской крепости отправлен в Ставрополь для возвращения на родину горец Ингушского племени Хальмурза Бакильгов, 70 лет от роду, сосланный без телесного наказания и на 5 лет «за сношение с непокорными горцами и за укрывательство хищников и другие преступления»².

Из переписки Инспекторского департамента с генерал-инспектором по Инженерной части за период с 18.04.1845 по 01.01.1846 г. о возвращении на родину арестантов карабулаков Жутурки и Оис Чуркиевых следует, что они захвачены в Назрановской деревне в марте 1844 г., «по подозрению в хищнических намерениях»³.

Войсковое правление Войска Донского 10.08.1849 г. отправило в арестантские роты Динабургской крепости военнопленных горцев с формулировкой: «скитавшихся во Владикавказском округе с неблагонамеренными видами с оружием в руках». В списке значились чеченцы и убыхский житель Хаджи Заурбек, 25 лет⁴.

Пленный абрек Уважуко Губжаев, как следует из отношения военного министра генерал-инспектору по Инженерной части г.-а. А. К. Геруа от 26.01.1847 г., арестован за побег со своим владельцем, кабардинским узденем, в Чечню. Содержался в Ревельских арестантских ротах. Возвращение его на родину инициировано по просьбе отца Уважуко, когда выяснилось, что он «был увлечен к побегу по принуждению своего хозяина», и что «отец абрека всегда оставался покорным»⁵.

Еще о судьбе 3-х азиатцев, пребывавших в крепостях со сроками по 10 лет с 1840 г., следует из рапорта Аланского коменданта

¹ Там же. Ф. 312. Оп. 3. Д. 1364. Л. 13-13об., 16-17, 62-62об.

² Там же. Д. 1364. Л. 53-55.

³ Там же. Ф. 312. Оп. 1. Д. 3398. Л. 1-2, 3, 4.

⁴ Там же. Ф. 827. Оп. 7. Д. 1361. Л. 5, 6-10.

⁵ Там же. Ф. 312. Оп. 1. Д. 3501. Л. 6-7.

полковнику Бодиско инспектору по Инженерной части инженер-генералу И. И. Дену от 6 июня 1852 г. Он отмечал, что они «лишены права на возвращение на родину за принадлежностью к обществам совершенно нам непокорным».

Список арестантов, составленный в июне 1852 г. содержит следующую информацию об этих арестантах:

1. Хоза Магома Умар-оглы, 34 лет, правая нога короче после перелома. Определен в инвалиды в Финляндские инвалидные команды.

2. Мутом Магома-оглы, 37 лет, здоров, определен в военно-рабочие роты Инженерного корпуса на Аланде.

3. Магома Ныр-Магома-оглы, 45 лет, удушье и слабость сил. Определен в инвалиды в Финляндские инвалидные команды¹.

Судьба после изменения фамилии и веры:

В зависимости от ситуации арестанты принимали решения о своей дальнейшей судьбе.

Из отчета генерал-инспектора по Инженерной части военному министру от 15.07.1859 г. следует, что свободный поселянин Дербентской губернии села Башлова Агат-Байдан-оглы в 1848 г. сослан «за дурное поведение» по решению наместника Кавказского [Воронцова] в Николаевские морские арестантские роты. В 1851 г., за побег с работы и подделку во время побега из меди полуимпериалов, по решению морского генерал-аудиториата наказан шпицрутенами через 500 человек 3 раза и зачислен в разряд каторжных арестантов, а в 1852, за нанесение унтер-офицеру арестантской роты ножом в бок раны, по высочайшей конфирмации наказан шпицрутенами через 1000 человек 4 раза с прикованием к тачке, и затем переведен в арестантские роты инженерного ведомства в крепость Бендеры, где в 1857 г., «в ночи, освободившись от оков, бросился с ножом на спавшего с ним в одной казарме товарища своего и нанес ему 6 ран, за что, по распоряжению начальства, наказан шпицрутенами через 100 человек 6 раз и затем, в 1858 г. перемещен в Киевские арестантские роты, в которых находится по 1859 г. Но там, как доносил комендант, он с самого поступления в Киевскую крепость, не был замечен ни в каких

¹ Там же. Ф. 312. Оп. 2. Д. 1538. Л. 3-4, 6-7.

предосудительных поступках, а напротив, изъявил раскаяние в содеянных им преступлениях, принял православную веру и при крещении наименован Николаем Антоновым, почему и ходатайствует об облегчении его участия.

Из рапорта генерал-инспектора по Инженерной части Киевскому коменданту от 22.08.1859 г. следует, что высочайше повелено «арестанта Агат-Байдан-оглы, в виду особой милости, освободить от прикования к тачке с тем, чтобы перевести его в разряд военно-срочных на 5 лет и по истечении этого срока передать в гражданское ведомство для поселения в Сибирском крае»¹.

Крестьянин аула Лоова Хач Гуженов за побег к горцам сослан в январе 1844 г. в Бендерскую крепость на крепостные работы без срока. В августе 1844 г. поступил в Киевскую арестантскую роту №27. В 1845 г. принял православие и назван Михаилом Гуженовым².

Из отчета военного министра генерал-инспектору по Инженерной части от 06.11. 1848 г., по всеподданнейшему докладу-представлению Бобруйского коменданта об освобождении из крепостной роты арестанта из горцев Шайда Чечеева (он же Саад Тикиев), названный по принятии православной веры Петром Бояриновым, следует, что он, будучи в крепости проявил хорошее поведение, передан из арестантской роты в гражданское ведомство для возвращения во внутренних губерниях Империи по назначению Министерства внутренних дел³. А вот еще ситуация, когда горец добровольно менял веру:

Из прошения писаря 2 класса Абдуллы Мансурова, состоявшего в канцелярии директора Инженерного департамента, в правительственный Синод от 13 декабря 1838 г. следует: «Живя и обращаясь между людьми, исповедующими православную греко-российскую веру, узнал ее преимущества перед магометанским законом и заблуждения сего последнего, и, не желая более оставаться в магометанском законе, я возымел желание присоединиться в недра православного греко-российской церкви, а потому всепокорней-

¹ Там же. Оп. 3. Д. 1399. Л. 4-5об., 7.

² Там же. Оп. 3. Д. 1034. Л. 1-1об., 3, 11-11об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 3628. Л. 1-1об.

шее прошу вашего высокопревосходительства милостивейшего архипастыря приказать учинить предписание Инженерного замка священнику о приготовлении меня к принятию святого крещения наставлением истинно-православно греко-российской веры, молитвах христианских и благочестие <...>». Из отношения духовной консистории управлению Инспекторской части инженерного корпуса от 13.03.1839 г. следует, что при крещении Абдулла Мансуров наречен Николаем Александровым. Имя выбрал сам. Был холост, проживал в Инженерном замке¹.

В сохранившейся переписке – коменданта Кинбургской крепости, Инспекторского департамента Военного министерства и других должностных лиц за период с 1846 по 1849 г. следует, что крепостной арестант из пленных горцев, Ахатлинский житель Исаак Ибрагим-оглы, названный в крещении Ильею Константиновым, 35 лет, лицом чист, волосы темно-русые, глаза серые, нос умеренный, здорового телосложения, доставлен в Кинбурнскую крепость 10 февраля 1842 г. Хорошего поведения. Плотник, российскую грамоту читать умеет, рост 2 аршина 7½ вершков. Семейное положение – неизвестно. Был пленен на Ахатлинской переправе после покорения Черкея, обвинен в сношении с «не-приязненными горцами в содействии к возмущению жителей и в убийстве своего односельца». Оказавшись в крепости, как пишет комендант Кинбурнской крепости, «азиатец сей, продолжая бытность свою в крепостной работе с примерным поведением семь лет, вновь обращает внимание мое и всех вообще гг. в крепости Кинбурне находящихся, коим сделался известным под именем доброго черкейца Илии, через покорность, вежливость, трудолюбие и усердие к религии, доказательством чего поставляю, что он с самого поступления своего в крепость, призрел всякое сношение с горцами, бывшими с ним в вверенной мне крепости и сверх того, не видя ни малейшего поощрения, добрыми своими советами, в одном из земляков своих Ургузе Чертуайлове возродил благона-меренную мысль и охоту принять христианскую веру и продолжает оказывать тому содействие в изучении молитв и Российской

грамоте читать, об окрещении коего, я с сим вместе, рапортом моим за №1643, испрашиваю разрешения, то ныне, за все выше-прописанные добрые поступки упомянутого горца Константина-ва, желая исходатайствовать ему справедливую награду, я <...> [прошу] Константинову свободу на возвращение во внутренних губерниях Империи, каковая милость упрочит его будущность и послужит другим примером к раскаянию. К сему имею честь присовокупить, что горец Константинов заслужил не только рекомендацию мою и всех вообще гг. находящихся в крепости Кинбурн, но даже и всех товарищей своих арестантов, которые, зная доброе его поведение и совесть, избрали его в должность артельщика, которую он исполняет с 2-го апреля сего года [1848 г.], и все арестанты хозяйственными распоряжениями его всегда отзываются довольными»¹.

Ссылка «в Сибирь навсегда» – такая формулировка встречается во многих документах.

Из рапорта начальника Штаба Отдельного Кавказского корпуса и. д. коменданта Динабургской крепости полковнику Байбакову от 23.07.1856 г. о запрещении главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом возвращения на родину арестантов Майка Кари-оглы и Султана Хаджиева следует: «В связи с тем, что горцы эти, как принадлежащие к непокорным нам обществам, должны быть сосланы навсегда в Сибирь на поселение». К тому же оказалось, что арестанты Майк Кари-оглы и Султан Хаджиев по медицинскому освидетельствованию оказались «совершенно неспособными к крепостным работам». Из статейного списка Майка Кари-оглы и Султана Хаджиева следует, что 1-му 35 лет, он из аманатов села Ханзак, сослан на 10 лет сначала в Свеаборгскую крепость (с 1841 г.), в 1855 г. – в Динабургскую крепость. Имел обширные золотушные язвы и затвердение шейных желез, не поддающиеся лечению. 2-му – 31 год, из военнопленных горцев. «За поднятие оружия против российских войск» сослан на 10 лет. Прибыл в Свеаборг в 1847 г., в Динабург – в 1855 г. Имел хронический катар легких с отолстением стенок сердца. Оба содержались без кандалов. Статейные списки

¹ Там же. Ф. 827. Оп. 7. Д. 81. Л. 6-7.

¹ Там же. Ф. 827. Оп. 7. Д. 1325. Л. 1-4, 5-7об.

дают описание их внешности: лицо чистое, продолговатое, глаза карие, нос посредственный, волосы темно-русые (черные у Султан Хаджиева)¹.

Что касается уроженца с. Буглен Шамхальского владения абрека Абдуш Бота-оглы, то он сослан в 1847 г. в Омск в арестантские роты «навсегда» «за преступления». Об этом следует из документа, датированного 11.03. 1859 г.²

Отношение Инспекторского департамента Военного министерства в Штаб генерал-инспектора по Инженерной части от 12 мая 1862 г. содержит информацию о розыске 2-х кабардинцев-абреков: князя Тембота Хамурзина и узденя Саита Алтафова, пойманных в 1844 г. близ р. Урупа с оружием в руках, и тогда же сосланных в артиллерийские роты: первый – на Аланды, 2-й – в г. Свартгольм, хотя они находились в Иркутской губернии, о чем стало известно из полученных родственниками писем от Тембота Хамурзина и Саита Атафова³. Из отношения и. д. гражданского губернатора Иркутского общегражданского управления в Штаб генерал-инспектора по Инженерной части от 19 июля 1862 г. (на запрос штаба от 09.06.1862.) следует, что по алфавитам экспедиции значится: 1-й – Саит Алтафов, за освобождение себя из-под стражи и сопротивление воинской команде по приговору воинского уголовного суда Войска Донского, утвержденному правительенным Сенатом, лишен всех прав состояния, наказан через палача 30 ударами плетьми, с наложением клейм и сослан в Сибирь на каторжную работу в рудники на 12 лет, по прибытии в Иркутск (4 июля 1850 г.) назначен в Нерчинские рудники, куда и отправлен 17 августа того же года в 10-й партии.

2-й – Тамбот Хамурзин, за побег из-под стражи и сопротивление воинской команде, согласно Высочайшего повеления, последовавшего по положению Кавказского комитета, наказан через палача 30 ударами плетьми, с наложением клейм и сослан в Сибирь на каторжную работу в рудники на 12 лет, поступил в Иркутск 4

¹ Там же. Ф. 312. Оп. 3. Д. 1060. Л. 1-5.

² Там же. Оп. 3. Д. 1364. Л. 19-19об.

³ Там же. Оп. 3. Д. 1648. Л. 39-39об.

июня 1850 г., отправлен 17 августа в 10-й партии в Нерчинские горные заводы¹.

О дальнейшей судьбе этих людей стало известно из отношения Забайкальского областного управления в Штаб генерал-инспектора по Инженерной части от 11.12. 1862 г., в частности, Тембот Хамурзин (по крещении – Александр Степанов, он же Алексей) и Саит Атаров (по крещении – Михайлов): 1-й уволен от работ вовсе и проживал при Зерентуйском руднике, 2-й – во временном увольнении и проживал при Нерчинском заводе².

О судьбе других горцев известно из отношения военного министра генерал-инспектору по Инженерной части от 08.10.1846 г. В частности, об отправлении Гуняка Нажаева, Толпона Тагирова и Умара Амаева на поселение в Сибирь после окончания 6-летнего срока пребывания в арестантских ротах «за прием хищнических партий и участие с ними в злодеяниях». Они принадлежали Карабулакскому обществу, аулу Батыш-Юрту, «отложившихся» от России в 1840 г. и между покорными карабулаками родных не имели³.

Что касается другого горца, сына балкарского эфендия Кази Закирей, как показывает переписка Департамента военных поселений, инспектора по Инженерной части и киевского коменданта (март – апрель 1851 г.) о возвращении его на родину, он был пойман в 1843 г. на воровстве во время военных действий на Кавказе. Поступил в Киевскую арестантскую роту 20 сентября 1843 г., в январе 1844 г. умер «за болезнью» в Киевском госпитале⁴.

Арестант Киевской арестантской роты 49-летний житель Шамхальского владения села Кумтер-кале Имам Кази Мамай-оглы доставлен в крепость в апреле 1849 г. на 3 года по конфирмации главнокомандующего Отдельного Кавказского корпусом «за доставление пристанища и сношение с абреком Али-беком». Из отношения вице-директора Инспекторского департамента начальнику Штаба инспектора по Инженерной части от 27.08. 1852 г. следует, что

¹ Там же. Л. 40-42.

² Там же. Л. 62-63об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 393. Л. 1-2.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 1324. Л. 1-4об.

Имам Кази Мамай-оглы, хотя и окончил определенный ему 3-х летний срок в крепостной работе, но не может быть возвращен на родину. При медосмотре оказалось, что по «болезни ног» ни к какому роду военной службы не способным, исключен из арестантских рот и отправлен в заведение Киевского приказа общественного призрения для помещения в богадельню. Из-за значительного сокращения левой ноги ниже колена он не в состоянии ходить без костылей. Из отзыва кавказского начальства следует, что он склонен к бродяжничеству и грабежу, почему отказано ему в возвращении на родину и назначении его в богоугодное заведение, где нет охраны, поэтому принято отправить его в Сибирь на поселение. Жена Мамай-оглы осталась на родине¹.

О судьбе жителя Кази-Кумухского округа с. Кара Барата Юсуф-оглы узнаем из отношения военного министра г.-а. Мильтина генерал-инспектору по Инженерной части от 18 марта 1862 г., который по докладу командующего Кавказской армией был сослан за преступление в арестантские роты в крепость Бобруйск сроком на 6 лет с тем, чтобы в дальнейшем отправить его в Сибирь на поселение навсегда². Такая же участь ожидала жителя Аварского ханства сел. Хуштада Магома Омар-оглы. Он, как следует из отношения военного министра генерал-инспектору по Инженерной части от 22 марта 1862 г., сослан в арестантские роты в крепость Бобруйск сроком на 5 лет «за преступление» с тем, чтобы по окончании срока отправить его в Сибирь на поселение навсегда, но Магома Омар-оглы умер на пути следования еще в Хасавюртовском госпитале³.

В 1862 г. сослан также «за преступление» в арестантские роты в крепость Бобруйск житель Гунибского округа сел. Хиндах Раджабилова Ибрагим-оглы сроком на 6 лет с тем, чтобы по окончании срока отправить его в Сибирь на поселение навсегда⁴. Туда же сослан «за преступление» житель Кабардинского округа узденъ

Атажук Губжев на 5 лет с тем, чтобы по окончании срока он мог быть возвращен на родину, но не иначе как по засвидетельствованию местного начальства, т.е. за хорошее поведение в ссылке¹. Также направлены в Бобруйск в 1862 г.: кабардинский узденъ Махмуд Шовуженов сроком на 8 лет с тем, чтобы по окончании которого он был возвращен на родину «только по одобрении начальством поведения его, в противном случае будет отправлен в Сибирь на поселение навсегда»²; сроком на 4 года кабардинец, житель пос. Тяжгова Мазан Кошев с тем, что «по окончании срока будет возвращен на родину не иначе, как по одобрении местным начальством поведения его в ссылке и по предварительному о том сношении с кавказским начальством»³.

Были и такие пленные, которым повезло, и они не оказались в ссылке в Сибири.

Например, по жителю Староюртовского аула Муртай Муссакова, сосланного в арестантские роты крепости Кронштадт «за двукратный побег и воровство лошадей», в 1848 г. будет принято решение о возвращении его на родину «в уважение просьбы родственников этого азиатца и всего общества Староюртовского совершенно преданных правительству»⁴. Чеченец-аманат Салтангаз Магометов, сосланный после восстания Чечни в 1841 г. в Рижские арестантские роты «за измену его одноплеменников», как следует из предписания генерал-инспектора по Инженерной части управляющему Инженерным департаментом от 31.10.1848 г., в ссылке уже 8 лет, не сделав лично преступлений, поэтому император «соизволил изъявить согласие» на ходатайство главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом о возвращении его на родину. Магометов будет отправлен в распоряжение командующего войсками на Кавказской линии и в Черномории в ноябре 1848 г.⁵

¹ Там же. Л. 13-13об.

² Там же. Л. 17-17об.

³ Там же. Л. 19-19об.

⁴ Там же. Ф. 827. Оп. 7. Д. 1568. Л. 1-1об., 4-4об., 6-6об.

⁵ Там же. Д. 1578. Л. 1-1об., 3-3об.

¹ Там же. Оп. 2. Д. 1557. Л. 4-6, 10-12об.

² Там же. Оп. 3. Д. 1630. Л. 7-7об.

³ Там же. Л. 9-9об., 15.

⁴ Там же. Л. 11-11об.

Сохранилась интересная переписка о цебельдинском князе Квадже Мамсыр-бей-ипа Маршани, жившего в с. Науш по соседству с Абжуйским округом, который «издавна был замечен в воровстве, грабеже, хищничестве, пристанодержательстве, самоуправстве и других незаконных поступках, производимых им в Цебельде и Абжуйском округе». По жалобе жителей Абжуйского округа, начальник войск в Абхазии, с разрешения Кутаисского генерал-губернатора г.-л. Г.Р. Эристова, предписал цебельдинскому приставу арестовать Кваджа Мамсыр-бей-ипа Маршани и доставить его в Сухум, что было исполнено 6 января 1861г. «Признавая вредным присутствие в Цебельде упомянутого хищника и для наказания его и для примера другим» Кутаисский генерал-губернатор от 3 марта за №238 вышел ко мне с представлением об отправлении князя Кваджа Мамсырбей-ипа Маршани в Россию для определения в один из Донских казачьих полков в Царстве Польском расположенных, – писал главнокомандующий Кавказской армией г.-ф. А.И. Барятинский военному министру 20 марта 1861 г. и просил ходатайствовать перед императором соизволения на определение Кваджа Мамсырбей-ипа Маршани в один из Донских казачьих полков в Царстве Польском расположенных¹.

По существовавшим правилам, не имевшие офицерских чинов азиатцы, будучи прикомандированы к Донским казачьим полкам, получали полное содержание казака, т.е. жалованье и ремонтную дачу, деньги на покупку мясной порции, провиант, фураж в натуре или причитающиеся за них деньги, сколько таковых будет следовать казаку. Маршани все эти выплаты должен получить по прибытии на место служения. В случае затруднения в прикомандировании Маршани на службу на вышеизложенных основаниях, его должны сослать на жительство под надзор полиции в одну из отдаленных от Кавказа губерний. На докладе по Управлению иррегулярных войск от 31 января 1862 г. об удалении с Кавказа князя Маршани за противозаконные поступки в Минскую губернию под надзор полиции есть резолюция, подписанная военным министром Д.А. Милутиным: «Высочайше

повелено прикомандировать кн. Кваджа Маршани к Донскому казачьему полку, находящемуся в Финляндии», куда он и прибыл в феврале 1862 г.¹

В приказе по Военному ведомству от 1 ноября 1856 г. за №256 в пункте 4 написано: «Азиатцам, прикомандированным к Донским полкам, предоставляется: носить свою национальную одежду, бороду, шапку, свойственное их привычкам, но если кто из них пожелает носить Донской мундир, то сие им не возбраняется. Они получат полное содержание казака, т.е. жалованье и ремонтной дачи 28 руб., на покупку мясной порции -2 р.75 коп, провианта, муки 3 четверти, крупа 2 четверика, 2 гарнца, сена 90 пудов, овса и ячмень 6 четвертей или причитающиеся за то количество провианта и фуража деньги, сколько их на казака причитаться будет». К. Маршани выдано в единовременное пособие 250 руб. 50 коп. из государственного казначейства на покупку лошади и обмундирования².

В феврале 1867 г. Горское управление запросило Управление иррегулярных войск о поведении и образе жизни кн. Маршани в Финляндии и поскольку были «получены весьма хорошие о нем отзывы», то император «признал возможным дозволить князю этому возвращение на родину»³.

В докладной записке военному министру Д. А. Милутину 12 февраля 1868 г. К. Маршани пишет: «В 1862 году по распоряжению начальства я был выслан в Россию в Финляндскую губернию г. Тавастгус и был прикомандирован юнкером в 16-й Донской казачий полк, а потом в 1867 г. переведен юнкером же в Донской №53 казачий полк. В настоящее время по Высочайшему повелению разрешено мне отправиться на родину на Кавказ, но не имея средств проехать до родины на Кавказ, нижайше прошу ходатайство Вашего Высокопревосходительства о необходимом пособии на проезд до г. Кутаиса»⁴.

¹ Там же. Л. 3-30б., 9-130б.

² Там же. Л. 48-51.

³ Там же. Л. 61-61об.

⁴ Там же. Л. 72.

¹ Там же. Ф. 330. Оп. 5. Д.660. Л. 1-1об.

Военный министр распорядился отправить К. Маршани на Кавказ, снабдив его пособием на проезд и 16 февраля 1868 г. ему выдали 50 руб. на путевые издержки¹.

Вышеприведенные биографии кавказских горцев показывают, насколько массовыми были пленения и ссылки, в которые горцы попадали независимо от возраста, пола и рода деятельности. Все это происходило на фоне разрозненных, а порой активных военных действий русской армии на Кавказе. Наибольший интерес вызывают горцы, которые сменили религию и соответственно получили другие фамилии и имена и отправлены на поселения в далекие от Кавказа регионы России. Многие из них были молодого возраста, как сложилась их судьба в дальнейшем, были ли попытки восстановить связь со своей родиной, родней? Архивы России хранят много информации. Не всегда материал лежит на поверхности, но есть возможность проследить биографию ссыльного горца от пленения и до определения его дальнейшей жизни, а о многих и по местам расселения их на постоянное жительство. Проведение такой работы требует значительных и совместных усилий исследователей, но такое исследование было бы оправданным, так как оно показывает еще одну составляющую истории взаимоотношений России и Кавказа в XIX в.

Н. А. Трапи,
Ростов-на-Дону

АБХАЗСКАЯ ИСТОРИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX СТОЛЕТИЯ В ОЦЕНКАХ В.И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

Характерной особенностью многих нарративных источников этнографического характера, посвященных кавказскому региону XIX столетия, является авторская попытка концептуально осмысливать важнейшие проблемы местной истории. Подобный подход превращает индивидуальные наблюдения в своеобразные историописательные модели, структурная осмысленность которых часто превосходит аналогичные образцы профессиональной историографии соответствующей эпохи. Как представляется, одним из наиболее ярких образцов подобного этнографического нарратива являются путевые заметки Василия Ивановича Немировича-Данченко, отдельные разделы которых полностью посвящены Абхазии второй половины XIX столетия.

Историческая ценность нарративных источников в значительной степени определяется реальной степенью исследовательского доверия к авторской личности, имманентные свойства которой непосредственно влияют на объективное содержание приводимых описаний и размышлений. Жизненный и творческий путь В.И. Немировича-Данченко, несомненно, достоин отдельного пространного повествования, однако, в контексте предлагаемого исследования необходимо обратить пристальное внимание на некоторые фрагменты многогранной деятельности российского публициста.

¹ Там же. Л. 74-75.

Во-первых, необычайно трудно добиться общественной известности благодаря личным качествам и, имея родным братом такого выдающегося деятеля, как Владимир Иванович Немирович-Данченко, не нуждающийся в дополнительном представлении. Подобный путь способны пройти только неординарные личности, способные привлечь заинтересованное внимание российского общества собственной деятельностью. Многочисленные публикации Василия Ивановича Немировича-Данченко вызывали живой интерес у отечественных интеллигентов, который является чутким индикатором творческой состоятельности и содержательной адекватности любого автора. Во-вторых, талантливый литератор с армянскими этническими корнями, выросший в кавказских горах, обладал более глубоким пониманием местной жизни, чем мимолетный гость, оценивающий видимую реальность с принципиально отличных ментальных позиций. В.И. Немировичу-Данченко не нужно было специально вживаться в описываемую эпоху, так как он был естественной частью исследуемого исторического пространства. В-третьих, он был далек от слепого следования социально-политической и интеллектуальной конъюнктуре, что вызывало не только естественную критику некоторых коллег из литературной и журналистской среды, но и прямые обвинения в полном отсутствии патриотических убеждений, которые выглядят весьма странно по отношению к полноправному обладателю солдатских Георгиевских крестов III и IV степени, сражавшемуся на Шипке и под Плевной. Указанные факторы формируют подсознательное доверие к оценочным суждениям принципиального и информированного человека, облеченым в привлекательную литературную форму.

Следует выделить также и то существенное обстоятельство, что российский публицист близок профессиональному историку и в своеобразном методологическом измерении, так как приводимые размышления опираются не только на визуальные впечатления и устные рассказы, но и определенную источниковую базу и историографическую традицию. В частности, В.И. Немирович-Данченко использовал опубликованные документальные материалы, среди

которых особо выделяет официальные отчеты различных органов местной российской администрации. Он специально отмечает, что «Сухумская сословно-поземельная комиссия в 1869 году представила целый ряд трудов, характеризующих общественно-политический быт Абхазии и Самурзакани»¹. Историографическая традиция представлена известными работами С.Т. Званба и Н.М. Альбова, которые также непосредственно упоминаются в авторском тексте. В.И. Немирович-Данченко писал: «... в нашем очерке мы пользуемся прекрасными монографиями абхазца Званбая и статьей г. А-ва [Н.М. Альбова – Н.Т.] «Религиозные верования абхазцев», напечатанной в Сборнике сведений о кавказских горцах»².

Василий Иванович Немирович-Данченко посвятил Абхазии четыре очерка, входящие в обширный публицистический сборник «В гостях». Однако, абхазские впечатления российского литератора представляется целесообразным рассмотреть не в текстологической последовательности, а в проблемном ракурсе. В частности, значительный блок авторских размышлений посвящается региональной хозяйственной жизни, в которой он находит как оригинальные черты, так и определенные противоречия. В.И. Немирович-Данченко высоко оценивал абхазскую земледельческую традицию, адаптированную к своеобразным природно-климатическим условиям. Он писал: «Знаете ли, как во время оно горцы обрабатывали свои земли. Как ни крута гора, а вся она у них под пашней. Обыкновенно, наделают на ней террас с каторжным терпением, батюшка, спиралью до вершины. Потом сверху, с горных истоков по всем этим грядкам воду проведут. Земли на террасы сверху навезут чуть не по горсточке»³. Наряду с традиционным земледелием В.И. Немирович-Данченко выделяет и необычные промыслы, среди которых особое место следует отвести оригинальной охоте на дельфинов. Он отмечает, что «турки их [дельфины – Н.Т.] стреляют, а абхазцы, выплывая в море на своих каюках,

¹ Немирович-Данченко В.И. В гостях. СПб., издательство Э. Гартье, 1880. – С. 148.

² Там же. – С. 181.

³ Там же. – С. 78.

оцепляют часть его сетями; потом, въезжая в это пространство бьют дельфинов баграми»¹ Российский публицист указывает также и на негативное влияние на региональную экономику, оказываемое внешними факторами, прежде всего, недавним махаджирством и последующей колонизацией опустевших земель. Он писал: «горец здесь как вол работал ... с тех пор, как выселили горцев в Турцию, производительность этих местностей во всем упала. Где превосходные сады да фермы были, там теперь пустыри, и под то-пором невежественного колониста валятся миндальные, черешневые и персиковые рощи на дрова!»². Применительно к упомянутому дельфиновому промыслу В.И. Немирович-Данченко выделяет и особую роль иностранных конкурентов, которые не встречают противодействия со стороны российской администрации. Он отмечает, что ««абхазцы, в настоящее время ведут борьбу с турками за обладание дельфиновыми промыслами на Черном море, причем турки и греки играют здесь ту же роль, что и норвежцы на наших северных берегах»³ Отдельное внимание российский публицист уделяет и реальному отношению местных жителей к новым участникам хозяйственных отношений, появившемся в региональном пространстве при целенаправленной поддержке имперских властей. По справедливому замечанию В.И. Немировича-Данченко, «поневоле местное население неосообщенно благосклонно относится к крупным землевладельцам из пришлых людей, заботящихся не о том, чтобы упрочить землевладельческую деятельность на своей земле, а только как бы поскорее и побольше добить с нее денег»⁴. Он также полагает, что «самые лучшие хозяева у нас – вернувшиеся горцы, но и к тем почему-то относятся очень недоверчиво, хотя они искренне и бесповоротно примирились с русским владычеством»⁵. Российский публицист высказывает и резонные замечания к собственному правительству, которое не может адекватно

использовать региональные ресурсы, способствуя обогащению иностранных конкурентов. В.И. Немирович-Данченко отмечает: «Мы сами виноваты в нашем экономическом бессилии: пришлые люди создают у нас миллионные состояния, а мы, как Илья Муромец, все сидим на печи, да ждем трех странников, которые должны нам дать и силу, и ум, и практическую сметку...»¹. Однако, он верит в благоприятные перспективы дальнейшего развития региональной экономики, которые он связывает с системным развитием новых отраслей хозяйственной деятельности. Он писал: «Восточный берег Черного моря поражает разнообразием своих произведений. При небольших затратах, тут могут возникнуть в будущем шелководство и виноделие, устроиться плантации табака и хлопка. Даже маслина и чай могут быть разводимы, начиная от Туапсе к югу».²

Справедливости ради необходимо отметить то существенное обстоятельство, что В.И. Немирович-Данченко приводит и весьма нелестные характеристики абхазского быта, связанного с хозяйственной деятельностью. Например, он отмечает, что «... абхазца на охоту палкой не выгонишь. Разумеется, в горы. Что ему нужно? Кислое молоко да кукуруза есть – и слава Богу. Большего он не желает»³. Следующее замечание носит еще более жесткий характер, принимая отчасти гротескную форму: «вы знаете, что про лень абхазскую рассказывают. Куски баранины абхазец руками брать ленится. Лежит на брюхе, да ртом прямо и хватает! ... Бездельничать – его дело»⁴. Безусловно, имеется серьезный соблазн отнести указанные замечания к своеобразному колониальному дискурсу, но, как представляется, они содержат и рациональное зерно. Аналогичное отношение может быть сформировано и к авторскому замечанию о том, что «одним из самых выгоднейших промыслов для абхазцев является воровство»⁵.

¹ Там же. – С. 114.

² Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. – С. 78-79.

³ Там же. – С. 116.

⁴ Там же. – С. 81.

⁵ Там же.

¹ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. – С. 116.

² Там же. – С. 69.

³ Там же. – С. 140.

⁴ Там же. – С. 140.

⁵ Там же. – С. 146.

По обоснованному мнению российского публициста, социальная структура абхазского общества складывалась не только как естественный результат традиционной системы хозяйственных отношений, но и под непосредственным воздействием значимых внешних факторов. В.И. Немирович-Данченко писал: «По всем границам Абхазии – вечно совершались кровавые битвы и грабежи; то абхазцы вторгались в землю сванетов и джигетов, то эти вносили огонь и истребление в Абхазию. Мингрельские Дадианы с востока тоже время от времени вторгались в эту узкую береговую полосу. Прилегая с одной стороны к горским демократическим общинам (убыхи, шапсуги, джигеты), с другой к феодальным Картвельским владениям, Абхазия представляла нечто смешанное. Владетельская власть и иерархия сословий уживались с враждебным феодализму народоправством. Основанием народоправства были союзы. На них делилась вся страна. Каждый союз был политической единицей, жил своей особой внутреннею жизнью. В состав союза входили все сословия, каждое со своей определенной ролью. Союзы – это нечто в роде горных кланов. Сословия каждого клана распадались на две главные группы – ахалапшую (покровителя) и хипши (покровительствуемые). Абхазский клан – акыта, это соединение родовых, фамильных союзов, с преобладающим значением одной какой-либо фамилии. Ахалапшую, покровительствующее сословие, образовывало две подгруппы: тавады (князья) и амнета. Хипши или покровительствуемые делились на буржуазию – анхаэ, составлявшую главную силу страны, амацюразгу – переходный класс к дельмахоре – низшему классу. Были еще рабы, но их всегда считалось очень мало у вольнолюбивых горцев. Был еще класс азатов, довольно многочисленный. Это нечто в роде наших монашествующих. Он составлялся из лиц, уволенных из других сословий «ради спасения души». Обязанность азатов официальная – выучиться турецкому языку и читать известные молитвы по умершим; неофициальная: мошенничать, развратничать и эксплуатировать остальных ... Самая сильная из фамилий тавадов владела страной, но владела фиктивно. Хотя привилегированные сословия считали за честь служить ей, сопровождать тавада в поезд-

ках, следовать за владельцами во время войны, но внутри у себя, в общине, в клане – каждый был хозяином. Союз кланов распался бы неминуемо, если бы он не поддерживался постоянными набегами извне. История Абхазии – это история ее борьбы с соседями, которые иногда вдоль и поперек проходили всю страну. Ахалапшую никогда не могло захватить в клан иной власти кроме «покровительства», потому что все фамилии этого сословия в каждом клане враждовали между собой и не могли действовать скопом против остального населения. Их соперничество ограждало права других кланов ... Все повинности анхаэ составляли в известных приношениях от времени до времени и некоторых услугах покровительствующим. Иногда они выходили на работу по приглашению, несколько дней в году, что жители охотно исполняют и в отношении низших классов друг для друга. Прикрепление к земле не существовало вовсе: каждый пользовался правом ассаства, то есть переменой места ... Свобода переходов ограничена только с водворением русской власти, которая, желая ослабить воровство нескольких негодяев, всех честных людей прикрепила к земле»¹. Пространная цитата отчетливо иллюстрирует не только глубокое знакомство российского публициста со сложившимися особенностями внутреннего функционирования абхазского общества, но и демонстрирует очевидные особенности авторского метода, связанного с последовательным выявлением сложной цепочки причинно-следственных связей. Безусловно, многие суждения В.И. Немировича-Данченко не в полной мере соответствуют исторической действительности, реконструированной в позднейших фундаментальных трудах Г.А. Дзидзария и многих других исследователей, но применительно к рассматриваемой эпохе предложенный анализ заслуживает исключительно положительных оценок. Следует выделить также два существенных замечания В.И. Немировича-Данченко, относящихся к комплексной характеристике складывающейся частной собственности и общей динамике социальных отношений. Применительно к первому фактору он писал: «За исключением известного участка частных владений, вся остальная

¹ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. – С. 148-151.

земля – в общинном пользовании. Лес, пастбище – общинные. Кто расчистит лес – тот расчищенный участок приобретает в частную собственность¹. Не менее точную и лаконичную характеристику получила реальная динамика социальных отношений, определявшаяся сложившейся общественной структурой. По справедливо-му замечанию В.И. Немировича-Данченко, «Главная обязанность всех членов союза состояла в военной повинности. Произвола не было ни в чем. Остальные повинности каждого класса строго определены, и не ахалапшию их увеличить, ни низшее сословие уменьшить не могли».²

Серьезного внимания заслуживает приведенное описание политических процессов, протекавших в Абхазии в течение предшествующего столетия. Российский публицист писал: «Так в половине прошлого столетия, когда страна восстала против владельческой фамилии тавадов, Манучара Шервашидзе и двух его братьев Ширвана и Зораба, Турция приняла сторону народа и выгнала тавадов. Только несколько лет спустя, Зораб вернулся и стал править Абхазией, как вассал блистательной Порты. Мирное согласие с последней продолжалось недолго. В 1771 году Зораб выгнал турок из их гнезда на абхазском берегу – Сухума, но в свою очередь был захвачен ими и взят в Турцию. Во время пребывания его в этой стране, в его отчизне усилилась фамилия товадов Дзяпш-ипа. Вернувшись, Зораб сблизился с Дзяпш-ипа, женил племянника на одной из девушек этой фамилии, но Келиш-бей вскоре выгнал жену вон и даже стал с ненавистью относиться к своему сыну от нее Аслан-бею, желая передать владельческие права Сефер-бею, другому своему сыну, рожденному от матери из сословия Анхэи ... Дзяпш-ипа составили заговор, Келиш-бей, узнав обо всем вовремя, убил главных представителей враждебной ему фамилии, остальные ее члены бежали в горную область Цебельду. Аслан-бей остался в живых и в 1808 году убил отца своего Келиш-бея, занял Сухум и объявил себя владетелем Абхазии. Сефер-бей, наследник Келиша, бежал в Мингрелию к Дадианам, принял там подданство России, которая

в 1810 году заняла Сухум, изгнала отцеубийцу Аслана и предоставила владельческие права Сефер-бею, принявшему христианство. Одиннадцать лет продолжалось спокойствие, но после смерти Сефер-бея, Аслан-бей, в союзе с братом Гассаном, возмущил абхазцев против владетеля Дмитрия (Омер-бея), был вновь разбит русскими, причем Гассан был схвачен и без церемонии, несмотря на царственное происхождение, сослан в Сибирь на каторжные работы. В 1830 г. русские возводят здесь укрепления Бомборы, Пицунду и Гагры, а в 1864 г., сообразив, что владельческая власть страны, отдавшейся под русское покровительство, может быть удобно заменена кем-либо из кавказских майоров или полковников, упразднили ее совсем, посадили в Сухум-Кале владеть и править некоего г. Кравченко, обратив великое царство Абхазское ... прости и не в губернию, а в отдел. Насаждение прелестей гражданского благоустройства началось немедленно. К абхазцам стали водворять поселенцев, не спрашивая согласия исконных обладателей страны; участки, весьма значительные и весьма не вредные для самих абхазцев, розданы для поощрения российских генералов, кои, по пословице, как собаки, лежа на сене, и сами его не едят и другим не дают. Наконец и по отношению к населению, военная власть разом доказала, насколько цивилизация выше дикости. Право свободного перехода с одного места на другое – ассаство – было ограничено, потом и вовсе отнято, да и другие народные обычаи встретили точно такое же «покровительство». Также из другого самостоятельного государства Самурзакани, составлявшего часть Абхазии, мы по простоте души в 1850 г. сделали приставство ... И просто, и скоро, и, главное, выгодно. Насколько же управление наших приставом или полковником лучше для народа, чем управление Келиш, Сафар, Гассан и других беев ...»¹. Как и применительно к авторским оценкам социальных отношений, многие описанные явления не имеют в настоящее время столь однозначной трактовки, но некоторые приведенные суждения совершенно не традиционны для российской исторической науки XIX столетия, а потому имеют особое значение для комплексной реконструкции соответствующей эпохи.

¹ Там же. – С. 152.

² Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. – С. 151.

¹ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. – С. 167.

Аналогичное замечание может быть отнесено и к ярким характеристистикам В.И. Немировича-Данченко, касающимся трагических последствий массового махаджирства. Он писал: «Разумеется, лес рубят – щепки летят; но невольная жалость проникает в сердце, когда вспоминаешь о тяжелой участи недавних наших врагов – этих гордых и мужественных племен, обманутых Турцией, обреченных на страшную нищету, вымирающих в Анатолии тысячами, в то самое время, как на их родине валятся под топором чудные сады, в пустых аулах поселяются хищные животные и мертвое безлюдье заменяет жизнь еще недавно шумную и полную такой героической поэзии»¹. Развивая указанную характеристику, российский публицист предлагает весьма пессимистический прогноз будущих российско-кавказских взаимоотношений, который во многом подтверждается в настоящее время. По справедливому замечанию В.И. Немировича-Данченко, «С войной мы кончили. Отдельные вспышки еще могут быть. Какая-нибудь горсть отважной горской молодежи уйдет в горы – но общее восстание немыслимо. Тем не менее пройдут сотни лет и все эти «умиротворенные» нами племена не сольются с нами, а в своей горной и лесной глухи будут продолжать обособленную жизнь, питая ее легендами о былом. В русском они долго еще не будут видеть брата или товарища ... чиновника, солдата, купца – и только, на большее мы не вправе рассчитывать»².

Следует также выделить несколько ярких характеристик российского публициста, относящихся к повседневной жизнедеятельности и этническому менталитету абхазского населения. В частности, он сформулировал одно из самых образных описаний традиционного жилища местных жителей, содержащее любопытные этнографические параллели. В.И. Немирович-Данченко писал: «Плетневая сакля была тут же. Но самая жалкая, бедная. Зверолов-зыряин в тундре устраивается богаче по отношению к домашнему обиходу его жилья; хотя разумеется, для того же зырянина, за-пирающегося на всю долгую зиму в свою избу, невозможна ни та

¹ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. – С. 124.

² Там же. – С. 125.

благоуханная чистота, которую мы встретили в этой нищенской лачуге, ни то изящество обращения с гостем, которое абхазцы переняли у демократических обществ адыге»¹. Другое замечание, несмотря на нелицеприятное введение, содержит достаточно точную характеристику реального места устного народного творчества в абхазской жизни. По мнению российского публициста, «... как и все ленивые народы, абхазы богаты воображением. Нигде так прочно не живет предание старины, так поэтично не рассказываются былины. Никто и не сомневается в их непреложной реальности»². В.И. Немировичу-Данченко удалось адекватно оценить и реальные особенности абхазского мировоззрения, в котором мирно уживаются важнейшие элементы различных религиозных систем. По справедливому замечанию российского публициста, «абхазец до сих пор и магометанин, и христианин, и язычник. Рядом с верой в Магомета, он благоговеет перед крестом и остается верен культу своих языческих богов»³.

Как представляется, этнографический нарратив В.И. Немировича-Данченко, наряду с традиционными содержательными элементами, органично присущими подобным сочинениям, содержит целостную систему представлений об абхазской истории XIX столетия, базирующуюся на эмпирическом материале, полученном из личных наблюдений, устных рассказов непосредственных очевидцев, письменных источников и историографической традиции. Указанное сочетание определяет значительную ценность рассмотренного труда для современных исследователей, не всегда располагающих адекватными сведениями о рассматриваемой эпохе.

¹ Немирович-Данченко В.И. Указ. соч. – С. 158.

² Там же. – С. 169.

³ Там же. – С. 169.

E.B. Стегленко,
Ростов-на Дону

КАВКАЗСКИЕ ГОРЦЫ В ОЦЕНКАХ ДОНСКОГО ИСТОРИКА Е.П. САВЕЛЬЕВА

Проблемы изучения истории Кавказа невозможно представить вне контекста развития историографических традиций, зарождение которых происходило со второй половины XVIII в. и продолжалось до начала XX века. Особое место занимают работы местных исследователей, краеведов, непрофессиональных историков-любителей. Историография данного периода насчитывает десятки исследований, как вполне научных (В.Б. Антоновича, Д.Я. Самоквасова, Н.И. Веселовского, М.М. Ковалевского, В.Ф. Миллера)¹,

¹ Антонович В.Б. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 г. // В Археологический съезд в Тифлисе. Труды Предварительных комитетов. М., 1882. – 216 с.; Самоквасов Д.Я. Могильные древности Пятигорского округа // Труды V Археологического съезда в Тифлисе. М., 1887; Его же. Могилы Русской земли. М., 1908; Веселовский Н.И. Перечень раскопанных в 1895 г. курганов в Кубанской области и найденных в них древностях. СПб., 1895; Ковалевский М.М. Очерки этнографии Кавказа // Вестник Европы. 1867. Дек. Т. III. – С. 102-116; Его же. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1-2; Миллер В.Ф. О значении Кавказа для языкознания // Труды V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. М., 1887. Т. 1. С. XL-XLII; Его же. Терская область. Археологические экспедиции // МАК. 1888. Вып. 1; Его же. О некоторых кавказских могильных памятниках, хранящихся в историческом музее // Древности. М., 1894. Т. 15. – С. 195-196; Его же. Памятники древностей на Кавказе. О следах древних поселений по р. Зеленчук // Древности. М., 1894. Т. 15. – С. 127; Его же. Осетинские этюды. Репринт. Владикавказ, 1992; Его же. Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты. Исследования / сост., вступ. ст., comment., библиогр. указ. А.И. Алиевой. М.: Наука, 2008.

так и ряда других работ местных исследователей и краеведов, среди которых особое место занимает «исследователь донской старины», историк-любитель Евграф Петрович Савельев, с чьим именем связана довольно известная, и не только в профессиональной среде «Древняя история донского казачества»¹. Несмотря на популярность его работы и, в частности, интереса к концепции происхождения донских казаков, в достаточно широкой среде исследователей и просто читателей, что выразилось в неоднократном переиздании его работ за последнее десятилетие², остается малоизученным вопрос его биографии. О происхождении и личной жизни донского историка, нам стало известно из материалов ГАРО: Евграф Петрович Савельев родился в станице Константиновской 10 декабря 1860 года. Его родителями были довольно зажиточные казаки – землевладельцы. Начальное образование, он получил в Константиновском приходском окружном училище, а свою специальность – в Новочеркасской учительской семинарии, где обучался с 1877 по 1880 годы³.

После окончания обучения в семинарии Савельев начал свою преподавательскую деятельность и примерно с 1880 года он начинает публиковать свои статьи. Первые его произведения были изданы в 1882-1884 гг. в новочеркасской газете «Донской голос». Помимо публицистических заметок Савельев писал стихи, пьесы, рассказы, басни, которые публиковал в донской периодической печати под псевдонимом «Евграф», а в 1909-1912 гг. соиздательствовал в выпуске стихов 1-го и 2-го «Донского литературного сборника», выходившего в Новочеркасске.

Уже с 1895 г. Евграф Петрович бросает преподавание и начинает служить делопроизводителем в Областном правлении Войска Донского. Примерно с этого этапа начинается его активная общественная деятельность. С 1913 по 1915 гг. он состоял председателем Главного правления Донского Общества взаимопомощи

¹ Савельев Е. П. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века: Историческое исследование в трех частях. Новочеркасск, 1915.

² Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2001. – 464 с.

³ Краснянский М.Б. Донские уроженцы. Ч.2. 1930.

служащих, потом, в чине надворного советника, был членом правления Третьего Новочеркасского общества взаимного кредита¹. С этого момента активизируется его писательская деятельность, которая теперь не ограничивалась изданием стихов и пьес. В своей публицистической деятельности Савельев начинает затрагивать экономические и социально-политические проблемы развития донского региона. С 1904 он уже публикуется в «Донских областных ведомостях», «Голосе казачества» и других донских периодических изданиях². С 1903 по 1905 гг. Е.П.Савельев участвовал в нескольких археологических экспедициях, с которыми «объездил весь Северный Кавказ, Закавказье, и кавказский хребет, от Дербента до Нового Афона и Кутаиси». Там он имел возможность сбратить и изучить довольно большой круг источников по истории Дона и Северного Кавказа. В 1914 г. он несколько месяцев работал в Императорской Публичной библиотеке в Петрограде, а потом в Публичной библиотеке в Москве³. По всей видимости, именно в процессе поиска материалов для своих исследований по истории Дона Савельев приходит к выводу о необходимости написания обширного исследования по истории казачества и уделить в нем значительное внимание вопросу о его происхождении. Эта идея нашла свое воплощение, когда в 1915 г. была издана первая часть «Истории Донского казачества», а затем последовали публикации второй и третьей части. Однако задуманная Савельевым последняя часть осталась в рукописи, а позднее затерялась. На сегодняшний день ее судьба неизвестна. С 1917 г. начинают печататься и переиздаваться книги: историческая драма «Степан Разин»⁴, «Гибель Чернобога»⁵. К 1918 г. относится последняя известная публикация

Савельева – поэма «Булавин и Некрасов»¹. Остается неясным период жизни Е.П.Савельева с 1917 года. К большому сожалению для исследователей, невосполнимо утрачены документальные источники, в результате пожара значительно пострадала часть личного архива семьи. По отрывкам из писем и по фотографиям удалось установить дату смерти Евграфа Петровича. Он умер в Новочеркасске в 1927 г.²

Несомненный интерес Е.П. Савельева к различным аспектам древней, средневековой и новой истории Кавказа имеет объективный характер, так как комплексное рассмотрение предшествующего развития казачьих сообществ не представляется возможным без учета очевидного социокультурного контекста, формируемого географическими границами соответствующего региона. Следуя собственной системе отбора исторических фактов, донской историк выделяет наиболее значимые явления, связанные с региональным прошлым, и предлагает оригинальные оценки, подтверждаемые многообразным фактическим материалом. Некоторые данные, используемые Е.П. Савельевым, не представляют особой ценности на современном этапе развития научного знания, но позволяют реконструировать длительный и сложный процесс последовательного формирования стереотипных представлений о горских сообществах Кавказа.

Е.П. Савельев отстаивает принципиальный тезис о так называемом «арийском» происхождении кавказских народов, интерпретируя географическое название избранного региона в осетинском лексическом контексте как «поселение азов», являвшихся мифическими предками древних ариев. Он предлагает своеобразный подход к системному определению естественных границ Кавказа, которые включают «страну, лежащую между низовьями Дона, восточными берегами Азовского и Черного морей и Кавказским

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Савельев Е. П. Степан Разин и народные песни о нем., Новочеркаск [19--?] Донская электронная библиотека [электронный портал] URL:<http://www.dspl.ru/eLib/Pages/Collections/details.aspx?id=36> (время обращения: 17.09.2013).

⁵ Савельев Е.П. Гибель Чернобога, Новочеркаск, 1917.

¹ Савельев Е.П. Булавин и Некрасов. Сайт: Старые донские дороги Евграфа Савельева. URL: <http://passion-don.org/bulavin.html> (дата обращения: 17.09.2013).

² Попова К. Судьба одной большой семьи // Сайт: Старые донские дороги Евграфа Савельева. URL: <http://evgrsaveliev.narod.ru> (дата обращения: 17.09.2013).

хребтом»¹. Особый интерес представляют пространные рассуждения донского историка о сложных процессах исторического генезиса кавказских этносов, которые до настоящего времени являются одной из наиболее дискуссионных научных проблем. По мнению Е.П. Савельева, «Кавказский перешеек … с доисторических времен представлял из себя как бы спасательный остров для всех обитавших близ него народов или случайно принесенных каким-либо течением из глубин востока и запада, потерпевших здесь кораблекрушение и за немногими остатками погибших исторически … кроме этих случайно заброшенных или укрывшихся от преследования более сильнейшего врага в неприступные дебри гор народов, Кавказ должен был иметь и своих первобытных жителей»². Как представляется, несмотря на видимую простоту, комплексное определение донского историка адекватно отражает внутреннее содержание кавказского этногенеза, рассматриваемого как органичное сочетание автохтонных и миграционных моделей. Е.П. Савельев справедливо полагал, что длительный процесс, связанный с последовательным формированием современного этнического облика Кавказа, имел сложный характер, предполагающий естественное сочетание мирной и насильтственной адаптации, культурной инкорпорации и принудительной ассимиляции, мирной интеграции и ожесточённых войн. По мнению донского историка, «на столь незначительном пространстве, как Кавказский перешеек, между туземными народами в дебрях гор вместилось множество последующих племен, путем мирным или враждебным, целыми массами, поколениями, отраслями и колониями»³.

Особое внимание Е.П. Савельев уделяет горским сообществам Западного Кавказа, которым посвящена отдельная глава «Черкесия и ее прошлое». Донской историк предлагает известную лексическую трактовку рассматриваемого этнонима, согласно которой «кличка эта дана им в прежние времена азиатскими народами за их дерзкие разбойнические нападения на море и означает в букваль-

ном переводе «головорезы» (по-персидски серкеш – головорез)¹. Он также указывает на объективную необходимость дифференцированного рассмотрения адыгских сообществ, различающихся по языковым и генетическим параметрам. По мнению Е.П. Савельева, «обыкновенно черкесами называют все племена горцев, населяющих восточный берег Черного моря от устьев Кубани до пределов Абхазии, но такое обобщение не совсем верно, потому что эти племена отличаются друг от друга как по своему происхождению, так и по языку. Собственно, к черкесам относятся одни только «адигейцы» … Адигейцы разделяются на многие племена, из которых натухайцы и шапсуги в половине прошлого столетия занимали ближайшие к нашим границам земли от Анапы до р. Вардан»². Подобный подход, связанный с географической локализацией адыгских сообществ, не в полной мере соответствует современным представлениям, но отчетливо выражает пространственные стереотипы соответствующего поколения российских историков. Е.П. Савельев обращает особое внимание на сложную проблему этнического генезиса черкесских сообществ, которые в рамках предложенной концепции рассматриваются как прямые потомки древних ариев. По мнению донского историка, «современные этнографы обыкновенно относят черкесов к тюркско-татарскому племени. Но это не совсем верно, так как среди массы населения попадаются на каждом шагу не только отдельные лица, но даже целые аулы с чисто арийскими профилями, овалами лиц и выражением глаз, усмешкой и ухватками, до поразительности схожими с казачьими, особенно казаков терских»³. В контексте приведенного высказывания необходимо заметить, что известное стремление Е.П. Савельева к повсеместному поиску генетических корней казачьих сообществ в отдельных случаях приводило к достаточно курьезным умозаключениям.

В этнографическом измерении определенный интерес вызывает предложенное донским историком комплексное описание

¹ Савельев Е.П. Древняя история казачества. М.: Вече, 2005. – С. 432.

² Там же. – С. 34.

³ Там же. – С. 38-39.

¹ Там же. – С. 58.

² Там же. – С. 61-63.

³ Там же. – С. 65.

черкесских поселений и жилищ, опирающееся на традиционные представления российских исследователей нового времени. По мнению Е.П. Савельева, «селения черкесов обыкновенно расположены в живописных местностях, но разбросаны без всякого порядка и скрыты за деревьями, увитыми виноградными лозами так, что издали трудно бывает их заметить. Жилища их – это древние запорожские курени: продолговатый четырехугольник из плетня, обмазанного глиной, с очагом посредине и с навесом (причолком) у входной двери. Над очагом к соломенной крыше подвешена высокая плетеная из хвороста и обмазанная глиной труба. Внутри по стенам развешено дорогое оружие. Вокруг печи приделаны полки или подвешен шкаф для посуды. Широкие, низкие кровати, покрытые войлоком или коврами, и небольшие круглые столы, расположенные в разных местах комнаты, довершают ее украшение»¹. Приведенное описание также не лишено своеобразных казачьих аллюзий, но они придают дополнительный колорит изложенным наблюдениям, неискажая исторической действительности.

В последнее время значительный политический резонанс приобрела сложная проблема, связанная с так называемым «черкесским геноцидом». В контексте указанного обстоятельства усилился общественный интерес к соответствующим аспектам кавказской истории XIX столетия, что привело к интенсивному поиску новых источников и авторских оценок, позволяющих аргументировать существующие научные представления. В рассматриваемом труде Е.П. Савельева массовое мухаджирство не является центральной темой, а авторские оценки укладываются в текстологические границы одного абзаца. Однако донской историк акцентирует читательское внимание на двух важных моментах, связанных с исторической судьбой адыгских сообществ. С одной стороны, он указывает на значительную убыль местного населения в результате принудительного выселения, причем приводит интересную периодизацию соответствующих процессов. По мнению Е.П. Савельева, «число черкесов значительно уменьшилось вследствие массовых выселений в Турцию после Крымской

войны; дальнейшие выселения после войны 1877 – 78 гг. и в 1889 – 90 гг. низвели число их до 152 тысяч»¹. Количественные данные донского историка, безусловно, не в полной мере соответствуют современным представлениям, но предложенные оценочные суждения представляют очевидный интерес. С другой стороны, Е.П. Савельев упоминает и о дальнейшей судьбе черкесских мухаджиров, оказавшихся на территории Османской империи. Он справедливо указывал, что «шапсуги и убыхи выселились все, абадзехи и бжедухи наполовину. Они поселились в Азиатской Турции около озера Ван, близ Ерзерума и Трапезунда и теперь представляют в Турции иррегулярную кавалерию»². Представленные лаконичные характеристики достаточно точно отражают реальное содержание рассматриваемых явлений, что свидетельствует о глубоком анализе исторических фактов, осуществлявшемся в творческой лаборатории донского историка.

¹ Там же. – С. 66-67.

¹ Там же. – С. 98.

² Там же. – С. 102

Н.Г.Соловьева,
Черкесск

ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА КОНЦА XIX ВЕКА

Исследование проблемы межкультурной коммуникации в кавказоведении имеет большое значение на современном этапе развития общества. Актуализация проблемы определяется географическим пространством и хронологическими рамками исследования.

Северный Кавказ – это сосредоточение различных этносов, которые имеют разнообразные культуры, развиваются и взаимодействуют на этой территории тысячелетиями. Именно здесь возникла своеобразная самобытная северокавказская культура. Она впитала в себя многие этнические культурные традиции, исследование которых, их диалога, поможет показать механизмы межкультурной коммуникации как внутри северокавказского общества, так и его взаимодействие с российской культурой в конце XIX века.

Сегодня проблеме межкультурной коммуникации представителей разных национальных культур в исторической науке отводится значительное место. Она одна из самых актуальных исследовательских проблем. Возникающие в современном обществе конфликтные ситуации придают особую значимость и актуальность вопросам понимания необходимости культурного диалога, изучения их национальной специфики, а также механизмов и результатов межкультурного общения. Конъектура сегодняшнего

дня с новой силой ставит вопрос о возможности гармонического существования разных религиозно-этнических групп – носителей разных культурных традиций.

Эта проблема освещает и формирование исторического сознания северокавказских народов – фактора, определяющего этническое самосознание и культурную самоидентификацию.

Изучение северокавказского региона в современной исторической науке осуществляется при помощи разнообразных методологических подходов. В последние годы стал активно применяться синтез междисциплинарных знаний. Это ярко проявляется при определении принципов и главных направлений межкультурной коммуникации на Северном Кавказе, так как данный регион является наиболее многонациональным в Российской Федерации.

Сама постановка проблемы научного исследования межкультурной коммуникации в истории Северного Кавказа не нова, но крайне актуальна как при разработке «локальной истории», так и выявлении общих тенденций развития коммуникационных процессов в русле общероссийской истории.

Цель исследования – обосновать необходимость исследования проблемы межкультурной коммуникации в истории Северного Кавказа; определить задачи и методологию предполагаемого исследования; проанализировать культурные коммуникационные процессы, происходившие на Северном Кавказе в конце XIX века.

Проблема межкультурной коммуникации постоянно находится в поле зрения северокавказского научного сообщества. Проблемы межэтнической интеграции нашли отражение в работах М. Напсо, В. Нахушева, В. Невской. Особенности современных этнических процессов в России и на Северном Кавказе рассматриваются К. Гаджиевым, Ш. Казиевым, И. Карпееевым, В. Уарзиати, К. Унежевым.¹

¹ См.: Напсо Д. Кавказ в системе geopolитических отношений // Северный Кавказ: geopolитика, история, культура. Москва – Ставрополь, 2001; Нахушев В. Межнациональный диалог и субъективные отношения как источник сближения народов // Проблемы культуры межнационального общения и межкультурной коммуникации. Ставрополь, 2001; Невская В.П. Аграрный вопрос в Карачаево-Черкесии в эпоху империализма. Черкесск, 1972; Гаджиев

В основном, труды, посвященные данной проблематике, рассматривают лишь отдельные аспекты межкультурной коммуникации. Динамика и направления ее развития в них не учитываются; влиянию общероссийского фактора на данный процесс не уделяется должного внимания.

Таким образом, обозначенная проблема в контексте исторического опыта межкультурного взаимовлияния приобретает особую актуальность. Изучение Северного Кавказа, его культурного многообразия, очень важно для выявления точек соприкосновения культур, их взаимовлияния, что является условием совместного проживания разных этносов, важным фактором стабильности юга России.

Основу коммуникативного процесса составляет межкультурная коммуникация, которая в свою очередь выступает как совокупность следующих форм взаимодействия: диалог, интеграция, консолидация.¹ Их выявление, изучение и комплексный анализ являются одними из основных задач при освещении обозначенной проблемы. Так же необходимо проследить динамику культурных процессов, протекающих в русле исторического развития северокавказского региона.

В исследовании проблемы межкультурной коммуникации на Северном Кавказе предполагается рассмотрение культуры как: а) основы общечеловеческих ценностей; б) поэтапного развития общества, содействующего культурному прогрессу; в) совокупности самобытных локальных культур, то есть этнокультуры.

Как уже отмечалось, данная проблематика включает в себя многие элементы, исследование которых сопряжено с использованием подходов разных дисциплин. Полидисциплинарность объясняется и тем, что объектом выступает социальная коммуникация, которая затрагивает этнокультурные процессы северокавказского

К. Геополитика Кавказа. М., 2003; Казиев Ш., Карпев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX в. М., 2003; Уарзиати В. Культура Осетии: связи с народами Кавказа. Орджоникидзе, 1990; Унжев К. Культура адыгов (черкесов) и балкарцев. Нальчик, 2003.

¹ Коммуникативные процессы в полиглоссальном социокультурном пространстве / <http://www.nauka-shop.com/mod/shop/productID/42582/>

региона. Разработка данной проблемы позволит в комплексе осветить этапы формирования и развития межкультурной коммуникации на данной территории в конце XIX века, выявить общие тенденции развития в рамках российского общества. Развитие современной исторической науки возможно лишь на принципах многоуровневой междисциплинарной инверсии при динамичном развитии «новой локальной истории». Под «новой локальной историей» мы подразумеваем изучение истории региона, в данном случае Северного Кавказа, в исследовательском поле общероссийской истории. История Северного Кавказа рассматривается, прежде всего, как диалог с российской и мировой исторической наукой. «Новая локальная история» выступает открытой моделью исторического познания.

Социокультурное пространство «новой локальной истории» объединяет различные сферы деятельности и отношения людей в их социальном и личностном взаимовлиянии. При этом, северокавказское пространство отличается относительной автономностью, что позволяет при изучении локальной истории увидеть ее особенности, уникальные проявления, свойственные именно местной социокультурной истории.¹

Культурная история Северного Кавказа представляет сложное пересечение, взаимовлияние множества самостоятельных культур, социумов и конфессий. Формирование определенного типа отношений отдельных людей и социумов в современной исторической науке определяется как своеобразная пограничная ситуация. Исследовательские подходы культурного пограничья на Северном Кавказе сформулированы Ю.М. Лотманом. По его мнению, интерпретация деления культурного пространства на внутренний и внешний миры зависит от типологии культуры в каждом из этих миров, в зависимости от типа и развития межкультурной коммуникации.²

¹ Т.А. Булыгина. История Северного Кавказа: новые исследовательские подходы // Кавказоведение: опыт исследований / Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13-14 октября 2005 г.) /kvkz.ru/statisti...istoriya-severnogo...issledovatelskie...

² Лотман Ю. М. Понятие границы // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. М., 1996. – С. 174.

История культурного пограничья сегодня подвержена мировым процессам глобализации, которая влияет на государственные, конфессиональные, этнические, социокультурные связи. При этом, ни о какой однородности глобальных событий говорить не приходится, так как многообразие историй народов, их культур определяют специфику их развития, поэтапное формирование этнических коммуникативных связей многонационального северокавказского региона. Анализ общих тенденций развития региональной истории совместно с изучением местного разнообразия культур позволит в комплексе осветить проблему межкультурной коммуникации в северокавказском регионе, ее роль в истории России конца XIX века.

Для разработки проблемы межкультурной коммуникации на Северном Кавказе в рамках «новой локальной истории» необходимо использовать, в первую очередь, местные источники. Архивные материалы, периодика и ряд других сведений индивидуального характера (полевой экспедиционный материал и пр.) позволяют, воспользовавшись новыми исследовательскими приемами, сформировать новый теоретический взгляд на историю Северного Кавказа. Так, по стилю архивных документов можно судить не только о личном отношении к людям, региону и историческим событиям автора, но и вычленить, по конкретным фактам, недостающие звенья исторических событий и явлений российской истории. При помощи анализа, можно выявить уровень развития той или иной отрасли экономики, образования и культуры, их взаимодействие между собой, которое вело к укреплению коммуникативных связей.

Новый взгляд на историю северокавказских народов, в частности Карачаево-Черкесии, позволит ввести в научный оборот неиспользованные или слабо использованные группы источников, презентирующие различные сведения о социальных взаимоотношениях. К ним можно отнести не только продукты фактического свойства (архивный исторический материал и др.), но и продукты эпистолярного жанра, памятники художественной культуры и т.п.

Не менее важным является определение места концепта «Кавказ» в общероссийском социокультурном контексте XIX – XX веков

и в контексте кавказской идентичности. В частности, территория современной Карачаево-Черкесии в конце XIX века, являясь пограничной территорией Российской империи, в определенном смысле внесла свой вклад в формирование общероссийского социокультурного пласта общества. Кавказская идентичность всех народов Карачаево-Черкесии, в частности и социальной группы – казачества, через призму межкультурной коммуникации показывает все аспекты формирования неповторимого облика Северного Кавказа.

Анализ важнейших феноменов кавказского прошлого, то есть отдельно взятых событий и явлений, является основой исследования макросистем, тенденций и общих процессов, протекающих в истории российского общества. Изучение локально-индивидуального в конкретно-исторических данностях – проблемы межкультурной коммуникации в истории Северного Кавказа, помогает в комплексном освещении социокультурного развития северокавказского региона как части социокультурной истории России.

В перспективе возможно исследование проблемы соотношения северокавказского и российского менталитета.

Межкультурная коммуникация на протяжении всей истории Северного Кавказа формировалась и развивалась поэтапно. Одним из значимых является период появления, проникновения и укоренения на Северном Кавказе христианства. Просветительская деятельность Русской православной церкви на Северном Кавказе началась практически сразу после крещения Руси. Вместе с основанием Тмутараканского княжества возникла первая русская епархия на Северном Кавказе. Она просуществовала около ста лет. В северокавказскую епархию входили греки, русские, косоги. «Тмутаракань была при русских крупным культурным центром, здесь строились монастыри, велись летописи, производились записи событий на мраморных досках. Русские при постройке и украшении церквей стали использовать кавказские орнаментальные мотивы и даже приглашали кавказских иконописцев, в частности обезов-абазин, писать иконы».¹ В этом про-

¹ Алексеева Е.П. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов (черкесов). Вып. 2. Черкесск, 1954. – С. 199-261.

цессе наблюдалось не только влияние одной культуры на другую, но и их взаимообогащение.

Своевобразием наполнен период взаимодействия казачьей культуры с горскими культурами. Изначально северокавказское казачество отличалось пестрым этническим составом. Об этом свидетельствуют официальные документы, различные сообщения путешественников и казачьи сказания.

Следует отметить, что по Тереку и Сунже в городах-крепостях рядом с русскими жили кабардинцы, ногайцы, кумыки, чеченцы, ингушки. Это определенным образом сказалось на материальной и духовной культуре различных групп северокавказского казачества и явилось типичным примером взаимодействия географического фактора на этническую культуру. В данном случае происходил синтез трех культур: великорусской, украинской и северокавказской, что содействовало спецификации многих элементов казачьей традиционной культуры.

В быт, обряды и традиции казачества проникали самые разнообразные элементы культуры местного населения. А русские и украинские элементы культуры со временем стали проникать в среду соседнего горского населения, способствуя взаимообогащению их культур. Так, гребенцы стали строить свои дома «поп-русскому» типу. В казачьей среде стало характерным заимствование у горцев некоторых элементов внутреннего убранства дома: в одном углу размещалось оружие, которое вешалось на стену, в другом – постельное белье; на видном месте на полочках располагалась красивая посуда. В казачьем доме с элементами горской культуры бытовали и типично русские – находилась традиционная русская печь с широким устьем, широкие лавки, покрытые коврами, и стол. В красном углу хаты находился киот с образами православных святых.

У кубанских и терских казаков в одежде преобладал восточнославянский покрой. Однако, можно отметить и некоторые локальные отличия. Например, у кубанского казачества восточных и западных районов Северного Кавказа в одежде более активно пропадали украинские черты, а в станицах по Тереку и в отдельных

казачьих селениях Восточной Кубани чаще встречались русские черты и кавказское влияние.

Верхней одеждой мужчин-кубанцев являлся «жупан». В старицу он входил в разряд форменной одежды северокавказского казачества. Головным убором у казаков была куполообразная шапка, широко распространенная у татар и ногайцев (колпак). Позже стала использоваться меховая папаха (типа «кубанки»), распространенная у соседних горских народов Северного Кавказа. Обувь у казаков была разнообразна: башмаки, черевики, «ходаки» из сырой кожи с пришивной подошвой и сапоги. К тому же, казаки, как и горцы, подвешивали к кожаному поясу кинжал и саблю, с которыми никогда не расставались. Они носили и кушак.

Женский казачий костюм также был многослойен. В качестве украшений использовались украинские монисты и ленты, а также ювелирные изделия (серьги, кольца и браслеты) и т.п. Обычной верхней одеждой северокавказских казачек являлся женский зипун, плотно облегавший фигуру. Он имел металлические застежки, как и в женском горском костюме. Голову казачка покрывала домотканым или покупным красивым платком, из-под которого виднелась шапочка – «шлычка». Казачка, как и горянка, не имела права без головного убора показаться на улице и часто дома в присутствии свекра и свекрови не снимала платок. Как уже отмечалось, казачки носили много украшений: серебряные пояса, серьги, кольца, бусы (монисто), браслеты (дагестанские, чеченские и др.). В этом прослеживалось кавказское влияние.

Заключение некоторых браков, судя по некоторым данным, вначале происходило через умыкание невест у соседей-горцев. Часто казаки вступали в родственные отношения с членами семей-побратимов. Это были выходцы из среды местных народов, которые жили рядом, а также кунаки.

Одной из особых черт большой казачьей семьи являлась обособленность и замкнутость традиционного казачьего быта. Это содействовало сохранению патриархальных нравов и традиций в казачьих семьях. Огромное значение у казачества придавалось соблюдению многочисленных родильных обрядов, запретов, в целом

схожих с обычаями горских народов (избегание невестой встречи со свекром и родней мужа и т.п.).

Куначество и гостеприимство, бытовавшие у казаков и горцев, играли коммуникативную роль в культурном и экономическом развитии народов Северного Кавказа.

К наиболее значимому периоду межкультурной коммуникации следует отнести вхождение народов Северного Кавказа в состав России. С вовлечением народов Северного Кавказа в экономическую, политическую и культурную жизнь России видоизменилась и богатая самобытная горская культура. В межкультурной коммуникации не малую роль сыграли русские певцы и композиторы: Ф.И. Шаляпин и Л.В. Собинов, С.В. Рахманинов.

Кавказ вдохновлял поэтов и художников XIX века на новые творения: М.Ю. Лермонтова, В.В. Верещагина и др. Картины «Дети-каменотесы», «За водой» К.Л. Хетагурова (поэт, просветитель) были полны любви к родному краю и его трудолюбивым людям. Широкую известность приобрели и его портреты. Ислам Крымшамхалов – талантливый живописец, создал прекрасные, полные реализма, пейзажи Карабая.

Многие деятели горских народов Северного Кавказа: Х. Уруймагов (Осетия), И. Крымшамхалов (Карачай), Т. Эльдерханов (Чечня) и др., отмечали огромное значение русской культуры и русского языка в прогрессивном развитии своих народов. Они активно выступали за распространение русской грамоты среди населения. Русский язык сыграл важную роль в экономической и духовной жизни народов Северного Кавказа.

Проблема межкультурной коммуникации на Северном Кавказе (конец XIX в.) сегодня требует широкого исследования. Реалии современности (социальный кризис, поиск путей консолидации и т.п.) актуализируют данную проблематику. Выявление и исследование всех аспектов межкультурной коммуникации будет содействовать дальнейшему прогрессивному развитию национальных культур и русской (казачьей) культуры на Северном Кавказе, расширению рамок взаимодействия и взаимообогащения российской культуры. Комплексное изучение проблемы межкультурной ком-

муникации поможет обозначить основные направления, формы и методы мирного совместного проживания многонационального российского общества.

Культурные заимствования, которые произошли в истории народов Северного Кавказа в конце XIX века, привели к обогащению локальных культур, вычленению наиболее значимых элементов из одной культуры и присвоению их другой. Это был неоценимый социокультурный опытом, который содействовал определенным достижения в духовно-материальной культуре северокавказского общества.

В конце XIX века произошел своеобразный количественный и качественный синтез определенных элементов разных северокавказских культур, что открыло путь к их сближению.

Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе в конце XIX века привела к тесному взаимодействию российской культуры и кавказских этносов, наложила неповторимый отпечаток на их культуры, определила вектор дальнейшего развития и сближения народов Кавказа, их материальной и духовной культуры в рамках российской истории.

Э.М. Чкок-Эшиба,
Сухум

К ИСТОРИИ АВТОКЕФАЛИИ АБХАЗСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (КОНЕЦ XIX – НАЧ. XX вв.)

Религия была и остается важным социопсихологическим фактором, который накладывает свой отпечаток на историческое и культурное развитие и нередко используется в политике, как на Востоке, так и на Западе. Немаловажную роль в политике играли служители культа, всегда занимавшие важное место в общественной жизни.

Связь религии и политики наиболее отчетливо прослеживается не только в сфере социальных отношений и идеологии, но и в государственной структуре и общественной практике. Проблема соотношения религии и политики является одной из наиболее актуальных и острых тем исторического изучения.

Влияние религиозного фактора особенно заметно прослеживается в жизни «традиционных обществ». Именно в развивающихся странах, сохранивших традиционные уклады жизни и культуры, религия продолжает оставаться важнейшим средством социализации личности и организации повседневной жизни.

Роль религиозного фактора в политической жизни Абхазии также велика. Абхазия пережила эпоху православного византийского влияния, османского протектората (распространение ислама), возрождения православия.

Проникновение христианства в Абхазию относят к I в. н.э.

Православие довольно быстро распространяется и приобретает множество последователей среди местного населения. Многие христианские памятники того времени сохранились и по сей день составляют не только духовное, но и культурное достояние Республики Абхазия. Однако с падением Византийской империи и выходом на мировую арену султанской Турции, быстро набирающей силу и авторитет, расширяющей свои территории и зону влияния, Кавказ, и в частности Абхазия попадает в орбиту ее интересов. Вместе с политическим, на Абхазию распространяется культурное и духовное влияние Османской империи. Именно в этот период распространение получает мусульманская религия. Многие архивные данные свидетельствуют, что приверженцев ислама в Абхазии на тот момент было значительно больше последователей православной веры.

Вместе с тем, исход большей части абхазского населения в Порт-Судан вследствие Кавказской войны, а также присоединение к Российской империи привели к изменениям и в духовной сфере. В это время (XIX в.) наблюдается возрождение православия в Абхазии.

В начале XIX в. царизм вводит церковь в свой аппарат управления. «В Петербурге исходили из идеи о том, что в империи церковно-государственные отношения должны строиться по единому образцу»¹. В 1811 г. самостоятельность восточно-грузинской церкви была упразднена, а западно-грузинская (имеретинская) церковь просуществовала самостоятельно до 1815 г. Царизм приступает к осуществлению церковных реформ методом «структурно-административного подчинения Синоду и ускоренной «православизации» обрядовых процедур»².

Важная роль в государственной стратегии царизма отводилась мероприятиям по возрождению в Абхазии православного христианства.

Между тем, религиозная ситуация в Абхазии была достаточно сложная. В разные исторические периоды абхазы попадали под

¹ В. Дегоев. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX в.). // Кавказский сборник. Т. 1. (33). – С. 32.

² Там же. – С. 32.

влияние то христианской, то мусульманской религии, обе из которых имели в Абхазии своих приверженцев. Кроме того, часть населения придерживалась традиционных языческих представлений, составляя третью вероисповедную группу в составе коренного населения края.

Россия осуществляла единый курс, нацеленный на полномасштабную интеграцию региона в имперскую систему. Однако «технология реализации этого курса варьировалась в широком диапазоне оперативных мер – от грубых силовых до изысканно-дипломатических, в целом преобладал прагматический подход».¹

В политической жизни пореформенной Абхазии существенным моментом явились попытки ряда государств, в частности, Османской империи овладеть Черноморским побережьем. Проникновение иностранной разведки, османских агентов, активная пропаганда мусульманской веры среди местного населения особенно усилились перед началом Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Последняя обнажила захватнические планы Турции, России и европейских держав.

Положение усугублялось тем, что к тому времени Абхазская епархия была упразднена (1869 г.) и абхазские приходы были переданы во временное управление Имеретинской епархии². Епископ Абхазский Александр был переведен главой Горийской епархии с одновременным назначением викарием Грузинского экзархата³. На содержание Абхазской архиерейской кафедры выделялось 6000 руб., причту Абхазского кафедрального собора и некоторых вновь открытых абхазских приходов 3990 руб.⁴

Во всех абхазских приходах вновь стали совершаться богослужения на грузинском языке. Вопреки желаниям жителей, силой навязывается непонятный им язык.⁵ Остро встал вопрос о состоя-

¹ Там же. – С. 45.

² ЦГИАГ, ф. 493. ОП.1. Д. 182. Л.7,7 об. 10, ЦГАА, ф.1. ОП. 2.Д. 127. Л.22.

³ ЦГАА, ф.1. ОП. 2. Д. 127. Л. 22. Содержание абхазского епископа (1500 руб.) отчислялось из сумм имеретинского епископа.

⁴ ЦГИАГ, ф. 489, оп. 1, д. 39378, л. 2; Православное обозрение. – С. 1033. –М., 1870.

⁵ Кавказ, №5, 1868. – С. 368.

нии богослужения во всех негрузинских приходах. Опасения Русской православной церкви были вполне обоснованы. Православное духовенство и абхазское население не понимали друг друга.

В этих сложных конкретно-исторических условиях прогрессивные церковные деятели впервые со всей остротой ставили вопрос о создании абхазских национальных кадров священнослужителей. В записке о нуждах, будущем устройстве и мерах к утверждению православия в Абхазии епископ Имеретинский Гавриил предлагал назначить старшим благочинным протоиерея Д. Мачавариани,* создать в Абхазии духовенство из абхазцев и направлять детей на учебу в Ставропольскую и Тифлисскую семинарии¹. Так, бывший воспитанник Кавказской семинарии, абхазец Владимир Лакербай, был направлен на учебу в Санкт-Петербургскую Духовную академию в августе 1873 г. и находился на содержании Синода в течение одного года². Совет Общества восстановления православного христианства на Кавказе в марте 1874 г. принял решение готовить в духовных семинариях детей из абхазов и постановил учредить при Кавказской духовной семинарии 5 стипендий этого Общества для абхазских детей³. Итак, данный материал свидетельствует о том, что в этих сложных конкретно-исторических условиях прогрессивные церковные деятели впервые со всей остротой ставили вопрос о создании абхазских национальных кадров священнослужителей.

В 90-х годах XIX в. возникла проблема перевода на абхазский язык богослужебных книг и книг религиозно-нравственного содержания. В этих целях при Сухумской архиерейской кафедре под председательством протоиерея Давида Мачавариани в 1892 г. была организована переводческая комиссия. В неё были приглашены отставной генерал-лейтенант, князь Г.А. Шервашидзе, смотритель

¹ ЦГИАГ, ф. 493 ОП. 1. Д.182. Л.7,7 об., 10, ЦГАА, ф.1. ОП. 2. Д. 127. Л.22.

² ЦГИА, ф. 493, ОП. 1. Д. 285. Л. 1.

³ ЦГИАГ, ф. 433. ОП. 1. Д. 44.

* В 1850 г. распоряжением экзарха Грузии Исидора самурзаканским благочинием был назначен священник Д. Мачавариани. Было открыто 5 школ: в Окуме, Бедии, Гудаве, Саберио, Дихазури. Правительство передало их в введение Общества православного христианства на Кавказе (см. К. Мачавариани Религиозное состояние в Абхазии. – С. 15).

Сухумской горской школы Константин Мачавариани, учитель этой школы Давид Аджамов, закончивший полный курс гимназии землевладелец Сухума – Леван Авалиани, получивший образование в императорском Никитском училище садоводства, «письменный переводчик управления, начальника Сухумского округа» Виктор Гарцкия, окончивший курс учительской семинарии, словесный переводчик того же управления Константин Ладария,¹ окончивший курс в Сухумской горской школе, «словесный переводчик следователя Сухумского мирового отдела Дмитрий Гулиа, из I класса Закавказской учительской семинарии и житель с. Лыхны, дворянин Николай Гублиа».² В письме на имя архиепископа Палладия и обер-прокурора Синода в 1892 г. Н. Гублиа просил разрешения на перевод богослужебной и духовной литературы на абхазский язык.³ Общество обратилось снова к вопросу абхазской письменности в 1899 г. Некоторые молитвы и возгласы были переведены на абхазский язык. Учителям абхазских школ поставлено в обязанность заставлять учеников читать молитвы во время богослужения и петь их при возможности. На абхазском языке выходят «Краткая Священная история», «10 заповедей и Присяжный лист»⁴.

На съезде представителей абхазского населения Сухумского округа, состоявшегося в марте 1906 г., обсуждался вопрос о церковном школьном обучении и была организована очередная комиссия по переводу книг на абхазский язык. В комиссию вошли протоиерей Г. Голубцов (председатель), начальник округа князь Джандиери, князь А. Шервашидзе и мировой посредник А. Лакербай, инспектор народных училищ А. Измаилов и епархиальный наблюдатель церковных школ Стефан Алферов⁵. В 1906-1910 гг. на средства Общества восстановления православного христианства

¹ См.: ЦГАА, ф.1, оп.1., д.4203, л.1. Один из первых абхазов Николай Ладария прослушал миссионерские курсы при Казанской духовной Академии.

² ЦГИАГ, ф. 489, оп.1, д. 43550, л. 8; См.: Дзидзария Г.А. Формирование дореволюционной абхазской интелигенции. – С. 138-139. – Сухуми, 1979, газ. «Черноморский вестник», №256, 1898 г.

³ Там же, л. 1, 8

⁴ См.: ЦГАА, ф.1, оп.1., д. 4203, л.1.

⁵ ЦГИАГ, ф. 439, оп.1, д. 1154, л.11 об.; ЦГАА, ф.1, оп.1., д. 4203, л.1.

на Кавказе трудами членов комиссии были переведены на абхазский язык и отпечатаны «Божественная литургия св. Иоанна Златоуста», «Требник» в количестве 2000 экземпляров, а также чины погребения и венчания, К.Д. Мачавариани¹ «Молитвы».

Переводчики священно-церковно-богослужебных книг на абхазский язык представили свой первый законченный и проверенный труд на рассмотрение экзарха Грузии. В обращении к экзарху Грузии переводчики просили получить возможность и средства к «напечатанию труда нашего для снабжения им как пастырей абхазцев, так и народных школ...»². Синод ассигновал в распоряжение епископа Сухумского Дмитрия в 1909 г. кредит на сумму 9000 руб. по 3000 руб. на 3 года для перевода богослужебных книг на абхазский язык. Протоиерей Д. Маргания и учитель монастырских школ Д. Гулиа получали ежегодно жалование в размере 900 руб. Дальнейшая работа комиссии проходила под постоянным руководством кандидата Петербургской духовной Академии иеромонаха Иоанна (700 руб. в год)³.

Российская православная церковь активно способствовала реанимированию православия в Абхазии. Следует отметить ответные шаги Грузинской православной церкви, направленные на усиление своих позиций в Сухумском отделе. «Богослужение производится и даже проповеди по церквам... на грузинском языке, совершенно непонятно ни для абхазцев, ни для самурзаканцев»⁴.

Вместе с тем, вопрос о выделении Сухумской епархии из состава Грузинского экзархата в самостоятельную епархию трижды рассматривался Синодом. В 1906 и 1915 гг. на заседаниях Предсоборного Присутствия было принято решение о выделении Сухумской епархии из состава Грузинского экзархата, «но приведение этих решений в исполнение оба раза приостанавливалось вслед-

¹ ЦГАА, ф.1, оп. 1, д. 4203, л.1; Обзор деятельности Общества восст. правосл. христианства на Кавказе за 1860–1910 гг. – Тифлис, 1910, отдел 1V. – С.157.

² Прибавление к Церковным Ведомостям, №26, 30 июня 1907. – С.1041

³ ЦГАА, ф. 1. Оп. 1, Д. 4203. Л. 1.

⁴ Газ. «Черноморский вестник», 1896, №205.

ствие разных грузинских происков»¹. Итак, объявив свою церковь автокефальной в марте 1917 г. Грузинский экзархат стал активно противодействовать русской церкви в Закавказье. Здание духовной семинарии, свечного завода, военного собора, Иоанно-Богословской церкви, Синодальной конторы, дома экзарха в Тифлисе были заняты Грузинской церковью, хотя были построены на деньги Синода². Вопрос распределения церковного имущества в Закавказье между Русской и Грузинской церквами также требовал немедленного решения. Определенные надежды возлагались на Всероссийский Поместный Собор. Грузинская православная церковь, объявив свою церковь автокефальной всячески стремилась присоединить к ней абхазские приходы. С этой целью в мае 1917 г. на съезде духовенства и выборных мирян абхазского населения в Сухуме проходили переговоры грузинской делегации, «во главе с бывшим предводителем дворянства Кутаисской губернии кн. Нижарадзе и грузинским генералом Габиевым с абхазскими народными представителями»³. Было принято неожиданное для грузинской делегации решение «Объявить Абхазскую церковь автокефальной, ... считать епископом автокефальной церкви Сухумского епископа Сергия»⁴. В Синод была отправлена телеграмма с текстом принятой резолюции. В июле 1917 года от имени Синода, за подпись экзарха Грузии Платона была отправлена ответная телеграмма: «Сухум. Князю Александру Шервашидзе. Объявите абхазскому народу, что Св. Синод считает необходимым вопрос о церковных правах абхазцев передать на решение назначенного 15 августа Поместного собора. До решения Собора должно сохраняться существующее епархиальное управление»⁵. Предварительно обсуждение этих вопросов проводилось в отделах. Кавказский

отдел значился под номером «18», занимался «Устройством православной церкви в Закавказье в связи с объявленной грузинами автокефалией своей церкви (председатель Дмитрий, архиепископ Таврический и его заместители: Макарий, епископ Владикавказский и кн. П.Д. Урусов)»¹.

19 февраля 1918 года состоялось заседание Кавказского отдела, где был заслушан доклад протоиерея Георгия Степановича Голубцова «О безотлагательном решении абхазского церковного вопроса»². Вскоре по поручению патриарха Тихона профессором И.И. Соколовым было составлено послание к грузинским архиереям, в котором, в частности говорилось, что «грузины приглашаются к мирному и полюбовному разрешению своего церковного вопроса, основанного на церковных канонах, а не на захватном праве... Нарушение церковных канонов их ничуть не беспокоит, ибо автокефалия церкви для них не цель, а средство для закрепления государственной автономии»³. 29 марта 1918 года состоялась встреча Г.С. Голубцова с патриархом, где вновь обсуждался вопрос о выделении Сухумской епархии из состава Грузинского экзархата и переименовании Сухумского епископа, «назав его Абхазским и Черноморским или Новороссийским»⁴. Протоиерей предлагал «во что бы то ни стало оставить Абхазию в составе Русской православной церкви, ... ради сохранения всех монастырей и храмов»⁵.

2 апреля 1918 года на Соборе, в беседе с патриархом Тихоном о Грузинской автокефалии последний отметил, «что лучше решать все спорные вопросы мирно, полюбовно ... поэтому он и решил обратиться к грузинским архиереям с особым посланием, приглашая их к братскому и спокойному решению всех спорных вопросов»⁶. Итак, патриарх Тихон предложил ждать ответа на его послание от грузинских архиереев. Решение церковного вопроса

¹ Дневник настоятеля Сухумского кафедрального собора протоиерея Георгия Голубцова // Материалы по истории церкви. – С. 243. – М., 1995. Кн. 8.

² Дневник настоятеля Сухумского кафедрального собора протоиерея Георгия Голубцова // Материалы по истории церкви. – С. 125. – М., 1995. Кн. 8.

³ Там же. – С. 122.

⁴ Дневник настоятеля Сухумского кафедрального собора протоиерея Георгия Голубцова // Материалы по истории церкви. – С. 123. – М., 1995. Кн. 8.

⁵ Там же. – С. 123.

¹ Там же. – С. 156.

² Там же. – С. 165.

³ Там же. – С. 197-198.

⁴ Там же. – С. 243.

⁵ Там же. – С. 241-243.

⁶ Там же. – С. 252.

абхазы видели в выделении Сухумской епархии из состава экзархата, в переименовании ее в Абхазскую епархию. Патриарх Тихон, обращаясь к экзарху, архиепископу Кириллу «находит нужным решить вопрос о выделении Сухумской епархии в самостоятельную в порядке административного управления в соединенном заседании Священного Синода и Высшего церковного Совета ... с оставлением в ее составе города Анапы и Черноморской губернии»¹. Однако, этому пожеланию патриарха не было суждено воплотиться в жизнь. Абхазский церковный вопрос не был решен, в связи с оккупацией Абхазии грузинскими меньшевиками. Итак, с 1918 года грузинские автокефалисты открывают Цхумо-Абхазскую епархию во главе с епископом Амвросием (Хелая)*, а Сухумская епархия прекращает свое существование.

В целом, русский царизм предполагал укрепить свои позиции не только политическими и военными методами, но и системой социально-экономических мероприятий. В купе с военными действиями, царская Россия стремилась укрепиться и посредством распространения своего культурного (в том числе и религиозного) влияния на регион.

Итак, история Абхазии показывает, что глобальные политические процессы, происходившие на Кавказе, и в Абхазии в частности, приводили и к переменам в духовной жизни.

И.В. Крючков,
Ставрополь

КАВКАЗ В ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ РОССИИ И ГЕРМАНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

История германо-российских экономических связей насыщена многочисленными событиями и фактами, они переживали периоды подъемов и спадов. Немецкое экономическое и культурное влияние на русское общество проявлялось на всем протяжении XVIII – начала XX вв. В последней трети XIX – начале XX вв. Германия становится основным внешнеторговым партнером России, потеснив позиции остальных государств. С 1890 г. по 1913 гг. германский ввоз в структуре импорта России увеличился с 27,5% до 47,5%. За этот же период российский вывоз в Германию в структуре экспорта России вырос с 25,6% до 30%¹. Накануне первой мировой войны, в первом полугодии 1914 г. Германия ввезла в Россию товаров на 325,1 млн. руб. или 49,6% всего российского импорта, для сравнения на втором месте по данному показателю находилась Великобритания с 94,3 млн. руб. (13,3%), а на третьем США 36,6 млн. руб. (9,4%)².

Больше всего из Германии в Россию ввозилось продукции машиностроения (57,8 млн. руб.), в том числе сельскохозяйственных машин (9,4 млн. руб.). Сюда необходимо добавить еще экспорт ав-

¹ Дневник настоятеля Сухумского кафедрального собора протоерея Георгия Голубцова // Материалы по истории церкви. С. 243-252. М., 1995. Кн. 8.

* Амвросий (Хелая) и епископ Кирион обвинялись в убийстве экзарха Никона. Вмешательство князя Г. Шервашидзе и вдовствующей императрицы способствовало прекращению дела.

¹ Субботин Ю.Ф. Россия и Германия: партнеры и противники (торговые отношения в конце XIX в. – 1914 г. М., 1996. – С. 267.

² Кавказское хозяйство. 1914. №20. – С. 12.

томобилей на 6,7 млн. руб. Кроме этого Германия ввозила в Россию шерсть (20,2 млн. руб.), кожу (18,8 млн. руб.), каменный уголь (16,9 млн. руб.), хлопок (13,5 млн. руб.), продукцию химической и фармацевтической промышленности (10,9 млн. руб.), электроосветительные товары (9,2 млн. руб.), рожь (7,8 млн. руб.), хлопчатобумажные изделия (7,4 млн. руб.), шелк (6,5 млн. руб.), краски (6,2 млн. руб.), шерстяные изделия (6 млн. руб.), вязанные изделия (5,5 млн. руб.), изделия из меди (5,1 млн. руб.) и т.д.¹.

Российский экспорт в Германию составил за первое полугодие 1914 г. 219,4 млн. руб., на Германию приходилось 32,4% всего российского экспорта. На втором месте по этому показателю находилась Великобритания 118,3 млн. руб. (17,4%), на третьем Голландия 75,9 млн. руб. (11,2%) [4]. Основу российского ввоза в Германию составлял экспорт зерновых культур, который достиг 90,4 млн. руб. или 41,3% всего российского экспорта в Германию, в том числе ячменя на 54,8 млн. руб. и отрубей на 12,4 млн. руб. Далее шли лес (18,8 млн. руб.), яйца (13,8 млн. руб.), лен (13,4 млн. руб.), сливочное масло (12,3 млн. руб.), жмых (8,6 млн. руб.), меха (7,2 млн. руб.)².

Существенную роль в развитии России играл германский капитал. К 1913 г. общая сумма германских инвестиций в России составила 378,1 млн. руб.³. По данному показателю Германия занимала второе место после Франции и действовавшей совместно с ней в операциях на российском рынке Бельгии. Германские инвестиции шли в энергетику, электротехническую, химическую промышленность, машиностроение. «Общество электрического освещения», принадлежавшее концерну «Сименс и Гальске» принимало участие в электрификации крупных городов России, в том числе Баку, Таганрога, Грозного и Ростова на Дону. По уровню электрификации Ростов на Дону занимал ведущие позиции в России⁴. Концерн

¹ К вопросу о внешней торговли России во время войны. Пг, 1916. – С. 60.

² Кавказское хозяйство. 1914, №20. – С. 12-13.

³ Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. – С. 20.

⁴ Ерохина О.В. Германский капитал в российской экономике в конце XIX – начале XX веков// Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №12. – С.39.

«Сименс и Гальске» в 60-70- е гг. XIX в. связал телеграфным сообщением практически все города Кавказа¹.

Активными проводником немецкой культуры и традиций на Кавказе стали немецкие колонисты, поселившиеся в регионе в XIX в. В 1914 г. в Ставропольской губернии проживало более 16,2 тыс. немецких колонистов². На остальной территории Кавказа (без учета Ставропольской губернии) по данным 1910 г. проживало более 28,1 тыс. чел. немцев. В основном это были российские подданные, но так же встречались подданные Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии. Об этом говорит и тот факт, что по переписи населения 1897 г. в Ставропольской губернии проживало 248 подданных германских государств, в то время как численность всего немецкого населения губернии перевалила 12 тыс. чел. Больше всего в губернии проживало подданных Пруссии (132 чел.), Баварии (21 чел.), Вюртенберга (8 чел.), Саксонии (2 чел.), еще 85 чел. проходило как подданные Германии³. Крупная колония немцев-подданных Германии в 1912 г. проживала в Черноморской губернии в количестве 781 чел.

Больше всего немцев проживало в Кубанской области – 20,7 тыс. чел., Терской области – 9,6 тыс. чел., Тифлисской губернии – 8,3 тыс. чел., Бакинской губернии – 3,3 тыс. чел., Елисаветопольской губернии – 3,2 тыс. чел. и Кутаисской губернии – 1 тыс. чел., в других регионах Кавказа численность немецкого населения не превышало 800 чел.⁴.

Немецкие колонисты вели образцовое хозяйство, которое на порядок отличалось с точки зрения производительности труда и эффективности от хозяйств горских народов и славянских колонистов⁵. Особенно это проявлялось в животноводстве, где коло-

¹ Донгаров А.Г. Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990. – С.25.

² Обзор Ставропольской губернии за 1914 г. Ставрополь, 1915. – С.12.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.LXII. СПб., 1905. – С.VII.

⁴ Кавказский календарь на 1910 г. Ч.1. Тифлис, 1909. – С. 524-525.

⁵ Кириченко Н. Год у немецких колонистов. Описание колонии Эйгенфельд/ Труды Кубанского Областного Статистического Комитета. Т.VI. Екатеринодар, 1900. – С.11.

нисты разводили высокопродуктивный скот, в частности коров «швицкой породы», уделяя большое внимание селекционной работе¹. Все это вело к становлению на Кавказе очагов интенсивного хозяйства и пионерами в этом деле стали немецкие колонисты.

Темой отдельного исследования является роль немцев, подданных России в развитии экономики Кавказа. В данной связи можно привести Г.Шписа, сыгравшего важную роль в развитии нефедобычи на Северном Кавказе². Российско-подданные немцы принимали участие в развитии машиностроения и пищевой промышленности региона.

Первоначально объектом пристального внимания германского бизнеса на Кавказе стали его полезные ископаемые (медь, железная и марганцевая руда). С одной стороны в этих ресурсах нуждалась быстро развивающаяся экономика Германии. С другой стороны, германские инвесторы доминировали в электротехнической промышленности России, которой была необходима медь. Лидером добычи железной руды и цветных металлов на Кавказе становится концерн «Сименс и Гальске». В 1865, 1868 и 1890 гг. П. фон Сименс совершает поездки в Закавказье, он планировал инвестировать значительные средства в горнодобывающую промышленность Кавказа. В начале 60-х гг. XIX в. компания «Сименс» покупает медные рудники в районе Батуми и строит первый медеплавильный завод, на котором в 1870 г. работало 1,5 тыс. рабочих, а годовой оборот составил 500 тыс. руб.³. Позже компания «Сименс» строит еще один медеплавильный завод в Кадебекском поселении (Елисаветпольская губерния), два рудника по добычи меди и два рудника по добычи железной руды⁴. Хас-Мамедовское железорудное месторождение концерна «Сименс» являлось крупнейшим на Кавказе. В 1909 г. на него приходилось 56,3 тыс. пудов

добытой железной руды из 121,2 тыс. пудов добываемой всей железной руды на Кавказе¹. Такая же ситуация складывается с выплавкой на Кавказе меди, из 309,7 тыс. пудов меди примерно 85,5 тыс. пудов приходилось на заводы «Сименса». Однако в начале XX в. концерн «Сименс» столкнулся с острой конкуренцией на Кавказе со стороны «Кавказского промышленного и металлургического общества», принадлежащего французским инвесторам и «Кавказского медеплавильного общества», в котором доминировали британские и американские инвесторы. Они оттеснили на третье место «Сименс» по производству меди в регионе.

С 1865 г. «Сименс» начинает добывать кобальтовую руду и строит небольшой завод по переработке кобальта. Показателем активности концерна на Кавказе стало открытие его представительства в Баку на ул. Петровской – «Кавказского промышленно-металлургического общества братьев Сименс», это был самостоятельный филиал германского концерна. В начале XX в. концерн открывает свое представительство в Тифлисе. Концерн «Сименс» принимал участие в деятельности других медеплавильных компаний Кавказа, в частности «Кавказского медеплавильного общества». Кроме концерна «Сименс» и другие немецкие предприниматели стремились утвердиться в горнодобывающей и металлургической промышленности Кавказа. Немецкий бизнесмен фон Лийб недалеко от г. Рустави в с. Чатахи строит завод по производству стали². Концерн «Круппа» и объединение Вестфальских железорудных компаний стояли у истоков добычи марганцевой руды на Кавказе, занимая в этом секторе лидирующие позиции наряду с местными и британскими предпринимателями³.

Германия принимала участие в развитии Бакинской нефтяной промышленности. С одной стороны выступая в качестве инвестора, с другой стороны в качестве потребителя произведенной про-

¹ Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914. – С.115-116.

² Томпсон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX вв.: организация и финансирование. М., 2008. – С. 212.

³ Гулишабров И.С. Обзор фабрик и заводов Тифлисской губернии. Тифлис, 1888. – С. 232.

⁴ Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913. – С. 217-218.

¹ Кавказский календарь на 1910 г. Ч.1. Тифлис, 1909. – С. 561-562.

² Пипия Г.В. Германский империализм в Закавказье 1910-1918 гг. М., 1978. – С. 29.

³ Суханов А.Н. Несколько цифр об армянах на Кавказе//Русская мысль. 1896, №10. – С.173.

дукции. В 1895 г. в США возникает дефицит нефти. Это подстегнуло добычу нефти в Баку и ее экспорт в Европу и Азию. С 1897 г. в Баку начинается поиск новых месторождений нефти. Наибольшую инициативу в развитии Бакинского нефтедобывающего района проявляли британские инвесторы, которые за 5 млн. руб. скупают скважины и нефтеперерабатывающие заводы Г.Тагиева. В качестве покупателя выступил Торговый дом «Вишау». Затем последовала покупка еще четырех бакинских фирм за 6,5 млн. руб.¹. Британцы, используя ресурсы лондонского Сити, охотно через свои российские представительства и в дальнейшем скупали нефтяные промыслы Баку. К 1913 г. всю бакинскую нефтяную промышленность между собой поделили три концерна, после того как «Товарищество братьев Нобель» (39,3 млн. руб. основной капитал) скупило Каспийско-Черноморское общество Ротшильда, а Общества «Мазут» и «Русский стандарт» были поглощены англо-голландским концерном «Ройалл Датч Шелл» (51,5 млн. руб. основной капитал). Фирмы Лианозова, «Каспийское общество», Манташева, «Московско-Каспийское общество» объединились в один трест – «Русская генеральная нефтяная корпорация» (123 млн. руб. основной капитал)². Во всех этих объединениях доминировал британский, французский и голландский капитал. Германский бизнес предпочитал не покупать нефтяные активы Баку напрямую. В то же время германские инвесторы охотно покупали акции концерна «Братьев Нобель» и кредитовали его внешнеторговые операции, концерн имел тесные связи с германским банком «Дисконто-Гезельшафт»³. Фирма Лианозова совместно с рядом германских банков строит в Гамбурге предприятие по переработке бакинской нефти, его уставной капитал составил около 1 млн. марок⁴. Германские инвесторы принимали участие в развитии нефтедобычи в

¹ Кавказский календарь на 1899 г. Тифлис, 1898. – С. 73.

² Томпсон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX вв.: организация и финансирование. М., 2008. – С. 35.

³ Эвентов Л. Иностранный капитал в нефтяной промышленности России (1874–1917 гг.). М.–Л., 1925. – С. 15.

⁴ Эвентов Л. Иностранный капитал в нефтяной промышленности России (1874–1917 гг.). М.–Л., 1925. – С. 83.

Грозном и Майкопе. Однако в общей сумме иностранных инвестиций, вложенных в кавказский нефтяной район, германские инвесторы занимали скромное место, им принадлежало всего 5,2% от суммы всех иностранных инвестиций в регионе¹.

Чешский специалист Кожура в районе Новороссийска открывает богатые запасы цементного камня. Этим фактом заинтересовались германские инвесторы. Под руководством Ливена они создают «Общество Черноморского цементного производства», которое собирает 50 тыс. руб. и у местного жителя Пилипенко покупает участок в 200 дес., где строится крупный цементный завод, оборудованный по последнему слову техники и производивший в конце XIX в. цемента примерно на 700 тыс. руб. в год.². Германские бизнесмены обращали большое внимание на социальные аспекты организации труда и на бытовое положение рабочих. В 1897 г. на заводе трудилось 500 чел., для них общество строит хорошие жилые помещения, школу на 40 чел. и аптеку³. Однако в конце XIX – начале XX в. большая часть производства цемента под Новороссийском переходит в руки французских инвесторов.

Германские предприниматели вкладывали средства в пищевую промышленность Кавказа, принадлежавшая им фирма «Конкордия» производила 66% вин Азербайджана, а годовой оборот фирм «Гуммель» и «Форер» превысил накануне Первой мировой войны 1 млн. руб.⁴ В Таганроге и Ростове-на-Дону германские предприниматели создают несколько колбасных и пивных заводов, включая известный пивзавод «Южная Бавария» в Ростове-на-Дону⁵.

¹ Косторниченко В.Н. Иностранный капитал в нефтяной промышленности дореволюционной России: к разработке периодизации процесса/ Экономическая история. Обозрение. Вып.10. М., 2005. – С. 63.

² Суханов А.Н. Несколько цифр об армянах на Кавказе//Русская мысль. 1896, №10. – С. 161; Кубань и Черноморское побережье на 1914 г. Екатеринодар, 1914. – С. 261.

³ Вся Россия. Т.III. СПб., 1913. – С. 25.

⁴ Пипия Г.В. Германский империализм в Закавказье 1910-1918 гг. М., 1978. – С. 32.

⁵ Устав товарищества на паях ростовского на Дону пиваваренного завода «Южная Бавария». М., 1913.

«Южная Бавария» имела пивзавод и в Ейске. Многие пивзаводы, которые не принадлежали германским инвесторам, поддерживали тесные экономические связи с Германией. Так, один из крупнейших пивзаводов Екатеринодара «Первенец Кубанский» получал хмель из Баварии. Жесткую конкуренцию на Кавказе германским пивоварам составили подданные Австро-Венгрии, которые активно создавали предприятия по производству пива на Кубани, Ставрополье и Закавказье.

В 1875 г. для Владикавказской железной дороги германский завод «Шварцкопф» выпустил паровозы серии Г N201-248 типа 0-4-0. При этом АО «Владикавказская железная дорога» при строительстве ветки от Ростова-на-Дону до Владикавказа использовала кредитные ресурсы германских банков.

В начале XX в. германские компании сыграли большую роль в развитии городского хозяйства на Кавказе. В Тифлисе и Владикавказе немецкие инженеры и субподрядчики из кельнской фирмы «Гелиос» создают электрическое трамвайное движение¹. В 1904 г. в этих городах вводятся в строй первые трамвайные линии. В 1902-1904 гг. концерн «Сименс» строит трамвайные линии в Пятигорске².

Первые сведения о торговле Кавказа с Германией относятся к 1886 г. С Кавказа в Германию вывезли товаров на 620 тыс. руб. Германия по данному показателю находилась на 10-м месте, уступая, не только Франции и Великобритании, но даже таким государствам, как Италия, Австро-Венгрия, Греция, Румыния, Бельгия. Ввоз германских товаров составлял всего 186 тыс. руб. По этому показателю Германия делила 5-6 место с Бельгией³. В 80-е гг. XIX в. в Германию в основном вывозились зерновые культуры, керосин и другие нефтепродукты. На Кавказ из Германии импортировались изделия из металла, химические и фармацевтические товары, слесарное и токарное оборудование.

¹ Наниташвили Н.Л. Германский капитал в Закавказье. Деятельность фирмы «Сименс и Гальске» (1860-1917). Тбилиси, 1982. – С. 240.

² Кавказ. 1904. 9 мая. – С. 3.

³ Кавказский календарь на 1888 г. Тифлис, 1897. – С. 27.

На рубеже XIX-XX вв. Германия не принадлежала к числу главных потребителей бакинской нефти. В 1897 г. в Германию было вывезено 1241 тыс. пуд. керосина, по данному показателю она занимала 8-е место, для сравнения в Великобританию экспортировалось 7636 тыс. пудов керосина¹. Бакинскому керосину было очень трудно конкурировать с американским на германском рынке. В отличии от американского бакинский керосин в силу химического состава нефти был тяжелее и хуже горел². Однако в начале XX в. потребности Германии в нефтепродуктах быстро возрастили и их экспорт из Баку резко увеличивается. В 1910 г. с Кавказа в Германию ввозится 35 тыс. тонн керосина, в 1911 г. 18,4 тыс. тонн, по данному показателю Германия выходит на 4-е место³.

Рост поставок нефтепродуктов из России в Германию в начале XX в. был связан с тем, что Германия стремилась ослабить свою зависимость от американских экспортёров, в частности знаменитой «Стандарт Ойл». В 1912 г. кайзер Вильгельм II об этом говорил во время встречи в Палдиске с председателем Совета министров России В.Н. Коковцовым: «...император Вильгельм подошел ко мне и стал вести беседу на тему о необходимости устроить европейский нефтяной трест в противовес американскому «Стандарт-Ойль», объединивший в одну общую организацию страны – производительницы нефти – Россию, Австрию (Галицию), Румынию, и дать такое развитие производству, которое устранило бы зависимость Европы от Америки»⁴. Следует подчеркнуть, что в 1906 г. предпринимаются первые попытки создания такого треста через учреждение под эгидой «Дойче банка» Европейского нефтяного союза, в который вошел концерн «Братьев Нобель», контролировавший

¹ Кавказский календарь на 1899 г. Тифлис, 1898. – С. 79.

² Весов Я. Россия на международном нефтяном рынке// Торгово-промышленный Юг. 1913, №15. – С. 33.

³ Международный ежегодник. Справочник для общественных деятелей 1913. СПб., 1913. – С. 197.

⁴ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1911-1919. М., 1991. – С. 135-136.

31,4% российского экспорта керосина¹. Однако идея создания Европейского нефтяного треста провалилась в силу ряда причин, в том числе из-за непоследовательности действий «Дойче банка». К тому же цены на российский керосин в Германии были ниже на 50-60% цен на керосин в самой России, поэтому концерн «Братьев Нобель» не был заинтересован в увеличении поставок керосина с Кавказа в Германию.

Одной из ведущих статей экспорта в Германию с территории Кавказа являлся вывоз марганцевой руды, этот процесс развивается с 80-х гг. XIX в. После погромов на рудниках в годы первой русской революции экспорт марганца постепенно восстанавливается и увеличивается. В 1909 г. в Германию вывозится 1171 тыс. пудов марганца, в 1911 г. 2617 тыс. пудов и в 1913 г. 3034 тыс. пудов². Следует отметить, что Германия не являлась основным потребителем марганцевой руды с Кавказа, занимая по данному показателю в 1913 г. 6-е место. Более 70% кавказского марганца, экспортируемого в Германию, шло на предприятия концерна Тиссена и «Гельзенкирхенского горнорудного акционерного общества».

Дон и Северный Кавказ в начале XX в. являлись одним из ведущих экспортёров зерновых культур³. Значительная часть пшеницы твердых сортов и ячменя с Кубани, Ставрополья, Дона через порты Ростова-на-Дону, Таганрога, Азова, Новороссийска и Туапсе поставлялась в Германию⁴. При поставке зерновых культур в Германию отмечалась специализация портов, так из Новороссийска в Германию поставлялась пшеница, а из Ростова-на-Дону ячмень⁵. В 1908-1912 гг. из Новороссийска в Германию отправлялось в среднем 2 млн. 40 тыс. пудов пшеницы, больше всего из Новороссий-

¹ Дьяконова И.А. Европейский нефтяной союз и Россия (по германским архивным материалам)/ Экономическая история. Обозрение. Вып.10. М., 2005. – С. 68.

² Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914. – С. 352.

³ Алавердов Э.Г. Внешняя торговля России через порты Черного и Азовского морей в конце XIX – начале XX вв. Автореф. дис. на соис. уч. степ. канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1975.

⁴ Северокавказский край. 1914, №1022. – С. 1.

⁵ Хлебный экспорт России. Пг., 1915. – С. 70, 83.

ска пшеницы вывозилось в Италию – 7 млн. 75 тыс. пудов в год¹. На экспорт зерновых культур приходилось более половины всего вывоза товаров с Кавказа в Германию. Следует подчеркнуть, что в начале XX в. Германия становится главным потребителем кавказского табака. В 1910 г. в Германию ввозится 78 тыс. пудов табака, а в 1912 г. 66,2 тыс. пудов, из 111,5 тыс. пудов всего кавказского экспорта табака². Дальнейшему росту вывоза табака в Германию мешали плохая селекционная работа, небрежная сортировка табака и отсутствие дешевого кредита.

Экспортёры сельскохозяйственной продукции Кавказа внимательно следили за развитием внешнеэкономических связей России и Германии. Они приветствовали торговый договор 1894 г., который вводил льготный тариф на экспорт российского зерна в Германию. Неслучайно, городская дума Ростова-на-Дону и купеческие организации Таганрога направили по данному поводу приветственные телеграммы в адрес министра финансов России³. Договор 1894 г. был благоприятно воспринят и продавцами германской сельскохозяйственной техники на Кавказе. Следующий торговый договор между Россией и Германией 1904 г. не был столь благоприятен для экспортёров сельскохозяйственной продукции, однако он не задевал сильно их интересы.

Кавказ становится одним из главных потребителей германской сельскохозяйственной техники⁴. На Дону, Кубани, Ставрополье крестьяне имели значительные наделы плодородной земли, что позволяло им получать высокие доходы, которые они были готовы тратить на дальнейшее развитие собственного хозяйства. Первоначально на российском рынке доминировали германские и британские сельскохозяйственные машины. Причем германские товаропроизводители довольно успешно теснили позиции британских

¹ Бензин В.М. Хлебный экспорт России. Пг., 1915. – С. 70.

² Кубань и Черноморское побережье на 1914 г. Екатеринодар, 1914. – С. 86.

³ Новости и биржевая газета. 1894, №83. – С. 2.

⁴ В 1897 г. российские предприятия произвели сельскохозяйственной техники на 9,2 млн. руб., а ее импорт составил в этом году 4,6 млн. руб.: Вестник финансов, промышленности и торговли. 1902, №26. Приложение. – С. 5.

конкурентов. Однако вскоре германские производители столкнулись с еще одним опасным конкурентом в лице США. В 1900 г. в Донской области использовалось 26628 усовершенствованных плугов из Германии, 8873 из США, 3876 из Великобритании, 1499 из Румынии и примерно 137 тыс. российского производства¹. Российские плуги по качеству были хуже германских, но они были значительно дешевле, так как продукция из Германии облагалась таможенными тарифами в расчете 10-27,5 марок за 100 кг. ввозимой техники.

В начале XX в. продукция из США несколько потеснила позиции германских экспортеров сельскохозяйственной техники на Кавказе, особенно на рынке сеялок и механических граблей. Если в 1901 г. в порт Новороссийска поступило сельскохозяйственной техники из США в объеме 349 тыс. пудов, то в 1901 г. уже 534 тыс. пудов². В 1912 г. из США в Россию было ввезено сельскохозяйственных машин на 4 млн. руб., из Германии на 3,4 млн. руб., из Великобритании на 1,1 млн. руб.³. На Кавказе германским производителям удается сохранить лидирующие позиции в импорте сельскохозяйственной техники. Так, в 1911 г. в новороссийский порт было завезено 1,76 млн. пудов техники из Великобритании, 519 тыс. пудов из США и почти 5 млн. пудов из Германии⁴. Ввоз сельскохозяйственной техники на Кавказ доминировал в германском экспорте в регион, на него приходилось более 70% всего ввоза товаров из Германии. Начавшаяся в 1912 г. торговая война между США и Россией сокращает импорт техники в Россию из США, от этого, прежде всего, выиграли отечественные товаропроизводители и германские экспортеры.

На Кавказе, как и в России в целом развернулась дискуссия на тему, чья сельскохозяйственная техника была лучше. Машины из США были по весу меньше и дешевле по цене, кроме этого они были легче в управлении. Германские машины считались

более качественными и долговечными. Неслучайно, что российские производители сельскохозяйственной техники специально делали надписи на латинском алфавите, чтобы привлечь внимание к ней крестьян, которые расценивали германскую технику как эталон качества¹. Германские производители стремились быстро реагировать на запросы жителей Кавказа, чтобы расширить рынок сбыта собственной продукции. Неслучайно, что издававшийся во Франкфурте-на-Майне специализированный журнал «Landwirthschaftliche Maschinen und Geräthe» имел собственного корреспондента в Ростове-на-Дону, который собирал материалы о состоянии рынка сельскохозяйственных машин на Кавказе и запросах потребителей². В Ростове-на-Дону в начале XX в. имелось два оптовых склада, предлагавших на льготных условиях, в том числе в кредит сельскохозяйственную технику из Германии торговым домам Кавказа для ее реализации.

В Баку, Тифлисе и в других городах Кавказа продавалась сельскохозяйственная техника «Общества Р. Сакка» из Лейпцига³. Кстати, на рубеже XIX–XX вв. главным потребителем продукции этой фирмы являлась Россия, так, в 1901 г. фирма ввезла в Россию 3334 тонны сеялок и плугов, затем шли Италия – 754 тонны, Румыния – 648 тонн, Франция – 286 тонн и Дания – 166 тонн⁴. Представительство Торгового дома «А.Утц и сыновья» в Тифлисе кроме американской сельскохозяйственной техники предоставляло покупателям различные образцы германской сельскохозяйственной техники. Фирмы Ростова-на-Дону предлагали покупателям паровые молотилки завода Р. Вольфа из Магдебурга, «Общества Г. Ланца» из Мангейма, сельскохозяйственную технику «Общества Ф. Майфарта и К» из Франкфурта-на-Майне и т.д.⁵.

¹ К вопросу о таможенных пошлинах на земледельческие машины. М., 1910. – С. 25.

² Вестник финансов, промышленности и торговли. 1902, №23. – С. 464.

³ Кавказский календарь на 1910 г. Ч.1. Тифлис, 1909.

⁴ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1902, №23. – С. 464.

⁵ Северокавказский край. 1914. №930. С.4; Кавказское хозяйство. 1914. 7 января. – С. 9,14.

¹ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1902, №23. – С. 464.

² Вестник финансов, промышленности и торговли. 1902, №24. – С. 513.

³ Кавказское хозяйство. 1914, №21. – С. 12.

⁴ Кубань и Черноморское побережье на 1914 г. Екатеринодар, 1914. – С. 264.

Однако на Кавказе была востребована не только сельскохозяйственная техника. Регион переживал индустриализацию, и ему было необходимо промышленное оборудование. Германские производители гибко реагировали на все изменения экономической конъюнктуры на Кавказе. В Баку Торговый дом «Стукken и К» становится представителем в регионе концерна «Фридрих Крупп», предлагая покупателям широкий спектр продукции концерна, включая маслобойни, мельницы, установки для прессования хлопка, гидравлические прессы, оборудование для производства щебня, руды, цемента¹. Представительство германской фирмы «Вейзе и Монсский» в Баку реализовывало паровые насосы и воздушные компрессоры. Торговый дом «П. И. Авцын и К», располагавшийся в Ростове-на-Дону к 1913 г. продал потребителям 300 двигателей «Дизель» мощностью в 300 тыс. л.с. Аугсбургского машиностроительного завода. И данный список можно было продолжать далее. На Кавказ поступает продукция германских автомобилестроителей, включая автомобили фирм «Бенц», «Опель», «Манселам Мулаг». Неслучайно, что первый автомобиль, появившийся на Северном Кавказе в Ростове-на-Дону в 1901 г. был германского производства. Кроме этого на Кавказ активно продается продукция германской химической и фармацевтической промышленности (краски, лекарства, парфюмерия и т.д.). Германские товары пользовались большим спросом на Кавказе.

В конце 1914 г. Московское Купеческое Общество провело анкетирование российских предпринимателей на предмет выявления причин успешного распространения германских товаров в России, в том числе на Кавказе. Предприниматели с Кавказа приняли активное участие в данном процессе. Они, как и предприниматели из других регионов, объясняли причины успехов германских товаров. Германские фирмы в России имели коммивояжеров, которые располагали образцами всех товаров и рекламной литературой на русском языке. Коммивояжеры готовы были в срок и на заранее оговоренных условиях доставить товар покупателю в любое место, в какое он пожелает. Они постоянно посещали Тифлис, Баку,

Екатеринодар, Ростов-на-Дону и другие города региона, предлагая германские товары, при чем и в кредит, чего не делали российские и британские фирмы. Германские коммивояжеры изучали запросы местных жителей, ориентируя своих производителей на учет специфики местного рынка. К тому же продукция, произведенная в Германии, на Кавказе рассматривалась как эталон качества, приобретая характер удачной маркетинговой политики, поэтому неслучайна реклама в Ставрополе местного кваса, который назывался «Баварский»¹. Во многих регионах Кавказа одежда европейского образца называлась «одеждой немецкого покроя»².

Предприниматель из Баку отмечал, что германский крем для обуви даже после уплаты таможенных тарифов на 30-40% был дешевле аналогичной продукции российских производителей³. Владелец магазина в Майкопе обращал внимание на неповоротливость и леность российского бизнеса, зачастую мало интересующегося запросами массового потребителя и проблемами владельцев магазинов в отличии от немцев⁴. Владельцы магазинов в Таганроге и Тифлисе жаловались на то, что в отличии от германских фирм российские фирмы постоянно сокращали кредит торговцам и более того требовали деньги вперед за еще не полученный товар.

В последние послевоенные годы Кавказ начинает привлекать германских туристов, в то время как курорты Германии были излюбленным местом отдыха россиян. В 1911 г. первая группа туристов в количестве 130 чел. из Германии посещает Гагры⁵.

Налаживанию сотрудничества между Кавказом и Германией способствовало установление судоходного сообщения между

¹ Северокавказский край, 1912, №310. – С.2.

² Семилуцкий А. Село Покойное Ставропольской губернии, Новогригорьевского уезда/Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXII. Тифлис, 1897. – С. 317.

³ Доклад комиссии по выявлению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности. М., 1915. – С. 57.

⁴ Доклад комиссии по выявлению мер борьбы с германским и австро-венгерским влиянием в области торговли и промышленности. М., 1915. – С. 62.

⁵ Пицунда-Гагра. Путеводитель. Сухум, 2003. – С. 8.

¹ Кавказский календарь на 1911 г. Тифлис, 1910. – С. 73.

портами региона и Германией. С 1890 г. германское судоходное общество «Deutsche Levante Linie» начинает осуществлять рейсы в порты Черного моря¹. В 1904 г. только из Бремена в Новороссийск заходит 26 германских судов, в Таганрог 51 судно². В Тифлисе «Северо-Германский Ллойд» открывает свое представительство, что упрощало оформление перевозок грузов и пассажиров. Крупнейшими портами, через которые проходили экспортно-импортные операции Кавказа, в том числе с Германией являлись Новороссийск (в 1894 г. объем торговых сделок таможни порта составил 27,9 млн. руб.), Ростов-на-Дону (22,6 млн. руб.), Батуми (22,2 млн. руб.), Таганрог (19 млн. руб.)³.

Большой вклад в развитие экономических связей между Кавказом и Германией внесли различные немецкие организации и сообщества. В Тифлисе действовало «Немецкое собрание», которое объединило не только подданных России, но и подданных других государств⁴. Собрание выполняло много функций, одна из них заключалась в обмене информацией об экономическом развитии Кавказа и потребностях региона в германских товарах. Немецкие предприниматели обменивались опытом ведения бизнеса на Кавказе, знакомясь друг с другом и завода необходиимые деловые связи. Немецкая община Тифлиса издавала на родном языке собственную газету «Кавказише Пост», в 1914 г. ее тираж составил 1200 экземпляров⁵.

Большую роль в экономическом проникновении Германии на Кавказ играли германские дипломатические представительства в регионе. В Тифлисе располагалось Генеральное консульство, в Баку и Ростове-на-Дону консульства, в Батуми и Новороссийске

– вице-консульства¹. Дипломатические представительства Германии активно собирали информацию об экономическом потенциале Кавказа и возможностях развития двухсторонних торговых связей. Представительства по просьбе германских фирм и предпринимательских объединений давали информацию о кредито-способности и деловой репутации потенциальных российских партнеров. В 1912 г. «Северо-Германский Ллойд» при поддержке германских дипломатических миссий организовал экскурсию по Кавказу 186 представителям финансовых кругов, политиков и общественных деятелей европейских стран, главным образом из Германии. Данная делегация посетила Батуми, Новороссийск и Владикавказ, ее задачи заключались в изучении экономического потенциала Кавказа и возможностей развития сотрудничества с этим регионом².

Таким образом, Кавказ занимал важное место в экономических связях России и Германии. Нефть, марганец, медь, зерно представляли значительный интерес для экономики Германии. В свою очередь народное хозяйство Кавказа нуждалось в сельскохозяйственной технике, промышленном оборудовании, товарах широкого потребления, произведенных в Германии. Но самое главное, Кавказу необходимы были германские инвестиции и технологии, немецкий опыт организации высокоэффективного производства. Несмотря на конкуренцию со стороны других иностранных государств Германия оставалась в начале XX в. одним из основных внешнеэкономических партнеров Кавказа.

¹ Арсеньев С. Торговля Германии за 1902 г., по отчету гамбургской торговой палаты/ Сборник консульских донесений за 1903 г. Вып. VI. СПб., 1904. – С. 166-167.

² Федоченко А. Торговля Бремена в 1904 г./ Сборник консульских донесений за 1904 г. Вып. VI. СПб., 1905. – С. 333.

³ Статистические сведения о внешней торговле России. СПб., 1896. – С. 60.

⁴ Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913. – С. 835.

⁵ Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914. – С. 366.

¹ Международный ежегодник. Справочник для общественных деятелей 1913. СПб., 1913. – С. 35.

² Северокавказский край. 1912. №310. – С. 3.

В. Новиков,
Москва

**АБХАЗСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ
Н.А. ЛАКОБА И Е.А. ЭШБА О СВОЕЙ ПОЕЗДКЕ
В ТУРЦИЮ В КОНЦЕ 1920-НАЧАЛЕ 1921 гг.**

Процесс советизации Закавказья является одним из наиболее интересных и в какой-то мере малоизученных периодов отечественной истории. При этом заслуживающим внимания представляются вопросы о влиянии на этот процесс конфиденциальных дипломатических переговоров между Советской Россией и основными региональными игроками. В том числе, с кемалистской Турцией.

Следует отметить, что, рассматривая тему взаимоотношений Советской России и кемалистской Турции, историки зачастую игнорировали такой важный фактор, как роль северокавказских диаспор в этих отношениях. Особенно это касается роли абхазской и черкесской диаспор. Кроме того, многие историки обходили вниманием такой важный сюжет, как фигуры неофициальных посредников между РСФСР и кемалистской верхушкой.

И только в конце 1980 – начале 1990-х годов появились работы, в которых рассматривались вышеуказанные вопросы. Первым исследователем, который прорвал «занавес умолчания», был известный абхазский историк С.З. Лакоба.

В 1990 году в своей книге «Очерки политической истории Абхазии» он описывал роль руководителей абхазской большевистской организации Н.А. Лакоба и Е.А. Эшба в советско-турецких отношениях. Он, в частности, писал, что «в октябре-декабре 1920 г. в Траиезунд

несколькими партиями на моторной лодке лаза Кязма Курд-оглы была переправлена большая группа из Абхазии в составе: Е. Эшба, Н. Лакоба, К. Инал-ипа, Е. Дамения, М. Лакоба, Х. Миканба, М. Тарнава, Д. и Х. Эджибия и др. В Турции к ним присоединился батумский житель Х. Джих-оглы¹ (родной брат Сарии, будущей жены Нестора)».

По утверждениям С.З. Лакоба, Н.А. Лакоба установил контакт с влиятельными турецкими должностными лицами. Установлению этих связей способствовал тот факт, что Кемаль-пашу окружали влиятельные северокавказцы (в том числе – абхазы).

И далее С.З. Лакоба выдвигал интересную гипотезу: «Вероятнее всего, основная задача, поставленная перед группой, заключалась в том, чтобы Турция отказалась от Батума и Батумской области. Остается только надеяться, что когда-нибудь из партийного архива извлекут «особо секретный» отчет Эшба (или Лакоба) об этой крайне интересной поездке...»²

Действительно, 16 марта 1921 года в Москве между РСФСР и Великим Национальным Собранием Турции был подписан договор о дружбе (Московский договор 1921 года). Договор носил бессрочный характер. В числе прочего произошел территориальный обмен: РСФСР отказалась в пользу Турции от Карса, Ардагана и Артвина, а Турция – от Батуми и Батумской области (т.е. территории нынешней Автономной республики Аджария).

Как известно, в предшествующие несколько десятилетий принадлежность Батума, Карса, Ардагана, Артвина была предметом сложных договоренностей между Россией, Османской империей и западными державами.

В 1878 году после Берлинского конгресса Батум, Ардаган и Артвин были переданы Российской Империи.

В 1918 году по Брест-Литовскому договору эти территории вновь оказались в составе Турции.

В конце 1918 года после крушения германского блока Батумская область была оккупирована Великобританией.

¹ Лакоба С.З. Очерки политической истории Абхазии. «Алашара», Сухуми, 1990. – С.81

² Там же.

В 1919 году была достигнута договоренность о передаче контроля над Батумской областью из рук английских войск грузинским властям.

Передача контроля затянулась на год. Между грузинскими властями и аджарским мусульманским населением возникли проблемы.

В июле 1920 года британские войска были окончательно эвакуированы из Батума.

Следует заметить, что история борьбы за Батум в 1918-1920 гг. представляет собой отдельный увлекательный сюжет. Дело не только в том, что на Аджарию претендовали одновременно меньшевистская Грузия, Турция и Антанта, но и в том, что различные группы самого аджарского населения ориентировались на разных внешних игроков. В первую очередь, это касается грузинского мусульманского населения, именуемого аджарцами.

Часть аджарцев ориентировалась на Тифлис и выступали за вхождение в состав новопровозглашенной Грузинской Демократической Республики. Более того, существовал даже проект «мусульманской Грузии» (т.е. вхождения в состав новосозданной Республики Ахалцихе, Аджарии, Турецкого Лазистана и т.д., населенных грузинским мусульманским населением). Однако к этому проекту достаточно осторожно отнеслись в Тифлисе.

Другая часть аджарцев была ориентирована на азербайджанскую партию «Мусават».

Еще одна часть аджарской элиты ориентировалась на Турцию, которая в итоге и оказалась на короткое время хозяином Батумской области.

Отметим, что доступа к Батумскому порту добивалась и Армения, которая фактически была зажата между Азербайджаном и Турцией в кольцо блокады. В этой ситуации для Еревана Батум становился важнейшей транспортной артерией, которая соединяла ее с внешним миром.

Таким образом, история борьбы за Батум – предмет отдельного исторического исследования. А само это исследование вполне может стать актуальным и для сегодняшнего дня.

16 февраля 1921 года началась советизация Грузии.

23 февраля 1921 года командующий турецким Восточным фронтом (де-факто – турецкими войсками в Западной Армении) генерал Кязым Карабекир потребовал от грузинских властей освободить города Ардаган и Артвин.

Отметим, что именно в этот момент грузинские власти пытались организовать советско-турецкий конфликт.

С этой целью грузинские меньшевики вступили в секретные переговоры с представителями турецких властей, в ходе которых они договорились о занятии Батума турками.

При этом само меньшевистское правительство к тому моменту находилось в Батуме, к которому уже приближалась Красная Армия.

7 марта 1921 года Карабекир окончательно договорился с меньшевиками о занятии Батума.

11 марта турки заняли Батум.

Однако 16 марта 1921 года был подписан Московский договор. Два дня спустя – 18 марта – турецкие войска оставили Батум.

Освобождение Батума сопровождалось драматическими обстоятельствами. В первую очередь, кровопролитными боями между Красной Армией и турками. Однако в результате военных усилий советской стороны и дипломатических усилий город оказался в руках большевиков.

Отметим и такой важный момент: Кязым Карабекир был одним из главных конкурентов Кемаля. И его неожиданные договоренности с грузинскими меньшевиками вполне могли быть частью его игры против Кемаля.

16 июля 1921 года была провозглашена автономия Аджарии в составе Грузии.

Отметим и другую особенность событий марта 1921 года. Государственность ССР Абхазии была провозглашена в марте 1921 года не в Сухуме, а в Батуме в результате т.н. «Батумского совещания» руководителей абхазского Ревкома.

Отметим, что к этому моменту в Аджарии были сконцентрированы основные абхазские повстанческие отряды, которые вместе с частями Девятой Красной Армии двигались со стороны Сочи и

Адлера. Эти отряды не только активно участвовали в освобождении Абхазии, но и первыми шагнули за Ингур, двигались по Мингрелии и достигли Батума.

Поэтому именно в Батуме было сконцентрировано как руководство абхазского Ревкома, так и большинство абхазских повстанческих отрядов.

Отметим и другое: вряд ли вопрос о принадлежности Батума и закрепления его за ССР Грузией являлся результатом стремительных переговоров между представителями РСФСР и кемалистской Турции в конце февраля-начале марта 1921 года.

Такие территориальные обмены, которые мы видим на примере Московского договора 1921 года, подготавливаются в течение значительно более долгого времени, чем несколько недель марта 1921 года. И здесь вновь встает вопрос о деятельности абхазской миссии во главе с Н.А. Лакоба и Е.А. Эшба в конце 1920 – начале 1921 гг. в Турции.

Документы о деятельности в Турции были фактически недоступны историкам до последнего времени. На то были свои причины.

В период с 1921 по 1937 гг. – эти документы были недоступны по причине их секретности.

Затем – с 1937 по 1956 гг. – о них нельзя было говорить, так как их основные фигуранты были объявлены «врагами народа».

Потом был длинный период с 1956 по 1989 гг., когда поиск отчетов Лакоба и Эшба был затруднен тем, что многие темы специально «закрывались» от исследователей по причине их идеологической «неудобности», желания властей «ретушировать» прошлое.

Совершенно очевидно, что в хрущевские и брежневские времена уже набирали мощность противоречия между Абхазией и Грузией. Н.С. Хрущев и затем отчасти Л.И. Брежnev частично ликвидировали те несправедливости и перегибы национальной политики, которые осуществляли власти Грузинской ССР по отношению к Абхазии и абхазам. Однако это была лишь частичная ликвидация негативных последствий сталинско-бериевской политики по отношению к абхазскому народу.

Такая половинчатость не могла удовлетворить абхазов и вызывала раздражение значительной части грузинской политической элиты и интеллигенции. А значит, грузино-абхазские противоречия продолжали активно развиваться. В этой ситуации доступ абхазских исследователей к документам о поездке Лакоба и Эшба в Турцию в 1920-1921 гг. мог поломать официальную концепцию советизации Грузии, что было крайне невыгодно грузинской стороне.

Ведь если действительно создание ССР Абхазия было результатом дипломатической посреднической миссии руководителей абхазских большевиков, то это могло стать предлогом для постановки вопроса о статусе Абхазии по отношению к Грузинской ССР. А этого уже не могли хотеть в Тбилиси и даже частично в Москве. Ведь в Москве многие уже понимали, что влиятельные политические и интеллектуальные круги Грузии фронтируют по отношению к официальной советской государственности и идеологии, и пытались купить лояльность Тбилиси за счет «умиротворения абхазских амбиций».

Отчеты Лакоба и Эшба о поездке в Турцию могли быть крайне востребованы в период 1989-1991 гг. Однако и тогда закрытость значительной части архивных материалов не способствовала подобного рода розыскам.

При этом грузинские историки старались всячески игнорировать турецкий фактор в ситуации советизации Грузии и тем более обходили тему поездки Лакоба и Эшба, а также их возможные договоренности с кемалистским руководством.

Так, известный грузинский историк А. Ментешашвили в своей работе «Из истории взаимоотношений Грузинской Демократической Республики с Советской Россией и Антантой. 1918-1921 гг.» интерпретирует сюжет с советизацией Грузии следующим образом.

Вначале он цитирует письмо И.В. Сталина Г.К. Орджоникидзе от 28 января 1921 года: «ЦК принял решение вести подготовительную работу, если понадобится военное вмешательство или оккупация Грузии. Сообщи о наличии сил. Троцкий говорил о слабости фронта. Сообщи на мое имя, может ли одержать ре-

шительную победу с наличными силами. Начнем после договора с Англией»¹.

Далее Ментешавили пишет: «Военное вмешательство должно было, по словам Сталина, начаться после подписания договора с Англией. Торговое соглашение между Англией и РСФСР было подписано 16 марта 1921 года. Переговоры велись в течение 9 месяцев. В преамбуле этого соглашения говорилось о политических обязательствах сторон. В частности, РСФСР воздерживалась от всякой «попытки к поощрению военным, дипломатическим или каким-либо иным способом воздействия или пропаганды какого-либо из народов Азии к враждебным британским интересам действиям в какой бы то ни было форме, в особенности в Индии и Афганистане». Англия же «дает торжественное особое обязательство» РСФСР «в отношении стран, которые составляли часть бывшей Российской империи и которые ныне стали независимыми»².

В итоге он резюмирует: «Таким образом, Англия признала особые интересы РСФСР на территории бывшей Российской империи, в частности, в Грузии, а РСФСР – интересы Англии в Азии (чем не имперский раздел на сферы влияния?). Этим и объясняется тот факт, что когда во время встречи посла Грузии А. Чхенкели с министром иностранных дел Англии лордом Керзоном 17 марта 1921 года в Лондоне Чхенкели, обрисовав тяжелое положение своей страны, выразил надежду, что правительство Великобритании окажет помощь Грузии «в борьбе против агрессивных действий РСФСР и Турции», лорд Керзон ответил: «Ничего не могу сказать о помощи против России, что касается Турции, то я думаю, что это сделать еще не поздно»³.

Таким образом, Ментешавили де-факто игнорирует все, что связано с Московским договором 1921 года и вопросами его под-

¹ Цит по: Ментешавили А. «Из истории взаимоотношений Грузинской Демократической Республики с Советской Россией и Антантой. 1918-1921 гг.»//URL: <http://www.pseudology.org/chtivo/Avtandil.htm>. Дата доступа: 12.07.2014

² Там же.

³ Там же.

готовки, и сводит все к советско-английскому соглашению от марта 1921 года.

Это соглашение, как правильно указывает нам Ментешавили, было подписано 16 марта 1921 года. Stalin, как видно из его текста письма Орджоникидзе, рассчитывал начать наступление на Грузию после заключения советско-английского соглашения.

Однако простая историческая справка показывает, что советское наступление на Грузию началось 16 февраля 1921 года, то есть за месяц до советско-английского соглашения. При этом в один день с советско-английским соглашением – 16 марта 1921 года – был подписан и Московский договор между РСФСР и Турцией.

Таким образом, для любого добросовестного исследователя встает вопрос о том, что же заставило большевиков начать советизацию Грузии до заключения соглашения с Англией. Тем более, что сам Ментешавили указывает нам, что 27 января 1921 года Антанта де-юре признала Грузинскую Демократическую Республику. По его мнению, это «ускорило свержение грузинского правительства»¹.

Однако официальное признание Антантой Грузии, скорее, могло остановить большевистское правительство в Москве от решительных действий в отношении Тифлиса. Не вдаваясь в подробности, укажем, что у советизации Грузии в большевистском руководстве были свои, если не противники, то скептики в этом вопросе. В этой ситуации заставить большевиков ускорить грузинскую советизацию могли только либо очень серьезные обстоятельства, либо наличие столь же серьезных международных договоренностей.

И в этой связи вновь встает вопрос о цели миссии Лакоба и Эшба в Турцию в конце 1920 – начале 1921 гг., и о соотношении этой миссии и территориального размежевания между Советской Россией и кемалистской Турцией.

Возможно, что эти документы могли быть обнаружены заинтересованными исследователями в начале-середине 1990-х годов, когда возник своего рода бум на исследования (пусть и очень пристрастные!) советского прошлого. Однако этот бум совпал с грузино-абхазской войной 1992-1993 гг. и самыми тяжелыми го-

¹ Там же.

дами первых лет фактической абхазской независимости. В этой ситуации многие абхазские историки либо не имели возможности попасть в российские архивы, либо вынужденно сменили род деятельности с гуманитарных наук на военную или политическую деятельность.

Сегодня – в ситуации относительной стабильности и частичного признания Республики Абхазия – мы имеем возможность вернуться к теме поездки Лакоба и Эшба в Турцию в 1920-1921 гг.

Что же обнаруживается в московских архивах?

В РГАСПИ, фонде 544 (опись 3, дело 46) было обнаружено несколько интересных документов.

Ф. 544, оп.3 – это документы Совета по делам пропаганды и действия народов Востока, созданного после Съезда народов Востока в Баку.

Д.46 – это «Доклады, информации и другие материалы о положении в Турции, поступившие в Совет пропаганды и действия» (1 января 1921 г – сентябрь 1921 г.)

Объем дела – 353 листа.

Языки – русский и турецкий.

Интересующие нас документы – на русском языке.

А вот и перечень самих документов.

Л.л. 1-7 – Доклад Н.А. Лакоба Совету пропаганды и действия народов Востока о политическом положении султанской (старой) Турции от 8 мая 1921 года

Л.л. 8-17 – Доклад Е.А. Эшба Совету пропаганды и действия народов Востока о политическом положении в Турции от 20 апреля 1921 года.

Видимо, эти два отчета – беловые варианты отчетов Эшба и Лакоба. Хотя тут есть один нюанс, о котором ниже.

Л.Л.38-40 – Беседа тов. Эшба с министром иностранных дел Бекир-Сами беем.

Л.л. 41-46 – Беседа Мустафы Кемаль паши с уполномоченным Совета пропаганды и действия народов Востока тов. Эшба 29/1 – 21 года.

Тут явно беловые документы. Дата беседы Эшба с Бекир-Сами не прочитывается. Видимо, это также январь 1921 года.

Л.л. 104-117 – копия доклада Лакоба от 8 мая 1921 года. Возможно, что это черновик. В пользу этого говорит отсутствие подписи и даты на документе.

Л.л. 131-140 – копия доклада Е.А.Эшба. Опять-таки, видимо, черновик. Однако тут есть нюанс: если на варианте, который стоит считать беловым, стоит дата 20 апреля 1921 года, то здесь дата стоит – 8 мая 1921 года. То есть дата, которой подписан и доклад Лакоба. То ли это 8 мая Эшба написал еще один «беловик», то ли дата была проставлена произвольно. Или ее проставил Лакоба в день своего отчета. Ему этот отчет мог отдать Эшба заранее. Интересно, что на этом варианте нет подписи. Что говорит в пользу того, что это черновик.

Л.л. 236-244 (а) – опять все тот же доклад Эшба. Видимо, еще один черновик. Страница 244 не фигурирует.

Л.л. 340-349 – все тот же вариант доклада Эшба.

С учетом того, что в деле есть несколько копий вышеуказанных документов, мы публикуем их беловые варианты. Копии идентичны беловым вариантам.

Доклады Лакоба и Эшба – это аналитические документы, содержащие впечатления о кемалистской Турции, социально-экономической и политической ситуации, о лицах в окружении самого Кемаля, их политических взглядах и т.д.

Оба эти отчета содержат в себе достаточно неортодоксальные оценки ситуации в Турции. В частности, и Лакоба, и Эшба фактически ставят крест на надеждах большевистского руководства построить мощную коммунистическую партию в Турции и уж, тем более, совершив там революцию.

Более того, одним из объектов критики стали советские работники, командированные в Турцию. По мнению Эшба, о них «нужно сказать, что за некоторыми исключениями, вместо положительной революционной работы, подрывали авторитет большевизма и Советской России. Самые разнообразные группы регистраторов, Реввоенсоветов и т.д. наезжали в Трапезонд, в Самсом, Керасунд «с секретными заданиями», конечно о них, и их заданиях знал любой турок с улицы, а своим нетактичным поведением, ино-

гда пьянистом, иногда распродажей казенного имущества, они дискредитировали Советскую власть. Таким образом об их коммунистической работе говорить не приходится».

Выводы Лакоба и Эшба о ситуации в Турции и отношениях с Кемалем практически идентичны.

Лакоба заканчивает свой отчет тезисом о том, что «надо в корне пересмотреть нашу восточную политику и наше отношение к Турции. Не надо забывать, что всякий успех кемалистского оружия на Антантовском фронте усиливает реакцию среди трудящихся масс Турции. Чем большие успехи у Кемаля, тем больше он развивает панисламистскую идею среди мусульманских масс, тем вернее он душит всякую попытку для революционной работы в Турции. Наоборот, в поражении Кемаля на его фронтах, я склонен видеть стихийное усиление недовольства против него турецких масс. Это недовольство может вылиться, если не в настоящую соц. революцию, то в революцию крестьянскую, – аграрную. Такая революция в Турции возможна. В этом случае руководство политической работой принадлежало бы нам, коммунистам. Наша моральная идеальная и материальная поддержка Кемалистам, последними явно эксплуатируется в своих грязных, узко национальных целях...».

А вот мнение Эшба: «Без сомнения, поскольку правительство Кемаля ведет борьбу с Западным империализмом, оно должно быть поддержано Советской Россией. Но не нужно забывать контрреволюционную, во внутренней политике своей, сущность Кемалистского правительства: каждый шаг, направленный к укреплению правительства Кемаля, для самого турецкого крестьянства является контрреволюционным».

При этом Лакоба давал еще и интересную характеристику Кемаю:

«Этот человек – ловкий политический делец. По идее он самый реакционнейший из реакционных; панисламистская его натура слишком определена и оформлена, чтобы из-за пустяков продаться кому бы то ни было. Последний умен, чтобы хорошо ориентироваться в международной политической ситуации. Он логичен в своих ориентациях. Если надо, если это даст достижение его цели,

то он станет заигрывать с Антантою и «пугать» Советскую Россию, – а если же надо проделать обратное, то и в этом случае – он найдет всегда лазейку. Советскую Россию и буржуазную Европу он рассматривает, как два непримиримых врага. Борьба между ними идет не на жизнь, а на смерть. Это Кемал хорошо знает. Но он одинаково ненавидит оба враждебных лагеря. Смерть того или другого, а то и обоих вместе, сразу – для него безразлична: убить одним выстрелом двух зайцев. В этом заключается весь идиотизм Кемаля и его сподвижников. Султан для него такая же игрушка, как и для Антанты. С последней он не может примириться. Какое-либо соглашение его с Антантою – означает то, что он станет такой же пешкой у последней, как Султан в настоящее время».

Выводы аналитических отчетов Лакоба и Эшба подтверждают и те беседы, которые Эшба провел с Бекир-Сами беем и Ататюрком. Из них совершенно четко видно, что интересы Советской России и Турции расходятся. Более того, такой видный политик, как Бекир-Сами бей в открытую высказывает недовольство политикой Советской России в ее мусульманских автономиях не только на Кавказе, но и в Поволжье.

Следует отметить, что Бекир-Сами бей – сын видного генерала царской армии Муссы Кундухова, осетина по происхождению. В 1865 году Кундухов-старший организовал переселение пяти тысяч кавказских горцев (осетин-мусульман, чеченцев, ингушей) в Турцию. Его сложный путь, который привел его к такому решению описан в исторической литературе. Тут стоит указать, например, работу В.В. Дегоева «Мусса Кундухов: история одной иллюзии».

Если в беседе Эшба с Бекир-Сами речь идет об идеологических разногласиях между Турцией и Советской Россией, то в беседе Эшба речь идет уже о разногласиях геополитических. В частности, Кемаль говорит, что нас «смущают некоторые политические шаги Москвы. Мы победили Армению. Теперь Москва, указывая, что Армения стала коммунистической, пытается препятствовать осуществлению договора».

Подобного рода беседы и анализ складывающейся в Турции обстановки позволял делать Лакоба и Эшба те выводы, которые они сделали.

И здесь следует подойти к тому главному, с чего мы начали анализ документов. Вряд ли миссия Лакоба и Эшба сводилась исключительно к разведке и анализу ситуации. Более того, вряд ли кемалисты и турки вообще позволили бы группе большевистских деятелей спокойно разъезжать по стране. Более того, они не могли не понимать, что в отличие от очень многих других представителей большевиков Лакоба и Эшба могли иметь контакты среди местных кавказских диаспор.

Все это позволяет нам сделать вывод, что истинной целью визита Лакоба и Эшба являлся не осмотр страны, а закулисные переговоры с представителями кемалистского руководства по различным вопросам российско-турецких отношений того периода.

В публикуемых нами документах старательно обходится вопрос о сущности миссии Лакоба и Эшба в Турции. Однако в отчете Эшба содержится важнейший намек на ее цель. Эшба, обосновывая необходимость жесткой политики по отношению к Турции, пишет:

«Нужно создать такую политику, которая бы привязала правительство Кемаля определенной зависимостью к Советскому Правительству, которая бы заставляла ежеминутно чувствовать авторитет Советской России. Одним из подобных, очень жестательных политических фактов является Батумский пример».

То есть Эшба намекает на некие закулисные маневры вокруг статуса Батума, которые имели место перед советизацией Грузии. И это позволяет нам сделать вывод о том, что роль группы Лакоба и Эшба в этих маневрах была очень велика.

Совершенно очевидно, что для окончательного подтверждения этой гипотезы необходим дальнейший поиск источников базы. В частности, было бы интересно найти переписку Лакоба и Эшба с большевистским руководством в Москве (если таковая сохранилась в архиве). Обнаруженные нами архивные свидетельства – лишь первый шаг в предстоящей историкам работе.

С. Ш. Салакая,
Сухум

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АБХАЗИИ XIX ВЕКА В АБХАЗСКОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Положению Абхазии после ее присоединения к России уделялось большое внимание в абхазской исторической науке. Не стала исключением и политическая история, которую стали серьезно разрабатывать с 30-х годов XX века. В 1934 г. вышла работа А. В. Фадеева «Краткий очерк истории Абхазии»¹. Что же касается самой истории XIX века, то «Краткий очерк...» написан вполне в духе господствовавших в то время теорий. Уже название главы, посвящённой этому периоду, говорит само за себя – «Захват Абхазии русским царизмом».

Весьма высокую оценку автор даёт деятельности Келешбея. Интересный вывод делает А. В. Фадеев о периоде, наступившем после убийства Келешбея. «Междоусобица детей Келеш-бэя: Сафар-бэя и Аслан-бэя вызывает в стране политический кризис, заканчивающийся захватом Абхазии русским царизмом»². Также в духе господствовавшей тогда непримиримости к феодальному и капиталистическому строю и негативной роли церкви оцениваются просительные пункты Сафарбэя (Георгий) к Императору Александру I. «В этом письме ясно выступает физиономия феодального хищника и эксплуататора, боявшегося лишиться львиной доли в эксплуатации

¹ Фадеев А. В. Краткий очерк истории Абхазии (С древнейших времён до Крестьянской реформы 1870 года). Ч. I. – Сухум, 1934.

² Фадеев А. В. Краткий очерк... – С. 145.

абхазского крестьянства благодаря поражению своему в борьбе с другими феодалами. Характерным является также и упоминание оprotoиерее Иоселиани – предательская роль церкви в захвате Абхазии русским царизмом выявляется со всей очевидностью.

... Феодалы и попы открыли в Абхазию двери русскому «военно-феодальному империализму». Говоря о первых годах присоединения Абхазии к России, А. В. Фадеев указал на значительную роль мегрельских князей в этом процессе и отметил, что Дадиани был союзником Сафар-бея в борьбе с Аслан-беем, захватив при этом Самурзакан в качестве вознаграждения за поддержку¹. Остановившись на народных восстаниях 20-40-х гг. и на карательных экспедициях царских войск, А. В. Фадеев ещё раз подчеркивает их классовый характер. Он справедливо увязывает Лыхненское восстание 1866 года с попыткой проведения крестьянской реформы в Абхазии.

В 30-е годы вышло ещё несколько работ Фадеева по различным вопросам истории Абхазии, главным образом XIX век. Наиболее значительна его большая статья «Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе».

Она является едва ли не первой и единственной в советской историографии, посвященной убыхам, бесследно исчезнувшем в горниле Кавказской войны народу. Написанная в конце 40-х годов статья Г. А. Дзидзария об убыхах вышла в свет лишь совсем недавно, в третьем томе его трудов.

В работе А. Фадеева содержится немало материала по этнографии убыхов. Однако особое внимание уделяется их борьбе против русской экспансии на Кавказе и важной роли, которую играл этот немногочисленный народ в общей борьбе Западного Кавказа за независимость. Много места в работе отведено деятельности знаменитого убыхского предводителя Хаджи Берзека и других представителей этого убыхского рода, в частности, Керантуха Берзека.

Особо подробно описывается завершающий этап русско-кавказской войны, когда именно убыхи предприняли попытку объединения горцев Западного Кавказа для сохранения своей независимости. Работа ценна ещё и тем, что в ней впервые было введено

¹ Фадеев А. В. Указ. соч. – С. 148, 149.

в научный оборот много неопубликованных ранее документов. При этом, как пишет сам А. В. Фадеев, это была лишь часть выявленных архивных материалов по истории Абхазии, которые должны были быть опубликованы в специальных сборниках. Однако это намерение не было осуществлено и судьба этих материалов остаётся неясной.

В 1939 г. начал работать в Абхазском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории выдающийся абхазский историк Г. А. Дзидзария (1914–1988). Ещё во время учёбы в Московском институте философии и литературы (МИФЛИ) он обратил на себя внимание ведущих преподавателей этого вуза. Большой интерес представляла его дипломная работа – «Завоевание Абхазии царской Россией», выполненная под руководством известного кавказоведа, профессора Г. А. Кокиева¹.

Работа содержала богатый фактический материал и целый ряд важных обобщений, которые позволили затем включить её в третий том «Трудов» учёного.

В 1940 году выходит первая самостоятельная работа Г. А. Дзидзария «Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX века»². Она содержит богатый фактический материал о борьбе ведущих держав того времени (Россия, Турция, Франция, Англия) за господство на Кавказе и в Абхазии, в частности, в начале XIX века. Большое и в целом положительное внимание уделяется деятельности владельца Абхазии Келешбека Чачба-Шервашидзе. Указывая на то, что нахождение в составе султанской Турции несло для Абхазии угрозу физического уничтожения, автор отмечает, что и вхождение в Россию сопровождалось процессами, принесшими значительные бедствия абхазскому народу.

Что же касается 40-х – нач. 50-х гг. работы историков Абхазии этого периода испытывала серьёзные трудности главным образом в связи с политическим курсом руководства Грузии, направ-

¹ Куправа А. Э. Слово о Г. А. Дзидзария // Г. А. Дзидзария. Труды. Т. III. – Сухум, 2006. – С. 22.

² Дзидзария Г. А. Борьба за Абхазию в первом десятилетии XIX вв. – Сухум, 1940.

ленным на постепенную ассимиляцию Абхазии Грузией. Не была издана статья Г. А. Дзидзария «Абхазо-убыхский союз в освободительной борьбе на Западном Кавказе в первой половине XIX века»¹, написанной ещё в 1945–1947 годах. Статья вышла в свет лишь после смерти автора.

В 1949 году вышла книга И. Г. Антелава «Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII вв.»². В этой работе даётся весьма высокая оценка деятельности Келешбека Чачба, направленной на подавление сепаратизма абхазских феодалов, и борьбы с Турцией. В 1949 году началось и новое наступление на историю Абхазии и вообще этническую самобытность абхазского народа. Началось всё с выхода печально известной статьи грузинского литературоведа П. И. Ингороква «Георгий Мерчуле...»

Правда, в конце 1940-х годов теория Ингороква не была принята в чистом виде. С подачи партийного руководства главенствующей стала теория о том, что абхазы представляют собой этнографическую группу грузин, вроде сванов, мегрелов и т.д. В связи с этим начался пересмотр всей истории Абхазии. Практически исчезло из обращения словосочетание «абхазский народ», которому было отказано в собственной истории. История Абхазии стала рассматриваться как часть истории Грузии.

Партийное руководство Абхазии ревностно следило за выполнением этой установки. Так и не увидели свет многие работы, написанные в 40-х – начале 50-х годов. Имеются лишь упоминания о них. В частности, так и не было опубликовано исследование Г. А. Дзидзария о Келешбее после резкой критики, которой был подвергнут учёный со стороны директора Сухумского пединститута Цулукидзе на VIII Сухумской городской партконференции³. Дальнейшая судьба готовившейся к печати монографии «Келешбей» неизвестна.

Вообще Келешбей с начала 50-х годов превращается в одного из самых критикуемых и преследуемых персонажей абхазской исто-

рии. Характерным является авторское предисловие ко второму изданию «Очерков истории Абхазии XVII–XVIII веков»¹. Его автор, И. Г. Антелава, пишет, что в первом издании этой работы, опубликованной в 1949 году, был допущен целый ряд ошибок. Одной из самых заметных являлось восхваление деятельности Келешбека, тогда как, согласно новейшим разработкам, Келешбей является реакционной фигурой, сыгравшей отрицательную роль в истории. Причём основная вина Келешбека заключалась в том, что он боролся за самостоятельность Абхазии, т.е. согласно исторической концепции конца 40-х – начала 50-х годов XX в. выступал против наиболее прогрессивного для Грузии объединительного процесса. Кроме указания на собственные «ошибки», И. Г. Антелава пишет, что подобных «ошибочных взглядов» придерживаются и другие учёные и деятели культуры Абхазии, например, Г. А. Дзидзария, Г. Д. Гулиа и другие².

Вообще конец 40-х – начало 50-х годов стали одним из самых мрачных периодов в истории Абхазии, когда проводилась официальная политика ассимиляции абхазов, когда вообще исчезли из употребления термины «абхазский народ», «история Абхазии» и т.д.

Новый этап в абхазской исторической науке начинается после 1953 года. С этого времени делаются первые шаги по преодолению наиболее одиозных последствий культа личности. Абхазский народ, его язык и история вновь получают «право» на самостоятельность. Однако историческая наука во многом продолжала выполнять социальный и политический заказ. Несмотря на официальное осуждение культа личности и грубых нарушений национальной политики всё ещё продолжали выходить монографии, учебники, статьи, в которых серьёзно искалась история Абхазии. Наиболее характерным примером явился выход в свет в 1954 г. книги П. Ингороква «Георгий Мерчуле – грузинский писатель XI века»³, в которой автор продолжал развивать свою теорию о том,

¹ Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII веков. 2-е изд. – Сухуми, 1951.

² Там же.

³ Ингороква И. Георгий Мерчуле... – Тбилиси, 1954.

¹ Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. – Сухум, 2006. – С. 105–141.

² Антелава И. Г. Очерки по истории Абхазии XVII–XVIII вв. – Сухуми, 1949.

³ См.: Дзидзария Г. А. Труды. Т. III. – С. 473, 474.

что современные абхазы или, как называет их Ингороква, – апсуйцы, заселили Абхазию лишь 200–300 лет назад, а абхазы, упомянутые в более ранний период, это грузинские (мегрело-чанские) племена. И хотя эта теория была подвергнута обоснованной критике многими как абхазскими, так и грузинскими исследователями (З. В. Анчабадзе, Х. С. Бгажба, К. В. Ломтадзе и др.), многие грузинские авторы неоднократно к ней возвращались с конца 80-х годов XX века с подачи так называемых неформалов. Эта теория вновь получает популярность, а в современной Грузии она едва ли не стала господствующей.

Что касается истории Абхазии XIX – начала XX веков, то в 50–60-е годы она развивалась в русле господствовавшей в то время в советской науке теории о благе для малых народов присоединения к России. В то же время политической истории уделяется не столь большое внимание.

Среди наиболее крупных специалистов по истории Абхазии XIX в., работавших в 50-е годы за пределами Абхазии, выделялся А. В. Фадеев, вынужденный покинуть Абхазию в конце 30-х годов, где был обвинён в пособничестве «врагу народа» Н. А. Лакоба. Работал он сначала в Одесском госуниверситете, а после Великой Отечественной войны – в Военно-педагогическом институте и Ростовском госуниверситете. С 1951 года А. В. Фадеев работал на кафедре истории СССР МГУ. И хотя в это время он специально и не изучал историю Абхазии, но всё же его работы, посвящённые русско-кавказским отношениям, истории внешних сношений России и т.д., в значительной степени затрагивали историю Абхазии.

Среди работ Фадеева, написанных в годы «оттепели», можно выделить его монографию «Россия и Кавказ первой трети XIX в.», а также «Кавказ в системе международных отношений 20–50-х годов XIX в.» и «Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века»¹. Кроме того, его перу принадлежит курс лекций по истории России

¹ Фадеев А. В. Кавказ в системе международных отношений 20-50-х годов XIX в. – М.: 1956. – С. 351; его же: Россия и восточный кризис 20-х годов XIX века. Изд. АН ССР. – М.: 1958. – С. 383; его же: Россия и Кавказ первой трети XIX в. Изд. АН ССР. – М.: 1960. – С. 398.

XIX века, а также он является редактором и соавтором тома истории России XIX века в многотомнике истории СССР¹.

Наиболее весомый вклад в изучение истории Абхазии XIX – начала XX веков выносит выдающийся абхазский историк Г. А. Дзидзария. Он являлся крупнейшим специалистом новой и новейшей истории Абхазии, при этом в сферу его научных интересов входили практически все стороны истории Абхазии данной эпохи. Ему были одинаково интересны вопросы присоединения Абхазии к России и установления Советской власти, социально-экономическая история дореформенной Абхазии и вопросы формирования абхазской интеллигенции, проблемы мааджирства и исследования революционного движения и многие другие проблемы истории Абхазии XIX – начала XX веков. При этом исследователь стремился показать события, происходившие в Абхазии, в сравнении с аналогичными событиями в соседних регионах, искал не только конкретные факты, но и общие закономерности.

В 1955 году выходит его первая большая монография «Восстание 1866 г. в Абхазии»². В этом фундаментальном исследовании, автор использует документы, многие из которых были впервые введены им в научный оборот. Главный упор в монографии делается на раскрытие антифеодального характера восстания 1866 года; вскрывает и обосновывает общие и непосредственные причины восстания, широко освещает его ход, определяет характер и движущие силы.

Крупным исследованием является монография Г. А. Дзидзария «Присоединение Абхазии к России и его историческое значение»³, вышедшая к 150-летию этого знаменательного события. Хотя вопрос о присоединении Абхазии к России давно привлекает историков и получил частичное освещение в целом ряде работ, однако

¹ Фадеев А. В. Дореформенная Россия. 1800–1860. Лекции из курса истории СССР, прочитанные на историческом факультете МГУ. – М.: 1960; его же: «История СССР с древнейших времён до Великой Октябрьской социалистической революции. Т. IV. – М.: 1967.

² Дзидзария Г. А. Восстание 1866 г. в Абхазии. – Сухуми, 1955.

³ Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России и его историческое значение. – Сухуми, 1960.

он впервые специально исследуется в данной монографии. Автор вводит в научный оборот значительный конкретно-исторический материал из архивов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Краснодара, Сухума и других, использует большое количество опубликованных источников.

Присоединение Абхазии к России рассматривается в тесной связи с развитием восточного вопроса на широком фоне сложной и быстро меняющейся в начале XIX века обстановки на Ближнем Востоке. В данной работе Г. А. Дзидзария придерживается мнения, что присоединение к России являлось единственным правильным решением, избавившим абхазский народ от этнической раздробленности и междуусобных воин, усугублявших замкнутость хозяйственной жизни. Тем самым он не без влияния господствовавшей тогда исторической концепции отказался от своих предыдущих взглядов относительно завоевания Абхазии царской Россией. В присоединении к России автор видит устранение угрозы окончательного порабощения Абхазии со стороны сultанской Турции. Он считал, что сultансское правительство в годы своего господства над Абхазией стремилось консервировать отсталые способы производства, насаждало мусульманство и уничтожало христианские памятники, превращало местных феодалов в прямых своих пособников, поощряло работоговлю, опустошало край во время своих нашествий. Присоединение Абхазии к России в 1810 году явилось, по мнению автора, закономерным итогом предшествующей борьбы абхазского народа против турецких завоевателей. Несмотря на реакционную колониальную политику царизма, Абхазия, прочно ограждённая от внешней опасности, постепенно втягивалась в общее русло экономического развития России: в ней росли производительные силы, она приобщалась к передовой культуре русского народа, на новую ступень поднималась социальная и национально-освободительная борьба трудящихся, объективно смыкавшаяся с широким народным движением, происходившим на всей территории империи.

Данная монография не ограничивается хронологическими рамками только присоединения Абхазии к России, она охватывает

значительно широкий отрезок времени, вплоть до крестьянской реформы и даже дальше.

В отдельной главе рассматривается вопрос об упразднении владетельской власти и введении русского управления в 1864 году. Освещая политические события, связанные с этим актом, проф. Г. А. Дзидзария использует много нового материала. «С упразднением Абхазского княжества и учреждением царского управления здесь непосредственно распространялся колониально-политический режим Российской империи». Тем не менее, как подчёркивается в книге, этот акт объективно имел положительное значение: «С упразднением пережиточной формы местного феодального управления, являющейся помехой на пути социальнo-экономического развития, Абхазия начинает всё более втягиваться в по-реформенную общероссийскую хозяйственную систему, в частности, в общую экономическую жизнь и всего Закавказья»¹. Как указывалось выше, это весьма спорное утверждение, однако такова была тогда официальная точка зрения по данной проблематике.

Несмотря на то, что Г. А. Дзидзария считал присоединение Абхазии к России исторически прогрессивным, это не помешало ему, опираясь на большой архивный и источниковедческий материал, показать отрицательное значение колониальной политики царизма, его цели и задачи, жестокость царских военачальников, неограниченный произвол местной администрации. Он указывает на умышленную консервацию, культурную и экономическую отсталость края. При этом автор тепло отзыается о прогрессивном влиянии русского народа на развитие края, показывает деятельность передовых русских людей в Абхазии, внёсших неоценимый вклад в развитие культуры абхазского народа. Создание письменности и школы, появление первых учёных и учителей абхазов, сближение с передовой русской духовной культурой и другие положительные моменты явились результатом деятельности представителей русской интеллигенции.. В книге говорится и о роли грузинской интеллигенции в распространении просвещения, развитии культуры и науки Абхазии, без подобных включений любые

¹ Дзидзария Г. А. Присоединение Абхазии к России... – С. 78.

книги, посвящённые истории и культуре Абхазии, в тот период просто не могли быть изданы.

В 1975 году вышла в свет, несомненно, главная книга Г.А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия», ставшая классическим трудом не только абхазоведения, но и всего кавказоведения¹. Это исследование отличается необычайной глубиной и размахом, охватывая почти все стороны истории Абхазии XIX века, начиная от присоединения Абхазии к России и до конца столетия.

Огромное место в монографии занимает махаджирство. Это, вероятно, самая большая трагедия в истории абхазского и большинства других горских народов Кавказа. Проблема махаджирства – насильтственного и вынужденного переселения значительной части жителей Кавказа в Турцию – всегда волновала историков-кавказоведов, но была недостаточно глубоко изучена. Долгое время она находилась под негласным запретом. Её изучение не поощрялось, так как, по мнению кремлёвских идеологов, это могло навредить дружбе народов и привести к национальной розни. Даже, когда тема перестала быть закрытой, практически не было сделано никаких специальных исследований по этому вопросу, вплоть до появления монографии Дзидзария. И хотя впоследствии, особенно с конца 80-х годов появилось большое количество работ, посвящённых изучению махаджирства, особенно в республиках Северного Кавказа, работа Г. А. Дзидзария до сих пор остаётся основным фундаментальным исследованием по этому вопросу.

Книга написана на основе тщательного изучения обширного фактического материала, извлечённого автором из архивов Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Краснодара, Сухума, а также документальных публикаций, мемуаров, прессы и других источников. Г. А. Дзидзария ввёл в научный оборот много ценных документов, десятилетиями пылившихся в архивах. Автору удалось подвергнуть критическому анализу огромное количество источников, подчас противоречивых, отбросить всё наносное и фальсифицирован-

¹ Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми, 1975; второе дополненное издание. – Сухуми, 1982.

ное, дать правильную оценку фактам и событиям, воссоздать по возможности картину махаджирства, этого своеобразного феномена в мировой истории.

Абхазское махаджирство рассматривается как часть переселенческого движения народов Кавказа, а махаджирская проблема в целом на широком фоне международной политики ряда европейских держав на Востоке. Такой подход позволил автору глубоко и всесторонне охарактеризовать историческую обстановку переселения и вскрыть основные причины махаджирства. Из всего содержания книги совершенно ясно вытекает, что махаджирское движение не имело причинной связи с внутренними процессами развития края, наоборот, оно было чуждо народу, который был крепко привязан к родной земле и на протяжении тысячелетий мужественно защищал её от многочисленных завоевателей¹.

Г. А. Дзидзария был сторонником теории многопричинности махаджирства. По его мнению, главными причинами переселения являлись: колониальная политика царизма на Кавказе; агрессивные акции султанской Турции, стремившейся к захвату этого края; провокационная роль западных, особенно английских колонизаторов, стоявших за спиной Турции и добивавшихся ослабления России на Ближнем Востоке; предательская роль местной реакционной туркофильствующей феодальной знати, религиозный фактор. Также, по мнению исследователя, переселению содействовали и такие факторы, как стремление трудящихся избавиться от тяжёлой и обидной жизни на родине; стремление царских властей и местной знати избавиться от «ненадёжных» и «вредных» элементов и получить дополнительные земельные фонды; родоплеменные и псевдородственные отношения и т.д.²

Монография не ограничивается только изучением махаджирства, а рассматривает это явление в комплексе со всем историческим процессом. Чтобы подойти к решению махаджирской проблемы, автор должен был глубоко изучить социальное, экономическое и политическое положение Абхазии XIX века, рассмотрев

¹ Куправа А. Э. Георгий Алексеевич Дзидзария... – С. 104, 105.

² Дзидзария Г. А. Махаджирство... – С. 5, 8.

их в связи с общекавказскими проблемами. Поэтому Г. А. Дзидзария глубоко и внимательно рассматривает социально-экономическую и политическую обстановку в Абхазском княжестве в первой половине XIX века.

Активизация военных мероприятий царского самодержавия на Кавказе вызвала усиление освободительного движения горских народов. Царские генералы и чиновники упорно придерживались насилистенных методов «усмирения» непокорных горцев. Это обстоятельство ловко использовали английские и турецкие правящие круги, которые, преследуя свои корыстные цели, стремились разжечь ненависть народов Кавказа к России и тем самым затянуть Кавказскую войну. Всё это обостряло обстановку до крайних пределов. Уже в этот период имели место факты иммиграции части населения Кавказа, в том числе и абхазов в Турцию, что по ряду причин поощрялось царскими властями. Правительство Турции в свою очередь стремилось заселить кавказскими переселенцами малозаселённые районы Турции и использовать воинственных горцев в будущих войнах против России. Детально рассматриваются события в Абхазии в годы Крымской войны. В этой войне Турция и её союзники (Англия и Франция) ставили своей целью отторжение от России Кавказа. Однако их попытка использовать в своих интересах антиколониальную борьбу кавказских народов потерпела провал.

Отдельная глава посвящена завершению Кавказской войны и её результатам.

Большое внимание уделяется военно-колониальной политике царизма после Крымской войны. Активизация военных действий вызвала отчаянное сопротивление горцев Западного Кавказа, их попытки объединиться для совместной борьбы против царской России. Показано, что именно западные абхазы – садзы и убыхи, являлись последним оплотом сопротивления горских народов Кавказа. Именно их непримиримость и стратегическое значение их места жительства привели царское правительство к решению вынудить эти народы покинуть родные земли. Г. А. Дзидзария убедительно показал, что завершающий этап Кавказской войны яв-

лялся одной из самых крупных волн махаджирства. В книге детально воссоздана трагическая картина этого самого крупного переселения коренных жителей Кавказа в пределы Турецкой империи. По подсчётом Г. А. Дзидзария, общее количество махаджиров в этот период достигло около миллиона человек, из них почти 95 тысяч абхазо-абазинской и убыхской этнической принадлежности.

Большая глава посвящена Лыхненскому восстанию 1866 года и его последствиям. Подробно рассматриваются причины восстания, к которым в первую очередь относятся – неумелая подготовка царской администрации к проведению крестьянской реформы, усилившейся после завершения Кавказской войны, и упразднение Абхазского княжества; национально-колониальный гнёт и т.д. Показан ход самого восстания, его основные этапы; репрессии, обрушившиеся на участников восстания; подробно описывается массовое махаджирство 1867 года и особо подчёркнут его наственный характер. Также обращается внимание на то, что махаджирами стали в основном жители горной Абхазии (Цабал, Дал), к которым царские власти относились с особым недоверием.

Небольшой параграф посвящён характеру и особенностям крестьянской реформы.

Значительное место в книге занимают восстание 1877 года и Русско-турецкая война 1877–1878 годов. Усиление национально-колониального гнёта, ухудшение положения абхазского поселения после крестьянской реформы привели к новому массовому восстанию в Абхазии, совпавшему по времени с началом очередной Русско-турецкой войны. Показано, что неумелые и нерешительные действия военной администрации не позволили организовать эффективную оборону Сухума и других приморских пунктов Абхазии. При этом результатом военных действий на территории Абхазии было её полное разорение. Результатом войны стало самое массовое выселение абхазов в пределы султанской Турции. При этом автор следует в основном российским источникам, повествуя о варварском уничтожении населённых пунктов абхазского побережья турецкими войсками. Турецкое командование и его агентура посредством обмана, агитации и прямого насилия заставляли

население покинуть родину и уехать в Турцию. В то же время отмечается и то, что многие вынуждены были стать махаджирами из-за жестоких репрессий, которым был подвергнут абхазский народ со стороны царской России. Автор считает, что в 1877–1878 годах махаджирами стали почти 50 тысяч человек. Всего же, по мнению Г. А. Дзидзария, за все годы махаджирства вынужденными переселенцами стали вместе с убыхами около 180 тысяч человек.

В завершающих исследованиях главах автор пишет о колониальной политике в Абхазии после событий 70-х годов и о экономическом, социально-политическом состоянии Абхазии на исходе XIX века.

В заключение дана небольшая иллюстрация судьбы махаджиров, рассказано о наиболее видных представителях абхазской диаспоры за рубежом.

Как уже отмечалось, работа Г. А. Дзидзария является многоплановым исследованием. Помимо главной проблемы, здесь рассматривается ряд других проблем истории Абхазии и Кавказа в целом: русско-турецкие противоречия на Западном Кавказе, деятельность европейских держав в регионе, колонизация Абхазии, экономическое, социально-политическое и культурное состояние Абхазии в XIX веке. Автор крайне негативно оценивает колониальную политику царизма в Абхазии, считая её важнейшей причиной махаджирства. Но вместе с тем, через всю книгу проходит мысль об объективно прогрессивном значении присоединения Кавказа к России. Народы Кавказа, в том числе и абхазы, после присоединения к России были избавлены от угрозы порабощения отсталыми странами – султанской Турцией и шахским Ираном, и вступили в новый период своей истории. Прогрессивный характер этого явления рассматривается в широкой исторической перспективе. Кавказские народы встретились с борющимся за своё освобождение русским народом, с передовой культурой России. Абхазский народ постепенно избавился от этнической разобщённости, феодальной раздробленности, междуусобных войн, ускорялась ломка патриархальных отношений. Абхазия втягивалась в общее русло экономического развития России. В ней росли производительные

силы. На новую ступень поднималась здесь национальная и социальная борьба трудящихся, которая становилась неразрывной частью российского рабочего движения¹.

Конечно, с точки зрения современного исследования, в работе Г. А. Дзидзария «Махаджирство...» имеются и определённые недостатки. В первую очередь они связаны с идеологическими установками того времени. Среди них традиционно характерное для марксизма – преувеличение роли классовой борьбы в истории. Кроме того, ярко прослеживается негативное отношение к ведущим европейским странам, в том числе к Англии, а также султанской Турции, которая представляется отсталым и вместе с тем хищным государством. Несомненно, годы владычества Турции принесли немало бед Абхазии. Это в первую очередь работоговля и консервация отсталых социально-экономических отношений в Абхазии. В решении главной задачи книги, в проблемах, связанных с махаджирским движением, и, главное, в выяснении роли основного виновника этого переселения Дзидзария выступает сторонником теории многопричинности махаджирства. Он принял активное участие в её разработке и утверждении в научном кавказоведении.

Накалённая обстановка в Абхазии в конце 80-х годов, вызванная резким обострением межнациональных, в первую очередь абхазо-грузинских отношений, привела в том числе к острой полемике учёных, творческих и общественных деятелей по различным вопросам истории и культуры Абхазии. С подачи грузинских ultra-радикальных националистов в прессе, в том числе в научных изданиях стали появляться материалы об исключительном праве грузин на всю территорию ГССР, включая и Абхазию. Реанимировались лженаучные теории, вроде пресловутой лжетеории П. Ингороква об автохтонности в Абхазии грузинского населения и переселении сюда абхазов из-за гор в XVI–XVII вв. и т.д. Однако, благодаря ослаблению идеологического пресса, абхазские исследователи смогли дать достойный отпор оппонентам из Грузии.

Среди работ по интересующему нас хронологическому периоду особое место занимает книга С. З. Лакоба «Очерки политической

¹ Куправа А. Э. Указ. соч. – С. 113.

истории Абхазии»¹. Несмотря на относительно небольшой объём, она произвела настоящий переворот в изучении истории Абхазии XIX–XX веков. В ней получили освещение многие закрытые ранее темы, а ряд известных событий и фактов – новую, часто диаметрально противоположную трактовку.

К наиболее значимым положениям можно отнести утверждение о практическом отсутствии крепостного права в Абхазии, вопреки устоявшемуся в советские времена положению о крепостническом характере сословно-поземельных отношений в Абхазии. Большого внимания заслуживает мнение автора по вопросам завершающего этапа Кавказской войны и упразднения Абхазского княжества. Исследователь обращает внимание на особенности Лыхненского восстания, даже называет его странным. Вновь подчёркивается, что общеноциональный характер этого восстания вызван непониманием представителями царской администрации особенностей уклада абхазской жизни, т.е. практическим отсутствием крепостного права.

В 1991 году вышло в свет второе по счёту учебное пособие «История Абхазии»², подготовленное группой ведущих научных сотрудников АБНИИ под редакцией С. З. Лакоба. Выход этой книги стал знаковым событием в научной и общественной жизни Абхазии того времени. Написанная в очень острый политический момент «История Абхазии» стала книгой огромного не только научного, но и общественно-политического значения. Свободная от идеологических уз работа впервые была написана без оглядки на Москву и Тбилиси и смогла показать самостоятельность истории абхазского народа, разрушая многие догмы, утверждавшиеся десятилетиями в науке с подачи Тбилиси.

Что касается интересующего нас периода (XIX – начало XX вв.), то в учебном пособии в его основу положены «Очерки политической истории» С. З. Лакоба, несколько переработанные автором. Все основные положения, изложенные им ранее, вошли в новое

учебное пособие, ставшее в послевоенной Абхазии, вплоть до недавнего времени, главным подспорьем в школах и вузах при изучении курса истории Абхазии. Дополнительно в учебное пособие в интересующий нас период было включено несколько глав: «Абхазия в системе международных отношений (конец XVIII – 70-е годы XIX века) (Д. Г. Гулиа); «Культура Абхазии XIX – начала XX веков» – коллектив авторов; «Наши соотечественники за рубежом (Р. Х. Гожба); параграф «Грузинские источники о колонизации Абхазии» (Т. А. Ачугба).

Основные положения убедительно показывают, что в начале XIX века Абхазия представляла собой самостоятельную политическую единицу в системе кавказских государственных образований и никак не была связана с Грузией вассальными и прочими узами. Ещё раз констатируется факт начала массового заселения Абхазии грузинским элементом лишь в конце XIX века.

Несмотря на тяжелейшие последствия Отечественной войны Абхазии 1992 – 1993 гг. абхазская наука, в том числе историческая, продолжает развиваться. Появились новые исследования, позволяющие по новому взглянуть на многие процессы, проходившие в Абхазии и вокруг нее. Изданы несколько сборников документов, материалов и других источников.

¹ Лакоба С. З. Очерки политической истории Абхазии. – Сухуми, 1990.

² История Абхазии. Учебное пособие. – Сухуми, 1991; 2-е изд. – Гудаута, 1993.

Ф.С. Эфендиев, С.И. Эфендиев,
Нальчик

**АБХАЗИЯ И КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ
В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ:
(из истории творческих взаимосвязей. К. Кулиев,
Д.. Гулиа, Г. Гулиа, Б. Шинкуба, Ф. Искандер)**

Проблема Абхазии и Кавказа в советское время была актуальной в художественной литературе, искусстве, в среде творческой интеллигенции и имела научно-практическую направленность. Вопросы синтеза культур различных народов стояли остро, поскольку взаимосвязи и взаимообусловленность этнокультурного и национального самосознания исследовались в широком аспекте и глубоко.

«Опыт мировой поэзии и искусства велик, – писал Кайсын Кулиев в статье «Поэт и культура» (1971). – Он драгоценен. Только бы уметь пользоваться им. Мы должны держать равнение на лучших, учась на их примере и опыте, опираясь на них, как на могучие деревья, у которых сильные и глубокие корни. Только так можно двигаться вперёд, приобрести мастерство, стать сильным. Только так приходят к зрелости, самостоятельности, новизне и открытиям».

Одним из таких великих людей в этнокультуре абхазского народа был Д. И. Гулиа, оказавший большое влияние на духовный мир народов Кавказа.

Культура общения охватывает многие стороны межнациональных отношений между горцами Кавказа, которые изучались и обобщались. Эта культура общения, основанная длительной

традиции, многолетнем накоплении опыта саморазвивалась и самосовершенствовалась. Этнодиалог у горских народов – это исторически признанный метод взаимопонимания и самосовершенствования межнациональных отношений. Поэтому и в нынешних условиях при решении национальных конфликтов его необходимо использовать как народную дипломатию.

В Кабардино-Балкарии выразителем народных дум и стремлений был Кайсын Кулиев, поэтому он писал в 1970 году, предостерегая народы от вражды и ненависти:

*Земля одна, и всякая напасть
Во всех концах бедою отзовётся
В каком краю Земля б ни сотряслась,
Она и под тобою сотрясётся.*

Важной формой связи между народами являются межнациональные браки.

Так, дочь известного просветителя Д.И. Гулиа была замужем за преподавателем Кабардино-Балкарского пединститута (теперь КБГУ) Аскером Макаровичем Аппаевым. Он был первым среди балкарцев кандидатом филологических наук. Они долго дружили, а потом создали счастливую семью. Жили они в городе Нальчике, растили сына. Трагический случай выселения балкарцев 8 марта 1944 года в Среднюю Азию послужил причиной разрыва семьи. Жена разделила с ним судьбу спецпереселенца...

Проживая в Казахстане, в городе Алма-Ате, Аскер Аппаев работал преподавателем пединститута иностранных языков и надеялся, как и все выселенные народы, на возвращение в родные места.

В 1957 году он вернулся в Нальчик и стал работать в Кабардино-Балкарском государственном университете, заведовал кафедрой балкарского языка и литературы, посвятив свою жизнь науке. Семью Аскер Аппаев не создал, так как остался верным на всю жизнь своей первой любви. Он безумно любил свою жену. Жил он одиноко, защитил докторскую диссертацию, стал профессором и

все мечтал увидеть сына, который приехал к отцу в Нальчик в 70-е годы из Сухума. Друзья профессора встретили его с уважением и почётом. Сын был копия отца: высокий, стройный, как кипарис, и очень красивый.

Кайсын Кулиев, Георгий Гулиа, Баграт Шинкуба, Фазиль Искандер долгие годы поддерживали дружественные, творческие связи. Они часто встречались на съездах писателей, научно-теоретических конференциях, конгрессах в защиту мира, симпозиумах, юбилейных мероприятиях и других форумах, посвященных культуре и искусству. Не было ни одного мероприятия в Советском Союзе без их участия. Они пользовались большим авторитетом и известностью.

Они часто поздравляли друг друга, переписывались, радовались творческим успехам друг друга. В личном архиве Кайсына Кулиева (ЦГА КБР) есть очень интересные исторические материалы о его дружбе с творческой интеллигенцией Абхазии.

Так, народный поэт Абхазии Баграт Шинкуба 1 ноября 1977 года писал из Сухума, поздравляя Кайсына Кулиева с 60-летием со дня рождения:

«... Я счастлив отметить, что ты, сын простого крестьянина-горца, достиг высокой вершины поэтического творчества. Имя твоё стало гордостью всей многонациональной поэзии»¹.

Кайсын Кулиев долгие годы поддерживал дружеские связи с известным прозаиком Фазилем Искандером. Так, когда Кулиев прочитал талантливое произведение Ф. Искандера «Сандро из Чегема», он отозвался очень высоко о его художественных достоинствах и шутлил, что главный герой взят из его любимого Чегемского ущелья. Он сказал: «Я – чегемец из Кавказа! Мне нравится это произведение. Оно талантливо, как и все его другие вещи, написанные от души и с большим знанием кавказской жизни».

Кайсын Кулиев, Баграт Шинкуба, Георгий Гулиа, Фазиль Искандер знали друг друга более сорока лет. Это была целая историче-

ская эпоха, в которой они жили и творили с большой любовью к своим народам.

К сожалению, в последние годы разрушены такие дружественные отношения в связи с распадом Советского Союза. В результате этого идёт сужение геокультурного пространства той и другой нации.

Их творческие связи требуют глубокого научно-теоретического исследования в социально-философском аспекте. Мы считаем это актуальной национальной проблемой, которая займет достойное место в исследованиях учёных в свете мира и войны в истории Кавказа.

¹ Эфендиева Т.Е., Эфендиев С.И., Эфендиев Ф.С. «Кайсын Шуваевич Кулиев – символ национальной духовной культуры». Том 6. – Нальчик: изда-тельный центр «Эль-Фа», 2003. – 664 с.

И.Р. Марыхэба,
Сухум

**АПСНЫ ҚЫРТТӘЫЛА АИААИРА 20-ШЫҚӘСА
АЦРА ИАЗКНЫ
К 20-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ АБХАЗИИ НАД ГРУЗИЕЙ**

Иахъа ҳаззекшәаз – ихтыс дууп!

Иацы, август 14 апсуа жәлар, Апсны иқәйнхоз зегъы иза-гәартең 21-шықәса ахыцра Ақынцыттәылатәи сибашъра иана-лагаз агәлашшәара амш. Иахъа, Апсны иза-гәахтойт Кавказ жәларқәа Рконфедерация амш 21-шықәса ахыцра. Ииашоуп, абрақа Гәдоута аконфедератцәа Рыштаб аусура ианалагаздәкъя 1992 шықәса октиабр 24 аеноуп. Аха дара аконфедератцәа рхатақәа аибашъра ианинлагана адыроасны инаркны Апсныка ииауа, зыңсадгъыл зыхъчоз апсуа сибашъцәа инрывағыло иа-лагеит: азәазәала, ғыңға-ғыңғала, Апснытәи Кавказ Хада ашъхакәа ирхытны, Аудадхара икылсны, Гәдоутатәи арратә ргарнизонкәа хадыртәауа. Кабардаа жәлар ртсei лаша Сылтан Сосналиев иакәзар, август 15 рзы автобус азна аконфед-ератцәа ииңи Нальчикинтә Гәдоута даахъан. Лакәтә хтыск иа-бызоуп, ицъашъатәуп урт Гәдоутака раашъагы: Ҕсоу ахә-ынцарратә ҳәаа, Гагра ақалақы знапаңы иаазгахъаз ақыртқәа-акәйлағаңыз арымтқәакәан фырхатарыла рылпра, еигәнүюа-иза рымпүтцра, Сосналиев иааирцыйз агәымшәара.

Абрақа, Гәдоута ақалақы ақны ауп 1992 шықәса август 14 аены Апсны иақәлаз ақыртуа ампүтхалағаңыз, афашистцәа иреагыланы рабашъра шаташу азтцаара ахызбахъаз! Ақалақы

Гәдоута ауп 20-шықәса сынтәа изхыттыз Апсны Ахәйнцарра иамоу Аиааира ахы ахъакыз! Абрақа Гәдоута ауп илегендахаз апсуа фырхатца, Апсны ахада Владислав Ардзынба Бзыптәи Апсны иқәйнхоз апсуаа дахъраззааз, «ҳайбашшуама?» ҳәа! Абрақа, Гәдоута ауп лак-факрада, иеаңаза иа-хыгәз бзыптәи апсуаа ғылжы: «ҳайбашшоит!» ҳәа. «Ақыртқәа рхәураес тәыс ҳақалара, ахымзг аңкыс, апсуаа иҳамоу ҳаҳатыр, ҳ-Апснаразы апсра еиғүп, ҳаңсадгъыл зәңәи ҳ-Апсны ҳаҳчароуп, ҳайбашшоит!» – ахырхәаз... Шевардназе дааңкит! Апс-наа иеаңыланы сибашшоит ҳәа дықазамыз! «Еибашърада Апс-ны угоит» – ҳәа ус дақәзырғәкәахъаз апсуаагы ықан азы...

Азиас Егры ирны Апсны иақәлаз ақыртқәа сибашърада Акәа иааит, иара ақалақы Акәагы ғыстарыла, мңыла, си-башърада иалалан рнапаңы иааргейт. Азиас Гәымтә изахым-сзеит! Җара жәйларак қатданы шыңақ изымдазеит! Гәымстә инаркны Гәдоута араион зегъы ақыртуа-ага ишъапы изық-мырғылазеит! Ақыртуа ишъапы изықәмырғылазеит ақалақы Ткәарчалгъы!..

Ақазаареи-акамзаареи атагылазаша бааңсақәа Гәдоутазы иесиңиз зпааралыз. Ажәйтәзагы-ғатәгъы, ус иагъара-ан иқәгылахъан апсуа ицсреи-изреи, ихъз-ихъымзг хъчәтәыс! Бзыптәи апсуаа рхылпшытракәа аба-згаа рханғы, Кәйдри Мзымтәи азиасқәа ирыбжаркуаз Абазгия атәйлаңы имфа-псыуз ақынцыттәылатәи сибашъракәа раан аахысижътеи, 1866 шықәсазтәи бзыптәи апсуаа бңъарштыхлатәи Лыхны ғылжыларда ақынза, 1917 шықәсазы, Апсны иа-хатаз ақыртуа меньшевикцәа ғылжыларда, 1нагә (Нестор) Лакоба бзыптәи апсуаа, абыларуаа, апсадгъыл ахъчағаң «Къараз» сиесикааз раканынза...

Ажәйтәзаза, сиуеицшымыз аамтақәа раан Абазгиазы иа-хтны қалақықәаны Акәси, Анақәаиси шықаз сицш, 1992-1993 шықәсқәа рзы ақалақы Гәдоута қалеит Апснытәыла зегъы, Апсны Ахәйнцарра зегъы азы иа-хтны қалақыны, иадмини-стративтә гәсисырттаны. Апсны иақәлаз Шевардназе иқыртуа фашистцәа рәагыларазы, ғылжыларда, раиааиразы арратә

тачкәым еизгартаны, Аңсны иңоз аибашъра зегъы азы наихгара атыртас, сиекаахаз Аңсуа ар рнапхартас... Бзыптәи Аңсны агәсисырта, ақалақ ғьеф, ақалақ гәымшәа, ақалақ фырхата, Гәдоута ауп аус ахыуаз Аңсны Иреихазоу Ахеилак Ахантәәсы Владислав Ардзинба, аштых – ақыртқәа-қәылафәа Аңсны иалызңаз, иқәызңаз, пызара уны аңсуа жәлари Аңсни Аиаира дүзза дзыргаз, Аңсуа ҳәынтықарра ауасхыр азыштазңаз, раңхазатәи Аңсны Ахәынтықарра Ахада, Аңсны Афырхата...

Сара дсыздыруам, усқан абасңекъя агәағъреи, агәымшәареи, афырхапареи, ахшыюи-адырреи зманы аңсуа жәлар ирапхъагылашаз, аңызара зушаз даеазәы аңсыуак – Владислав Арзынба ида! Иара иоуп асоветтә аамтазы аколонизм зхаңаз аңсуа жәлар ақыртуа хәура итызгаз, аңсуа иңсадғыыл Аңснытәыла даңшыманы дқазңаз, аңсуа жәлари Аңсни Аиаиреи, Ахақәитреи, Ахыпшымреи рзаазгаз, атәым ҳәынтықаррақәа иазхарпра адуңси иадыруа иқазңаз, зыпстазаара зегъы зыуаажәлари зыңсадғыли ирыхтнызңаз! Иареи Аңсны ахакәитразы зхы ақәызңаз аңсипәа зегъи хаштра рықәымзаит! Риңьала икәабаны иаҳзааргaz Аиаира нагзара ақәзаит, иаҳхатәи ҳазлабазоу аңстазаара бзиаз икартәаз риңьа иаграгыло, изырфашо мчы хәымга зықамлаит!.. Рыңсадғыыл Аңсны ахъчаразы абъяр кны аңсуаа мғыластгы, аконфедератәа зықаломызт, уаха даеазәгы дааини Аңсны, аңсуа жәлар реиқәырхара далагомызт!..

Организация, создание и функционирование Оперативного Штаба Конфедерации народов Кавказа в городе Гудаута связаны с прибытием сюда выдающегося политика-трибуна Кавказа, ка-бардинца, Президента Конфедерации Мусы Шанибова 19 октября 1992 года, после его освобождения из тюрьмы в Ростове. Тогда ельцинская Россия всячески помогала Грузии, чтобы та побыстрее расправилась с Абхазией: делала все возможное и невозможное, чтобы предотвратить проникновение в Абхазию конфедераторов из братских республик Северного Кавказа, лишить абхазов военной и другой помощи. Иначе и Муса Шанибов, как Султан Сосналиев, на другой день войны был бы в Абхазии. Кстати, Султан Сосналиев

ведал вопросами военной обороны в структурном подразделении Конфедерации народов Кавказа. «Конфедерация горских народов Кавказа – организация, созданная лишь на бумаге, – ухмылялся Шеварднадзе до начала войны, – а по этой причине она не сможет оказать Абхазии практическую помощь. Что же касается абхазов, то против них я поставил под ружье миллион грузин». Называл он «бумажным тигром» и Конфедерацию...

Цементирующей и организующей грозной силой Абхазии против грузинских оккупантов стал штаб Конфедерации народов Кавказа (КНК), перенесенный и действовавший в городе Гудаута, ставшем в период войны фактически столицей Республики Абхазия. Штаб явился объединяющим центром для мобилизации всех добровольцев, прибывавших в Гудауту...

20 октября во Дворце культуры состоялась торжественная встреча Мусы Шанибова с общественностью Гудаутского района, депутатами, интеллигенцией, воинами, беженцами из Очамчырского района и города Ткуарчал. В тот же день была проведена пресс-конференция с Шанибовым в штабе Народной партии Абхазии, председателем которой являлся я. Обсуждались дальнейшие планы совместных действий руководства Народной партии Абхазии с Президентом КНК в условиях войны, когда Абхазия могла получить реальную помощь только от братских республик Северного Кавказа. Вынесли решения: объединить совместные усилия и действия для скорейшей Победы над грузинским фашизмом в Абхазии, избавить Председателя Верховного Совета Республики Абхазия, главнокомандующего Вооруженных сил республики Владислава Ардзинба от отвлекающих его текущих социально-бытовых, общественно-политических вопросов. Во всем этом стать рядом и помогать Мусе Шанибову Владислав Ардзинба поручил мне.¹

Под девизом «Победа Абхазии – Победа Кавказа!» Муса Шанибов развернул кипучую, энергичную общественно-политическую

¹ Марыхәба И.Р. Қарғтәыла Аңснытәыла ишабашызы (1992-1993 ш.ш.), («Война Грузии против Абхазии 1992 – 1993 гг.»), Акуа-Сухум, 2006. – С.49-50, 175, 196-198 и др.

деятельность. В кратчайшие сроки в Гудауте мы вместе создали Оперативный штаб КНК: предварительно встретившись с воинами-конфедератами-добровольцами (24 – 25 октября), разработали его устав, положение и структуру, цели и задачи (26 октября). Я был введен в члены штаба КНК в Абхазии, и мне было поручено руководство его пресс-службой штаба. Для учета и ведения документации на каждого конфедерата-добровольца, запечатления их боевых действий, подвигов, героизма были приглашены в ОШ КНК Ляля Чамагуа, Лили Хагба, Цира Габниа, Эмма Анкваб-Цвианирия, Ирина Агрба – из Абхазского телевидения и др.

С разрешения Владислава Ардзинба, на базе Гудаутской типографии я организовал издание трех газет, печатных органов ОШ КНК: двух номеров «Апсадгыыл» («Родина» – на абхазском языке, для зарубежной абхазской диаспоры), четырех номеров «Конфедерация» – на русском языке (была приглашена для редактирования ветеран русской редакции книжного издательства Абхазии Люся Аргун), пяти номеров «Сосрыкъуэ» («Сасрыкуа» – абхазо-адыгская двухполосная спецгазета, редактор Зубер Бербеков (Бэрбэч), воина-добровольца, кавалера ордена Леона).

В Сочи заказал, изготовил реквизиты ОШ КНК: фирменные бланки, штампы, удостоверения, круглые печати: «Президент Конфедерации народов Кавказа. г. Гудаута», «Штаб войск Конфедерации народов Кавказа в Абхазии», «Командующий войсками Конфедерации народов Кавказа в Абхазии».¹

Конфедераты-добровольцы шли в Абхазию по призыву и соответствующему Указу президента и председателя Парламента Конфедерации народов Кавказа Мусы Шанибова и Юсупа Сосланбекова. Указ предписывал всем штабам Конфедерации в северокавказских республиках обеспечить переброску добровольцев в Абхазию любыми методами, с тем, чтобы дать вооруженный отпор грузинскому агрессору.² Из Шапсугии, Адыгеи, Черкесии, Кабардии, Чечни, Осетии, Дагестана, с Юга России шли нескончаемым потоком добровольцы – те, кто не мог равнодушно смотреть на

трагедию абхазского народа, над которым нависла угроза полного физического геноцида, шли те, сердца которых были исполнены чувства справедливости, чувства кровно-братьского генетического единства-братства...

«Я – доброволец! По личному зову сердца добровольно объединяюсь по пути в Абхазию с теми, кто хочет остановить агрессию Грузии против мирного населения. Теперь защита Абхазии – наше неотъемлемое право и обязанность. Для нас теперь Абхазия – Родина!»¹ – такую клятву давал каждый из них, отправляясь в Абхазию. «Все люди земли с чистой душой и совестью – с абхазами. Мы спасем Апсны, как спасали Гренаду, Испанию, Вьетнам и Кувейт», – писал кабардинец – воин, журналист Зубер Бербеков.

15 ноября 1992 года был тяжело ранен в ногу Президент Конфедерации народов Кавказа Муса Шанибов, в связи с чем он предложил мне возглавить вместо него штаб КНК в Гудауте. Но я отказался: считал, что его в Абхазии, должен возглавлять не абхаз, а представитель других народов Конфедерации Кавказа. И штаб возглавил кабардинец Феликс Бекалдиев (впоследствии Герой Абхазии) до его трагической гибели в вертолете над селом Лата, сбитого грузинскими фашистами 14 декабря 1992 года. После Бекалдиева Оперативный штаб КНК в Гудауте возглавил адыгеец Амин Зехов, а 19 февраля 1993 года его сменил шапсуг Руслан Гвашев. Но 3-го апреля Руслану Гвашеву стало плохо с сердцем, и его мы отправили в Шапсугию. Его заменил чеченец (вайнах) Андрей Ахядов. С 17 августа и до конца грузино-абхазской войны Оперативный штаб КНК вновь возглавлял Амин Зехов...

Было очевидно, что грузинский «блицкриг» над абхазами «сепаратистами» не удался, сама Россия оказалась втянутой в грузино-абхазскую войну. Президент Борис Ельцин решил «власть употребить» к Шеварднадзе и Ардзинба, но рычагов воздействия на них у него не было.

К сентябрю 1993 года абхазы уже имели реальную возможность к Победе: взятие Сухума и разгром грузинских военных группировок в Абхазии. В помощь Грузии, впервые тогда встал вопрос о

¹ Там же – С.51.

² Там же. – С. 43-44.

¹ Газ. «Нарт», №1, Нальчик, август 1992 г.

вводе в Абхазию «миротворческих сил» России, отвергнутый грузинами: при игнорировании ельцинской Россией борьбы абхазского народа за Свободу и Независимость, утверждении «Абхазия – территория Грузии», вопроса о статусе Абхазии – «внутренним делом Грузии».

Владислав Ардзинба требовал вывода всех оккупационных грузинских войск с территории Абхазии, а грузины – не допустить проникновение добровольцев-конфедератов из России в Абхазию, расформирование Абхазской армии.

По требованию Грузии, Генпрокуратура Российской Федерации возбудила уголовные дела против добровольцев, якобы, «за подстрекательство к терроризму и диверсиям». А министр обороны России Павел Грачев обещал грузинам задержать, арестовать (интернировать) руководителей абхазских «сепаратистов», включая и Владислава Ардзинба!.. Вместо помощи, с 17 сентября 1993 года руководство России объявило Абхазии, защищавшей себя от грузинского фашизма, экономическую блокаду. Ничего не помогло: задушить, поставить на колени абхазов и Абхазию не удалось, долгожданная Победа восторжествовала!..

Прибывшие в Абхазию добровольцы воевали на всех труднейших участках войны: освобождали Гагру, сражались на Гумистинском и Восточном (Абжуйском) фронтах, помогали осажденному городу Ткуарчал, освобождали столицу Абхазии – Акуя (Сухум), преследовали позорно бежавших грузин – побежденных оккупантов до реки Егры (Ингур) – границы Абхазии с Грузией, были с теми, кто водружал государственные флаги Республики Абхазия над Сухумом и реке Егры – знамен Победы над фашистской Грузией 27 и 30 сентября 1993 года... Воюя плечом к плечу с воинами Абхазской армии, добровольцы показали чудеса храбрости, мужества и отваги. Не перечислить всех бесстрашных добровольцев легендарных сынов Кавказа. Мне одному только пришлось сопровождать 13 тел погибших добровольцев к родным очагам – родителям, близким. Их имена навечно вписаны в Летопись Славы Республики Абхазия и всего Кавказа...¹

¹ Марыхуба И.Р. Указ. соч. – С. 197-198.

Трудно себе сейчас представить Победу абхазского народа без реальной (во всем) помощи братских республик Северного Кавказа и Юга России, без боевого содружества славных и мужественных сынов – добровольцев этих республик, в считанные дни вставших рядом с абхазами и отстоявших Честь и Независимость братского им абхазского народа и его Государственности. «...И в этот критический час, когда решалась судьба Абхазии, когда стоял вопрос о том, – быть или не быть, – народы Северного Кавказа встали на защиту Абхазии»¹, «... и в этой святой борьбе мы опирались на братскую помощь народов Северного Кавказа, Юга России, всех честных людей мира... »² «... **наша общая Победа – выдающееся событие в истории Абхазии и современной истории Кавказа...**»³, – говорил лидер, предводитель абхазской нации Владислав Ардзинба после войны.

Трудно себе представить Победу абхазского народа без Владислава Ардзинба. Нас учили, что история человечества развивается по своим законам и роль личности в ней не имеет решающей роли. Военно-политические события в Абхазии, развернувшиеся в 1992–1993 годах, неоднократно подтвердили обратное: **историю делают личности**. Если личность умная и сильная – она приумножает успехи, достигнутые его предшественниками, если же слабая – разрушает то, что создано другими.

Тогда, в августе 1992 года, когда встал вопрос «быть или не быть» абхазскому народу, Абхазии, именно Владислав Ардзинба взял на себя всю эту архиважнейшую ответственность! Не будь Владислава Ардзинба, я не знаю ни одного абхаза, кто бы тогда смог взять на себя такую колossalнейшую ответственность: «быть или не быть»! И помощь Конфедерации народов Кавказа Абхазии и не понадобилась бы. Блицкриг в лице грузинского воинства вдребезги разбился о сплав стальной воли Владислава Ардзинба и героизма защитников Абхазии...

¹ Ардзинба В.Г. Сборник интервью и выступлений 1992-2005 годов, Сухум, 2011. – С. 142.

² Там же. – С.146.

³ Там же. – С. 143.

Именно, благодаря непоколебимой твердости, проявленной Владиславом Ардзинба, одновременно и гибкости в его деятельности, был проведен в жизнь незыблемый принцип: безоговорочное освобождение Абхазии от грузинских оккупантов, вывод всех грузинских войск из Абхазии, а затем – стол переговоров, «**независимость Абхазии не является предметом обсуждения!**» «...Вообще говоря, нам (абхазам – М.М.) не предписано Богом быть в союзе с Грузией»¹, – говорит он рефреном на переговорах. С гордостью его соратники сегодня пишут: «Владислав Ардзинба – выдающийся политический и государственный деятель, заложивший на стыке веков основы той эпохи, в которую гармонично вписались абхазский народ и основанная лидером нации новая абхазская государственность...»².

Истоки всех бед абхазского народа в новейшей истории Абхазии в XIX веке: когда большая часть абхазского этноса была депортирована в Османскую империю – Турцию. Если на своей родине, в Абхазии абхазов осталось бы до 200 тысяч человек, то Грузия, или какая-либо другая страна, не напала бы и не оккупировала Абхазию в 1918 году, Сталин и его подручные – грузины советской эпохи не смогли бы огруzipнивать абхазов, их историю и культуру, осуществлять над ними геноцид и этноцид... Грузия, без посторонней помощи, и сегодня не сможет покорить, победить Абхазию....

В связи со 130-летием окончания Русско-кавказской войны, обращаясь к народам Кавказа в мае 1994 года, президент Российской Федерации Борис Ельцин сказал: «...в борьбе за Кавказ столкнулись интересы Российской империи, Великобритании, Франции, Ирана и Турции. Все эти государства несут свою долю моральной ответственности за многострадальную судьбу горских народов... В настоящее время, когда Россия строит правовое государство и признает приоритет общечеловеческих ценностей, появляется возможность объективной трактовки событий Кавказской войны как мужественной борьбы народов Кавказа не

¹ Там же. – С. 247.

² Чамагуа В.З. Слово лидера. См. В.Г. Ардзинба. Указ. соч. – С. I7.

только за выживание на своей родной земле, но и за сохранение самобытной культуры, лучших черт национального характера. Проблемы, доставшиеся нам в наследство от Кавказской войны, и, в частности, **возвращение потомков кавказских переселенцев на историческую родину** должны решаться на международном уровне путем переговоров с участием всех заинтересованных сторон...»¹

Именно, благодаря признанию де-юре Независимости, Суверенитета Республики Абхазия Российской Федерацией 26 августа 2008 года, ее содействию и конкретной помощи, из одной только Сирии этнических абхазов, потомков депортированных в XIX веке абхазов, в этом году на историческую родину – Апсны вернулись до 500 человек. Это беспрецедентный случай в мировой практике: реинтеграция, адаптация с родным этносом из зарубежных диаспор в таких масштабах и темпа!..

Фактически осуществляется Постановление Парламента Республики Абхазия от 15 октября 1997 года «**Об акте депортации абхазов (абаза) в XIX веке**», «признавшем массовое истребление и изгнание абхазов в XIX веке в Османскую империю геноцидом – тягчайшим преступлением против человечества», «депортированных абхазов в XIX веке – беженцами», с просьбой к Российскому государству «об оказании необходимой политической, материальной и гуманитарной помощи процессу добровольной беспрепятственной депатриации и интеграции потомков депортированных – в XIX веке абхазов (абаза)», «на свою историческую родину – Абхазию»...²

Вечная память тем, кто отдал свои жизни на алтарь Победы абхазского народа, народа Абхазии 30 сентября 1993 года! Низкий поклон родителям, воспитавшим таких славных, мужественных сыновей, благодаря которым вновь возродилось независимое, уверенное, де-юре признанное Абхазское государство – Республика Абхазия!..

¹ Газ. «Кабардино-Балкарская правда», №91 от 19 мая 1994 г. – С. 1.

² Постановление Народного Собрания – Парламента Республики Абхазия «Об акте депортации абхазов (абаза) в XIX веке» от 15 октября 1997 года, №362-с-ХIII, г. Сухум.

Нагзара рықәзааит аңсуа жәлар ирымоу Аиааира, Ахақәи-
тра, иазхаңоу рхәынҭарратә Хыңышымра!..

*15 августа 2013 года,
г. Гудаута, Республика Абхазия*

И. П. Добаев,
Ростов-на-Дону

ЭТАПЫ РАДИКАЛИЗАЦИИ ИСЛАМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ИХ ХАРАКТЕРИСТИКА

Ислам в Российской Федерации преимущественно локализован в его суннитской версии ханифитского толка. В то же время практически до последнего времени исследователи четко дифференцировали два качественно отличающиеся друг от друга ареала распространения ислама – Поволжье, Урал и Западная Сибирь, с одной стороны, а с другой – Северный Кавказ. В постсоветский период в регионах, первоначально на Северном Кавказе, фиксируется неуклонная политизация традиционного, прежде всего, «официального» ислама.

Главным оппонентом и антагонистом традиционалистов в регионе выступают фундаменталисты (салафиты, или неоваххабиты), идеалом которых является возврат к реалиям «золотого века» ислама (период жизни первых трех поколений мусульман, или период, связанный с жизнью и деятельностью пророка Мухаммада и четырех «праведных» халифов) – шариатизация общественной жизни и воссоздание государственного образования в форме Халифата. Противостояние традиционалистов и салафитов в итоге привело к повышенной исламизации республик, особенно на Северо-Восточном Кавказе.

В постсоветский период процесс политизации и радикализации ислама прошел ряд этапов:

1. 70-е – начало 90-х гг. ХХ в. знаменует собой первый этап. Первоначально в Дагестане, не без влияния извне, появляются молодежные салафитские группировки, идет процесс осмыслиения их адептами зарубежного салафитского наследия, а первым «наставником» выступает уже упоминавшийся Магомед Кизилюртовский. Силовые структуры выявляют и «мягко» пресекают деятельность этих группировок.

2. Начало 90-х гг. – 1994 гг. Фиксируется воссоздание и практическая легализация дагестанских салафитских группировок, которые осуществляют т.н. «салафитский призыв» путем создания исламистских кружков, где их участники детально изучают такие понятия, как «такфир» и «джихад», в их специфической «ваххабитской» интерпретации. В этот же период в России при посольствах некоторых мусульманских стран создаются «культурные центры», фиксируется ввоз в страну и распространение исламистской литературы. Одновременно аналогичная литература в массовом порядке начинает издаваться на местах (например, издательство «Сантлада» в селе Первомайское Хасавюртовского района Дагестана). В Россию начинают прибывать миссионеры, проповедники и зарубежные «преподаватели» мусульманских дисциплин, одновременно начинается выезд для получения исламского образования за рубежом российской мусульманской молодежи. Первые два периода основной территорией исламизации выступает Дагестан.

3. Декабрь 1994 г. – начало 2000-х гг. характеризуется доминированием Чечни в процессе радикализации северокавказского ислама. Чеченские войны, как и трехлетний перерыв между ними, сопровождался концентрацией в этой республике зарубежных «моджахедов», преимущественно арабов, с серьезной идеологической, финансовой и иной подпиткой со стороны зарубежных исламистских центров. На территории Чечни функционировали специальные учебные центры по подготовке боевиков – самый известный под селением Сержень-Юрт в Шалинском районе, который возглавлял известный зарубежный террорист Эмир Хаттаб, близкий к лидеру «Аль-Каиды» Усаме бен-Ладену. В 1998 г. в Чечню из Дагестана переезжают радикальные исламисты со сво-

им лидером – М. Кизилюртовским, происходит консолидация зарубежных, чеченских, дагестанских салафитов, а также их единомышленников из других северокавказских республик. В 1999 г. позиции салафитов в Чечне настолько окрепли, что они решились на агрессию в дагестанском направлении, где их боевые структуры были разгромлены.

4. Сентябрь 1999 – 2007 гг. Этап характеризуется началом второй чеченской кампании, разгромом боевых подразделений сепаратистов, переходом их к партизанской войне. В этот период Чечня остается эпицентром сосредоточения радикальных исламистов, хотя ее лидерами артикулируются еще вполне светские сепаратистские проекты в рамках конструирования т.н. ЧРИ (Чеченская Республика Ичкерия). В этот же период наблюдается процесс «растекания джихада» практически по всей территории Северного Кавказа. Речь идет о распространении идеологии радикального исламизма, институционализации собственных неправительственных религиозно-политических организаций и группировок, появлении и разрастании инфраструктуры «джихада» (сخроны, блиндажи, бункера и т.п.), ведении специфической политической диверсионно-террористической практики, в том числе далеко за пределами северокавказского региона. Происходит трансформация структур боевиков, которая постепенно приобретает сетевой характер.

Значимым на данном этапе представляется то, что если в 90-е гг. ХХ в. северокавказские «ваххабиты» были представлены умеренно-радикальной и ультра-радикальной составляющими, то в ходе второй чеченской кампании местная салафийя выродилась исключительно в религиозно-политический экстремизм, на базе которого развилось террористическое движение, прикрывающееся исламским вероучением. Тем не менее, умеренные радикалы, хотя и в меньшем количестве, еще присутствуют на Северном Кавказе. Однако власти, не умея или не желая отличать умеренных от ультра-радикалов, осуществляют в отношении них одинаково жесткие силовые меры. Такой подход сокращает и без того узкую прослойку умеренных радикалов, постепенно переходящих на экстремистские позиции.

5. 2007 г. – н/время. Пришедший к власти в виртуально существующей Чеченской Республике Ичкерия новый лидер – Доку Умаров – объявил о завершении националистического плана построения ЧРИ, и одновременно обнародовал новый геополитический проект – «Имарат Кавказ». Согласно ему, на Северном Кавказе на исламистских принципах функционирования создается новое государство – «Имарат Кавказ», управление которого осуществляется по образу и подобию исламских государств прошлого (Халифаты). В свою очередь, помимо соответствующих центральных институтов власти и управления, в «Имарат» на правах провинций входят т.н. «вилайеты» – конкретные республики Северного Кавказа, а в перспективе и другие регионы России. В свою очередь, указанные «вилайеты» состоят из секторов, в составе которых действуют первичные исламистские группировки – т.н. «джамааты», представляющие собой, по сути, диверсионно-террористические группировки, иначе говоря – банды.

6. Конец первого десятилетия – начало второго десятилетия XXI века: наблюдается распространение влияния «Имарата» и его лидеров на другие «мусульманские» территории – в Поволжье, Урале и Западной Сибири, прежде всего, на Татарстан.

7. Последние год – два: появление исламистских группировок в «исламских анклавах»¹ в немусульманских субъектах страны, группирующихся вокруг появляющихся на этих территориях мечетей, что следует считать новейшей тенденцией в процессе радикализации отечественного ислама, заключающейся в расплаззии метастаз исламизма по территории страны. Аналогичные процессы ранее имели место в США и некоторых государствах Западной Европы².

¹ О «мусульманских анклавах» см. подробнее: Милованов Ю.Е. «Анклавизация» территорий Северо-Кавказского региона: содержание процесса и проблемы исследования // Насилие в современной России: Тез. докл. науч. конф. – Ростов-на-Дону, 1999.

² См. об этом: Добаев И.П. Экстремистские группировки в США: исламский фактор // Мировая экономика и международные отношения. – 2007. – №1; Он же. Исламизация Европы: миф или реальная угроза? // Мировая экономика и международные отношения. – 2008, №4.

Совершенно очевидно, что последние три этапа радикализации ислама и исламского движения напрямую затрагивают уже не только Северный Кавказ, но и другие регионы России, формируют качественно новую структуру исламистских группировок, подготавливают почву для разработки более грандиозных геополитических планов по переформатированию политического поля страны. Именно поэтому они нуждаются в более подробном осмыслении и описании. Если проигнорировать эту негативную тенденцию, вряд ли можно будет правильно расставить акценты в деле усиления борьбы с этим разрушающим российскую государственность религиозно-политическим явлением.

Итак, 7 октября 2007 г. новый лидер непризнанной Ичкерии Доку Умаров заявил о сложении президентских полномочий и назначил себя верховным правителем – «амиром моджахедов Кавказа», «предводителем джихада», а также единственной законной властью на всех территориях, где есть моджахеды». В перспективе – на весьма обширных и удаленных от Северного Кавказа территориях – вплоть до Татарстана и даже Бурятии¹. Таким образом, идея национальной независимости была заменена доктриной освобождения от «власти неверных». Как было заявлено, целью создания Имарата Кавказ является установление шариатского правления на всей территории Северного Кавказа².

По территориальному устройству «Имарат Кавказ» состоит из ряда входящих в него субъектов – вилайетов (в переводе с турецкого вилайет – область, провинция). Первоначально он был разделен на шесть вилайетов: Дагестан, Нохчийо (Чечня), Галгайче (Ингушетия), Иристон (Северная Осетия-Алания), Ногайская степь (Ставропольский край), а также объединенный вилайет Кабарды, Балкарии и Карабая³. В мае 2009 г. вилайет Иристон был включен

¹ Новая газета, 2010, №22, 3 марта.

² Романченко Н.Е. Институционализация современных радикальных неправительственных религиозно-политических организаций на Северном Кавказе / Южнороссийское обозрение. Выпуск №68. – Ростов-на-Дону, 2011. – С. 97.

³ Боброва О. Имарат Кавказ. Государство, которого нет // Новая газета, №22, 2010, 3 марта. Цит. по: Умаров Д.В. Терроризм на Северном Кавказе:

в состав вилайета Галгайче. «Имарат Кавказ» располагает своим представительным органом – «Маджлис уль-Шура», а также разнообразными функциональными структурами, среди которых – военное ведомство, спецслужбы, шариатский суд, «министерство» по связям с общественностью и т.д. В достаточно независимом от «центрального аппарата» «Имарата» пребывают сетевым образом оформленные салафитские «вилайеты» со своими «амирами», которые, в свою очередь, не жестко замыкают на себя структуры т.н. «секторов», а те – конкретные бандгруппы, именуемые салафитами «джамаатами».

Таким образом, в своей совокупности, на Северном Кавказе сложился крупный, но достаточно автономный сетевой террористический кластер, который с другими аналогичными сетевыми структурами в различных регионах мира объединяет лишь, как правило, общность идеологических положений и целей. При этом, как верно подчеркивает чеченский исследователь Джамбулат Умаров, «сегодня в регионе... ...сложилась разветвленная сетевая террористическая структура, обладающая такими специфическими институциями, как судебная власть (кадии), хорошо отработанной фискальной системой, а также исполнительной властью в лице т.н. «амиров» различных уровней, от «джамаата» – до «Имарата»..., а «живучесть сложившейся системе придает срацивание идеологии радикального исламизма с северокавказскими традиционными социальными институтами и сложившимися современными общественно-политическими условиями»¹.

Диверсионно-террористическая активность «Имарата» и входящих в нее структур резко возросла, особенно в преддверии, в ходе и по завершении «пятидневной войны», когда грузинский режим Саакашвили предпринял очередную попытку обеспечить территориальную целостность Грузии военным путем. Например, в 2009 г. на территории Южного федерального округа, в состав которого в тот период времени входил весь Северный Кавказ, «было

влияние экзогенного фактора / Южнороссийское обозрение. Выпуск №74. Ростов-на-Дону, 2013. – С. 76.

¹ Там же. – С. 81-82.

совершено 641 посягательство на жизнь сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих (в 2008 г. – 491, рост составил 30 процентов). Только в 2009 г. по Южному федеральному округу погибли: 251 сотрудник правоохранительных органов и военнослужащих, а также 32 гражданских лица (в 2008 г. – соответственно 210 силовиков и 12 гражданских), ранены 727 сотрудников и 85 гражданских лиц (в 2008 г. – 484 силовика и 68 гражданских)¹. В 2010 г. было «зафиксировано 273 взрыва и 492 обстрела, подорвали себя 14 террористов-смертников. В результате погибло 410 человек, а более тысячи получили ранения»².

Уровень террористической преступности остается высоким и в настоящее время, особенно в Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Чечне. Так, за последние три года (2010-1012 гг.) на Северном Кавказе зафиксировано более тысячи совершенных акций террористического характера, в том числе в Дагестане – 732 (соответственно по годам – 310, 229, 193), Ингушетии – 253 (161, 46, 46), Кабардино-Балкарии – 222 (131, 46, 45), Чечне – 198 (149, 32, 17)³. Отсюда следует, что в указанных субъектах РФ в 2010 г. было совершено 751, в 2011 г. – уже 353, а в 2012 г. – 301 преступление террористического характера. Таким образом, в последние годы наблюдается неуклонное падение уровня террористической активности, тем не менее, эти показатели остаются все еще чрезвычайно высокими. Особенно это касается Дагестана, в последние два года практически не уменьшается число терактов в Ингушетии и Кабардино-Балкарии, и только Чечня демонстрирует позитивную динамику, что, безусловно, связано с эффективностью осуществления в этой республике антитеррористической деятельности.

Под сильным воздействием извне, в том числе с Северного Кавказа, началась радикализация ислама в Поволжье, прежде всего – в Татарстане. Здесь уже в 1993 г. дирекция новообразованного набережно-челнинского медресе «Йолдыз» заключила договор о

¹ Как заткнуть за пояс шахида? // Московский Комсомолец. – 2010. – 24 февраля.

² Умаров Д.В. Указ. соч. – С. 92.

³ Личный архив автора.

содействии образовательному процессу с «благотворительной» организацией «Тайба» из Королевства Саудовская Аравия. Как следствие, медресе было превращено в центр по подготовке религиозных радикалов. Результат не замедлил сказаться: осенью 1999 г. выпускник этого медресе Денис Сайтаков оказался в числе организаторов терактов в Москве. Позднее другие учащиеся медресе оказались причастными к нескольким подобным акциям. Кроме того, были обнародованы факты сотрудничества руководителей этого учебного заведения с чеченскими «полевыми командирами» Басаевым и Хаттабом, которые предоставляли учащимся «Йолдыза» возможность пройти соответствующую «практику» в Чечне¹. В начале 2000-х, помимо Набережных Челнов, были обнаружены аналогичные структуры молодых радикалов в Альметьевске, Нижнекамске, Кукморе, а также и в других населенных пунктах Татарстана².

Как подчеркивает татарский исламовед Р. Сулейманов, «новейшая история исламского терроризма в Татарстане началась с первых терактов на газопроводах в 2003-2005 годах в сельских районах. Затем в республике появились свои «лесные» – боевики в Нурлатском районе Татарстана, где вооруженная банда фундаменталистов постаралась организовать подполье в местном лесу по типу северокавказского»³. Действительно, 25 ноября 2010 г. в Нурлатском районе Татарстана силами МВД республики при личном участии министра внутренних дел РТ генерала А.Сафарова была ликвидирована вооруженная банда боевиков, намеревавшихся создать в лесистой части закамской зоны республики свою опорную базу⁴. Именно тогда стало окончательно ясно, что в Республи-

¹ Аргументы и факты. Регион. – 2000, №№4, 5.

² Силантьев Р.А. Распространение ваххабизма в современной России // Вестник Челябинского государственного университета, №16 (154). История. – 2009. – С. 168-169.

³ Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике // Агентство политических новостей. – 2012. – 25 июля.

⁴ Сулейманов Р.Р. Ваххабизм в Татарстане в постсоветский период в свете влияния внешних факторов // Проблемы национальной стратегии, 2013, №1 (16). – С. 177.

ке Татарстан возникли устойчивые группы радикальных салафитов, при этом обнаружилась непосредственная взаимосвязь между ними, а также этнонационалистами и представителями криминального мира. Так, глава МВД республики, впервые открыто признав факт сращивания исламистов с представителями организованных преступных группировок (ОПГ), отметил: «Мы отмечаем трансформацию организованной преступности, поскольку идет выделение в преступной среде группировок, сформированных по религиозному принципу, а особую активность в исламизации участников преступных группировок проявляют сторонники так называемого салафитского (ваххабитского) течения»¹. Кроме того, как подчеркнул генерал, исламисты-салафиты ведут постоянную проповедническую деятельность в мечетях, местах лишения свободы и в криминальной среде, ежегодно вовлекая в свои ряды десятки лиц. Однако, в отличие от обычных ОПГ, «мусульманские бригады» не противоборствуют друг с другом. Они солидарны и поддерживают связи, часто пользуясь поддержкой «братьев по вере» из других аналогичных группировок. «Объединенные одной идеологией и хорошо организованные, неукоснительно соблюдающие требования конспирации, имеющие криминальный опыт, члены организованных преступных формирований, принявшие салафизм, представляют сегодня реальную угрозу», – признал Асгат Сафаров².

В том же 2010 г. лидер северокавказских радикальных исламистов, «амир Имарата Кавказ» провозгласил о появлении т.н. «вилайета Идель-Урал», который охватил территорию современного Поволжья и Урала³. Вслед за этим появляется бандподполье со своим «амиром вилайета». Следствием длительного процесса институционализации подполья стало увеличение числа салафи-

¹ Руководитель МВД Татарстана признал опасность ваххабизма в республике // Regnum: информ. агентство. 2010. – 16 дек. URL: <http://www.regnum.ru/news/1357240.html>.

² Там же.

³ Моджадеды Татарстана признали своим лидером Доку Умарова // Тема Казань: интернет-сайт. 2012, 27 июля. URL:<http://www.temakazan.ru/news/crime/item/4819/>.

тов, их структурного оформления. По мнению экспертов, сегодня в Татарстане насчитывается около трех тысяч салафитов и салафитствующих¹. Однако их количество неуклонно пополняется: только в Саудовской Аравии обучаются 120 татар, а в 2011 г. без уведомления ДУМ РТ в эту страну, родину ваххабизма, отправилось еще 20 человек². Ситуация резко усугубляется: в январе 2012 года в дер. Мемдель Высокогорского района Татарстана была обнаружена домашняя лаборатория по производству взрывчатки и «поясов шахида»³, а 19 июля 2012 г. в Казани был ранен муфтий Татарстана И. Фаизов и убит его заместитель В. Якупов, возглавлявший учебный отдел Духовного управления мусульман РТ. По мнению татарских экспертов, «сегодня в республике ваххабитами реализуется ингушско-дагестанский сценарий: то, что происходило на Северном Кавказе 10 – 15 лет назад, сейчас осуществляется в Поволжье. Первый муфтий Дагестана был убит в 1998 году. После этого было убито свыше 50 муфтиев, их заместителей и известных имамов, придерживавшихся традиционного для Северного Кавказа ислама»⁴.

Итак, в Республике Татарстан сформировались устойчивые салафитские группы, а в настоящее время экспертами прогнозируется процесс «растекания салафизма» по Поволжью, Уралу и Западной Сибири, как это произошло уже на Северном Кавказе. При этом вышеуказанные группы рассматривают себя как устойчивые сообщества, четко осознающие свою специфику, свои интересы и возможности их отстаивания, используя в этих целях правозащитные и юридические средства. Впрочем, этот путь уже прошли их северокавказские единомышленники, сформировав целый ряд таких правозащитных организаций. Например, в Дагестане уже в

¹ Гордеев Я. На пороховой бочке: откуда в Поволжье террористы // Новое время: Интернет-сайт. 2011, 12 сент. №29. URL:<http://newtimes.ru/articles/detail/43421>.

² Гарсия Р. Волга впадает в Аравийское море: маленький оплот религиозного экстремизма в Татарстане // Эксперт. 2012, 15 окт.

³ Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике...

⁴ Там же.

первой половине 2000-х были сформированы каналы легальной поддержки деятельности вооруженного экстремистского подполья через общественные объединения, самой известной из них стала организация «Матери Дагестана»¹. Лидеры этих организаций поддерживают контакты с экстремистами, подвергают резкой критике деятельность правоохранительных органов, обвиняя их в массовых нарушениях прав человека и гражданина. Такая позиция формирует у населения мнение о том, что, якобы, неоправданно жесткие действия правоохранительных органов являются одной из основных причин, побуждающих молодежь пополнять ряды боевиков. Более того, по мнению некоторых экспертов, в России сложилось устойчивое и влиятельное «исламистское лобби»². Пользуясь этим, «салафитское крыло мусульман опробовало в разных регионах новый для них формат легальных митингов, мобилизую на них своих сторонников и пытаясь озвучить поднятую ими тему «гонений на ислам» в России в федеральном масштабе»³. Например, 8 февраля 2013 г. «свыше двух тысяч салафитов – сторонников радикального ислама, которые и ведут войну против российского государства, провели митинг в самом центре Махачкалы. Митинг стал отражением новой реальности: сторонники салафитов сегодня составляют, по разным оценкам от 10% до 17% от общего числа мусульман республики. Напомним, в 2005 году, когда впервые в Дагестане прогремели взрывы, число салафитов, по данным МВД, составляло менее 2 тысяч человек»⁴. Участники ука-

¹ См. об этом: Мурклинская Г.А. Сетевая война против России на Северном Кавказе: реальность и перспективы // Исламский фактор на Юге России / Южнороссийское обозрение. Выпуск №72. – Ростов-на-Дону, 2012. – С. 22-33.

² См., например, об этом: Амелина Я. Кровь муфтия Татарстана и его заместителя на руках тех, кто не признавал исламистских настроений в республике // ИА REGNUM. – 2012. 20 июля; Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике // Агентство политических новостей. 2012, 25 июля.

³ Мальцев В. Ислам защищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // НГ-Религии, 2013, 20 февр.

⁴ Омарова Х. Республика Дагестан: системный кризис разрастается? // Электронный ресурс: <http://www.bs-kavkaz>, 2013, 27 февр.

занной акции в столице Дагестана держали в руках черные и белые флаги с исповеданием веры на арабском языке. Похожая символика использовалась на митингах, организованных летом 2012 года в Казани прихожанами мечети «Аль-Ихлас» и на «мусульманском автопробеге» по столице Татарстана 26 октября 2012 года. Позднее в СМИ появилась информация о том, что представленные на экспертизу флаги автопробега были признаны казанскими специалистами «полностью идентичными символике, используемой членами международной религиозной организации «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» во многих странах мира»¹.

Отсюда становится совершенно очевидным, что «...любые попытки свалить вину на силовиков, якобы заинтересованных в начале репрессий, о которых разглашают «исламские аналитики»..., а также любые способы найти смягчающие обстоятельства для «исламских диссидентов», как стали террористов называть их единомышленники на ваххабитских Интернет-ресурсах, являются ничем иным как оправданием ваххабизма»².

Следующим этапом «растекания ваххабизма», по нашему мнению, следует считать укрепление позиций его адептов в «мусульманских анклавах», появившихся и укрепившихся в последние годы в некоторых российских мегаполисах. Например, в ходе проведенной 8 февраля 2013 года представителями силовых структур Санкт-Петербурга операций в молельном помещении одного из городских рынков, а также в домах и на частных квартирах было задержано несколько человек, которых обвинили в распространении материалов религиозно-экстремистского характера. Всего, по официальным данным, был задержан 271 человек, 90 процентов из них оказались иностранцами, в том числе иммигрантами из Афганистана и Египта. Судя по информации, озвученной СМИ руководителем пресс-службы УФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Д. Кочетковым, характер исламистской угрозы в регионе сопоставим с северокавказской ситуацией: «В ходе опера-

ции были задержаны... приверженцы радикальных течений ислама, представляющие угрозу государству, которые отрицают светскую власть и стремятся к халифату»¹.

Таким образом, в постсоветский период, вследствие ослабления институтов государственной власти Российской Федерации, под сильным внешним воздействием, наблюдался неуклонный процесс политизации и радикализации ислама и исламских группировок, появления и институционализации на территории страны нетрадиционных исламистских течений. Этот процесс усугублялся слабостью и разобщенностью традиционного и официального российского ислама, реализацией сепаратистских проектов в некоторых регионах страны, прежде всего на Северном Кавказе. В силу целого ряда причин, объективных и субъективных факторов на территории России возникли и окрепли устойчивые группировки радикальных салафитов, прошедших институционализацию первоначально в некоторых северокавказских республиках. Впоследствии произошел процесс «растекания джихада» практически по всему Северному Кавказу, а в последнее десятилетие складываются предпосылки для создания радикальных салафитских группировок в Поволжье, на Урале и в Западной Сибири, а также появления их в «мусульманских анклавах» российских мегаполисов.

¹ См. об этом: <http://www.regnum.ru/news/polit/1616981.html>.

² Сулейманов Р. Исламский терроризм в современном Татарстане: ваххабизм на практике...

¹ Мальцев В. Ислам защищают от нелегалов. Государство расширяет силовую поддержку официального духовенства // НГ-Религии. – 2013. – 20 февр.

М.-З.Ю. Курбанов,
Махачкала

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ «РАЗДЕЛЕННЫХ» НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

Кавказ является единым геополитическим образованием,прочно связанным со многими субъектами Российской Федерации как историческими, хозяйственными, так и культурными связями. Одним из самых уникальных не только в России, но и во всем мире, с точки зрения этнокультурного многообразия, является Дагестан. Это исторически сложившийся край народов, имеющий разнообразные культуры, но объединенный общей исторической судьбой.

Отметим сразу, что, говоря о Дагестане, мы не можем не затронуть, прежде всего, проблемы разделенных народов (лезгины, аварцы, цахуры на юге), что порождает дополнительные вопросы этнического единства и трансграничных связей.

Прежде чем перейти к освещению этого вопроса, остановимся в самой общей форме на таких понятиях, как «разделенные», «коренные народы», «диаспоры». Говорю об этом и потому, что мы слишком легко употребляли эти слова, да и представители отдельных народов Северного Кавказа, особенно проживающие в г. Москве и г. Санкт-Петербурге, называют себя диаспорами. Что это, попытка показать свою независимость или незнание даже этой формулировки?

Я хочу напомнить, что диаспора – это пребывание значительной части народа вне страны его происхождения на положении национально-культурного меньшинства. Диаспора не может су-

ществовать внутри одной страны. Например, кабардинцы или ингуши в г. Москве не являются диаспорой по закону «О национально-культурной автономии». Аварцы, лезгины, цахуры, талыши в Азербайджане не являются диаспорами. Это коренные российские народности, история которых самым тесным образом переплется с историей Российского государства буквально с самого начала его образования. Это касается и темы разделенного народа (да здесь можно сказать и об аварском и лезгинском народах), мы говорим о народах, оказавшихся по разные стороны в результате распада Советского Союза. Тем самым люди, родственники, односельчане, люди одной национальности оказались оторванными друг от друга уже не просто границей между республиками в составе Советского Союза, а государственной границей.

В Дагестане наиболее открытые и сложные – конфликты, связанные с реабилитацией репрессированных народов (чеченцы-аккинцы, нижетеречные казаки); по земельным отношениям на равнине (ущемление равнинных народов за счет переселения горцев с гор на равнину и отвода земель под отгонное животноводство); усилились тревоги от разобщенности у ногайцев и русских.

В 1991 г. состоялось длительное противостояние аварцев и чеченцев на почве территориальных претензий в с. Ленинаул; по той же причине между чеченцами-аккинцами и лакцами усилилось противостояние в Новолакском районе. Конфликт разрешен примирением сторон.

В 1992 г. произошел конфликт между кумыками и даргинцами в с. Костек на почве землепользования; прошла длительная забастовка кумыкского населения в Хасавюртовском районе с требованием отставки руководства правоохранительных органов, а также голодовка кумыкских женщин на центральной площади г. Махачкалы.

Опасные конфликтные ситуации имели место: в г. Дербенте – между лезгинами и азербайджанцами; в г. Кизляре – между казаками и национальными движениями горцев; в г. Кизилюрте – между аварским национальным движением и правоохранительными органами.

Большая часть этих конфликтов в наши дни находится в скрытом или «замороженном» состоянии, вследствие чего сохраняются угрозы и риски стабильности как всего региона, так и его отдельных частей. Переход от «замороженного» состояния к удовлетворяющему требует значительного времени и усилия не только Федерального центра, но и самих участников противостояния.

Несмотря на то, что федеральная политика в области этногеополитики в Северокавказском регионе основывалась на учете его уникальности, особенно геополитического положения и необходимости преодоления разрушительных последствий межнациональных конфликтов, все же сказывалось отсутствие четкой и последовательной линии в решении этнополитических проблем республик Северного Кавказа. Эти негативные тенденции могут только усиливаться, если не оказывать им активное противодействие, в том числе с помощью средств массовой информации.

К примеру, распространение исламского фундаментализма невыгодно ни России, ни Азербайджану. В России этничность выступает в качестве союзника гражданской идентичности в определенном смысле, а в Азербайджане же возрождение ислама консолидирует этнические сообщества и мешает им не только ассимиляционными процессами, но и интеграции суннитских сообществ в рамках шиитского общества.

Дальнейшее возрождение ислама на территории Азербайджана в перспективе может обозначить новый рубеж в противостоянии, способствовать, приостановлению ассимиляционных процессов, поскольку этническая ассимиляция легче происходит, чем религиозная. То есть стать азербайджанцем лезгин может легче, чем стать шиитом, равно как сунниту тяжелее стать шиитом.

Какие могут быть решения? Всегда есть место спекуляции, особенно когда вмешиваются третьи силы, выполняющие собственные геополитические задачи. У аварских и лезгинских народов тоже нет единого мнения о своем будущем. Они разделены не только территориально, но и в этнокультурном отношении.

Для регионов проживания этих народов, относящихся к депрессивным зонам, характерны безработица, упадок традицион-

ных хозяйственных отраслей и, как следствие, низкие уровень и качество жизни местного населения. Все это ухудшает самочувствие людей, вызывает у них пессимистическое представление о будущности своего народа.

Попытки подавить какие-то движения в Азербайджанской и Грузинской республиках подвергать репрессиям их лидеров в принципе проблемы не решают, а еще больше обостряют, противодействие становится более тонким.

В сложившихся условиях наиболее оптимальным для всех заинтересованных сторон было бы превращение территории проживания аварских и лезгинских народов из потенциального источника напряженности, который может возникнуть в будущем, при осложнении ситуации, если процесс интеграции забуксует, в зону активного и взаимовыгодного сотрудничества трех соседних государств.

Для этого, во-первых, необходимо восстановление и укрепление доверия в этих регионах, установление на границах режима упрощенного пропуска.

Азербайджанская Республика должна поддерживать стремления аварских и лезгинских народов Азербайджана к изучению русского и родного языков на примере того, что азербайджанцы на территории Дагестана получают бюджетную поддержку для развития собственной культуры: есть местные средства массовой информации на азербайджанском языке, передачи на родном языке по радио и телевидению. Со стороны Российской Федерации необходимо поддержка интересов российских народов за рубежом, в тех случаях, если они действительно нарушаются. Поэтому еще 15 апреля 1994 года Президент Российской Федерации вместе с другими главами государств – участников СНГ подписал Декларацию о соблюдении суверенитета и территориальной целостности. Однако у СНГ как бы нет соответствующих структур по трансграничным проблемам, поскольку он выполняет достаточно декоративные свои функции. Поэтому данные проблемы могут решаться с учетом интересов Российской Федерации, Азербайджана и Грузии.

Л. М. Гарсаев,
Грозный
А. М. Гарасаев,
Москва

ОБ ОБЫЧАЕ КРОВНОЙ МЕСТИ ЧЕЧЕНЦЕВ И РОЛИ ГЛАВЫ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, ГЕРОЯ РОССИИ Р.А. КАДЫРОВА ПО ПРИМИРЕНИЮ КРОВНИКОВ

Данная тема ни в дореволюционной и тем более ни в отечественной исторической науке не стала предметом специального научного исследования.

Проблема историко-этнографического изучения института кровной мести в подавляющем большинстве случаев только затрагивалась. По ней не только не защищено ни одной диссертации, но и не опубликовано ни одной статьи, не говоря уже о монографии.

Определенные фрагментарные сведения по отдельным сторонам изучаемой проблемы освещались в трудах Я.З. Ахмадова, И.С. Саидова и др.

Настоящая статья, как нам представляется, в определенном смысле будет способствовать устранению данного пробела в историографии вопроса.

Как отмечают многие авторы, поводом, причиной возникновения обычая кровной мести среди чеченцев и ингушей служили публичное оскорбление одного мужчины другим, и особенно затронутая честь матери, сестры, жены, близкой родственницы. Все это характеризует вайнахское общество «как военизированный

социум», в котором «выяснение взаимоотношений с применением оружия не было из ряда вон выходящим явлением».

Обычай кровной мести как наследие родового строя, выполняя в свое время и позитивные функции, сохранился у чеченцев до сегодняшнего дня в силу специфических условий развития социально-общественных отношений в основном в своей классической форме. Будучи, по оценкам наших современников якобы негативным явлением, обычай кровной мести, по нашему мнению, все-таки служил одним из апробированных веками средств правовой регуляции межличностных, межтайповых и прочих отношений. В развитии и утверждении данного обычая сыграл большую роль и культ предков, потому что акт мести рассматривался «как удовлетворение их желаний и требований».

Следует отметить, что древний обычай кровной мести вайнахов – это не только кавказская традиция. Сегодня принцип кровной мести практикуется в странах Ближнего Востока и Албании. В Европе этот обычай имел широкое распространение в средневековой Италии, скандинавских странах и странах, населенных представителями данных культур, а в настоящее время сохраняется в Южной Италии. Словом «вендетта» кровная месть называлась, главным образом, на островах Сардиния и Корсики, где она активно бытовала даже в начале XX века.

В XII–XIX веках данный обычай практиковали греки-маниоты с полуострова Мани в Южной Греции. Этого обычая придерживались древние германцы и восточные славяне.

То, что для горцев Кавказа кровная месть служила гарантом защиты и самосохранения, отмечал и писатель А. Солженицын в своем произведении «Архипелаг ГУЛАГ»: «Мы, европейцы, у себя в книгах и в школах читаем и произносим только слова презрения к этому дикому закону, к этой жестокой резне. Но резня эта, кажется, не так бессмысленна: она не пресекает увеличение горских наций, а укрепляет их. Не так много жертв падает по закону кровной мести, но каким страхом веет на все окружающее! Помня об этом законе, какой горец решится оскорбить другого просто так, как оскорбляем мы друг друга по пьянике, по распущенности, по

капризу? Кровная месть излучает поле страха – и тем укрепляет горскую нацию. Предки горцев в древнем далеке не могли найти лучшего обруча».

У каждого народа присутствуют особые адекватные нормы поведения в случае оскорбления отдельной личности или вражды между людьми вообще. В некоторых случаях народный этикет предполагает даже убийство, которое общественное мнение не только одобряет, но даже осуждает потерпевших, если этого не произойдет, и пострадавшая сторона может потерять честь «и свое лицо». Например, причиной подобных столкновений может быть оскорбление, нанесенное мужчиной-горцем другому, или затронутая честь матери, жены, сестры, дочери и т.д.

В селении Гойты в конце XIX века был случай несправедливого убийства молодого человека из рода Оздамировых. В семье их было 6 сыновей. Мать их из тайпа чунгарой, сестра Зубайра, потомка наиба Шамиля Атаби, очень переживала убийство сына, более того, она жаждала мести, тем более, что акт возмездия затягивался. Во время общей трапезы пяти сыновей она часто подходила к ним с окровавленной одеждой убитого сына и говорила: «Не забудьте покормить и его тоже». (Кхуьнга х1ума яйита а диц-малолаш!)

В этих словах убитой горем матери мы видим не только жажду мести. Она озабочена еще тем, что несоблюдение традиционных норм адата повлияет на честь ее живых сыновей. Здесь уже идет речь о потере ими своего лица. Этого, конечно, не случилось. Месть была осуществлена.

«У горских евреев, – отмечает И.Ш. Анисимов, – каждая капля крови должна быть отомщена, и покойник до тех пор не успокоится, кровь его не перестанет кипеть, и он не будет принят к Всеышнему, пока не будет взята кровь за кровь»¹.

Вспомним слова из интервью бывшего премьер-министра Англии Маргарет Тэтчер, что ядерное оружие является сдерживающим фактором войны и гарантом мира на земле. Для вайнахов

¹ Анисимов И.Ш. Кавказские евреи-горцы // Сб. материалов по этнографии, издаваемый Дашковским ЭМ в Москве. М., 1888, №3. – С. 37-51.

кровная месть была в свое время аналогичной защитой, но при этом менее опасной и жестокой, чем ядерное оружие, подвергающее и сегодня риску все человечество.

Еще несколько лет назад в состоянии кровной мести более одного века в Чечне находилось около 500 семей. Слава Аллаху, на сегодняшний день эта цифра сократилась значительно.

Начало примирению положил первый президент Чеченской Республики, Герой России Ахмат-Хаджи Кадыров, как это сделал в свое время первый имам Кавказа элистанжинец Шейх Мансур. В настоящее время в республике активно работает специальная комиссия по примирению конфликтующих сторон, руководимая Главой Чеченской Республики, Героем России Рамзаном Кадыровым. По республиканскому телевидению регулярно показывают позитивные сюжеты на эту тему. Прощение кровных врагов стало массовым. Количество людей, согласившихся простить своих кровников ради Аллаха, великих Устазов (святых) и Главы Чеченской Республики значительно возросло. Безусловно, это радует нас всех. В исключительных случаях Рамзан сам становится участником переговорного процесса между кровниками. Несомненно, в налаживании контактов и в достижении договоренностей о разрешении миром кровной вражды между семьями сыграл главную роль авторитет главы республики.

Институт кровной мести в вайнахском обществе имеет глубокие корни. «Кровная месть» по-чеченски «ч1ир», а по-груз. «ч1ири». Если перевести дословно – «кровь за кровь».

«В случае убийства целая фамилия или тайпа (род – Л.Г.), – пишет У. Лаудаев о Чечне, – бежала на иное местожительство. Кровь (ц1и) переходила из рода в род. Первоначально кровь распространялась на всю фамилию; с умножением фамильных членов кровь переходила на «гар» (ветвь – Л.Г), а в позднейшее время – на одно семейство»¹.

Как правило, убийца по совершении преступления покидал родное селение, в противном случае его оттуда выгоняли, что было предусмотрено адатом общества. Здесь просится в строку при-

¹ Лаудаев. У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. 1872. – С. 25.

мер пребывания одного кровника вдали от своего дома, селения, в глухом лесу в землянке со своей женой. Здесь он жил без всяких удобств, ограниченный во всех своих желаниях и, главное, без общения с близкими родственниками. Был очень осторожен, старался без крайней надобности не выходить из жилища. Однажды в «ночь волка» (берзан буйса), когда лил дождь как из ведра, муж попросил жену принести для омовения таз со двора. Это очень удивило жену: «Что же ты так боишься, ведь кровники в такое ненастье не будут искать тебя, да и не достать тебя им здесь, в глухомани».

Муж ответил: «Ты их плохо знаешь. Они очень мужественные, отчаянные и мобильные люди. Они могут достать меня не только здесь, но и из-под земли». В это время, готовые к мщению кровники, находясь уже на крыше их жилья, слушали этот разговор. Но лестный отзыв о них виновника трагедии, уважительность и восхищение в тоне его голоса, когда он произносил эти слова, покорили кровников. Спустившись с крыши и войдя в комнату, они простили своего врага. Подобный акт прощения считался верхом благородства представителей пострадавшей стороны, а не их слабостью. Общество должно было оценить это как милосердие к поверженному.

И еще один пример прощения кровника, когда он волею случая мог оказаться в жилище своего врага. «Прикосновение к цепи домашнего очага спасало кровника даже в том случае, если последний оказался в доме своего кровного врага; и никто не имел права его обидеть, так как очаг считался священным и поэтому являлся надежным убежищем»¹. И здесь же в доме кровного врага он мог приложитьсь к груди матери убитого им человека, или прикоснуться к подолу ее платья, прося у нее защиты, и мог быть прощен, уже становясь молочным братом погибшего.

Обычай кровной мести исторически распространение получил среди всех слоев вайнахского общества независимо от их социального статуса. Для сравнения: этого обычая неукоснительно придерживались в среде дагестанских народов, а также кабардинцев и т.д.

¹ Шамилев А.И. Религиозные культуры чеченцев и ингушей и пути их преодоления. Грозный, 1963. – С.5.

Определенные нормы поведения соблюдались кровниками. Согласно морально-этическим установкам, выработанным вайнахским обществом, строго запрещалось убийство кровника (и не кровника) внезапно, без предупреждения, из-за угла, со спины и тем более – безоружного, связанного, больного, а также дряхлого старика и особенно – не достигшего совершеннолетия юнца. Ни в коем случае нельзя было убивать кровника у себя во дворе, а также в пределах кладбища.

Убийство должно быть совершено холодным или огнестрельным оружием. Запрещалось убивать во время месяца Рамазан, религиозных (календарных праздников), в людном месте. Категорически запрещалось выяснять отношения в доме у кого-либо или в общественных местах. Запрещалось убивать обидчика спящим, трапезничающим, утоляющим жажду, находящимся в хадже, держащим пост, совершающим намаз,правляющим естественные нужды, находящимся в узаконенных интимных отношениях.

При встрече с кровником правом первого удара, выстрела обладала потерпевшая сторона. Большим позором считалось убивать из кровной мести женщину и слабоумного человека. За убийство женщины полагалось брать кровь двух мужчин. Категорически запрещалось надругательство над трупом, мародерство. Совершив месть, кровник имел право забрать оружие убитого, но присвоение любого другого его личного имущества сводило на нет акт мести. Здесь уже фигурировало общественное мнение, что убийство совершено с целью ограбления и механически переводило кровника в ранг мародера.

В чеченском обществе испокон веков строго соблюдались и соблюдаются законы мщения, тогда как убийство вообще, а безвинное убийство, особенно, совершается походя, в любой обстановке и при ком угодно.

Особых правил поведения должны были придерживаться и родственники двух враждующих сторон. Согласно этическим нормам родственникам убийцы категорически запрещалось веселиться, шутить, развлекаться в присутствии родственников убитого, беседовать с кем-либо при них, смотреть им в глаза. При встрече с родственниками убитого в общественном месте родня обидчика

должна была покинуть это место. Если они повстречались в пути, то родственники убийцы должны были беспрекословно уступить дорогу потерпевшей стороне¹.

Здесь нужно отметить еще специфические нормы поведения родственников и родственниц как со стороны убитого, так и со стороны убийцы. Об этом четко сказано дагестанским этнографом С.А. Лугуевым: «Если убийца был близким родственником женщины, вышедшей замуж за члена тукхума убитого, она должна была немедленно покинуть дом мужа и возвращалась домой только по истечении 40 дней. Все это время она проводила в доме отца, дяди, носила траур по погибшему и отцовская родня приходила к ней с выражением соболезнований. Если убийцей родственника жены был ее муж, сын или близкий родственник мужа, она вела себя также с той разницей, что на время проживания вне дома мужа имела право на этот же срок взять с собой своих несовершеннолетних детей. Этот обычай, призванный дать возможность женщине продемонстрировать свою сопричастность к событиям ее родного (отцовского) тукхума, возможно никогда был характерен для всех народов Дагестана². Добавлю, что не только им, но и вайнахам эти нормы поведения были присущи. Только возвращаться домой к мужу женщина могла с согласия своих родичей, пострадавших от убийцы – родственника ее мужа.

А теперь немного о самом процессе примирения.

Процесс примирения начинается с кадиев районов, которые выясняют на местах, какие семьи находятся в кровной вражде. Затем кадии обращаются в Комиссию по примирению с просьбой рассмотреть эти дела. Члены комиссии, руководствуясь законами шариата и вековыми традициями чеченцев, начинают переговоры – сначала с семьей жертвы, а затем с семьей кровника. Когда договоренность достигнута, при непосредственном участии и руководстве членов комиссии происходит обряд примирения.

¹ Гимбатова М.Б. Культура поведения и этикет ногайцев в XIX – нач. XX вв. Махачкала, 2007. – С. 44.

² Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев XIX – нач. XX вв. Махачкала, 2006. – С. 247-251.

Самые уважаемые члены рода кровника прибывают в село, где живет семья убитого. Всю дорогу от окраины села и до самого дома жертвы, пришедшие с просьбой о прощении родные и близкие убийцы проходят пешком. Сам кровник, одетый в саван или власяницу, с покрытой головой идет среди толпы. Когда две семьи сходятся, посредники – в данном случае, члены комиссии по примирению – призывают обе стороны заключить мир и отказаться от кровной мести.

В старину этот обряд проводился в более жестких и унизительных для горца рамках. Компенсировав пострадавшей стороне материальные издержки по похоронам и организации поминок по убитому и уплатив предусмотренную местными адатами «цену крови», родственники убийцы во главе с ним самим непосредственно, отправлялись к дому погибшего. Все шли без папах, босиком, с закатанными до колен штанами, засученными до локтей рукавами и расстегнутыми до ворота рубахами. Последние 1,5-2 десятка метров процессия двигалась на коленях. Примерно через 15-20 мин. к ним из дома выходили представители тухума убитого и старший из них, подойдя к коленопреклоненному убийце, слегка прикасался к его голове и произносил фразу: «Да простит тебя Бог». Обряд считался завершенным и заканчивался совместной трапезой обеих сторон, организованной за счет родственников убийцы. С этого дня между родственниками убийцы и убитого складывались отношения близких людей с обязательным взаимным участием в важнейших событиях друг друга: в вопросах кровной мести, в проблемах защиты чести, достоинства и имущества каждого члена семей, а также присутствием на свадьбах, других семейных торжествах, на похоронах, при строительстве дома и т.д. Демонстрация доступными средствами, одобренными традиционными нормами этики, взаимной привязанности, взаимного уважения надолго определяла характер их взаимоотношений¹.

К XIX в. обряд этот повсеместно намного упростился. Например, знаки раскаяния и покорности (босые ноги, засученная одежда) стали требоваться только непосредственно от убийцы, ближайшие его

¹ Там же.

родственники опускались на колени только у дома убитого, зачастую и этот знак покорности ожидался только от убийцы и др.¹

А сегодня самая волнующая и запоминающая часть обряда: убийцу подводят к главе семьи погибшего, который снимает с его головы покрывало и обнимает кровника в знак прощения и примирения. В этот момент глава семьи жертвы может даже объявить, что с этого дня прощенный становится сыном или братом членов семьи погибшего.

– Это особый момент. Признаюсь, я часто не мог сдержать слез, когда рыдающий кровник получал прощение от тех, кто по его вине пережил боль утраты, – вспоминал спикер парламента Чеченской Республики Дукваха Абдурахманов. – Все понимают в этот миг, какую тяжелую ношу снимает прощающий с плеч кровника, вынужденного долгие годы скрываться. Представьте, в числе примирившихся семей были те, чья кровная вражда длилась 30, 50 и даже 100 лет. И, наконец, этой беде был положен конец. Великий день. И великое благородство тех, кто не оттолкнул протянутую руку помощи и мира.

Прощению и милосердию нас учит Ислам. К этому призывали Пророк (с.а.в.) и наши эвлияи (святые).

Перечисленные этические установки и обряды примирения существовали у многих северокавказских народов.

Почитание человеком норм и принципов народной этики всегда было у чеченцев и ингушей верхом морали.

Как было отмечено, являясь средством правовой регуляции межличностных, межтайповых и прочих отношений, обычай кровной мести сохранился у вайнахов до сегодняшнего дня.

Таким образом, начало долгожданному примирению кровников в новейшей истории Чеченской республики положил ее первый президент, Герой России Ахмат-Хаджи Кадыров. Это важное дело продолжает его сын, глава Чеченской Республики, Герой России Рамзан Кадыров.

¹ Там же.

Л.Х. Сабанчиева,
Нальчик

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В условиях, когда вся легитимная власть в традиционных обществах была сосредоточена в руках мужчин, женщины, лишенные доступа к формальным институтам политической власти – привилегий мужской части аристократии, не могли напрямую влиять на принимаемые решения. Поэтому долгое время они оставались в тени истории.

Несмотря на это на определенном историческом этапе женщины, в частности, кабардинки, из знатных семей были в гуще политической жизни и оказывали на ее процессы определенное влияние¹.

У кабардинцев богатая политическая традиция и много личностей-мужчин, оставивших заметный след в истории Северного Кавказа и России. Их деятельность нашла подробное освещение в источниках и исследованиях ученых².

¹ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII вв.). М., 1963. – С. Опрышко О. Л. По тропам истории. Нальчик, 1979. Его же. Через века и судьбы. Нальчик, 1982; Карданов Ч.Э. Путь к России. Нальчик, 2001. Сабанчиева Л.Х. Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина XVI – 60-е годы XIX века). Нальчик, 2005. – С. 29-33.

² Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1822-го по 1803 год. Извлечения. Нальчик, 2001. Вилинбахов В.Б. Совместные русско-кабар-

Большинство письменных сведений с указанием об участии женщин в общественной жизни Кабарды в основном относятся ко второй половине XVI–XVII вв. Именно в этот период в русских документах появляются имена «кабардинского княже Темрюкова Айдаровича дочь княжна Кученей» (Марии) и ее старшей сестры «Алтынчач-царицы»¹.

По русским документам, исходившим из Терской приказной избы в XVII веке, в связи с общественными явлениями, известны также мать Мудара Алкасова – вдова Калгаш, мать Келмамета Куденетовича – княгиня Бабасух, мать мурзы Ильдара Ибакова Козета, мать мурзы Батыр-бия Эльмурзовича – Алеихко, сестра могущественного Алегуки Шогенукова – Пархань, дочери Сунчалея Черкасского – Увжугта и Хан².

Но чаще всего в русских документах первой половины XVII века упоминается имя Желегоии – жены Сунчалея Канклычевича Черкасского³.

По мнению Е.Н. Кушевой все эти женщины «принимали живое участие не только в семейных, но и в политических делах»⁴.

Для документов второй половины XVII–XVIII вв. характерно резкое уменьшение упоминаний женских имен в связи с политическими событиями. В «Кабардино-русских отношениях», например, встречается только одно имя женщины, и то в первой половине XVIII века, чья политическая деятельность разворачивалась в основном за пределами Кабарды – это урожденная княжна

динские военные действия//Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1959. – С. 102-129; Дзамихов К.Ф. Этнические элиты Кабарды и Ногайской Орды в XVI–XVII веках: конфликты и сотрудничество//ИКБНЦ. Нальчик, 1999, №2. Карданов Ч.Э. Указ. соч. Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик, 1996. Мальбахов Б.К., Эльмесов А. М. Средневековая Кабарда. Нальчик, 1994. Опрышко О. Л. Указ. соч.; Туганов Р.У. Страницы прошлого. Нальчик, 1989 и др.

¹ Кабардино-русские отношения (Далее –КРО). М., 1957. Т.1.– С. 9.

² Там же. С. 87; 202, 241; 299; 303; 385.

³ Там же. С. 200, 202, 211, 219 и сл.

⁴ Кушева Е.Н. Указ. соч. – С.123.

Кургокина из рода Атажукиных, Джанет (по русским документам «ханша Жан», позднее – Дондукова Вера) жена калмыцкого хана Дондук-Омбо. П. Бутков не упоминая ее имени, дает информацию, что «Магомет Коргокин» (брать Джанет.-Л.С.) является шурином хана «Дундук-Омбо»¹.

Расширенная и обогащенная современная научная концепция власти, где акцент делается на «...различие между обладанием, с одной стороны, легитимной политической властью, дающим санкционированное обществом право принимать обязательные для других решения, и с другой – возможностью оказывать на людей и события неформальное влияние, т.е. воздействовать на них для достижения своих целей»², позволяет по-новому взглянуть на политическую историю в условиях патриархального господства³.

Несмотря на признаки дискриминации женщин в сфере публичной политической власти, они все-таки, опосредованным образом влияли на общественную жизнь. У них были свои, характерные для традиционных обществ, каналы неформального влияния, т.н. «женские социальные сети, или сети влияния»; при этом инструменты и формы его были различны: женщины устанавливали новые семейные связи, оказывая покровительство, помогали или мешали мужчине делать политическую карьеру, принимали участие в волнениях и восстаниях, наконец, разносили слухи.

Видимо, кабардинцы не случайно говорили: «У князей Мисостовых женщины – советчицы»⁴.

Одной из действенных форм опосредованного влияния на общественно-политическую жизнь являются династические браки, поэтому, как справедливо полагают ученые, «изучение династических связей между представителями господствующей знати раз-

¹ Бутков П.Г. Указ. соч. – С. 43.

² Репина Л.П. От «истории женщин» к социокультурной истории: гендерные исследования и новая картина европейского прошлого//Культура и общество в Средние века – раннее новое время. Вып. 5. Ч.2. М., 1998. – С 66.

³ См.: Сабанчиева Л.Х. Кабардинские аристократки в политической истории феодальной Кабарды//Исторический вестник. Нальчик, 2012. Вып. XX. Ч.II. – С. 46-60.

⁴ Карданов Ч.Э. Указ. соч. – С. 257.

личных народов является существенным и важным моментом в исследовании истории развития политических взаимоотношений в эпоху феодализма»¹.

В то время «...от степени военно-политической активности определенной части кабардинской и ногайской элит зачастую зависели складывание альтернативных альянсов (прорусской и османо-крымской), борьба за сферы влияния в регионе крупных держав...»².

В то время династические браки были распространены и в других соседних феодальных образованиях Кавказа. Все они использовали матримониальные связи в политической борьбе.

Как известно, турецкие султаны, крымские ханы, персидские шахи любой ценой «...старались заполучить в свои гаремы девушек страны «Черкас пятигорских», отдавая им предпочтение перед всеми другими»³. Черкешенки в гаремах обычно являлись главными женами и имели большое влияние на мужей.

Исследователи, отдавая должное черкесским аристократкам, дают положительную оценку их потестарным функциям: «Черкесские женщины в политической истории и культурной жизни своей и других стран играли заметную роль. Выходя замуж за родовитых и могущественных представителей, они способствовали налаживанию тесных контактов Черкесии с другими народами и странами»⁴, – пишут они. Вполне справедливая оценка.

По нашим наблюдениям, наибольшей интенсивности династические браки достигли во второй половине XVI–XVII вв., при этом, вопреки широко распространенному мнению, зачастую кабардинки не были в руках своих отцов и мужей просто орудием власти, а сами активно включались в политическую борьбу. Об этом свидетельствуют судьбы Желегоши, Бабасупх, Тауки, Джан, возможно, и многих других, о которых нам не известно. Удачнее всего, на наш взгляд, матримониальными связями пользовались

князья Черкасские. Его представители родились с наиболее могущественными родами России, Грузии, Большой Ногайской Орды, Крымского ханства, Персии и др.

Несмотря на эпизодичность маркированного политического поведения кабардинских аристократок, можно сказать, что во второй половине XVI–XVII вв. в общественной жизни они достигли максимально возможного в то время влияния в социуме и время от времени являлись, пусть и не главными, но субъектами политики.

Со второй половины XVIII века вплоть до начала новейшего времени, как нам кажется, под влиянием шариата, усилившего половую сегрегацию и затворничество женщин, поступательное движение потестарных функций женщин было приостановлено. Исторических личностей-женщин Кабарда в этот период не знала. На наш взгляд, в этом смысле ислам сыграл понижающую роль в судьбе горянок, особенно кабардинок, у которых в истории был небольшой период влияния на политические события.

Хотя женщинам Кабарды не удалось занять место государственного лидера, как, например, это было в России, где некоторые века имеют свое «женское» лицо¹, этнической ментальности не чужда была сама идея о возможности царствования женщины, правда, не в реальной жизни, а в.... сказках, где она могла быть пши-верховным князем и как царица-красавица Кирка, возглавлять вымышленное древнеадыгское государство².

Мечта народа получила некоторые реальные очертания в годы советской власти. Женщины Кабардино-Балкарии не только получили доступ в органы легитимной власти, но в некоторые периоды истории достигали немалых успехов, хотя никогда и не возглавляли верховную власть.

Впервые женщины – депутаты из числа коренных народов были представлены в первом созыве Верховного Совета СССР 1937 г. Ими стали балкарка Ш.М. Беппаева и кабардинка Б.Ш. Мисостишхова.

¹ Мальбахов Б.К. Дзамихов К.Ф. Указ. соч. – С. 135.

² Дзамихов К.Ф. Указ. соч. – С. 100.

³ Опрышко О.Л. По тропам... – С 5.

⁴ Мальбахов Б.К., Эльмесов А.М. Указ. соч. – С. 44.

¹ Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. – С. 4.

² Кабардинский ф...С. 183; Цагъуэ Н., Дым А. «Тхыбзэ» (Цагов Н., Дымов А. «Азбука». Казань, 1335–1917. – С. 14-15.

В следующем году состоялись выборы в Верховный Совет Кабардино-Балкарской АССР первого созыва. Из 85 избранных депутатов 20 являлись представительницами женского пола. Несколько женщин было избрано в руководящие органы Верховного Совета. Одним из заместителей Председателя Верховного Совета стала доярка колхоза им. Мусукаева, член ВЛКСМ П.Ю. Доттуева, три женщины были избраны в мандатную комиссию, Д.Е. Кнышева – в постоянную комиссию законодательных предложений. Среди 11 членов Президиума оказались 2 женщины – Ж.М. Маремова и М.А. Нефедова.

На первом же заседании 25 июля 1938 года первой сессии Верховного Совета КБАССР в прениях тема избрания женщин в представительный орган власти приобрела большое политическое звучание и стала одной из центральных, как для мужчин, так и для женщин. Мужчины-депутаты признавали, что «женщины в нашей стране – большая сила, поэтому депутаты-женщины являются достойными представителями советских женщин. Они окружены отеческой заботой великого Сталина и наравне с мужчинами участвуют в управлении государством, участвуют во всех областях хозяйственного и культурного строительства». Как было принято тогда, проводя параллель, они подчеркивали, что «в большинстве капиталистических стран женщины лишены избирательных прав, в отличие от них женщинам в нашей стране созданы все условия для активного участия в политической жизни».¹ Действительно, на этой сессии женщинами были сделаны такие политические заявления, которые стали определяющими на многие десятилетия вперед. Текст, как впоследствии выяснилось, заготовленный праящими мужчинами в недрах власти, на сессии озвучила девятнадцатилетняя стахановка из с. Псыгансу, депутат Кясова Ц.Г. Уже с первого заседания женщины-депутаты должны были почувствовать свою инаковость и зависимость. Хотя граждане республики избирательное право получили одновременно независимо от пола, только женщины вынуждены были приносить особую благодар-

¹ Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской Республики (далее – ЦГА КБР) Ф. Р-717. Оп. 2. Д. 167. Л.Л. 48,93, 96.

ность «великой партии Ленина-Сталина..., отцу, другу и учителю трудающихся всего мира родному Сталину». При этом они обещали ни в чем не отставать от мужчин, и в случае, «если враг попытается напасть на наши священные границы, ему не сдобровать, т.к. не только мужчины, но и женщины страны Советов станут на защиту рубежей нашей прекрасной родины»¹. Увы, слова юной стахановки из с. Псыгансу оказались пророческими. Она и депутат того же созыва Д.Е. Кнышева погибли в Великой Отечественной войне.

Протоколы сессий Верховного Совета свидетельствуют, что наиболее важные вопросы деятельности подготавливались и проводились мужской половиной. Женщины часто играли второстепенную роль и существенного участия в разработке документов не принимали. К редким словам женщины депутата, произнесенными с трибуны на социальную тему, относились либо агрессивно, либо снисходительно, а если же женщина позволяла себе ошибиться в чем-то, ей тут же не преминули поставить на вид. Выражения типа «не допоняла» звучали именно в адрес женщин².

В то же время, те же источники свидетельствуют: мужчины признавали за женщинами более активную, ответственную работу непосредственно в избирательных округах. В предвоенные годы Президиум Верховного Совета практиковал совещания депутатов по обмену опытом работы. Отчеты женщин выгоднее отличались от отчетов депутатов-мужчин³. К депутатам избиратели обращались в основном с бытовыми проблемами. Но этого было мало. По мнению руководства Верховного Совета, «... нельзя видеть в этом основное призвание депутата. Депутат должен прислушиваться к голосу масс, он должен вести себя как государственный деятель ленинско-сталинского типа». И такой депутат, по мнению руководства Президиума, был, вернее, была – Ц.Г. Кясова, чья депутатская деятельность получила одобрение на совещании. «Ее работа есть подлинная работа депутата. Она подняла инициативу масс, открыла стахановскую школу. Следует всем депутатам научиться

¹ ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп. 2. Д. 167. Л. 99.

² ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп.2. Д.169. Л. 112.

³ ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп.2. Д.171. Л.Л. 3-13.

работе у Кяской»¹, – призывал Ф.Ф. Денисов. Противопоставляя ей депутата Батову, он фактически отчитал ее, мол она должна была организовать дорожные работы в с. Чегем – 2. «Она должна была обратиться в правление колхоза, сельский совет, райисполком, райком и т.д. Наконец, Батова могла бы договориться с правлением колхоза, чтобы созвать общее собрание»². Т.е. «битой» оказалась более тесно связанная с проблемами избирателей, чем мужчины – депутаты, которые под разными предлогами не могли «выезжать к своим избирателям». На этом же совещании спичрайтер депутатов Ч.К. Кудаев просил, чтобы «...в дальнейшем все депутаты научились писать свои доклады»³. Здесь же затрагивался вопрос о повышении идеально-политического и технического уровня депутатов. Одним из приоритетных направлений деятельности депутатов считалась просвещенческая, для осуществления которой они должны заниматься работой изб-читален, библиотек, клубов⁴.

И в 40-х – начале 50-х годов наиболее острыми оставались бытовые проблемы. На сессиях Верховного Совета женщины-депутаты, не жалея красок, описывали все недостатки. При этом они жаловались на невнимание исполнительных органов к их депутатским обращениям в содействии по решению различных бытовых проблем. Типичная ситуация: депутат М.Ц. Хажметова жаловалась на отсутствие электрификации в с. Арик, хотя, как она полагает, все понимают, электрификация имеет огромное значение в культурно-просветительной работе на селе. Здесь также нет проточной воды. По этому поводу депутат обращалась в Совет Министров и другие места, но дело не было сделано⁵. С другой стороны, именно мужчина-депутат поднимает проблемы дискриминации женщин в быту, отмечая, что еще «много фактов феодально-патриархального отношения к семье, к женщине, в том числе руководящих ра-

ботников (здесь он приводит конкретный случай многоженства и безответственности жителя подведомственной ему территории), ...неправильного и легкомысленного отношения к женщине имеют место и в других колхозах и организациях района»¹. Таким образом, мужчины и здесь выступали в традиционной роли защитников женщин.

На этой сессии членом Президиума Верховного Совета КБАССР избирается Ж. А. Хамбазарова. Здесь, как нам кажется, и начинается вхождение женщин во власть под чутким руководством бывшего тогда Председателем Президиума Верховного Совета, впоследствии – первого секретаря КБ Обкома КПСС Т. К. Мальбахова². И не только в представительные, но и исполнительные органы власти.

В дальнейшем представительство женщин в Верховном Совете Кабардино-Балкарской АССР шло нарастающими темпами. Апогея оно достигло в десятом и одиннадцатом созывах (1980-1990 гг.), когда число женщин в Верховном Совете достигало 69 человек. Несмотря на то, что секретарями Президиума Верховного Совета многие годы являлись женщины (Ж. А. Хамбазарова, Ф.Т. Арсаева, М.М. Кармокова), тон в работе Верховного Совета по-прежнему задавали мужчины. Секретари Президиума отлично справлялись с теми организационно-техническими задачами, которые стояли перед ними. Что касается женщин – заместителей Председателя Президиума Верховного Совета, то про них можно сказать: они были во многом политической декорацией. Для нашего предмета исследования они не оставили заметных следов. Но мы здесь не исключаем возможностей непубличного влияния женщин на принятие тех или иных решений. Жаль, что эти женщины не оставили мемуары. В имеющихся публикациях о женщинах Кабардино-Балкарии, некогда занимавших высокие должности, нет ни слова о степени политического влияния женских сетей³.

¹ ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп.2. Д.171. Л.12.

² ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп.2. Д.171. Л.13.

³ ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп.2. Д.171. Л.12.

⁴ ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп.2. Д.171. Л.13.

⁵ ЦГА КБР. Ф-717. Оп. 2. Д. 179. Л. 67.

¹ ЦГА КБР. Ф-717. Оп. 2. Д. 179. Л. 76.

² ЦГА КБР. Ф-717. Оп. 2. Д. 179. Л. 76, 91.

³ Женское лицо Кабардино-Балкарии/Сост. Р.К. Сабанчиева, Е.Н. Накова. Нальчик, 2010.

В так называемые годы «гласности и перестройки» женщины активизировали депутатскую деятельность и оказывали возможное в тех тяжелейших социально-экономических условиях влияние на совершенствование народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, торговли, бытового и культурного обслуживания населения.

Одной из форм вовлечения народных масс в управление делами государства в те годы явились отраслевые постоянные депутатские комиссии, роль которых значительно усилилась. Об этом свидетельствует выступление старейшего депутата – председателя Комиссии по народному образованию и культуре Верховного Совета КБАССР А. О. Шогенцукова: «Вот уже шесть созывов я являюсь депутатом Верховного Совета КБАССР. Могу твердо сказать: сегодня наши сессии избавляются от налета парадности, торжественности и становятся живым, заинтересованным, бескомпромиссным, конструктивным обсуждением насущных, жизненно важных задач социально-экономического развития КБАССР»¹.

Для членов комиссий стало важным их участие в предварительном рассмотрении законов, принимаемых на сессиях Верховного Совета. Депутаты принимали самое активное участие в подготовке планов социально-экономического развития и бюджета республики².

Как показала практика работы данного созыва, для женщин-депутатов на первый план выходили вопросы экологии, охраны детей, здравоохранения, социальной защиты населения и др.³, как правило, находящиеся на периферии интересов мужчин. Эти проблемы, безусловно, касались всех членов общества независимо от половой принадлежности. В отличие от мужчин, женщин-депутатов чаще волновала невозможность выполнения наказов избирателей, что свидетельствует об их большой ответственности непосредственно перед избирателями. Практически на всех сессиях

они высказывали озабоченность по этому поводу, им было за это, по их выражению, «до слез обидно»¹.

Анализ источников показал, что женщины-депутаты были наиболее активны при обсуждении экономических проблем, что в условиях тотального экономического кризиса было совершенно логично. Как никому другому женщине – домоуправительнице близки бытовые проблемы. Но не только бытовые: женщины-депутаты предпринимали попытки лоббирования своих отраслей. К примеру, депутат К.Х. Жакамухова – актриса Госдрамтеатра им. А. Шогенцукова удачно использовала свою популярность и активно продвигала проблемы работников культуры. Хотя ее выступления по форме были весьма эмоциональны, они содержали много рационального². Отсутствие жилья, низкая зарплата артистов, холодные помещения библиотек, где работают одни женщины, проблемы Русского и кукольного театров, ансамблей «Кабардинка», «Балкария», «Бжьамий» – вот неполный перечень проблем, неоднократно поднимаемых ею на сессиях. Все это дало ей повод охарактеризовать тогдашнее положение в культуре как чрезвычайное³. А работницу сельского хозяйства депутата Ю.Б. Кардангушеву волновали не только неожиданно возникшие проблемы по реализации астр, выращенных ее бригадой передовым арендным способом, но и общие социальные проблемы своего района⁴.

Все сказанное не означает, что женщины оставались безучастными к политике. Именно в этот период наиболее активно проявляются их потестарные функции. Для подтверждения нашей мысли возьмем последние две сессии Верховного Совета КБАССР одиннадцатого созыва. На пятнадцатой сессии рассматривались главные политические темы тех лет – проекты законов КБАССР «Об изменениях и дополнениях Конституции КБАССР», «О выборах народных депутатов Верховного и местных Советов КБАССР», «О Совете Министров КБАССР»,⁵ а на шестнадцатой – «О государ-

¹ ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп. 4. Д. 248. Л.116.

² ЦГА КБР. Ф.Р-717. Д.272. Оп.4. Л.175.

³ ЦГА КБР. Ф.Р-717. Д.272. Оп.4. Л.Л.175-178.

⁴ ЦГА КБР. Ф.Р-717. Д.272. Оп.4. Л.103.

⁵ ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп.4.Д.270.

ственном плане экономического и социального развития КБАССР на 1990 год и о государственном бюджете на 1990 год и отчет об исполнении на 1989 год¹. Женщины все активнее стали включаться в политические дебаты. Порой их предложения носили противоречивый характер. Так, в прениях по закону «О выборах народных депутатов Верховного и местных Советов КБАССР» депутат О.Н. Домбровская предложила ряд разнонаправленных по уровню демократии мер, которые по ее мнению, рационализировали бы выборы. В частности, она полагала возможным при выдвижении более 5 кандидатов внесение в бюллетени менее двух кандидатов². Предлагала в целях избежания повторных выборов изменить систему подсчета голосов: если в бюллетени три и более кандидатов, избранным считать того, кто получил наибольшее число голосов, а не более половины. Формирование в Верховном Совете КБР двух палат О.Н. Домбровская считала преждевременным, поэтому решила голосовать за однопалатный республиканский государственный орган. Далее она высказалась против выборов депутатов общественными организациями, но за оседлость кандидатов в округе, от которого они выдвигаются. Самое интересное ее предложение: предоставить право по окончании созыва избирателям округа решать вопрос о дальнейшем пребывании своего избранника в соответствующем совете и ходатайствовать перед трудовым коллективом о его выдвижении кандидатом в депутаты на следующий срок. Особое внимание ею было уделено установлению гарантий выполнения наказов избирателей³.

Было заметно, что не только женщины-депутаты, но и приглашенные на расширенные заседания Верховного Совета женщины-руководители различных уровней власти, используя депутатскую трибуну, обсуждали не только экономические, но и политические проблемы. Они, зачастую предвосхищая события, вносили предложения по усовершенствованию структуры власти и повышению квалификации советских кадров⁴.

¹ ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп.4.Д.272.

² ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп.4. Д.270. Л.Л. 157.

³ ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп. 4. Д.270. Л.Л. 157-161.

⁴ ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп. 4. Д.247. Л. 81.

Бесспорные определенные успехи советской гендерной политики в силу наличия системных и региональных объективных и субъективных причин не привели к гендерному равенству в сфере политического представительства. В то же время, когда в ходе либеральных социально-политических преобразований 90-х годов XX в. женщины Кабардино-Балкарии получили возможность для дальнейшего углубления и расширения гендерного равенства и представительства, они не смогли извлечь полагавшиеся им политические дивиденды из тех процессов, в которых сыграли большую позитивную роль. Дальнейшие политические преобразования 2000-х годов, по нашему мнению, являющиеся по своей сути понижающими женское представительство, пока не представляют им такой возможности. В целом характер политического участия женщин делает его крайне важным не только для самих женщин, но и для всего общества в целом.

Л.В.Кубанова, Е.А. Шербина,
Черкесск

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РФ В СФЕРЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Принятая российским обществоведением в 90-х годах 20 века конфликтологическая парадигма остается общепризнанной и вос требованной научным сообществом. Это обусловлено объективными факторами: существующей напряженностью в межэтнических отношениях, фиксируемой в результатах социологических опросов, этническими конфликтами, бытовыми конфликтами на почве этнической неприязни и т.п. Кроме объективных факторов, значимым является логика развития самой науки – конфликтологии, которая в настоящее время имеет устоявшийся понятийный аппарат, собственные методы исследования и основную парадигму, на которую ориентируются исследователи – конфликтологи.

Проводимые в регионах социологические опросы показывают, что россияне на протяжении десятилетия (2000-2011 гг.) неоднозначно оценивали межэтнические отношения: вектор оценки менялся от резко негативного до положительного несколько раз. С 2010 года по сравнению с серединой 2000-ых преобладают негативные оценки: респонденты отмечают ухудшение межнациональных отношений. Среди мер, необходимых для улучшения ситуации в этой сфере, были названы: ужесточение наказания против разжигания национальной розни (2011 год), активизация деятельности органов власти в сфере национальных отношений, равные права

этносов, отказ от обособленных этнических анклавов (2012 г.).¹ В крупных городах и ряде регионов РФ в этот же период произошли конфликты, участники которых идентифицировали себя в этнических категориях: Манежная площадь в Москве, конфликты между студентами в Ставрополе, этнический конфликт в Кондопоге и многие другие. На Северном Кавказе активизировались группы боевиков, совершивших ряд терактов в субъектах РФ.

Государственная политика в сфере межэтнических отношений, базирующаяся на законодательной и нормативно – правовой базе середины 90-х годов 20 века, перестала соответствовать потребностям общества. С 2012 года началось её активное изменение: в целях гармонизации межнациональных отношений, укрепления единства многонационального народа России и обеспечения условий для его полноправного развития, 7 мая 2012 года Президент России подписал Указ, №602 «Об обеспечении межнационального согласия», в соответствии с которым началась разработка Стратегии государственной национальной политики РФ²; в целях совершенствования государственной политики в области межнациональных отношений им был издан Указ от 5 июня 2012 года, №776 «О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональному отношению»³.

Указ, №602 «Об обеспечении межнационального согласия» направлен на разработку комплекса мер, связанных с совершенствованием работы органов государственной власти Российской Федерации по предупреждению межнациональных конфликтов, включая создание эффективных механизмов их урегулирования и проведение системного мониторинга состояния межнациональ-

¹ Данные опросов ВЦИОМ по отношению к другим национальностям с 2000 по 2011 годы// URL: <http://wciom.ru/>

² Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г., №602 «Об обеспечении межнационального согласия». Электрон. ресурс: <http://www.referent.ru/1/198116>. Дата обращения 13.05.2013.

³ Указ президента РФ от 5 июня 2012 года, №776 «О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональному отношению». Электрон. ресурс: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=52320. Дата обращения 13.05. 2013.

ных отношений, а также на активизацию работы по недопущению проявлений национального и религиозного экстремизма и пресечению деятельности организованных преступных групп, сформированных по этническому принципу. В контексте обозначенной в статье проблемы, можно дать оценку этому указу в рамках конфликтологической парадигмы: он призван законодательно обеспечить разработку системы мер по разрешению и урегулированию межнациональных конфликтов, комплекса мер по недопущению экстремизма.

В Указе, №776 «О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям» разработано Положение о Совете, который, в соответствии с ним, является совещательным и консультативным органом при Президенте Российской Федерации, образованным в целях обеспечения взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных с реализацией государственной национальной политики Российской Федерации. Таким образом, этот указ направлен на совершенствование и развитие взаимодействия органов власти разного уровня и гражданских институтов в сфере реализации государственной национальной политики.

В соответствии с Указом от 7 мая 2012 г., №602 «Об обеспечении межнационального согласия», была разработана и предложена для общественного обсуждения Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации (проект). В представленной Стратегии предложен современный понятийный аппарат, который может стать универсальным как для ученых, так и политиков при рассмотрении межэтнических проблем. Уточнение терминологии в этой сфере имеет не только важное научное значение, но и политическую значимость, поскольку употребление унифицированной или четко определенной терминологии позволит однозначно оценивать политическую риторику и политические действия представителей органов власти, общественных деятелей,

авторитетных этнических лидеров. В Стратегии даны определения следующих терминов: государственная национальная политика Российской Федерации; российская нация (многонациональный народ Российской Федерации); политика согражданства; обще-российская гражданская идентичность; этническая общность (народ, этноция); национальность; коренные народы Российской Федерации; коренные малочисленные народы Российской Федерации; межнациональные (межэтнические) отношения; межнациональный (межэтнический) конфликт; гармонизация межнациональных (межэтнических) отношений.¹

В контексте конфликтологической парадигмы в Стратегии дана характеристика современных межэтнических отношений в Российской Федерации, которые являются противоречивыми, ситуационно обусловленными, зависящими от ряда конфликтогенных факторов. Так, в Стратегии в качестве таких факторов определены: последствия советской национальной политики, современные территориальные споры и конфликты, произвольные изменения административных границ СССР, репрессии и депортации в отношении некоторых народов, этнополитизация различных сфер жизнедеятельности, недоверие граждан к органам власти и управления, нерешенность вопросов межведомственной и межуровневой координации, проявления этнофобии, радикализма и экстремизма в регионах и муниципальных образованиях, миграционные процессы. Стратегия призвана стать основным инструментом совершенствования государственной политики в сфере межнациональных отношений.

Важнейшими задачами государственной национальной политики, в соответствии с определенной в статье проблематикой, в политико-правовой сфере и сфере государственного строительства, обозначенного в Стратегии, являются: открытость и публичность рассмотрения ситуаций, связанных с конфликтами в сфере межнациональных отношений, их непредвзятое и ответственное

¹ Стратегия государственной национальной политики (проект). Раздел 1. Пункт 5. Электр. ресурс: <http://azerros.ru/information/6806-proekt-strategii-gosudarstvennoy-nacionalnoy-politiki-rossiyskoy-federacii.html>.

освещение в средствах массовой информации; формирование системы мониторинга состояния межнациональной напряженности и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в сфере межнациональных отношений, позволяющей оперативно реагировать на конфликтные и предконфликтные ситуации в субъектах Российской Федерации.

Проект Стратегии государственной национальной политики РФ лег в основу разработки региональных Стратегий в сфере национальной политики. Проект Стратегии государственной национальной политики РФ в Северо-Кавказском федеральном округе был разработан в течение 2012 года и содержит ряд существенных моментов, связанных с современной этнополитической ситуацией в регионе, которая характеризуется распространением этноцентристских настроений, регионального сепаратизма, межэтническими противоречиями и конфликтами, дерусификацией республик РФ СКФО, следствиями этнополитических конфликтов (осетино-ингушский, Чеченской Республики и федерального Центра).¹ В проекте региональной Стратегии отмечены ключевые проблемы межэтнических и межконфессиональных отношений в конфликтологическом аспекте: проявления экстремизма, национализма, ксенофобии; локальные бытовые конфликты молодежи; противоречия между мигрантами и местным населением; противоречия административной реформы, реформы местного самоуправления. В качестве магистральной целевой установки Стратегии СКФО является формирование институциональной среды формирования российской цивилизационной идентичности и упрочения российской гражданской идентичности в региональном сообществе СКФО.

В настоящее время в России все активнее заявляет о себе молодежь как новый субъект политических процессов. Активность молодежи проявляется в участии в партийных движениях, общественных организациях, органах власти, в протестных движениях и бытовых конфликтах, интерпретируемых в этнических катего-

¹ Из текста проекта Стратегии государственной национальной политики РФ в Северо-Кавказском федеральном округе.

риях. Тема молодежи постоянно звучит в выступлениях первых лиц государства, акцентирование её проблем становится новым трендом в политологических исследованиях. На государственном уровне внимание к молодежной проблематике выразилось в разработке и принятии Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации от 18 декабря 2006 года №1760-р (с изменениями на 16 июля 2009). В ограниченных рамках заявленной в статье темы интересным представляется следующая констатация: в условиях глобализации и вынужденного притока мигрантов молодежь призвана выступить проводником идеологии толерантности, развития российской культуры и укрепления межпоколенческих и межнациональных отношений. Однако в настоящий момент 35 процентов молодых людей в возрасте 18-35 лет испытывают раздражение или неприязнь к представителям иной национальности, 51 процент одобрили бы решение о выселении за пределы региона некоторых национальных групп.¹ В качестве приоритетных направлений реализации молодежной политики рассматриваются: формирование таких качеств молодых россиян, как гражданственность и патриотизм, толерантность и уважение к представителям другой культуры, гармоничное и духовное развитие, высоконравственное поведение. Основными видами работы по реализации указанного направления являются разработка и реализация программ и проектов, направленных на приобщение молодежи к отечественной культуре, историческому наследию народов России, формирование прочных духовных и нравственных начал личности, а также межличностных отношений, развитие системы гражданского и патриотического воспитания молодых людей².

В качестве регионального компонента Стратегии государственной молодежной политики выступили Стратегии или Концепции, принятые в федеральных округах и субъектах, входящих в их со-

¹ Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации от 18 декабря 2006 года №1760-р] (с изменениями на 16 июля 2009 года)// Электрон. ресурс: <http://docs.cntd.ru/document/902020299>. Дата обращения 13.05.2013.

² Там же.

став. Так, в Северо-Кавказском федеральном округе была разработана и принятая «Концепция государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ до 2025 года» от 17 апреля 2012 г., №506-р.¹ В ней отмечено: «По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в Северо-Кавказском федеральном округе проживало 2,8 млн. молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, что составляет 30,5 процента общего числа жителей и является одним из самых высоких показателей в Российской Федерации. Данные социологических исследований показывают, что молодежь Северного Кавказа в настоящее время не удовлетворена своим положением, уровнем защиты своих прав и законных интересов, не уверена в будущем. К числу наиболее актуальных проблем молодые люди относят безработицу, коррупцию, рост преступности, распространение наркомании, алкоголизма, необеспеченность жильем, рост цен и инфляцию, межэтнические противоречия, уровень культуры и нравственности людей»².

В Концепции обозначено, что государственная молодежная политика в северокавказском регионе превращается в один из определяющих факторов повышения стабильности политической и социально-экономической обстановки в Северо-Кавказском федеральном округе.

Реализация основных указов, принятых стратегий и целевых программ возложена на федеральные органы власти и соответствующие региональные органы исполнительной власти. Так, в Карачаево-Черкесской Республике, одном из субъектов Северо-Кавказского федерального округа, в соответствии с Положением «О Министерстве Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и печати», Приложение 1 к Указу Президента Карачаево-Черкесской Республики от 04.04.2011, №136, Министерство Карачаево-Черкесской Республики по делам национальностей, массовым коммуникациям и

печати является исполнительным органом государственной власти Карачаево-Черкесской Республики. Министерство участвует в реализации национальной и информационной политики, регулировании и межведомственной координации в сфере межнациональных отношений, в области средств массовой информации, информационного обмена. В соответствии с решением расширенной коллегии Министерства от 21 февраля 2013 года к нему была присоединена межконфессиональная сфера, в частности в компетенцию Министерства вошла связь с религиозными организациями¹. В соответствии с п.5.5. Положения в Министерстве образована Коллегия, которая является совещательным органом и рассматривает актуальные вопросы, вытекающие из задач и функций Министерства. В настоящее время в состав Коллегии входят 17 человек, среди них руководители национальных общественных организаций, представитель казачества, представители интеллигенции республики².

В республике действовали, и в настоящее время действует ряд консультативно – совещательных и общественных советов при Главе республики, которые в качестве своих задач выдвигают решение проблем в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений:

– *Общественный совет Карачаево-Черкесской Республики* (Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 28.04.2009, №71 (измен. Указ от 23.04.2010, №50)). Среди основных задач – координация работы общественных объединений для достижения общественного согласия в республике; организация постоянного взаимодействия между органами государственной власти республики и широкими кругами общественности (*время работы – 2009 -2011гг.*);

- *Комиссия при Президенте КЧР по гармонизации межнациональных отношений, недопущению экстремизма и дестабилизации обстановки в республике* (Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 18.12.2009, №219). Среди основных задач

¹ <http://www.skfo.gov.ru/obshchestvo/molodezh/koncepciya-molodezhnoj-politiki/>

² Там же.

¹ http://www.pokrov-cherkessk.ru/news/22_02_13_2news.php

² http://www.minnac09.ru/index/o_ministerstve/011http://www.minnac09.ru/load/kollegija_ministerstva_kchr/23

– содействие гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений; своевременный анализ, прогнозирование и профилактика конфликтных ситуаций в межнациональных отношениях, недопущение экстремизма и дестабилизации обстановки в республике;

– *Совет старейшин при Президенте Карачаево-Черкесской Республики* (Указ Президента Карачаево-Черкесской Республики от 05.10.2010, №202). В качестве основной заявлена задача: разработка предложений и участие в реализации концепции национальной политики, идеи консолидации народов Карачаево-Черкесской Республики, содействие в укреплении общественно-политической стабильности, в сохранении гражданского мира и межнационального согласия, в достижении доверия и взаимопонимания между народами Карачаево-Черкесской Республики¹.

В соответствии с Указом Главы Карачаево-Черкесской Республики и республиканским Законом №27 – РЗ «Об общественной палате КЧР» была создана Общественная палата Карачаево-Черкесской Республики, которая рассматривает себя как орган, сохраняющий преемственность в делах с Общественным Советом Карачаево-Черкесской Республики, работающим с 2009 по 2011 годы. В качестве основных задач Общественная палата КЧР выдвигает обеспечение и согласование общественно значимых интересов граждан КЧР, общественных объединений, органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы: межэтнические противоречия и конфликты, являющиеся реальностью сегодняшнего дня, вызвали необходимость разработки и принятия соответствующих времени и потребностям общества, законодательных и нормативно-правовых документов, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Активность власти всех уровней достаточно высока и обеспечивается совокупностью законов и нормативно-правовых актов в данной сфере, проявляется в механизмах реализации: принятии целевых программ; организации взаимодействия различных структур власти с рели-

гиозными организациями, общественными объединениями при принятии решений в сфере этнополитики; в консолидированном движении против экстремизма и национализма. Проведенный анализ не исчерпывает всего многообразия принятых и действительно работающих нормативно-правовых актов и политических доктрин в сфере этнополитики, а представляет собой характеристику её стратегических направлений в контексте конфликтологической парадигмы.

¹ http://www.kchr.ru/left_menu/working/coordination/

O.A. Васильева,
Волгоград

ПРИЗНАНИЕ СОСТОЯЛОСЬ: ПРЕДЫСТОРИЯ, АНАЛИТИКА, ПЕРСПЕКТИВЫ

Долгое время не получали широкого освещения в плане аналитики на тот исторический момент этнополитические внутригосударственные конфликты Грузии: грузино-абхазский и грузино-осетинский.

Что касается первого из них, то по этому вопросу имеются достаточно подробные исследования Г. П. Лежавы «Основные этапы и этнополитические факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.)», В. Ф. Пряхина «Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан)», Т. М. Шамбы и А. Ю. Непрошина «Абхазия: правовые основы государственности и суверенитета» и К. Казенина «Грузино-абхазский конфликт: 1917–1992»¹.

Независимо друг от друга, проследив историю становления грузино-абхазских отношений, исследователи пришли к выводу о том, что причина конфликта кроется, прежде всего, в нерешенности политического статуса Абхазии и проводимой грузинским

¹ Лежава Г. П. Основные этапы и этнополитические факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1996; Пряхин В. Ф.. Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджикистан). М., 2002; Шамба Т. М., Непрошин А. Ю. Абхазия: правовые основы государственности и суверенитета. М., 2005; Казенин К. Грузино-абхазский конфликт: 1917–1992. М., 2007.

руководством политики по отношению к абхазскому этносу, уходящей корнями в XIX век.

С этим трудно не согласиться, но при этом автор данной статьи разделяет точку зрения, высказанную исследователями М. А. Гулиевым, И. Д. Коротецом, И. П. Чернобровкиным. Суть ее заключается в более глубоком постижении мотивации конфликта, в основе которой присутствует культурная составляющая: страх абхазов за потерю своей идентичности; осознание своей демографической и культурной незащищенности; небеспочвенные опасения растворения абхазского этноса в этнокультурной грузинской среде¹.

В настоящее время затяжной конфликт между Грузией и Абхазией, вылившийся в вооруженное противостояние, находится в латентном состоянии. Привлекательной в отношении разрешения грузино-абхазского конфликта представляется политическая формула эксперта М. Т. Янса, основанная на федеральной структуре и учитывающая тот факт, что институциональные устройства по политическому управлению будущими отношениями и распределением компенсаций в своей основе представляют синтез широко понимаемых принципов интеграции, сепарации и доминирования (контроля)².

Произошедший в 2008 году грузино-осетинский конфликт также имеет длительную предысторию. В частности, один из наиболее авторитетных ученых по исследованию вышеупомянутых отношений М. Блиев в одном из своих многочисленных трудов наиболее основательно остановился на анализе оригинальных документальных источников, максимально отрещившихся от следования идеологизированной исторической традиции, которая сохраняется отечественной историографией при разработке данной проблемы³.

Отметим, что грузино-осетинский конфликт не только вступил в силовую стадию разрешения, но и потребовал военного вмеша-

¹ Гулиев М. А., Коротец И. Д., Чернобровкин И. П. Этноконфликтология. М., Ростов н/Д., 2007. – С. 100–101.

² Гулиев М.А., Коротец И.Д., Чернобровкин И.П. Указ. соч. – С. 105–106.

³ Блиев М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. М., 2006.

тельства со стороны России, выступившей на стороне разъединенного народа – осетин.

Аналитики сходятся во мнении, что если бы Россия ввела войска на территорию Южной Осетии до нападения на нее грузинской армии, то, по всей видимости, мировое сообщество обвинило бы Россию в агрессии против Грузии, но в таком случае потерять среди мирного населения, возможно, удалось бы избежать¹.

Ведь по сути дела, любой военный конфликт имеет две составляющие: военную и политическую (любая даже самая затяжная война когда-то заканчивается мирными соглашениями). К сожалению, просчитать ситуацию ни военным, ни политикам не удалось.

Совершенно справедливо возникает вопрос: неужели Генштаб России не смог просчитать дальнейшее развитие ситуации в этом регионе? Если предположить отрицательный ответ на поставленный вопрос, закономерно спросить: а что делает в таком случае разведка России? К сожалению, разбор конкретной ситуации состоялся намного позднее и принес далеко не утешительные результаты. Не описывая непосредственно военную стадию конфликта, которая достаточно подробно освещена как в периодической печати, так и в монографиях, вышедших вскоре после вышеупомянутых событий², постараемся выяснить их истоки. Безусловно, что в данном случае мы имеем дело с неприкрытым геноцидом южноосетинского народа, имеющим длительную предысторию.

Так, государство аланов, явившихся предшественниками современных осетин, было основано в IX веке. Однако на территориальном пространстве современной Грузинской республики осетины поселились только в XIII веке под давлением кочевых племен. В состав Российского государства Северная Осетия вошла в 1774 г., а Южная Осетия – в 1801 г.³. При этом, по мнению бывшего президен-

¹ Венедиктов А. «Надо как-то уводить мир от лобового столкновения» // Комсомольская правда. 2008. 3 сентября.

² См., например: Джадан И. Пятидневная война. Россия принуждает к миру. М., 2008; Шеин О. Разгром грузинских захватчиков под Цхинвали. М., 2009; Широкорад А. Б. Кавказский капкан. Цхинвали–Тбилиси–Москва. М., 2009.

³ Пряхин В.Ф. Региональные конфликты на постсоветском пространстве (Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Таджи-

та Республики Северная Осетия-Алания А. Галазова, Осетия находилась в составе России как единое государственное образование¹.

Несмотря на вышеизложенный исторический факт, в 1820 году осетинские земли от Джавы до Алагира были вероломно захвачены грузинскими князьями, а сотни жителей были убиты. Однако указом Александра I осетины были восстановлены в своих правах, за ними навечно были закреплены их территории².

Спустя 100 лет глава Грузии Ной Жордания организовал карательную экспедицию, результатом которой явилось вытеснение осетин из Джавского и Корнишского ущелий за Большой Кавказский хребет³.

Следующий этап конфликта начал активно развиваться сразу после Октябрьского переворота большевиков.

Осетины отказались признать независимость Демократической Грузинской республики в 1917–1921 гг. и находились с нею в состоянии постоянного вооруженного противоборства.

Этот временной период характеризуется также откровенным истреблением южных осетин, что долгое время умалчивалось высшим руководством Российского государства. Данная тема также находилась в состоянии закрытых в отечественной исторической науке⁴.

С приходом 11-й армии РККА в апреле 1922 г. неделимая Осетия волевым решением была разделена на две части – Южную и Северную⁵. С этого момента начались проблемы Осетии в целом.

кистан). М., 2002. – С. 140; подробно об этом см.: Блиев М. М., Бзаров Р. С. История Осетии. Владикавказ, 2007.

¹ Жизнь народа будет улучшаться // Независимая газета. 1997, №244, 27 декабря.

² В 1814 году Александр I подписал рескрипт о лишении князей Эристави владельческих прав в Южной Осетии и о передаче их имения в государственную собственность в обмен на вознаграждение «по 10 тысяч рублей в год потомственno». Однако в феврале 1817 года указ был дезавуирован.

³ Хроника геноцида // Жизнь. 2008, №33. 13–19 августа; подробно см.: Абаев В. И. Трагедия Юго-Осетии: беспредел геноцида (неопубликованная статья профессора). Цхинвал, 2007 // ОСинформ: [сайт]. URL: <http://osinform.ru>

⁴ Геноцид осетин: 1920 год / Составитель Р. С. Бзаров. Цхинвали, 2009.

⁵ Пряхин В. Ф. Указ. соч. – С. 140; Абаев В. И. Указ. соч.

Так Северная Осетия в качестве автономной области в 1924 г. вошла в состав РСФСР. Впоследствии, в 1936 г., она приобрела статус автономного государственного образования. Южная Осетия 20 апреля 1922 г. вошла в состав Грузии в качестве Юго-Осетинской автономной области.

Согласимся с мнением тех исследователей, которые утверждают, что в тот исторически сложный период государственного строительства Советского государства любое решение по государственному межеванию представлялось исключительно сложным и противоречивым¹.

Грузинские наименования Самачабло и Шида Картели грузинских территорий, прилегающих к границам Российской Федерации в районе Северной Осетии, – это обозначения древних грузинских территорий.

Следовательно, создание на тот исторический период времени югоосетинского межэтнического образования вне пределов Грузии являлось неосуществимым без нанесения ущерба законным грузинским этническим интересам. Тем более что граница между двумя автономиями носила формально административный характер и легко пересекалась в обоих направлениях.

Однако к концу 80-х годов прошлого века югоосетинские исследователи стали отмечать тот факт, что происходило постепенное ухудшение уровня жизни жителей Южной Осетии по сравнению с остальной частью Грузинской республики². Но парадокс заключался в том, что общесоюзный центр оказался не в состоянии обеспечить повышение жизненного уровня своих граждан в целом.

Пожалуй, с этого момента стоит вести точку отсчета нарастания волны шовинизма в Грузии по отношению к этническим меньшинствам, входившим в ее состав. Ответом югоосетинского народа стали массовые стихийные движения за улучшение элементарных пока только экономических условий своего существования.

¹ Пряхин В. Ф. Указ. соч. – С. 140; Абаев В. И. Указ. соч.

² Кабисова Д. Г. Экономические аспекты межнациональных проблем / Научно-исследовательский институт ЮОАО.

По мнению исследовательницы проблем межэтнических отношений С.М.Червонной, грузинская сторона несет определенную долю ответственности «за обострение межнациональной напряженности, за распространение в менталитете национальных меньшинств ... страха перед великогрузинским шовинизмом»¹.

Кроме того, анализируя высказывания грузинских политиков того времени, отметим, что процесс нарастания националистических настроений со стороны югоосетинского народа и шовинистических нападок со стороны официального Тбилиси протекал параллельно².

В конечном итоге, это привело к первым вооруженным столкновениям, которые продолжались до начала 1990 г.

С начала декабря 1990 г. началось резкое обострение конфликта между двумя его участниками. Это было связано с решением грузинского парламента и его председателем на тот момент З. Гамсахурдия по принятию закона, согласно которому Юго-Осетинская автономная область упразднялась.

При этом следует отметить, что в грузино-осетинском конфликте отсутствует конфессиональная составляющая. Конфликтующие стороны в своем большинстве принадлежат к одной конфессии – христианской православной. Однако с последнего десятилетия XX века стала отчетливо просматриваться криминальная составляющая анализируемого конфликта. По мнению главы первой миссии ОБСЕ в Грузии немецкого дипломата Хансфорга Айффа, налаживанию мирной жизни в регионе активно противодействовали, прежде всего, «смешанные» грузино-осетинские банды³. Их целью являлось провоцирование этнического конфликта под якобы благовидным предлогом разрешения накопившихся межэтнических проблем.

В 1991 году отряды, состоявшие, прежде всего, из уголовных элементов, рукой грузинского Президента Звиада Гамсахурдия были направлены на истребление осетин⁴.

¹ Червонная С. М. Абхазия–1992: Посткоммунистическая Вандея. М., 1993. – С. 58.

² Васильева О. Грузия как модель посткоммунистической трансформации. М., 1993. – С. 62.

³ Цит. по: Пряхин В.Ф. Указ. соч. – С. 139.

⁴ Хроника геноцида // Жизнь. 2008, №33, 13–19 августа; Абаев В. И. Указ. соч.

Первая попытка захватить Цхинвали произошла в день святого Георгия. Но окончательно городом овладели только в ночь на Рождество. 19 января 1992 г. на состоявшемся референдуме большая часть населения Южной Осетии высказалась за воссоединение с Северной Осетией. После этого началась блокада города, массированные артиллерийские обстрелы, захваты заложников, расстрелы, нечеловеческие пытки и издевательства над мирными жителями.

Анализируя причины конфликта, отметим, что первоочередными, по мнению автора, можно назвать следующие: осознание широкими массами осетинского народа того, что процесс выхода Грузии из состава Советского Союза принял необратимый характер; отказ руководства Грузии признать факт существования Южной Осетии в государственно-правовом плане.

Политическая оценка событий этого этапа грузино-осетинского противостояния завершилась подписанием 16 мая 1996 г. в Кремле в присутствии первого Президента РФ Б. Н. Ельцина и Президента Грузии Э. Шеварднадзе Меморандума о мерах по обеспечению безопасности и укреплению взаимного доверия между обеими сторонами в грузино-осетинском конфликте. В международно-правовом плане был признан этоним «Южная Осетия»¹.

Несомненно, этот момент предстал актом исторической справедливости по отношению к осетинскому народу без нанесения ущерба принципу территориальной целостности Грузии. Однако со стороны российского руководства имелся и существенный просчет в оценке событий конфликта, который заключался в том, что бывшее российское руководство не дало политической оценки событиям в Южной Осетии. Это, в свою очередь, предоставило право различным движениям и социальным силам Грузии использовать принятые документы для защиты своих узко pragматических интересов.

Использование грузинскими политиками всех уровней выражения типа «так называемая Южная Осетия»² также не способство-

вало созданию политической атмосферы для урегулирования конфликтной ситуации. Однако и осетинская сторона не признавала принципа территориальной целостности Грузии, так как это означало бы вхождение Южной Осетии в состав федеративного Грузинского государства на правах автономного образования. Но именно по этому пути пошло правительство Грузии после свержения режима З. Гамсахурдия и прихода к власти правительства Э. Шеварднадзе.

14 сентября 1993 г., после успешно проведенной миротворческой операции в зоне грузино-осетинского конфликта, между Россией и Грузией было подписано межправительственное соглашение по финансированию работ в зоне конфликта. К сожалению, начавшиеся политico-экономические кризисы в обеих странах не позволили выполнить взятые сторонами обязательства в полном объеме. Это предоставило повод югоосетинской стороне утверждать, что Россия выполнила лишь незначительную часть своих обязательств, в то время как грузинская сторона не выполнила их совсем.

Несмотря на старания миссии ОБСЕ, обсуждение темы конфликтов в Грузии происходило, как правило, под знаком «внушающего оптимизма». Однако на деле все оказалось гораздо сложнее. Многочисленные встречи различных высокопоставленных чиновников, принятие документов не способствовали урегулированию конфликта по причине отсутствия политической оценки событий 1989–1992 гг.¹.

Кроме того, «прекращение огня в грузино-осетинском конфликте продолжалось благодаря российским силам по поддержанию мира, их командирам, а также находящимся под их верховным командованием грузинскому и осетинскому воинским контингентам»². Но самый главный вопрос об определении политического статуса Южной Осетии решен не был. Руководство Грузии в своем желании, во что бы то ни стало сохранить терри-

¹ См., например: Плиев П. Переговорный процесс будет продолжен. Во Владикавказе прошло очередное заседание смешанной комиссии // Независимая газета. 1997, 15 февраля, №28; Сытая Е. России необходимо определиться с политикой на Кавказе. Таково мнение помощника президента Грузии по национальным вопросам Алексея Герасимова // Независимая газета. 1997, 6 февраля, №21.

² Цит. по: Пряхин В.Ф. Указ. соч. Welberts R. // OSZE-Jahrbuch. 1997. – S. 118.

¹ См.: Пряхин В. Ф. Указ. соч. – С. 145.

² Плиев А. Трудности переговорного процесса. Двусмысленность законов Грузии мешает решению проблем автономии // Независимая газета. 1997, 10 июня, №105.

ториальную целостность государства, проводило так называемую политику «всех азимутов», используя для этой цели различные средства для «интернационализации процесса переговоров и оказания давления на самопровозглашенные режимы»¹. В конечном итоге это вылилось в новый виток эскалации конфликта.

Четвертый этап геноцида пришелся на канун Олимпиады в Пекине (2008 г.). Снова жертвы среди невинных людей. Но грузинские политики не учли двух особенностей: на защиту своей малой родины встали молодые люди, которые были лишены счастливого детства. Парни осетинской войны, ставшие за 18 лет, что продолжается латентно протекающий грузино-осетинский конфликт, зрелыми мужчинами, пока так и не дождались мира. Их пугает тишина, так как в их сознании отсутствует подобного рода понятие, наоборот, тишина ассоциируется у них с опасностью, а значит подозрительностью к окружающему и, как следствие, вырабатывается обостренное чувство бдительности; законы кровной мести на Кавказе никто не отменял: убийце мирных жителей придется ответить за свое военное преступление. В состоянии животного страха, узнав, что солдатом ополчения стал знаменитый на весь мир Виталий Калоев – символ мести на Кавказе, Президент Грузии предпринял попытку дозвониться до Д. А. Медведева, бывшего на тот момент Президентом России, но российский Президент отказался разговаривать с убийцей².

Война осталась позади. Но пришло время подвести первые итоги. Россия победила Грузию в этой войне, – иначе и быть не могло. Но какова цена этой победы?!

В который раз теперь уже российская армия стала заложницей амбиций и бездарности наших политиков и высших военных чинов из Министерства обороны страны. Войны, во-первых, можно было не допустить, и тем самым предотвратить гибель ни в чем не повинных мирных жителей. Действительно, по откровениям спецназовцев, предполагалось, что война должна была начаться именно

¹ Пряхин В.Ф. Указ. соч. – С. 169.

² Степанов А. Бешеный палач пытался совершить самоубийство // Жизнь. 2008, 13–19 августа, №33.

в районе села Сарабук, где на тот момент статьи международного права не действовали¹. Следует отметить, что исторически в Российском государстве при ведении широкомасштабных военных действий учитывался, прежде всего, человеческий фактор – геройзм и мужество солдат и офицеров. Вот и получается, что на войне каждому свое: кому звезды, кому пули, а кому вечная память...

В настоящее время, согласно современной тактике ведения войн, они, по большей части, являются бесконтактными, то есть в них отсутствует поле боя в нашем привычном понимании. Примером подобной войны является война в Югославии.

Российская же армия воевала «контактно»: артиллерией, танками, авиацией, пехотой, что впоследствии обернулось потерей престижа России в глазах мирового сообщества, т. к. боевое применение войск, в целом, не соответствовало реальной задаче.

Каковы же политические итоги «победоносной» войны? 26 августа 2008 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев подписал Указы о признании Российской Федерации независимости сразу двух республик – Южной Осетии и Абхазии. Свое решение Президент РФ обосновал учетом свободного волеизъявления осетинского и абхазского народов, руководством положениями Устава ООН, Декларацией 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений между государствами, Хельсинкским заключительным актом СБСЕ 1975 года, другими основополагающими международными документами².

Возникает вопрос: почему России было необходимо это признание? Политологи схожи в ответах на этот вопрос. Действительно, нельзя, получив военный результат, не конвертировать его в политическую позицию³.

¹ Рябцев А. «Если война начнется, то отсюда» // Комсомольская правда. 2008, 19 июля.

² Медведев Д. «Я подписал указ о признании независимости Абхазии и Южной Осетии» // Комсомольская правда. 2008. – 27 августа.

³ Нарочницкая Н. «Мы поступили согласно нашим интересам» // Комсомольская правда, 2008, 27 августа; Кривякина Е. Решение принято. Россия с Кавказа не уходит // Комсомольская правда, 2008, 27 августа; Кафтан Л. Россия обозначила на карте мира 2 новые страны. Что дальше? // Комсомольская

Мировое сообщество вынуждено, хотя бы обсуждать проблемы Южной Осетии и Абхазии, что подтвердил состоявшийся 28 августа 2008 г. саммит Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), членам которого была предоставлена информация о позиции России в отношении Южной Осетии. Кроме того, высшее руководство РФ планировало заручиться поддержкой по данному вопросу со стороны партнеров по ШОС.

Свою позицию по признанию независимости Абхазии и Южной Осетии никто из участников саммита на общем обсуждении не высказал. Но в итоговой декларации был сделан упор на соблюдение шести принципов урегулирования ситуации, подготовленных Президентом РФ Д. А. Медведевым и Президентом Франции Н. Саркози¹. Тем самым можно было констатировать факт поддержки России странами-участницами ШОС².

Высшее руководство РФ понимает, что государства, которые признают независимость Южной Осетии и Абхазии будет, по всей видимости, весьма немного³, т. к. у целого ряда государств имеются аналогичные неразрешенные проблемы в сфере межэтнических отношений.

Итак, возникает вопрос: могла ли Россия поступить иначе? Ответ однозначен: нет, не могла. Невмешательство в конфликт могло бы привести к широкомасштабной войне на Кавказе. Во-первых, устроив геноцид югоосетинского народа, Грузия предпочла бы повторить свои действия в отношении абхазов. Во-вторых, Украина и Грузия немедленно стали бы членами НАТО, а «процесс распада пошел бы через Поволжье до Урала». В-третьих, по всей видимости, Россию вытеснили бы с Черного моря. Следовательно, Россия с полным правом вступилась за свой народ, защити-

правда, 2008, 28 августа–4 сентября; Ковалченко С. Вопросы после признания // Интер. 2008, 28 августа, №34. Политико-экономический аспект проблемы проанализирован в статье: Чичкин А., Арсюхин Е. «Мне в Сухум, по делу, срочно» // Российская газета, 2008, 11 сентября. №192.

¹ Кузьмин В. Дело в принципе // Российская газета, 2008, 11 сентября. №192.

² Кривякина Е. Указ. соч.

³ Кафтан Л. Широкое признание Сухума и Цхинвала отложено на пятницу // Комсомольская правда, 2008, 3 сентября; Ковалченко С. Указ. соч.

ла своих граждан и доказала, что она весьма серьезная фигура на мировой арене. Кроме того, Россия получила на южной границе два дружественных государства. Престиж России в глазах стран, не относящихся к европейскому Западу, скорее вырос.

Обе признанные республики в настоящее время могут получить защиту и иную помощь от России на законных основаниях.

В настоящее время Южная Осетия и Абхазия признаны целым рядом государств, что предполагает наличие возможностей заключения дипломатических отношений, торговых и т. п.

Исходя из вышеизложенного, учитывая позитивный опыт Запада в политическом управлении этнополитическими конфликтами, сегодня назрела необходимость кардинально совершенствовать качество политического управления в сфере межэтнических отношений с целью перехода к поэтапному разрешению создавшейся ситуации. Согласимся с мнением С. Ю. Наумова, что ни предотвратить, ни урегулировать этнополитические конфликты на Кавказе в настоящий исторический момент не представляется возможным. Более того, по меткому определению упомянутого исследователя, это – «просто утопия»¹. Однако управлять создавшейся ситуацией просто необходимо².

Среди мер, предлагаемых автором, содержатся: постепенное, ненавязчивое формирование общественного сознания в направлении воспитания толерантности и с учетом приоритета прав личности и прав гражданского общества над правами государства;

¹ Наумов С. Ю. Пути предотвращения и урегулирования этнополитических конфликтов в условиях современного общества // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество: Сборник докладов на международной научно-практической конференции / Отв. ред. В. Г. Игнатов. Ростов н/Д., 2006. – С. 22.

² В. И. Коваленко и А.-Х. А. Султыгов предложили схему управления этнополитическим конфликтом на основе воздействия. Подробно об этом см.: Коваленко В.И., Султыгов А.-Х. А. Этнические конфликты: их источник, формы и методы регулирования // Конфликты и сотрудничество на Северном Кавказе: управление, экономика, общество: Сборник докладов на международной научно-практической конференции / Отв. ред. В. Г. Игнатов. Ростов н/Д., 2006. – С. 34–35.

внедрение в общественное сознание нового элемента, представляющего собой сочетание двух составляющих – российской гражданской и национальной этнической идеи; развитие федерализма, являющегося неотъемлемой частью гражданского общества и общего процесса демократизации в формах, сочетающих общемировые закономерности и специфику российского развития.

Средствами для реализации поставленных целей могут служить: превращение такой ценности как толерантность в неотъемлемую часть идеологического комплекса российской гражданственности с помощью всех имеющихся технологических возможностей государства и этнокультурных ресурсов общества; повышение манипуляционной и координационной роли СМИ в выработке единой информационной политики на всей территории Российской Федерации, что весьма актуально в связи с имевшими место фактами о якобы творящемся беспределе в отношении российских граждан в Абхазии, у которых незаконно отчуждают их собственность в виде недвижимого имущества. Здесь нельзя не согласиться с мнением В. А. Захарова, А. Г. Аршева, Е. Г. Семериковой, которые полагают, что во избежание в будущем подобных ситуаций необходимо не только готовить профильных специалистов в этом направлении, но и определить и выявить ключевые составляющие эффективного функционирования СМИ, прежде всего Республики Абхазия в соответствии с ее историческими, экономическими и культурологическими особенностями развития для успешного и безболезненного внедрения в мировое информационное пространство на правах равноправного конкурентоспособного участника¹.

Таким образом, на современном этапе несопоставимо возросла роль политического управления межэтническими отношениями. При этом огромное значение приобретает, создание единого культурно-информационного пространства. Необходимо также активно внедрять новейшие политические технологии, адаптированные к социокультурным ценностям Кавказа.

¹ Захаров В. А., Аршев А. Г., Семерикова Е. Г. Абхазия и Южная Осетия после признания: исторический и современный контекст. М., 2010. – С. 446–450.

Д. Т. Ачугба,
Сухум

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГРУЗИНО-АБХАЗСКОГО КОНФЛИКТА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ СОВРЕМЕННОСТИ

История учит тому, что для одних война – это кризис, катастрофа, для других – надёжное средство решения накопившихся проблем.

Конфликт – от лат. *conflictus* столкновение – столкновение противоположных интересов, взглядов. Абхазо-грузинский конфликт является межгосударственным, этнополитическим, так как имеет статусную природу и ведется в связи с неприятием Грузии независимости Абхазского государства. Данный конфликт глубоко укоренившийся, ибо обусловлен глубинными причинами и историческими корнями, затрагивающими вопросы идентичности стороны конфликта – абхазов. Источник конфликта, грузинская сторона, претендует на исконно абхазскую территорию и свою автономность, вопреки исторической действительности и здравому смыслу.

Подобный конфликт не поддается разрешению таким образом, чтобы в выигрыше оказались все стороны конфликта. Поэтому он относится к категории трудноразрешимых. Рассчитывать на то, что даже изменение позиции Грузии в отношении Абхазии, приведёт к урегулированию конфликта, не приходится, т.к. в Тбилиси, не одно столетие, раз за разом меняются лишь декорации и исполнители, остается прежней суть – инкорпорация Абхазии и ассимиляция абхазов.

Не вдаваясь в вопросы отграничения понятий вызовы, проблемы, угрозы, в силу их взаимосвязи, т.к. «глобальные проблемы соотносятся с глобальными вызовами как *причина и следствие*»¹ и рассматривая вопросы урегулирования грузино-абхазского конфликта в контексте глобальных вызовов современности – рост амбиций и влияния транснациональных корпораций нивелирующих значение и роль суверенных государств и институтов власти, терроризм, контрабанда, выделим некоторые из них, оказывающие на наш взгляд наибольшее влияние:

1. В силу ограниченности ресурсов Земли, geopolитические интересы индустриально развитых стран Запада состоят в сбережении собственных минеральных ресурсов и стремлении больше и дешевле скупить их у других².

2. Геополитические разломы конца XX века, приведшие к утрате установленного миропорядка, не преодолены до той степени, чтобы можно было говорить об установленной новой конфигурации³, гарантирующей в т. ч. решение конфликтов в рамках международно принятых норм и с учетом права народа на самоопределение. «Глобальные вызовы современной эпохи».

3. «Глобализация, пришедшая на волне демократизации, демонстрирует ограниченность наиболее привычных демократических структур, а именно структур парламентской демократии»⁴.

Как отмечает Д.Ю. Данкова, по мнению политолога В.А. Мальцева, «глобальные проблемы современности являются комплексными и всеобъемлющими. Они тесно переплетены между собой, с региональными и национально-государственными проблемами. В их основе – противоречия глобального масштаба, затрагивающие основы существования современной цивилизации. Обострение противоречий в одном звене ведет к деструктивным процессам в целом, порождает новые проблемы»⁵.

¹ http://test.plusgarantiya.ru/doc/konk_mol/dankova.doc

² <http://lib.vvsu.ru/books/bakalavr01/page0110.asp>

³ <http://lib.vvsu.ru/books/bakalavr01/page0110.asp>

⁴ <http://ecsocman.hse.ru/data/363/924/1219/013.GLUKHOVA.pdf>.

⁵ [http://test.plusgarantiya.ru/doc/konk_mol/dankova.doc.\]](http://test.plusgarantiya.ru/doc/konk_mol/dankova.doc.)

В сложнейших глобальных и региональных условиях, Первому Президенту Республики Абхазия Владиславу Григорьевичу Ардзинба удалось сплотить народ, начать процесс восстановления независимой государственности Абхазии, отразить военную агрессию Грузии и выиграть тяжелейшую и неравную войну. И в критические послевоенные годы Абхазия сформировалась как демократическое, правовое государство. В 2008 г. Россия признала независимость Абхазии.

Следует отметить, что с приходом к власти Владимира Путина, происходит трансформация в политике России, являющейся одним из главных государств – субъектов глобальной охоты за ресурсами со стороны развитых стран Запада – членов блока НАТО во главе с США. Заняв позиции по развитию суверенной демократии и защите независимой государственности стран, сопротивляющихся современным тенденциям глобализации и по этой причине подвергающихся военному вмешательству, Россия все больше пытается влиять на процессы формирования нового мирового порядка. К примеру, позиция России в отношении Абхазии, РЮО и особенно с Сирией – тому подтверждение.

И в таких условиях Грузия, несмотря на сокрушительное поражение в войне 1992 – 1993 гг., все эти двадцать лет не раз предпринимавшая попытки силового решения «абхазского вопроса», для чего и сейчас не на шутку наращивает свою военную мощь, при поддержке Запада, разработала и методично продвигает в отношении Абхазии и Республики Южная Осетия «Государственную стратегию вовлечения без признания», являющуюся развитием известного вариативного «Плана мирного покорения Абхазии».¹ По сути – это «долгосрочный новый подход к населению находящихся под юрисдикцией Грузии неотъемлемых частей Грузии – Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии...»².

В 2004–2005 гг. были озвучены первые пункты «Плана мирного покорения Абхазии», где речь шла о недопустимости для Грузии ведения переговоров по политическому урегулированию грузи-

¹ Газ. «Резонанси», №294, 28.10.2004 г. (на груз. яз.)

² <http://www.smr.gov.ge/docs/doc213.pdf>

но-абхазского конфликта, необходимости создания видимости доверия через совместные экономические проекты под лозунгом «экономический магнетизм» и совместная борьба с криминогенной ситуацией. При этом на государственной границе по р. Ингур требовался фактический режим наибольшего благоприятствования и в Абхазию должно было вернуться как можно больше т.н. «грузинских беженцев». В зависимости от ситуации предлагалось несколько вариантов по достижению заданных в плане параметров.

Позже, в 2010 г., «с целью практической реализации Государственной стратегии Грузии» был утвержден «план действий», который «включает четыре измерения – гуманитарное, человеческое, социальное и экономическое, – охватывающих широкий спектр программ и проектов, соответствующих одному или нескольким программным измерениям»¹. Данный план действий «...включает целый ряд инициатив, направленных на повышение благосостояния населения, в настоящее время легально проживающего в Абхазии и Цхинвальском регионе/Южной Осетии, облегчение его доступа к льготам, установленным для населения Грузии, и улучшение возможностей участия в гражданской жизни Грузии. Соответственно он способствует процессу примирения разобщенных членов общества»² [Там же].

В плане действий по реализации стратегии вовлечения определены инструменты вовлеченности.

«Семь новых инструментов обеспечивают осуществление целей Плана действий. Эти инструменты способствуют интеграции населения Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии в гражданскую жизнь Грузии; коммуникацию и координацию действий между Тбилиси и властными структурами, контролирующими Абхазию и Цхинвальский регион/Южную Осетию; также формирование институциональных, финансовых и административных основ для проектов, предусмотренных Планом действий. Для достижения отдельных целей будет образована независимая структура, которая обеспечит функционирование каждого ин-

струмента. Все эти структуры будут работать самостоятельно, и координировать их действия будет аппарат Государственного министра по вопросам реинтеграции, который одновременно с этим продолжит разработку и проведение политики вовлеченности в отношении Абхазии и Цхинвальского региона/Южной Осетии».

Вместе с тем, Грузия стремится к увеличению количества возвращающихся в Абхазию граждан Грузии, ставших в авангарде наращивания горизонтальных связей между конфликтующими государствами. Здесь особое место уделяется предоставлению гражданам Грузии права проживания на территории Абхазии и их незаконная массовая паспортизация с обязательным сохранением у них гражданства Грузии, с нескрываемой целью – распространения юрисдикции Грузии на Абхазию. О недопустимости этого предупреждал В. Г. Ардзинба. Международные договоренности относительно условий возвращения «беженцев» в Галский район нарушены Грузией и теми, кто возвращался, т.к. они должны были пройти соответствующую процедуру фильтрации через анкеты УВКБ ООН и таковых всего 342 человека. По законам Абхазии, исходя из норм международного права все остальные лица, не принявшие основных условий возвращения в Галский район, должны быть как минимум депортированы в страну своей гражданской принадлежности, т.к. являются носителями конфликтогенного фактора.

Резюмируя некоторые практические шаги Грузии, позицию абхазской стороны, следует отметить: что многие параметры «стратегии вовлечения» выполнены и это очевидно даже при поверхностном наблюдении, а политика абхазской власти, почему то совпадает с грузинским заказом, тем самым содействуя реализации этой стратегии.

Государственная граница между Абхазией и Грузией не стала препятствием для реализации «стратегии вовлечения». Десятки тысяч жителей Абхазии, многие из которых и до войны в тех краях не бывавшие, ездят в Грузию решать экономические, образовательные, медицинские и иные вопросы, часто не ведая, что подписывают документы о приобретении грузинского гражданства.

¹ Там же

² Там же.

Из доклада Секретаря Совбеза Абхазии Станислава Лакоба¹, интервью министра МВД Отара Хеция² и результатов расследования парламентской комиссии по проверке законности выдачи паспорта гражданина Абхазии жителям восточных районов Абхазии, очевидно, что граждан Грузии незаконно приобретших абхазский паспорт огромное количество. Т.е. это почти все, кто уже живет в приграничных с Грузией районах. Таким образом, на Абхазию распространяется юрисдикция Грузии. Около 11 тыс. граждан Грузии получили ещё и абхазский загранпаспорт, что даёт им право беспрепятственного въезда на территорию РФ сроком на 90 дней. И это уже угроза безопасности не только Абхазии, но Северного Кавказа и России в целом.

Парламент РА, практически не выполняет своих функций, возложенных на него Конституцией, особенно в части сдерживания грузинских планов вовлечения и контроля исполнительной ветви власти, ответственной за пресечение вышеуказанных процессов. Общественными организациями Абхазии, как и представителями научных кругов, было предложено Парламенту РА принять Закон об аннулировании не только незаконных комиссий, рекомендовавших выдачу абхазского паспорта гражданам Грузии, но и всех паспортов, выданных таким образом, чего не было сделано.

Спекулятивный капитал западных стран, скупающий всевозможные ресурсы в мировом масштабе, способен в короткие сроки скупить основные фонды, составляющие экономические основы суверенитета Абхазии. По тем же причинам нельзя допускать повальной приватизации, как и предоставления иностранным гражданам права на покупку недвижимости в Абхазии.

Как известно, в Абхазии в довоенный период активно действовали всевозможные грузинские демографические фонды, скупавшие недвижимость в Абхазии для новых переселенцев из Грузии. В этой связи, актуализированная в очередной раз тема изменения законодательства Абхазии, с целью предоставления иностранным гражданам возможности приобретения имущества в Абхазии, еще

одна прямая угроза безопасности нашей страны. Кстати, только граждан России грузинской национальности около миллиона человек. А Россия признала независимость Абхазии, чтобы спасти абхазский этнос от физического истребления и поддержать развитие государственного суверенитета, а не для того, чтобы содействовать демографической, или какой-либо иной экспансии. Так ставить вопрос, мягко говоря, некорректно. К тому же, снятие запрета на покупку недвижимости не гражданами Абхазии нужно не столько России и россиянам, сколько именно развитым странам Запада. Последние и есть источники проблем, заинтересованные в ухудшении абхазо-российских отношений, прямо и опосредованно дезориентирующие общества наших стран в развитие известной западной стратегии «вовлечения без признания»

Подводя некоторые итоги 20-летия Победы в Отечественной войне народа Абхазии 1992 – 1993 гг., вынуждены констатировать утрату достигнутых ключевых позиций. Грузино-абхазский межгосударственный конфликт может быть трансформирован во внутриабхазский. Нарастает угроза безопасности Абхазии, когда под предлогом защиты граждан Грузии, Абхазия вновь может быть подвержена военной агрессии, уже с участием войск стран НАТО. Или граждане Грузии хоть и незаконно легализованные в Абхазии, политическими методами попытаются изменить ориентацию Республики Абхазия в угоду транснациональных корпораций и стран – членов НАТО.

Нет никаких т.н. «грузинских беженцев». Они, потомки целого ряда потоков грузинских колонистов, теперь репатрианты, вернувшиеся на свою Родину, в Республику Грузия. Более того, исходя из норм международного права, всех, кто находился на оккупированной территории Абхазии и бежал вместе с оккупационными войсками, можно и нужно приравнять к военным преступникам. Это лишает их презумпции невиновности автоматически и каких-либо прав – на въезд на территорию Абхазии, имущественные и иные претензии и т.д.

Одностороннее заявление В. Г. Ардзинба о возвращении беженцев в Галский район (1999 г.), имело политическое значение

¹ abh-ng.ru/?p=78

² http://apsnypress.info/news/8821.html

и никогда не рассматривалось как возможность для возвращения и проживания граждан Грузии в Галский, или какой-либо другой район Абхазии, тем более, их паспортизации, а требовало тщательного проведения процедур фильтрации, предусмотренную нормами УВКБ ООН, что практически не было выполнено. Следовательно, почти все жители Галского района (в старых границах) – нелегально находящиеся на территории Абхазии граждане Грузии, «которые антиконституционными методами выступают за изменение суверенного статуса Республики Абхазия» (пункт а, статьи 5 «Закона о гражданстве Республики Абхазия»). В связи с этим, на наш взгляд, необходимо:

1. Законодательно закрепить закрытие государственной границы по р. Ингур, т.к. Абхазия и Грузия находятся в состоянии войны, тем самым обеспечить безопасность приграничных районов Абхазии.
2. Законодательно закрепить запрет на въезд на территорию Абхазии граждан Грузии.
3. Аннулировать незаконно выданные паспорта гражданина Абхазии и наказать виновных.
4. Выявить нелегально находящихся на территории Абхазии граждан Грузии и депортировать их на территорию Грузии.
5. Выявить находящихся на территории Абхазии военных преступников, сотрудничавших с оккупантами, подчинившихся оккупационной власти, и осудив их, депортировать на территорию Грузии.
6. Народному Собранию – Парламенту Республики Абхазия рекомендовать принятие Конституционного Закона «О статусе беженцев», где на основании международного права Абхазия получит, и должна будет реализовать свое право – заочно осудить военных преступников, законодательно закрепив запрет на их въезд на территорию Абхазии вне зависимости от их нынешней гражданской принадлежности.

Только в таком случае тема возвращения т.н. «грузинских беженцев», будет окончательно снята с повестки дня, как и возможность реализации целого ряда положений «Плана действий по стратегии вовлечения» Абхазии в Грузию.

Э.Д.Эшба,
Москва

«ЧЕРКЕССКАЯ»¹ ДИАСПОРА В ТУРЦИИ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Прежде чем приступить к анализу современного состояния «черкесской» диаспоры на Ближнем Востоке, обратимся к истории формирования этой самой диаспоры.

«Черкесские» диаспоры в странах Востока имеют многовековые исторические корни, уходящие вглубь Средневековья. Работорговля в Абхазии широко практиковалась в период монгольского господства и во время генуэзской колонизации, однако «особенный расцвет работорговля приобрела на Восточном побережье Чёрного моря, в эпоху турецкого протектората... «Полуфеодальное» хозяйство Ближнего Востока (Египет, Сирия, Турция, Персия) и Крыма в огромном количестве поглощало труд рабов»². Проданные Египту монголами после завоевания Средней Азии и Кавказа войны-рабы мамлюки (араб.– находящийся в собственности, невольник) составляли гвардию последних египетских правителей из династии Айюбидов (1171–1250). Мамлюки постепенно

¹ Черкесы – это один из коренных народов Северо-Западного Кавказа. Сами себя они называют – адыгэ; Однако за рубежом, особенно в государствах проживания потомков кавказских мухаджиров, черкесами принято называть представителей всех народов Северного Кавказа. Во избежание путаницы, при использовании этого термина применительно к кавказской диаспоре в данной работе будем писать его в кавычках.

² Фадеев А.В. Краткий очерк истории Абхазии М., 1934 г. ч.1. – С. 122

поднялись до положения господствующей прослойки феодально-го общества, а в 1250 совершили дворцовый переворот, поставив у власти своего султана Муиза Айбека. Одной из династий мамлюков являлись «Бурджиты» (годы правления 1382–1517) от названия цитадели аль-Бурдж (в египетском произношении «бург») в Каире. Именно среди Бурджитов преобладали уроженцы Кавказа.

На Ближнем Востоке принято называть все малые народы Кавказа черкесами, так – «аиш-шаракис» именовали не только черкесов, но и абхазов, грузин, карачаевцев и т.д. Таким образом, на территории Турции, Египта и других стран Ближнего Востока постепенно формировалась представительная кавказская диаспора, значительное место в которой занимали и выходцы из Абхазии. Однако отметим всё же, что длительный период естественного и насильственного оттока населения Кавказа, и в частности Абхазии, на территорию Ближнего Востока не привел к формированию полноценной диаспоры как таковой. Горцы постепенно ассимилировались в инокультурной среде. Однако мухаджирство коренным образом изменило ситуацию. Общая численность северокавказских мигрантов, выселившихся в Османскую империю, составляет как минимум 1,5 млн. человек.

Стоит отметить, что за сравнительно короткий срок «черкесы» стали достаточно влиятельным элементом в османском обществе. Особенно много горцев было представлено среди военной интеллигенции империи. При этом кавказские переселенцы сумели сохранить свою национальную самобытность, культуру и язык; успешно противостояли процессам ассимиляции. Как уже отмечалось, всю северокавказскую диаспору на Ближнем Востоке принято называть – черкесской. Связано это, прежде всего с тем, что представителей адыгских народов среди кавказских переселенцев было действительно больше, чем остальных. На территории огромной по размерам Порты горцы держались вместе, таким образом противостоя процессы грубой ассимиляции.

Зарубежные «черкесы» на сегодняшний день находятся в специфическом переходном состоянии. Среди них растёт ощущение, что они постепенно утрачивают свою этнокультурную специфи-

ку. В поисках путей сохранения этноса, они стали стремиться к расширению связей с северокавказскими республиками и к интеграции черкесских общин в разных странах мира. Их усилия привели к образованию в мае 1991г. Международной черкесской ассоциации, призванной координировать деятельность черкесских организаций по сохранению родного языка, культуры, содействовать процессу репатриации. Кроме того, в 1992 г. в год начала Отечественной войны народа Абхазии, была учреждена Международная Ассоциация абхазо-абазинского (абаза) народа, которая объединяет и координирует деятельность абхазских диаспор в 52 странах. Несомненно, зарубежные абхазы – это серьезный политический ресурс. Абхазы, проживающие вне своей исторической Родины, могут способствовать не только экономическому росту республики, но и лоббировать вопрос политического признания Абхазии. По крайней мере, наличие представительных абхазских диаспор на Ближнем Востоке создаёт возможность активизации отношений с государствами этого региона.

То, что абхазская диаспора может способствовать расширению и углублению взаимодействия Абхазии с международным сообществом, стало понятно уже давно. Знаковым считается визит спикера абхазского Парламента Владислава Ардзинба в Турцию в 1991 году, когда он был принят рядом министров и главами некоторых оппозиционных партий. Затем последовала грузино-абхазская война и без преувеличения можно констатировать, что она всколыхнула северокавказскую диаспору во всем мире. Сразу после начала военных действий из Турции и Сирии в Абхазию прибывали добровольцы северокавказского происхождения. В этот период турецкое правительство занимало официально прогрузинскую политику, однако отметим, что Турция всё же не препятствовала отправке в Абхазию добровольцев, сбору финансовых средств для помощи Абхазии и массовым акциям протеста, которые проводились во многих городах Турции.

Кроме того, после окончания военных действий в Абхазии, между ней и Турцией функционировало прямое пассажирское морское сообщение. Однако уже в 1996 г. по настоянию Грузии

Турция закрыла этот важнейший канал сообщения. Вместе с тем, стоит подчеркнуть, что грузовые перевозки между двумя странами не прекращались и осуществляются до сих пор. Кроме того, необходимо отметить, что после закрытия Ельциным российско-абхазской границы в 1994 г. и вплоть до конца 90-х годов, торговля с Турцией составляла 80% от всех внешнеэкономических сношений Абхазии.

Абхазская диаспора в Турции ныне прекрасно организована, отделения абхазских культурных обществ или клубов (дернеков) имеются во многих крупных городах Турции.¹ До недавнего времени она входила в федерацию северокавказских культурных организаций, в рамках которой существовали тесные связи с другими северокавказскими диаспорами, прежде всего, с обладающей значительными политическими и финансовыми ресурсами адыгской диаспорой. Выходцы из Северного Кавказа – весьма лояльные турецкие граждане; в отличие от других этнических групп, в первую очередь курдов, они не требуют культурно-территориальной автономии. Их цели в основном являются культурно-просветительскими – поддержание родного языка, традиций, культуры, организация культурно-развлекательных и научно-аналитических мероприятий, а также осуществление культурных связей и контактов с исторической родиной.

Однако положение в диаспоре не так безоблачно, как может показаться на первый взгляд. Интересно, что уже сейчас, как отмечают турецкие политологи, кавказские конфликты имеют прямые последствия для внутренней ситуации в Турции. Так, грузино-абхазский конфликт отражался в виде бурных дискуссий на турецком телевидении и в растущей неприязни между абхазской и грузинской общинами в Турции, ранее абсолютно не наблюдавшей.² В последнее время всё чаще на повестку дня выходит так называемый «черкесский вопрос», особенно в контексте подготовки к

¹ Чирикба В. Абхазская диаспора во внутренней и внешней политике Абхазии//Абхазская виртуальная библиотека http://www.abiblioteka.info/rus/politics/section_7/162.html

² Там же

зимней Олимпиаде в Сочи в 2014 г. В связи с этим наблюдаются некоторые расхождения в позициях адыгской и абхазской диаспор.

Отметим, что первое появление «черкесского вопроса» в современной политической повестке дня относится к 2008 году. Именно тогда в ноябре состоялся первый этап Чрезвычайного съезда черкесского народа. Делегатами съезда стали представители большинства крупных черкесских организаций. Стоит отметить, что решение о проведении Олимпиады в Сочи лишь раскалило страсти вокруг «черкесской проблемы» и вызвало бурную реакцию со стороны черкесских диаспор всего мира. Активисты черкесского движения заявили о необходимости учета этнического фактора в процессе подготовки к Олимпиаде. Более того, необходимо уточнить, что усугубляет ситуацию исторический контекст: в 1864 году на месте современного поселка Красная Поляна Адлерского района Краснодарского края состоялся парад русских войск, который ознаменовал окончание Кавказской войны. В связи с этим многие черкесские организации в различных странах призывают к бойкоту Олимпиады «на костях».

Как отмечалось выше, северокавказская диаспора на Ближнем Востоке была в известном смысле единой. Такое единство, координация действий и взаимопомощь обеспечивали эффективное решение многих проблем «черкесской» диаспоры. Однако в последнее время наметилось расхождение в позициях разных этнических групп внутри диаспоры. Как заявил лидер ОД «Адыгэ Хасэ» Краснодарского Края Аскер Сохт в беседе с корреспондентом портала «Кавказский узел»: «Черкесская диаспора составляет абсолютное большинство кавказской диаспоры. Наша позиция такова – мы не вмешиваемся. Мы намерены работать только с черкесской диаспорой, потому что не можем собой подменять ни правительство Грузии, ни правительство Азербайджана и Армении, ни правительство Абхазии. Эти государства работают со своими диаспорами».¹

В данном контексте, необходимо обратить внимание на то, что абхазские организации еще в 2009 году вышли из состава федера-

¹ Интернет-портал Кавказский узел <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/177648/>

ции северокавказских культурных организаций, и координируют свою работу, сотрудничая с правительством Абхазии. Кроме того, на съезде черкесских организаций Турции в октябре 2005 г. было принято решение о выходе черкесской общины из состава северокавказских общественных организаций Турции, что было сделано с целью продвижения темы репатриации черкесов на историческую родину.

Таким образом, был запущен процесс дробления весьма крупной «черкесской» диаспоры, что не может способствовать усилению позиций диаспоры в государствах её компактного проживания, и ведёт как представляется к постепенному «размыванию» северокавказского элемента на Ближнем Востоке. Однако, как отметил представитель абхазской диаспоры, доктор филологических наук Вячеслав Бигуа «интересы абхазов и адыгов особо не расходятся». «Совпадают многие традиции, есть общая история. Но если кто-то хочет отделиться и самостоятельно жить – это тоже нормально», – заключил представитель диаспоры.¹

Отметим, что масло в огонь подливает официальный Тбилиси. В ответ на действия России по принуждению Грузии к миру в августе 2008 г., Грузия обратила свое внимание на Северный Кавказ. В частности, стала проявлять интерес к международному черкесскому движению, добивающемуся признания геноцида против черкесов со стороны царской России в 1864 году. Власти Грузии предоставили адыгам площадку для проведения международной конференции по черкесскому вопросу. Более того, как известно, Парламент Грузии совсем недавно признал геноцид черкесов со стороны царской России. Таким образом, очевидно, что посредством коммуникации и сотрудничества с диаспорой можно оказывать определённое влияние на политические процессы в регионе.

Однако стоит отметить, что, несмотря на обозначенные тенденции к дроблению «черкесской» диаспоры, даже самостоятельная абхазская диаспора может оказывать позитивное влияние на развитие и расширение отношений, в первую очередь торгово-экономи-

¹ Там же.

ческих, Абхазии со странами Ближнего Востока. К примеру, значительное место в торговых отношениях Турции и Абхазии занимает сотрудничество, которое осуществляется по каналам диаспоры. В Абхазии функционирует ряд предприятий, основанных на турецком капитале (ими, как правило, владеют потомки абхазских мухаджиров).

Возвращаясь к вопросу положения диаспоры собственно в арабских странах, можно констатировать, что наибольшие контакты существуют с диаспорой в Иордании.

На протяжении всей истории Иорданского королевства и особенно в период правления короля Хусейна, иорданские «черкесы» пользовались неизменным высоким доверием короля и королевской семьи. Стоит подчеркнуть, что в отличии от Турции в Иордании сохраняется единство абхазо-адыгской диаспоры, в которой широко представлены потомки абхазских и убыхских мухаджиров. «Черкесы» занимают высокие посты – начальников департаментов полиции, мэров городов, генералов армии. Они и послами служат, и являются депутатами парламента. В королевстве законодательно 1 министерское место и 1 депутатское место закреплено за черкесской общиной. Черкесы являются единственным национальным меньшинством, имеющим такие привилегии.

Что же касается контактов с Абхазией, то красноречивее всего о взаимосвязях говорит тот факт, что уже в 2010 г. Сухум посетила группа бизнесменов из Иордании с целью наладить сотрудничество. Напомним, что наряду с представителями абхазской диаспоры, в составе делегации были владельцы крупных банков, гостиниц, компаний в области теле-радио и транспортных коммуникаций, коммерческих строительных фармацевтических предприятий. Члены делегации отметили, что у них большие планы для развития сотрудничества с Абхазией в различных областях. После этого последовал ещё один визит, в январе 2011 г.

Таким образом, можно говорить о позитивном влиянии диаспоры на развитие отношений экономического, гуманитарного и даже политического характера между их исторической родиной и

государствами их проживания. Представляется, что в ближайшее время можно ожидать интенсификации инвестиций в экономику Абхазии со стороны абхазских диаспор, а также активизации контактов абхазского бизнеса с инонациональными предприятиями, в чём не последнюю роль могут сыграть потомки абхазских мухаджиров. Зарубежные абхазы – это потенциал, который возможно, пока по достоинству не оценён в Абхазии.

*А.Ю. Шадже,
Майкоп*

«МЫ ДОЛЖНЫ ПОМНИТЬ – НО ЧТО?»

Постановка проблемы. Мы переживаем сложное время. В современном мире/обществе неопределенность во всех сферах нашего бытия, кризис человеческих ценностей ощущается каждым из нас. Характерные черты сегодняшнего дня – нищета, социальное расслоение общества, способствовавшее поляризации социальных групп и слоев, отсутствие необходимой системы социальной защиты населения, утрата ценностно-мировоззренческих и нравственных ориентиров, размытость сознания людей – становятся основой социокультурных рисков и усиливают напряженность. Идеологическая обработка сознания со стороны многих СМИ нацелена на разрушение человека, деградацию морали, образования и культуры. В этих условиях, условиях упадка духовности в обществе и «расколотости» общества, актуальным становится изучение проблемы прошлого, настоящего и будущего этноса, народа и страны.

Теоретическая ситуация, сложившаяся в социально-гуманитарных науках, показывает противопоставление традиционной культуры и культуры модерна. Это способствовало актуализации интереса к исследованию памяти, способам существования и формам трансляции, содержание которой изменилось заметно.

Представляется, что рассмотрение памяти должно базироваться, по крайней мере, на двух методологических положениях. *Во-первых*, необходима интеграция наук, занимающихся проблемами памяти, поскольку она носит междисциплинарный и полипара-

дигмальный характер. *Во-вторых*, важно применение новых методов современной, постнеклассической парадигмы для понимания смысла памяти.

Следует отметить, что социальные проекты, начиная с конца XX века, изменили свои исследовательские подходы к социальному познанию. В рамках новой методологии – конструктивистской, учитывающей взаимосвязи между макро-, мезо- и микротеориями, между объективно-предметным и субъективно-ценностным подходом, – представляется возможным в центр исследовательского внимания поставить сознание и поведение человека, его место и отношение к другим не просто как отдельного индивида, но и члена определенной социальной и этнической группы, представителя определенного общества, определенной социокультурной среды. Более того, данная методологическая стратегия направлена на реализацию программы поиска актуальной идентичности «кто я» или «кто мы» в определенном обществе и в современном социальном мире.

В этом контексте память можно рассматривать как некоторое отношение к другому, которое обладает специфическими формами существования и определенными способами постижения своего содержания.

Начиная с древних греков, проблемой памяти интересовались многие мыслители прошлого. Обращение к проблеме памяти наблюдается в текстах древнегреческих философов и средневековых мыслителей, которые рассматривали память как внутреннее, сущностное свойство человека, способное отразить, сохранить и передать последующим поколениям многообразие окружающего мира.

Американский историк А. Мегилл отмечает, что «в современном прочтении речь идет о новом виде памяти... В новом мышлении память рассматривается как объект, имеющий самостоятельную ценность, а не только как способ получения или хранения большего, чем прежде, объема знания о прошлом»¹.

Заметим, что в русской философии конца XIX – начала XX вв. наблюдается обращение к рассмотрению памяти в контексте из-

учения проблем человека. Например, творческий характер памяти человека у Н.А. Бердяева, связь памяти человека с Богом у П.А.Флоренского и т.д.

Цель данной статьи – рассмотреть ценностное понимание памяти. Поскольку память, а точнее историческая память как ценность, «как объект почитания» у кавказских этносов является областью исследовательских интересов многих участников настоящей конференции, мы обращаемся к содержанию понятия «память».

В чем смысл памяти? Основной смысл памяти связывают с «опытом». «В этом эмпирическом смысле «историческая память» обозначает опыт людей, которые на самом деле участвовали в обсуждаемых исторических событиях. Точнее – историческая память обозначает восстановление и преобразование этого опыта в нарратив»¹.

Рассматривая содержание памяти, часто подменяют ее воспоминанием. Ученый Австрийской академии наук Й. Файхтингер отмечает, что в большинстве западных языков существует различие между объективной историей и историей, записанной очевидцем, равно как и между памятью и воспоминанием. Понятия «память» и «воспоминание» часто употребляются как синонимы, однако понятие памяти следует воспринимать как собирательное понятие для свойственного определенной культуре, нации, эпохе набора образов, текстов и ритуалов, благодаря культивированию которых стабилизируется ее (культуры) автопортрет, с тем, чтобы отмежеваться от другой культуры. Под воспоминанием понимаются индивидуальные или коллективные акты доступа к прошлому².

Однако нас интересует воспоминание прошлого не только в сознании этноса. Поэтому обратимся к «коллективной памяти». Совершенно справедливо отмечает А. Мегилл, что «коллективная память возникает в том случае, когда множество людей участвует в одних и тех же исторических событиях. Тогда можно говорить о том, что эти люди имеют коллективную память о данных событиях».

¹ Мегилл А. Указ. соч. – С.112.

² Файхтингер Й. По ту сторону методичного национализма. Перспективы культуры, исторической памяти и идентичности в Европе // Вопросы философии, 2007, №9. – С. 37.

¹ Мегилл А. Историческая эпистемология: Научная монография (перевод Кукарцевой М., Кашаева В., Тимонина В.). М., 2007. – С. 94.

ях, но не в смысле некой надиндивидуальной памяти – поскольку нет «памяти» вне индивидов, – но в том смысле, что каждый человек имеет (в границах своего собственного сознания) образ, опыт или гештальт, который пережили также и другие люди. Кроме того, эти образы или гештальты в большой степени совпадают, иначе память не была бы «коллективной»¹.

В научной литературе встречается еще понятие «социальная память». Она не является тождественной понятию «коллективная память». Социальная память – основа исторической памяти, т.е. ее социокультурное пространство помогает определить смысл исторической памяти.

Французский ученый М. Хальвакс утверждает, что социальная память воспринимает из «прошлого лишь то, что является жизненно важным, что поддерживается и продолжает жить в сознании той или иной группы»². Он показал, что память – это социальный, а не только индивидуальный феномен; она детерминирована существующими в обществе категориями понимания.

В целях анализа памяти как ценности важно остановиться еще на социальном смысле памяти и социокультурном ценностном содержании. Сначала рассмотрим соотношение понятий «память», «традиция» и «nostальгия». Это важно, поскольку в определенных ситуациях они зачастую отождествляются.

Определим здесь традицию как передающиеся из поколения в поколение элементы социального опыта и культурного наследия («культурный текст») – нормы и образцы поведения, формы социальной организации, идеи, нравы, обычаи, обряды и ритуалы и т.д. Здесь однозначно можно сказать, что память и традиция не тождественны, они не могут подменять друг друга, но могут сосуществовать. В рамках определенной культуры и культурной традиции может быть рассмотрен и выявлен смысл памяти.

Память и ностальгия тоже не являются тождественными понятиями. Ностальгия (от греч. *nostos* – возвращение и *algos* – боль)

¹ Мегилл А. Указ. соч. – С. 113.

² Halbwacs M. Das kollektive Gedächtnis / Mit einem Geleitwort von Prof. Dr. H. Maus Marburg, 1967. – S. 68.

– тоска по родине. В научной литературе встречается более широкое толкование этого понятия – как тоска по прошлому. Однако память не следует сводить только к прошлому или подменять прошлым. В памяти фиксируется значимое, т.е. смысл этого значимого.

Историческая память ценна тем, что она соединяет человека с прошлым, формирует представление родины и чувство самосознания. Пренебрежение к прошлому, этнокультурным ценностям нарушает естественный процесс саморазвития этноса. И он был нарушен национальной политикой, которая проводилась на Кавказе. Насильственное выселение народов со своих исконных земель, замалчивание и искажение истории народов, преследование традиционных обычаев, ограничение и сведение на нет преподавания на местных языках, снижение количества публикаций не-русской литературы – все это и многое другое не способствовали самосохранению и саморазвитию кавказских этносов.

Анализ памяти и исторической памяти как ценности связан с вопросом: *только ли прошлое является ценностью?*

На этот вопрос дает утвердительный ответ французский философ и писатель Жан-Поль Сартр: «Ценностью обладает лишь прошлое, потому что прошлое есть; а если настоящее и отмечено видимостью красоты и добра, то исключительно в силу того, что оно светится отраженным светом прошлого, подобно тому, как луна светится отраженным светом солнца. Эта духовная несамостоятельность настоящего служит символом его бытийной несамостоятельности, поскольку, рассуждая чисто логически, всякая завершенная форма должна предшествовать своим несовершенным воплощениям»¹.

Память связывает прошлое, настоящее и будущее. Прошлое зафиксировано в разных формах памяти. Безусловно, прошлое в современной жизни приобретает новое содержание. При оценке прошлого из настоящего мы соотносим его с современностью, а это позволяет выявить новые смыслы прошлого, что изменяет контекст существования прошлого. Поэтому мы находим в прошлом новое содержание, новый смысл и новое понимание.

¹ Сартр Ж.-П. Бодлер // Бодлер Шарль. Цветы зла. М., 1993. – С. 433.

Н.А. Бердяев в своей книге «Самопознание» писал: «Воспоминание о прошлом никогда не может быть пассивным, не может быть точным воспроизведением и вызывает к себе подозрительное отношение. Память активна, в ней есть творческий, преобразующий элемент, и с ним связана неточность, неверность воспоминания. Память совершают отбор, многое она выдвигает на первый план, многое же оставляет в забвении, иногда бессознательно, иногда сознательно»¹. В данной мысли замечаем обоснование двух важных положений относительно памяти. Первое связано с тем, что Бердяев разводит воспоминание и память. Воспоминание всегда восстанавливает в памяти прошлое. Но этот процесс осуществляется человеком, активно мыслящим человеком. Поэтому интерпретация прошлого человеком, т.е. восстановление прошлого в памяти зависит от человека. Второе связано с активностью памяти, с тем, что она способна совершать отбор фактов и также активно определять их место. Таким образом, получается, что ценностно-мировоззренческие ориентации человека, его мышление определяют его активность, а, значит, и «воскрешение прошлого».

Подводя промежуточный итог, отметим, что в современных условиях аксиоматичной стала мысль: «Общество сильно не только своими достижениями в настоящем, но и памятью о прошлом». Важно помнить, что прошлое, настоящее и будущее не взаимоисключают друг друга, а взаимодополняют. Такое понимание представляется важным и необходимым, поскольку: в поисках объединяющих начал нации свою нишу должны найти этносы со своей исторической памятью; память обязывает нас жить по-человечески, достойно. Поэтому память не только может, но и должна жить в новых условиях, творя новые смыслы в современной жизни.

Память в Кавказском регионе. Обратившись к периоду «Великого черкесского изгнания» (1859 – 1866 гг.), прошлое – насилиственное изгнание адыгов – значимо. Именно это и фиксируется в исторической памяти адыга и адыгского этноса.

Поскольку нами рассматривается память как «ценностно-смысловая реконструкция прошлого» в традиционном социуме

¹ Бердяев Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии). Л., 1990. – С.7-8.

представляются интересными работы известного ученого Э.А. Шеуджен к анализу исторической памяти. Исследуя историческую память и проблемы Кавказской войны, она выделяет следующие важные характеристики¹. *Во-первых*, фиксированность исторической памяти. «Если каждый, отдельный человек может, при желании, «стереть» из памяти неприятные воспоминания, травмирующие его психику, то народам это не дано: как тяжелая наследственная болезнь трагические события прошлого передаются из поколения в поколение, серьезно осложняя отношения в обществе».

Во-вторых, историческая память объемна. «Более чем за пять тысячелетий письменной истории накопилось огромное количество разнообразных исторических источников, запечатлевших выстраданный опыт народов». Народы Северного Кавказа вносят свой вклад в этот «мировой архив».

В-третьих, историческая память имеет сложную структуру. Для исторической памяти характерна протяженность во времени. Более того, нередко события отдаленного прошлого воспринимаются народами более болезненно и значимо, по сравнению с сегодняшними событиями и бедами.

По словам автора, в памяти каждого народа есть события вне временные, память о которых сохраняется в веках и передается от одного поколения к другому. К таким событиям относится Кавказская война, оставшаяся в памяти народов Северного Кавказа, как одно из наиболее сложных, переломных событий региональной истории. При этом Шеуджен отмечает, если память о выселении народов и даже война в Чечне входят составной частью в историю отдельных этносов, то проблема сопротивления, боевого духа горцев характерна для коллективной памяти всех северокавказских народов.

В поисках адекватных ответов на вызовы современности, связанных с будущей судьбой не только адыгского этноса, но и все-

¹ Шеуджен Э.А. Историографический процесс: влияние на историческую память и коллективное сознание народов Северного Кавказа // «Адыги (черкесы) в историческом времени и пространстве». Материалы круглого стола (г. Майкоп, 9 апреля 2008 г.). Майкоп: изд-во МГТУ, 2008. – С.3-18. Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. Москва – Майкоп: Изд-во АГУ, 2010.

го Кавказа, следует отметить важную роль исторической памяти. Говоря словами крупнейшего социолога Европы З. Баумана, «**мы должны помнить – но что?**» И для чего помнить?

Для созидания! Чтобы понять, какое общество возникло из истории, и каковы мы, составляющие это общество? Научили ли нас уроки истории сохранить человеческое в себе, живя в условиях кардинальной переоценки отношения ко многим вопросам человеческого бытия? Каков наш ценностный мир? Каким мы видим свое будущее? Какова связь будущего с памятью?

Каждый народ задумывается над этими вопросами. Свои ответы на них дает и известный абхазский философ, общественный деятель О.Н. Дамения в своей замечательной монографии, размышляя о поствоенное Абхазии, стремясь понять ее как определенную культурно-историческую реальность¹. Предлагаемое автором методологическое положение заключается в том, что «абхазы» и «Абхазия» – это ключевые и формообразующие понятия абхазской культуры. Именно через эту культуру они могут быть рационально осмыслены и адекватно интерпретированы. Попытки истолковать их через другой культурный контекст приводят к неустранимым противоречиям, что и произошло в грузинской историографии².

Как мне представляется, руководствуясь этим положением, можно исследовать и понять проблемы современной Абхазии: социально-экономические, политические и духовные. Подчинив решение материальных проблем духовным/культурным, можно «осознанно влиять на смысловое функциональное назначение материальных ценностей в жизни будущего абхазского общества. Иначе говоря, речь идет о включении материальных ценностей в другую систему ценностной ориентации, в которой они будут служить формированию (развитию) человеческого интеллекта как высшей ценности...Именно через повышение статуса (значимости) духовных ценностей мы можем сохранить свою идентичность»³.

¹ Дамения О.Н. Абхазия на рубеже веков (опыт понятийного анализа). СПб.: Изд-во «Юридический центр-Пресс», 2011.

² Дамения О.Н. Указ. соч. – С.109.

³ Там же. – С.438-439.

Сегодня перед нами встают вопросы: какой ценностный мир мы хотели бы иметь в будущем абхазском обществе? Что может стать основой этого будущего общества? Это не праздные вопросы, а судьбоносные. Могу признаться, что и у нас в Адыгее встают такие же вопросы, связанные с этнической самоидентификацией в условиях формирования и укрепления российской идентичности, российской нации.

В поисках «ответа» на «вызовы» современности многие авторы обращаются здесь к нормам и законам Апсуара, у нас – Адыгая. Мы все прекрасно понимаем, что эти социокультурные институты в том виде, в каком они исторически формировались, не могут быть возрождены. Используя терминологию Гегеля, можно сказать, что они могут быть рассмотрены в условиях современности лишь в «снятой» форме. К этим феноменам следует подходить с учетом возможности выявления нового социокультурного смысла и ценностей в условиях современного общества. Это сложно, но очень важно.

Подводя итог: память священна. Трагические события и страницы запечатлены остро в памяти. Это наше прошлое, из которого мы вышли. Однако, памятая о прошлом, исторических корнях своего этноса, проявляя уважение к исторической памяти, важно соотносить ее с современностью, преодолевая крайности, вызванные либо политической конъюнктурой, либо чрезмерной идеологизацией – по отношению к памяти. Время сведения счетов друг с другом и со временем прошло. Необходимо вступить с прошлым в диалог, в новый диалог, подчинив историческую память формированию гражданина-патриота, знающего историю своей страны, своей земли, своего народа.

Завершая свое выступление: преклоняюсь перед многоэтничным народом Кавказа, пронесшим через поколения мудрость жить в мире и согласии друг с другом. И если в современных условиях мы не подчиним свою диалогичность, свою культуру мышления, слово и дело сохранению гражданского мира и нашего «единства в многообразии», то вправе ли мы называть себя патриотами, дочерьми, сыновьями своего этноса, своей земли, своего Отечества, наконец, людьми современной цивилизации?

Р. Э. Герман,
Ставрополь

РАЗВИТИЕ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОЙ И ПОЧТОВОЙ СЕТИ В ЦЕНТРАЛЬНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.: ПОТЕНЦИАЛ И ФУНКЦИИ

Для контроля над определенной частью пространства необходимо установить контроль над коммуникациями, проходящими через этот участок и ведущими к нему, либо создать коммуникации при отсутствии таковых. «Коммуникационный контроль» является одной из самых древних форм контроля над пространством. Тем не менее, он «оказывает непосредственное воздействие на совокупную степень контроля государства над тем или иным пространством»¹.

Одним из сегментов материальной базы для реализации геополитических целей Российской империи на Кавказе были дороги, проложенные на территории Кавказской губернии. Дороги нужны были как для быстрой переброски войск, военных грузов, продовольствия к театру военных действий, так и для развития экономики, торговли. Строительство дорог должно было стать как средством превращения Кавказа в российскую территорию, так и следствием этого процесса.

Через Ставрополье проходила главная дорога, связывавшая Россию с Кавказом. Дорога, о которой идет речь, начиналась от

¹ Плешаков К. В. Геополитика в свете глобальных перемен // Международная жизнь. 1994, №10. – С. 37.

Черкасса на Дону, пересекала задонские степи и проходила по восточному берегу Егорлыка. В первую очередь подлежали заселению территории, находившиеся в непосредственной от этой дороги близости, поскольку это имело важное стратегическое значение. Казачьи станицы и села государственных крестьян должны были оказывать необходимую помощь проходящим войскам и проезжающим чиновникам. Основные формы такой помощи – квартирная, подводная, дорожная повинности.

Так, в 1784 году, на основании представления князя Потемкина, по большой почтовой дороге на пространстве между реками Малкою и Средним Егорлыком были основаны восемь поселений: Екатериноградская, Павловское, Марынское, крепость Святого Георгия, Александровское, Северное, Московское и Донское. Спустя год к этим поселениям прибавились еще три – Сергиевское, Сабля и слобода Малка¹. Большие незаселенные и экономически неосвоенные пространства затрудняли передвижение войск, грузов, чиновников, почты.

Почти все дороги проходили через Ставрополь. Большой Черкасский тракт соединял Петербург и Москву с Кавказом, он проходил от Черкасса через Медвежье, Преградное, Безопасное, Донское, Ставрополь, Старомарьевское, Александровское, Георгиевск, Прохладное и далее в Закавказье. Этот тракт имел особо важное государственное значение. По нему двигались войска и военные грузы, осуществлялась связь действующей армии с Петербургом. Кавказская администрация уделяла особое внимание заселению этого главного почтового тракта.

Большая дорога, называвшаяся Большой Сальской шла из Ставрополя через село Петровское, по левому берегу Калауса на Каменный брод через Маныч. По ней двигались купеческие транспорты со строевым лесом с Дубовской пристани на Волге.

¹ О поселении на Тереке кизлярских, гребенских и моздокских, а внутри Ставропольской губернии, по ныне существующей почтовой дороге – волжских и хоперских казаков // Кавказский календарь на 1858 г. Тифлис, 1857. – С. 323.

На Екатеринодар из Ставрополя вела дорога через села Рождественское, Новотроицкое, Новоалександровское, станицу Темижбекскую вниз по Кубани, через Лабинскую крепость. Эта дорога связывала далее Екатеринодар с Таманским полуостровом и Крымом.

Дороги в Кавказской губернии, как впрочем и во всей России, нуждались практически в постоянном ремонте, особенно весной и осенью. Исправление дорог возлагалось в основном на государственных и помещичьих крестьян. Существовал специальный дорожный сбор. Наличие финансовых средств давало возможность отдавать исправление дорог в ведение подрядчиков, которые, однако, не всегда добросовестно выполняли договорные обязательства.

Исправности дорог придавалось важное значение, особенно в Кавказской губернии. Через нее проходили войска для пополнения Грузинского (впоследствии Кавказского) корпуса или следовавшие на театр военных действий с Турцией или Персией, доставлялись грузы. В такой ситуации губернское начальство было вынуждено исправлять дороги и мосты силами государственных крестьян, которые таким образом подвергались двойной эксплуатации – они и вносили деньги, и исправляли дороги.

21 марта 1811 года Главноуправляющему в Грузии генералу от кавалерии Тормасову был направлен утвержденный императором указ, согласно которому Тормасов должен был оказывать содействие начальнику IV округа путей сообщения. На этого чиновника возлагалась обязанность составить «планы, описания и сметы» для «усовершенствования» путей сообщения на всем пространстве между Кавказской линей и Военно-Грузинской дорогой¹.

Тормасову предписывалось «инженерных и других чиновников при устроении означенных дорог» предоставить ведению начальника IV округа путей сообщения. Солдат, откомандированных для дорожных работ, исключить из полков и отдать в ведомство путей сообщения «для обращения в Пионеры»² [т. е. в саперы –

¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. ВУА, оп.2, д.6196, л.2.

² Там же. Л.2-3.

Р. Г.]. На основании этого указа за счет войск России на Кавказе формировался штат тех, кто будет заниматься дорожным строительством.

По территории Кавказской губернии осуществлялось практически постоянное передвижение войск, что было обусловлено военно-политической ситуацией на Кавказе. Обеспечение войск в период передвижения питанием, транспортом, ночлегом осуществлялось жителями губернии.

В 1824 году в Кавказской области насчитывалось 30 почтовых станций, расстояние между ними составляло от 15 до 32 верст (это зависело от источников воды). С началом русско-иранской войны в 1826 году через Кавказскую область стал проходить маршрут экстра-почты, доставлявшей срочные военные донесения из Тифлиса в Санкт-Петербург. Почта «служила одним из средств русского господства в крае». На более опасных участках дороги почту сопровождал сильный казачий конвой, которому в некоторых случаях придавались даже пушки, но и они не всегда помогали. Так, в 1827 году около Георгиевска почтовая эстафета была настигнута горцами, которые убили одного из казаков, а почтальона, ямщика и остальных казаков увезли в горы. После этого было отдано распоряжение, чтобы конвой при почтах состоял днем из восьми, а ночью из 12 казаков¹. Появление почтовых станций на территории Кавказской области, движение почтовых эстафет были признаками, позволяющими говорить о превращении Центрального Предкавказья в часть Российской империи не только декларативно, но и фактически. Правительство было крайне заинтересовано в бесперебойном информационном обмене с окраинами империи, на которых еще шла война, и почтовые станции Кавказской области играли в этом процессе первоочередную роль.

По дорогам Кавказской области проходили войска на Кавказскую линию, а оттуда – в Грузию. Это движение было особо активным в период русско-персидских и русско-турецких войн².

¹ Базилевич К. В. Почта в России в XIX в. – М.: 1927. – С. 59-60.

² Филонов С. Кавказская линия под управлением генерала Эмануеля // Кавказский сборник. Т.15. – Тифлис: 1894. – С. 333.

Рекрутские партии на протяжении всей Кавказской войны двигались по территории Кавказской области. Задача их обеспечения во время следования к пункту постоянной дислокации возлагалась на крестьян селений, расположенных в непосредственной близости от дороги.

Кавказские войска в случае войн с Османской империей и Персией выполняли роль подготовленного резерва, из которого на театр военных действий отправлялись имевшие боевой опыт военнослужащие. Маршрут, по которому происходило пополнение войск, проходил по Кавказской области, состояние дорог здесь играло важную стратегическую роль.

Также не следует забывать, что на Кавказскую область возлагались обязанности обеспечения продовольствием войск Кавказского корпуса, и транспортная инфраструктура играла в этом процессе одну из первых ролей.

Большое значение, как для экономики Кавказской области, так и для снабжения войск Кавказского корпуса имели дороги, ведущие начало от пристаний на Каспийском море. Гражданский губернатор Семенов в 1838 году приказывал Кизлярскому окружному начальнику начать прокладку новой дороги от недавно учрежденной Серебряковской пристани до станции Таракано-Бугровской¹.

Обслуживание дорог, поддержание их в рабочем состоянии возлагалось на крестьян: «... исправление дорог и построение состоящих на большом Черкасском тракте в Ставропольском округе деревянных мостов, производилось и производится уравнительно теми же самыми обществами казенных селений, которые причисляются к трактовым селам для отбывки постойной и подводной повинностей»².

Проанализировав результаты проверок состояния дорог и мостов, Кавказская Палата Государственных Имуществ в марте 1839 года представила гражданскому губернатору правила содержания «мостов по трактам», которые вскоре были утверждены. Во-

первых, мосты по дорогам, особенно по большим почтовым трактам, должны были содержаться в исправности. Обязанность их исправления возлагалась на «волостные и сельские начальства». Во-вторых, серьезные поломки мостов должны были исправляться незамедлительно. В-третьих, повинность по исправлению мостов должна была равномерно распределяться между сельскими обществами. В-четвертых, особое внимание обращалось на «мосты по большому тракту, и на те из проселочных трактов, через кои по маршрутам проходят военные команды или провозятся военные тяжести». Близость театра военных действий накладывала свой отпечаток. На Кавказскую область возлагалось обеспечение российских войск на Кавказе, для этого нужно было в исправности содержать дороги¹.

Не только содержание дорог в исправности, но зачастую и перевозка грузов или людей возлагалась на казенных крестьян, отбывавших подводную повинность. Так, крестьянам приходилось осуществлять помощь в транспортировке воинских грузов и команд, арестантов, солдатских жен, идущих на поселение к мужьям, чиновников, едущих по казенным надобностям². Военная администрация Кавказской области также строго следила за тем, чтобы мосты и переправы через реки находились в исправности, так как от этого зависела скорость передвижения войск, снабжения действующей армии продовольствием. Несмотря на то, что ремонт дорог и мостов находился в ведении кавказского гражданского губернатора, в экстренном порядке исправлением мостов иногда приходилось заниматься и казакам Кавказского линейного казачьего войска. Позднее, в мае 1841 года наказной атаман Николаев обратился к гражданскому губернатору Хомутову с просьбой присоединить «казенные и помещичьи селения и казачьи станицы для исправления военных трактовых дорог»³.

Починка дорог была достаточно серьезной и важной проблемой в Кавказской области. Еще в 1839 году командир Кавказского

¹ Государственный архив Ставропольского края (ГАСК), ф. 444, оп. 1, д. 822, л. 1.

² ГАСК, ф.444, оп. 1, д. 823, л. 3.

¹ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 823, л. 16-17.

² ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1036, л. 1-2.

³ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1423, л. 16, 17 об.

корпуса генерал Головин в рапорте военному министру генерал-адъютанту графу Чернышову предлагал деньги, выделенные на дорожное строительство на Кавказе, в том числе в Кавказской области, направить на ремонт старых дорог, а не на строительство новых. Это позволит, по его мнению, привести уже существующие дороги в «удобное для пользования состояние». Новые же дороги потребуют гораздо более значительных сумм, чем выделены, тем более, неизвестно, когда новые дороги начнут функционировать. Другую часть средств он предлагал направить на наем рабочих, сформировать для дорожных работ военно-рабочие батальоны¹. Предложение Головина было признано достаточно рациональным. Приведение в порядок существующих транспортных коммуникаций, создание постоянного штата тех, кто будет этот порядок поддерживать – все эти меры могли бы существенно улучшить дорожное сообщение в Кавказском крае, в том числе в Кавказской области.

В то время, когда продолжались военные действия на Кавказе, дороги играли стратегически важную роль. Они служили материальной основой для установления контроля империи над присоединяемыми окраинами. Важную роль в осуществлении этого контроля играла скорость почтового сообщения.

В непосредственной близости от района боевых действий значимость почты еще более возрастила, так как центр получал сведения о ходе боевых действий, а командование войск – приказы центра.

В 1840 году Николай I повелел доставлять корреспонденцию из Тифлиса «по важности получаемых известий о положении дел наших на Кавказе и за Кавказом» вместо одного, два раза в неделю². Доставка этой корреспонденции осуществлялась экстра-почтой. Почт-инспектор VIII округа именно поэтому настоятельно требовал от кавказского гражданского губернатора ускорить доставку экстра-почт по вверенной ему территории. Дело в том, что имели

место «большие промедления» экстра-почт во время их движения по Кавказской области¹.

По этой причине почтовый департамент МВД поручил почт-инспектору «иметь бдительное наблюдение за поспешнейшим ходом экстра-почт». А почт-инспектор в свою очередь требовал от гражданского губернатора «чтобы почты возились так скоро, как только возможно». Надзор за скоростью следования почт со стороны губернатора и полиции должен был стать более строгим².

Почтовая дорога Кавказской области была признана неудобной для движения воинских команд как из-за сложностей рельефа, так и из-за «неудобств для ночлегов... в некоторых селениях... лежащих от селения Среднего Егорлыка» до города Ставрополя³.

Новый маршрут движения воинских команд через Кавказскую область проходил через другие села.

На этот тракт переводились с прежней почтовой дороги, как провиантские магазины, так и этапные команды. Во всех селениях и станицах, лежавших «на новом тракте» должны были быть подготовлены ночлеги⁴. Крестьяне тех селений, через которые следовали воинские партии, должны были их кормить. Но партионные офицеры не могли обращаться к крестьянам «ни с какими прихотливыми требованиями, и ограничивались бы в продовольствовании команд только тем, что крестьяне дать могут»⁵.

1843 год был достаточно тяжелым для войск Отдельного Кавказского корпуса, убыль среди личного состава была высокой. На пополнение подразделений Кавказского корпуса были направлены рекруты набора 1843 года в составе 11-ти маршевых батальонов, которые 1 октября 1844 года должны были прибыть в Ставрополь. В связи с этим администрация Кавказской области должна была распорядиться о сопровождении этих батальонов, отводе

¹ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1374, л. 29 об.

² ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1983, л. 6.

³ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2406, л. 1 об.

⁴ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2319, л. 1-1об.

⁵ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2810, л. 1-1об.

¹ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1374, л. 29.

² ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 1374, л. 13-13 об.

или «в пути» квартир, в ее обязанность входило и «заготовление по 20 обычательских подвод»¹.

Таким образом, дороги, почты, села, расположенные рядом с дорогами, города должны были функционировать как единый хозяйствственный комплекс. От этого зависела реализация геополитических целей России на Кавказе.

Сухопутные сообщения играли доминирующую роль в Кавказском крае, а частности в Ставропольской губернии. Капитан Забудский писал, что реки Кавказского края «несудоходны и что ими нет возможности пользоваться как путем сообщений, для доставления различных потребностей для войск или для развития торговли и промышленности; перевозка всех предметов для Кавказского края производится сухим путем»². Данное заключение, сделанное в 1851 году, подчеркивает важность всех ежегодных и ежемесячных исправлений дорог и мостов, производимых в основном государственными крестьянами губернии. Иногда для этих целей привлекались военно-рабочие батальоны.

Во время следования войск по дорогам Ставропольской губернии военнослужащие, а именно рекруты, от непривычного климата заболевали. В связи с этим «на военной дороге, открытой в виде опыта с 1848 г. от Среднего Егорлыка до Екатеринограда» в 1852 году были открыты госпитальные отделения для «обеспечения заболевших из проходящих команд»³.

На селения, расположенные вблизи дорог, падало большее бремя повинностей (подводная, квартирная). Но постепенно их близость к дороге, через которую проходили войска, стала приобретать экономическую выгоду. Начальник одной из рекрутских партий, майор Веймарн обратился в 1855 г. с запросом к ставропольскому гражданскому губернатору Волоцкому. Суть запроса в следующем: «Могут ли жители Ставропольской губернии продо-

вольствовать улучшенную пищею проходящие рекрутские партии за кормовые деньги»¹.

Ставропольская Палата Государственных Имуществ поставила этот вопрос на мирских сходах придорожных сел государственных крестьян. На предложение Палаты крестьяне ответили «полным согласием»². В соответствии с наставлением партионным офицерам от 5 марта 1853 года крестьяне кормили проходящих рекрутов «щами с говядиной или рыбою, кашей крутой с постным или скромным маслом, горохом или картофелем хорошо уваренным и могущим служить к лучшему насыщению»³. Как видим, движение войск по территории Ставропольской губернии давало возможность для экономического роста крестьянских хозяйств.

Дороги Ставропольской губернии, возникнув первоначально «для военных надобностей», для движения войск и военных грузов, по мере заселения и экономического развития Ставропольской губернии стали приобретать значение торговых коммуникаций. Более того, сам факт движения войск по дорогам губернии служил стимулом для экономического роста придорожных сел.

Хозяйственная жизнь губернии, «распределение средств и торговля» зависели от направления движения войск. К концу 50-х – началу 60-х гг. XIX века через территорию Ставропольской губернии проходили три главных тракта: Черкасский, Царицынский и Тифлисский. По ним, как по главным артериям, «текла жизнь края». Села, расположенные по этим трактам, были в лучшем положении «в отношении сбыта своей продукции». Хотя из-за постной и подводной повинностей эти села несли «известную тяготу, но, несомненно, уровень зажиточности их постепенно повышался». Движение войск по дорогам Ставропольской губернии было очень интенсивным, что объясняется военно-политической ситуацией в Кавказском регионе. А значит, возможностей для экономического развития сел, расположенных возле дорог, было достаточно много, чем и пользовались их жители.

¹ ГАСК, ф. 444, оп. 1, д. 2810, л. 17 об.

² Забудский И. Н. Обозрение Кавказского края по северную сторону Главного хребта в историческом, топографическом и статистическом отношении. – СПб.: 1851. – С. 77.

³ ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 3136, л. 1-1 об.

¹ ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 3157, л. 3-3 об.

² ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 3157, л. 6-6 об.

³ ГАСК, ф. 101, оп. 1, д. 3308, л. 1-1 об.

Итак, средствами коммуникационного контроля России над территорией Кавказского региона были дороги и почты, находившиеся в том числе на территории Ставропольской губернии. По дорогам осуществлялось движение войск к театру военных действий, доставлялись грузы. Почты давали возможность для обмена информацией между различными частями империи. Дороги играли важную роль в экономической сфере. Благодаря им развивалась торговля, жители придорожных сел имели больше возможностей для получения экономической выгоды.

Дороги, мосты, крестьяне, отбывавшие повинности и занимавшиеся извозом и сбытом своей продукции проезжающим, почтовые станции – все это представляло собой единый экономический комплекс, функционировавший с целью обеспечения потребностей войск, решавших военно-политические задачи России. По мере «замирения» Россией Кавказа этот экономический комплекс превращался в основу для мирной жизни.

Д.М. Маламагомедов,
Махачкала

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ В СОЧИНЕНИИ МУХАММАД-ТАХИРА АЛЬ-КАРАХИ «КИТАБУ ИБАРАТ АЛ-И'ТИБАР» (КРАТКИЙ ОБЗОР)¹

Мухаммадтхир ал-Карахи ал-Цулди ал-Авари – крупный дагестанский ученый, историк и правовед. Родился в сел. Цулда². Первоначальное образование по арабскому языку, философии, логике, теории фикха, праву, теории диспута получил у местных алимов. В 40-х годах XIX в. был кадием сел. Тлярош³. В 1850-1858 гг. был историографом и делопроизводителем Шамиля и долгое время жил в его резиденции в Ведено.

Многие исследователи датой рождения Мухаммадтхира ал-Карахи считают 1809 год. Однако по сведениям его сына Хабибуллаха, Мухаммадтхир ал-Карахи родился в 1811 году. Также разнятся данные по поводу смерти ученого, и во многих трудах исследователей датой его смерти указан 1882 г., а на самом деле он умер в среду 22-го числа месяца Зу-л-хиджжа 1879 году во время восхода солнца (25 ноября 1880 г.). Эта дата зафиксирована на титульном листе автобиографического сочинения «Китабу ибарат ал-и'тибар», и на могильной плите ал-Карахи в сел. Цулда.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, №12-01-00359

² Цулда (аварск. Цулда) – Ныне село в Чародинском районе РД, общество Карах.

³ Тлярош (аварск. Кьорош) – село в Чародинском районе РД. В 40-х годах XIX в. Мухаммадтхир был кадием этого села.

После пленения Имама Шамиля в 1859 г. он вернулся в г. Темир-Хан-Шуру¹, где состоял сначала кадием, а затем – старшим кадием Дагестанского народного суда. Это краткий, но довольно насыщенный жизненный путь Мухаммадтхира, который известен на сегодняшний день. В исследуемом нами сочинении самим автором описываются подробности его жизни и деятельности.

Главным трудом, прославившим Мухаммадтхира ал-Карахи является историческое сочинение «Барикат ас-суйф ад-дагистаний фи ба'д ал-газават аш-Шамилийа» («Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах»). Это историческое сочинение законченное в 1870-1872 гг. В настоящее время известно около 20 списков этой хроники, хранящихся в различных фондах и книгохранилищах России и за рубежом: в Санкт-Петербурге, Баку, Тбилиси, Махачкале, Закатале, Гоцатле, Ставрополе, Хунзахе, Кахибе и других местах. В Махачкале, в Рукописном фонде (РФ) Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН хранится несколько списков, в том числе и автограф 1873 года, охватывающий события 1830–1871 гг.

Ал-Карахи также является автором сочинений по грамматике арабского языка, теории диспута, назра, стихов, большого числа писем – ответов на вопросы по мусульманскому праву, догматике и др. В РФ ИИАЭ и в частных коллекциях хранится большое число копий сочинений Мухаммадтхира, есть и автографы его писем по самым разным вопросам².

Его автобиографическое сочинение не было предметом отдельного научного исследования. Некоторые ученые лишь указывали на его наличие в библиотеке. Данная статья является одной из первых попыток введения в научный оборот столь информативного сочинения Мухаммадтхира ал-Карахи «Китабу 'ибарат

ал- и'тибар фи истислахи ал-а'мал би кадари ал-иктидар» («Книга рассказов о значимости стремления к улучшению деяний по мере своих сил»). Название книги слишком длинное и трудное для произношения, поэтому, в дальнейшем в исследовании, мы намерены использовать ее краткое название «Китабу ибарат ал-и'тибар».

Еще в самом начале сочинения «Китабу ибарат ал-и'тибар», в колофоне, Мухаммадтхир пишет, что именно подтолкнуло его к написанию данного сочинения. По его словам «поводом написания этого небольшого сочинения послужило его знакомство с сочинением Абубакара ал-Аймаки, который называется «Маджму' ал-авбаш», в переводе, который означает «Собрание глупца» или же «Глупые собрания». По своему характеру, тематике и жанру эти оба сочинения схожие, т. е. оба автора через призму своей жизни и деятельности, по сути, излагают исторические события и политическую обстановку того периода.

Книга была завершена в благословленном месяце Сафар 1295 году по хиджры, что соответствует 1878 году. На сегодняшний день известно два списка вышеуказанного сочинения. Первый список, автограф Мухаммадтхира, хранится в музее сел. Цулда. Другой, исследуемый нами список сочинения был переписан с почерка оригинала рукописи ал-Карахи рукою Шабана, сына Мухаммада из Телетля¹, который, в свою очередь, завершил переписку рукописи в пятничный день после обеда, месяца Раби'ул аввал 6-го числа 1319г/х, что соответствует к 23 июня 1901г.

Сочинение «Китабу ибарат ал-и'тибар», имеет классическое начало, т.е начинается с «басмала». После чего, автор восхваляет всевышнего Аллаха и его посланника, пророка Мухаммада и его сподвижников.

После всех приветствий и славословия автор излагает краткий обзор сочинения и говорит, что «это изложение некоторых вещей, которыми я был одарен и научен Всевышним Аллахом, и я предположил оставить назидание тем, кто думает и заботится о последствиях. И когда тот (человек) старается по мере своих сил и возможностей исправить свои деяния и помысли (намерения в каком бы

¹ Темир-Хан-Шура – дореволюционное название города Буйнакск.

² Крачковский И.Ю. Новые рукописи истории Шамиля Мухаммадтхира ал-Карахи, – Избр. соч. М.-Л., 1960. Т.VI; Хроника Мухаммадтхира ал-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля. Пер. с араб. А.М. Барабанова. М.-Л. 1946; Михайлова А.И. Каталог арабских рукописей Института народов Азии АН СССР. Вып. 3. История. М., 1965. – С. 145-146 и др.

¹ Телетль (аварск. Т1елекъ) – село в нынешнем Шамильском районе РД.

то не было места – всегда и везде) а также, будучи убежденным, в том, что это возможное»¹.

Далее, продолжает автор, «из числа того чем Аллах наполнил мое сердце – это любовь к справедливости и ненависть к несправедливости и гнету. И когда я вижу, или даже слышу от кого-либо, или же по отношению кому-либо совершено справедливость и честность то я этому радуюсь, и душа моя чувствует удовлетворение. И точно также и наоборот. Я стараюсь помочь угнетенному, чтобы отвратить от него гнет. Хвала и милость Аллаха в этом. А также это страстное желание и стремление к получению знаний, хотя, есть поговорка, в котором говорится что «у меня нет времени для изучения наук, так как я один у родителей»². Из вышеприведенной цитаты мы видим в авторе человека благородного, стремящегося помочь людям, справедливого и искренне верующего.

Начальное образование Мухамадтхахир получил в своем родном селе, изучил все установленные (по программе) книги³ вплоть до «ал-Джами». После окончания курса всех перечисленных наук, следующим этапом в исламской образовательной иерархии является изучению книг известного мусульманского ученого и суфия Абдуррахмана ал-Джами, вкратце именуемая «ал-Джами».

Мухамадтхахир скитался по всему Дагестану. После возвращения, – пишет он, – я женился, после чего буквально «ухватился за подол»⁴ ученого Хаджибира из Гоноха⁵ (да благословит его Аллах) и «я не отлучался от него, пока не приобрел достаточного

¹ Цитата по рукописи «Китабу ибарат ал-и'тибар». С.1. (Здесь и далее перевод с арабского наш).

² Там же. – С.1.

³ Мухамадтхахир ал-Карахи получил хорошее образование в различных медресе: как он сам сообщает, он прошел курс предметов в сел. Корода, у алима Курбанмухаммада по прозвищу Маан, в Ангиде («Чарпарди», у кади Мустафа), в Корода (метрика, у Хаджимухаммада, сына Сулаймана), Мохсох (грамматика, адаб, у кади Мухаммадамина), Гигатль (право, история ислама, у шейха Данийала).

⁴ Образное выражение, букв. не отходил от него.

⁵ У Хаджибира из Гунаха он изучал (философия, логика, теория диспута, право, тафсир,).

багажа знаний». Об этом в своей книге «Воспоминания...»¹ пишет зять имама Шамиля и сын Джамалуддина Казикумухского Абдурахман из Казикумуха². По сведениям сочинения в 1845 году его учитель Хаджибири был взят в плен, «некоторыми ве-роотступниками». Но вскоре был освобожден по распоряжению самого генерал-губернатора Аргутинского. После смерти учителя и наставника³, Мухаммадтхахира переводят в лакское село Ницовка⁴ мударрисом. И он прожил там некоторое время без всякого желания на это и, будучи отрешенным от всякого имущества и главенства, хотя и «нуждался в нем для залатывания своих бытовых дыр»⁵.

Будучи исключительно набожным и искренне верующим человеком, он не тратил ни копейки общественного имущества, ни на себя, ни на свою семью. Его исключительная набожность еще проявлялась и в том, что он не принимал даже того, что выделял ему имам из казны, т. е из байтулмала⁶. Об этом в своей книге упоминает и Абдуррахман из Казикумуха⁷.

Одной из практически неизвестной и малоизученной стороной биографии Мухаммадтхахира ал-Карахи было его отношении к суфизму и тарикату. Некоторые ученые и исследователи говорили, что он был суфием, а некоторые совершенно отрицали его отношение к этому течению. Вопрос, был ли Мухаммадтхахир суфием и мюридом оставался открытым. Будучи мударрисом в с. Ницовка, Мухаммадтхахир тайно посещал шейха Джамалуддина из Казикумуха. Об этом Мухаммадтхахир упоминает и в своем автобиографическом сочинении: «В это время я посещал устаза Джамалудди-

¹ Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний саййида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайнин о делах жителей Дагестана и Чечни. Махачкала, 1997.

² Там же. – С. 207.

³ По тексту рукописи – отправился к дому Аллаха.

⁴ Ницовка – село в Лакском районе РД.

⁵ Цитата по рукописи «Китабу ибарат ал-и'тибар». – С. 3.

⁶ Байтулмал (араб.) – общественное имущество.

⁷ Абдурахман из Казикумуха. Книга воспоминаний. Махачкала, 1997. – С. 81.

на в его селе Казикумух. Это был год, когда Шамиль был окружен на Ахульго»¹.

В том году, пишет Мухаммедтахир, «земля (в Дагестане) иссушилась, и было мало благодати»². Не было урожая, и люди еле-еле сводили концы с концами. В целях добывания пропитания и содержания себя и своей семьи Мухаммедтахир вынужден был заниматься торговлей. Он покупал продукты и вещи первой необходимости, на знаменитом Цудахарском базаре и перепродавал их в с. Ницовка. По этому поводу сам он пишет: «мне пришлось отправиться туда, чтобы купить пропитание из Цудахара. Это был единственный случай, когда мне пришлось позаботиться о своем пропитании. И все это было по милости Всевышнего Аллаха»³. Это был год, когда родился его сын Хабибуллах⁴. В этом же году началось время усиления моши имама со стороны Чечни, «и я просил у Аллаха, чтобы власть его (Шамиля – М. Дж) достигла и Карага. В это время наибом Карага был назначен Абдурахман из Гочоб. И после его назначения я уединился с ним»⁵.

Абдурахман ал- Гочоби назначает Мухаммедтахира кадием в сел. Тлярош, как тот писал, без «моего на это желания и от чего я не смог уберечь себя». Имамом общества Карага стал Нурмухаммад ал-Гунухи. Мухаммедтахир пишет: «после его назначения я уединился и с ним»⁶. Нурмухаммад ал-Гунухи был наибом селений Цулда, Гунух, Тлярош, Гочода и других сел общества Карага⁷.

Проработав некоторое время кадием, Мухаммедтахир оставляет свой пост по собственному желанию и по согласию на то имама Нурмухаммада ал-Гунухи. По истечении определенного времени,

¹ Шамиль на Ахульго был окружен в 1839 году, и в том же году Мухаммедтахир ал-Караги посещал шейха Джамалуддина Казикумухского.

² По сведениям из источников в 1839 году в Дагестане отмечается сильная засуха.

³ Цитата по рукописи «Китабу ибарат ал-и'тибар». – С. 3.

⁴ Хабибуллах, сын Мухаммедтахира ал-Караги. Скончался 12 числа месяца (джумада-л-ахир) 1339г, т.е. 21 февраля 1921г.

⁵ Цитата по рукописи «Китабу ибарат ал-и'тибар». – С. 3.

⁶ Там же.

⁷ Подробнее об этом в кн.: Сто писем Шамиля. Махачкала, 1997. – С. 242.

имам Карага Нурмухаммад ал-Гунухи, по просьбе Кебедмухаммада Телетлинского¹, отправляет Мухаммедтахира в с. Телетль, чтобы он возглавил там шариатский суд. Но он отказался от этой должности и вернулся обратно в Карага. Тогда Нурмухаммад ал-Гунухи потребовал от него чтобы он стал кадием с. Гочоб. Ал-Караги не смог два раза подряд отказать своему учителю и имаму общества и принял его предложение. Обязанности кадия села Гочоб он исполнял вплоть до приглашения его имамом в Дарго. Вот как автор описывает свое прибытие к Шамилю. «После всех этих событий, я отправился к имаму Шамилю и спросил его: наibly распоряжаются делами кадиев по их собственному желанию!?. Или же Ты разрешишь мне отсидеться дома, или же велишь (прикажешь) претворять в жизнь справедливое решение между противоречащими сторонами?». На что имам ответил ему: «Продолжай выносить решения согласно тому, как написано в Книге (по Корану)². Через некоторое время наибом Карага был назначен Даниял-бек Илисуйский. В это же время, по приказу имама Мухаммедтахири дают звание «мuftий». Известно, что в 1845 году Шамиль назначил Даниял-бека Илисуйского – мудиром Аварского, Андаласского, Тленсерухского и Карагского наибства. Он оставался наибом и управлял от крепости Ириб до 7 августа 1859 года.

Потом судьба связала его с Шамилем. Начиная с 1850 года, Мухаммедтахир, в течение восьми лет работал у Шамиля секретарем, а по существу – историографом. Далее Мухаммедтахир пишет, что, по воле Аллаха ему довелось жить вместе с имамом и мухаджирами в с. Дарго. Поселил его имам у себя дома на зиму, решительно и настойчиво повелел ему, чтоб он написал хронику. Будучи в Дарго, имам дважды предлагал Мухаммедтахири быть учителем его сына Газимухаммада, но «Аллах оберегал меня каждый раз от этого, так как до этого меня попросили об этом и другие ученые»³.

¹ Кебедмухаммад – был назначен наибом Телетля в 1840 г, а по данным Гасана Алкадари в 1837 году. См.: СМОМПК. 1929, вып. 46. – С. 138.

² Цитата по рукописи «Китабу ибарат ал-и'тибар». – С. 4.

³ Цитата по рукописи «Китабу ибарат ал-и'тибар». – С. 5.

После падения Дарго, Шамиль с небольшим числом оставшихся верных ему приближенных и членами семьи с боями отходил к Гуниб. Мухаммадтхира не было среди мюридов, поднявшихся на Гуниб. Он, вероятно, остался в оккупированном русскими войсками Дарго. Во время осады Гуниба он был одним из трех посредников, посланных русским командованием к Шамилю для переговоров о его сдаче в плен.¹

После плена Шамиля и с приходом войск падишаха (русского царя) Мухаммадтхира пригласил к себе Назаров² и попросил, чтоб он захватил с собой книгу о делах Шамиля. Просьба эта была передана через Кебедмухаммада Телетлинского. Мухаммадтхир ответил Кебедмухаммаду, что он уничтожил ту книгу. Однако, в очередной раз Мухаммадтхир получает приказ лично явиться к Назарову с рукописью хроники. «И я пошел к нему и вручил хронику»³, – пишет автор.

После падения Гуниба и сдачи Шамиля Мухаммадтхир переселился в Темир-Хан-Шуру, где жил до конца своих дней, исполняя обязанности кадия, а затем – старшего кадия Дагестанского народного суда.

Как и каким образом он оказался в Темир-Хан-Шуре Мухаммадтхир описывает следующим образом. «После смерти ученого Муртазаали ал-Уради⁴, который являлся судьей при суде в Шура, пошла молва (букв. распространялись слухи – М.Дж) среди народа будто бы меня приглашают на его место. Тогда я попросил ученого-наиба Мухаммедмирза, чтоб тот передал русским, если конечно спросят его мнение, что я не подхожу на эту должность. Но его об этом не спросили. После чего меня вызвал к себе на-

¹ Цитата взята из введения А.М. Барабанова к арабскому переводу сочинения Мухаммадтхира.

² Назаров – начальник Дарго.

³ Цитата по рукописи «Китабу ибарат ал-и'тибар». – С. 5.

⁴ Муртазаали ал-Уради – (ум. в 1865 г.). Известный дагестанский ученый, законовед, политик, автор многочисленных фетв, знаток арабской грамматики и других «арабских наук», большой знаток тафсира и сирры. Был одним из авторитетных советников Шамиля. После его плена служил в Верховном народном Шариатском суде в Темир-Хан-Шуре.

местник (губернатор) господин Кармелин¹ и сказал, что Меликов² требует тебя в Шуринский суд. Тогда я попросил его (Кармелина) дать понять ему (Меликову), что я не подхожу для этой работы и не в состоянии пойти туда. С моими доводами он (Кармелин) согласился и вернулся в Шуру. После его возвращения пришла весть, что Меликов не согласился с моими доводами, переданными через Кармелина, и повелел, чтоб меня привели к нему лично»³.

После визита к Меликову, Мухаммадтхир взял у него слово, что тот не будет сердиться на него. Мухаммадтхир начал по новому приводить свои оправдания по поводу предлагаемой должности судьи, тем самым давая понять, что он не в состоянии взять на себя столь ответственное поручение.

«Однако, – пишет Мухаммадтхир, – начал он (Меликов) «Субханаллагу газим». Я был удивлен и поражен остроумием, красотой и выразительностью его речи при опровержении моих доводов и он буквально вынудил меня взяться за это дело»⁴. Меликов говорил Мухаммадтхиру, что «религии наши разные, и что он не может отличить правду от лжи в вашей религии» Далее добавил он, «что хочет иметь при себе такого же, как он ученого, который помог бы ему установить истину и уничтожить ложь». В конце своей речи, вдобавок еще и спросил «если ты не примешь эту должность, то не согрешишь ли ты перед Всевышним»?

На что Мухаммадтхир ответил:

«Да, если я смогу. Но мое тело ослабло и я немощен».

Меликов: «Разве Аллах не сможет вложить в тебя сил для этого, если взяться»?

После основательного разговора с Меликовым Мухаммадтхир вынужден был согласиться, и сказал, что он придет и испытает себя и свои силы на новом поприще. Таким образом, Мухаммадтхира из Караба вынудили взяться за исполнение обязанности народного судьи в Темир-Хан-Шуре.

¹ Кармелин – генерал-майор ген. Штаба. Управитель в среднем Дагестане в 1867 г.

² Меликов – губернатор в Темир-Хан-Шуре.

³ Цитата по рукописи «Китабу ибарат ал-и'тибар». – С. 6.

⁴ Там же.

Меликов установил для него свободный график и разрешил приходить на работу тогда, когда позволит его самочувствие и здоровье, т. е. в его обязанности не входило сидеть целыми днями в кабинете. Далее он (Меликов) повелел выдать ему пятьдесят монет на дорожные расходы. Тогда Мухаммадтахир вразбрал ему, сказав, что он дервиш и все необходимое у него с собой. Но он (Меликов) все же настоял, чтоб Мухаммадтахир их принял. Все это произошло летом 1284/1867 года.

Далее в рукописи описывается встреча с наместником на Кавказе Чавчавадзе и передача списков рукописи хроники Мухаммадтахира ему.

Однажды, пишет Мухаммадтахир, Чавчавадзе обратился ко мне со словами: Не осталось ли у тебя то, что ты написал о делах Шамиля?

Мухаммадтахир ответил: Да, они у меня дома.

Тогда он сказал: Я хочу, чтоб ты их принес ко мне.

Он ответил: Я их принесу, но только то, что было написано мною во время войны.

Он согласился со мной и сказал: Я знаю.

Мухаммадтахир передает наместнику записи хроники. Целый год держал у себя Чавчавадзе записи Мухаммадтахира и подробно изучал их содержание. По истечении года записи были возвращены автору.

В общей сложности Мухаммадтахир исполняет обязанности народного судьи в Темир-Хан-Шуре четыре года. По истечению четырех лет в 1290/1873 году Мухаммадтахир пишет наместнику письмо следующего содержания: «Я состарился, и силы моего тела иссякли. Я прошу, с Вашей стороны, разрешить мне отиться дома».

На что Мухаммадтахир получает ответ:

«Нам бы хотелось бы, чтобы ты оставался с нами, раз ты желаешь отойти от дел и оставаться дома, то ты волен делать это. Но мы хотим, чтобы ты рекомендовал нам достойного человека, который бы занял твое место». Мухаммадтахир предложил две кандидатуры. Это Газимухаммад из Бацада и Абдулхалим из Согратля. По

решению наместника на должность был избран Абдулхалим из Согратля¹.

Мухаммадтахир возвращается в свой родной аул Цулда, преподает и посвящает себя науке. Известно, что у Мухаммадтахира была уникальная библиотека. На внутренней стороне переплета одной из рукописи его библиотеки имеется полный перечень книг Мухаммадтахира, где насчитывается около 300 книг. Уцелевшая часть библиотеки хранится в музее Мухаммадтахира ал-Карахи в его родном ауле Цулда в количестве около 200 экземпляров.

Также в автобиографической рукописи «Китабу ибарат ал-и'тибар» Мухаммадтахир рассказывает, как, каким образом и кем были ему привезены столь уникальные книги и рукописи. «Как-то наместник Чавчавадзе вызвал меня к себе, – пишет Мухаммадтахир, и предложил свои услуги. Это было время, когда Чавчавадзе с визитом собирался в Турцию. Он предложил мне привезти оттуда нужные книги, и попросил составить список книг. Я составил список и передал ему. Через два года Чавчавадзе привез из Турции все перечисленные мною книги». Среди них были: Хашийа Шейх-Заде ала ал-Кади – 4 тома, Шарх аз-Заркани ала ал-Мавахиб – 8 томов, ал-Мутавват и многие другие книги, изданные в Турции. Некоторые уцелевшие книги того списка хранятся и поныне в музее с. Цулда.

¹ Цитата по рукописи «Китабу ибарат ал-и'тибар». – С.14.

А. Ч. Абазов,
Нальчик

«КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА В ДРАМАТУРГИИ ЧЕРКЕССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ»

Аннотация:

Статья «Кавказская война в драматургии черкесского зарубежья» посвящена проблеме художественного решения темы махаджирства в литературе черкесского зарубежья.

Помимо исследования драматургического конфликта и его воплощения в данном произведении, в статье параллельно рассматриваются языки, специфическая манера речи персонажей, раскрываются особенности художественного освещения исторических событий и судеб реальных людей эпохи Кавказской войны.

Следует отметить, что Кубов Шабан в своей трагедии использовал тексты песен-плачей собственного сочинения как своеобразный фон реконструируемых трагических страниц истории адыгов.

Восстановленное нами произведение Ш.Кубова исследуется с учетом духа того времени, той эпохи, в которых оно создавалось.

Ключевые слова: 1. Трагедия 2. Махаджирство 3. Герой 4. Драма 5. Образ 6. Роль 7. Диаспора 8. Переселенцы 9. Черкесы.

The article «The Caucasian War drama Circassian countries » is devoted to a problem of the art solution of a subject of a makhadzhirstvo in literature of the circassian abroad.

Besides research of the art conflict and its embodiment in this work, we also consider language, specific speech of characters, we open features of artistic realization of historical events and destinies etc.

It should be noted, that in the considered Kubov Shaban used texts of songs-crying of his own composition, as a peculiar background of considered tragic pages of history of circassians, where he uses pleonasm as stylistic means of the image. Analyzed work is investigated into account of the spirit of that time in which it was created. **Keywords:** 1) tragedy; 2) makhadzhirstvo; 3) hero; 4) drama; 5) image; 6) role; 7) diaspora; 8) immigrants; 9) circassians.

Проблема махаджирства (насильственного переселения коренных жителей Кавказа в пределы Османской империи) занимает в истории и литературе абхазо – адыгов особое место и представляет большой научный и практический интерес. Как справедливо отмечается в научной литературе, первопричиной массовой горской эмиграции явилась проводимая тогда в этом регионе политика царизма.

На сегодняшний день есть значительная историческая литература, анализирующая события и результаты Кавказской войны. Это работы Г.А. Дзидзария «Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия» (1975), А. Х. Бижева «Социально – экономический строй народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в годы Кавказской войны» (2005), В. К. Гарданова «Общественный строй адыгских народов» (1967), А.Х. и Х.А. Касумовых «Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке» (1992), Т. Х. Кумыкова «Выселение адыгов в Турцию – последствие Кавказской войны» (1984) и другие.

Тема махаджирства и Кавказской войны давно привлекала внимание абхазских и адыгских драматургов. По своим политическим, социально-экономическим последствиям она была в жизни всего Кавказа событием чрезвычайной важности. В 60–70-х годах XX века у народов Кавказа обострился интерес к проблеме массового исхода горцев из исторической родины. Именно тогда появились значительные произведения, прямо или косвенно затрагивающие

трагедию горцев. Но если говорить об истории освещения данной темы в творчестве абхазских и адыгских писателей, то необходимо вспомнить имена тех, кто стоял у ее истоков. Одним из первых, кто обратился к этой проблематике, был абхазский писатель, драматург С. Я. Чанба, который еще в 1920 году написал историческую драму «Махаджиры» («Изгнанники»). Его пьеса была посвящена исторической трагедии абхазо-адыгских народов, в результате которой сотни тысяч адыгов и абхазов вынуждены до сих пор жить за пределами исторической родины¹.

В начале 60-х годов XX столетия впервые в истории кабардинской драматургии тему махаджирства поднял в своей драме в стихах «ИстамбылакIуэ» («Изгнанники») и Залимхан Алиевич Аксиров (1919-1995)².

Эту проблематику в жанре драматургии в той или иной форме освещали и потомки махаджиров. К таковым можно отнести трехактную национальную драму «Черкесские дворяне» классика турецкой литературы Ахмеда Медхата Хагурова (Ахмет Митхат – бей эфенди 1844-1912) опубликованную в Стамбуле в 1883 году и пьесу «Кафа» тюркоязычного адыгского писателя Османа Челика (Хакурате)³, ряд произведений известного арабоязычного черкесского драматурга Хазиза Абазэ (1899 -1969). Среди них пьесы «Аль-Абаста» (1947), «Герой» (1950), «Шэджрат ад Дурр» (1951), «Закат Андалусии» (1952), «Шахрияр» (1954), «Свет каравана» (1961), «Къейсэр» (1963). Следует отметить, что египетский поэт-драматург Хазиз Абазэ работал над своей пьесой «Къейсэр», желая обратить внимание своих соотечественников-махаджиров на дату 100-летия окончания Кавказской войны. Напомним, что в городе Кейсери Турецкой Республики компактно проживает черкесская

¹ История советской многонациональной литературы в 6 томах. Том 1. 1917-1931 гг. М.: Наука, 1970. – С. 281.

² Абазов А.Ч. О драматургии Залимхана Аксирова (фольклоризм и историзм пьес). Материалы к спецкурсу «Драматургия в кабардинской литературе». Нальчик: КБГУ, 2006. – С. 22-24.

³ Тимижев Х.Т. Историческая поэтика и стилевые особенности литературы адыгского зарубежья. Нальчик: ГП КБР им. Революции 1905 г. Издательский центр «Эль-фа», 2006. – С. 56, 58.

диаспора махаджиров. У Хазиза Абазэ были еще и другие пьесы и на актуальные и злободневные темы современной действительности. Среди них «Осенние слезы» (1957), «Захра» (1968), «Жизнь жизней» и т.д. В числе тех, кто прикоснулся к отображению данной темы в литературе черкесского зарубежья, был незаслуженно забытый современниками известный адыгский поэт и писатель, композитор и певец, один из авторов школьных учебников, художественный руководитель первого Адыгейского ансамбля песни и пляски, фольклорист, ученый Кубов Шабан Индрисович (01.1890-Адыгея, Хакуринохабль – 20.01. 1974 г. Патерсон (США))¹. Творческое наследие Ш. Кубова стало доступным для соотечественников лишь в начале 90-х годов XX века, когда его дочь Саида передала их на хранение в АРИГИ (Адыгейский республиканский институт гуманитарных исследований) рукописи отца. С тех пор литературное наследие Шабана Кубова стало объектом исследования отечественных литературоведов и фольклористов. Некоторые аспекты его творчества в последнее время были рассмотрены в ряде диссертаций. К ним относятся работы Х. Т. Тимижева «Историческая действительность и эволюция художественного сознания писателей черкесского зарубежья: сравнительно-типологический анализ» (2006), Чотчаевой М. Ю. «Художественное осмысление философской и психологической концепции свободы и несвободы человеческой личности в русской и северокавказской литературах второй половины XIX-XX веков» (2009), Л. Х. Балаговой – Кандур «Адыгская литературная диаспора. – История. Этнодуховная идентичность. Поэтика» (2009), М. Б. Абдоковой «Этноментальные основы литературы черкесского зарубежья» (2009) и другие. Но, к сожалению, вышеозначенные литературоведы только обзорно констатировали факт наличия у Шабана Кубова лишь только текста песни-плача «ПсыникIыж», обозначенного ими под названием «Махаджиры». В этих исследованиях ничего не говорится о жанровой принадлежности, в них нет никакой конкретики об особенностях и художественном достоинстве данного произведения.

¹ Писатели Республики Адыгея. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 2000. – С. 43-44.

В связи с таким положением возникла острая необходимость выяснения жанровой принадлежности «Махаджиров» и ее сличения с текстом обнаруженной нами рукописи пьесы Шабана Кубова. Как нам удалось установить, под произведением «Махаджиры» Ш. Кубова подразумевается не только его песня-плач «ПсыикЫыж»¹, а целая пьеса, которая заканчивается этой песней. Обнаруженная нами рукопись пьесы Шабана Кубова не имела названия. Судя по воспоминаниям очевидцев, именно эта песня впоследствии и легла в основу пьесы о махаджирах «ПсыикЫыж» («Хождение за море») Шабана Кубова. Как нам удалось установить, эта пьеса была написана им на кабардинском языке на основе его алфавита с использованием букв латинского языка. Произведение было создано ориентировано в канун 100-летия окончания Кавказской войны. Так как в начале рукописи пьесы не были обозначены фамилии и имена действующих лиц, то мы решили сделать это сами. Действующими лицами трагедии «Хождение за море» являются Алексеев, Давыдов, Тищенко, Дзэ пашэ (полковник), Попов, Гуп (они же «Группа офицеров», «офицеры»), Кузнецов, Иванов, Щукин, Ахэр (Они), Азэн (Азан), Гъюо (Глашатай), Солдат, Магамет, Чалимат (Чаламат), Максим, Секретарь, Алкас, Болат (старик, отец Магамета Касаева), Гъэр (Пленник), Бэрзэдж (Берзек), Темиркан, Бгажноко (он же Чалимат Бгажноко), Химсад (сестра Магамета), Іэзэ (Знахарь), Сосруко (старик), Емзэгъыкъуэ (Емзагуко), Лыжъхэр (адыгские старики), Лоу (Лоо), Пльякъуэ (Наблюдатель), Белл, Мезаго (жена Чалимата, она же Гуашаниса), Наиб, Адрейхэр (Остальные), Казак, Мулла, Бачкануко, Щалэхэ (Парни), Лыкъуэ (Посланник), Ханыу, Гупым (Группа черкесов). Среди этих имён есть так называемые «говорящие имена», будь то «Мезаго» (подобная сиянию луны), «Гуашанагъуэ» (от слова «Гуашэ» – княгиня и слова «нагъуэ» кареглазая), ласкательное имя матери Ханыу «Гуашэ нысэ». Так адыги иносказательно обращаются к замужней женщине. Имя «Гуашэнисэ» состоит из слова «Гуашэ» – княгиня и слова «нысэ» невестка). Среди мужских имен отличается имя отрицательного персонажа «Емзагуко», имя которого на адыг-

ской языковой почве трактуется в значении «Сын неблаговидного» (по нашему мнению, это имя образовано от слияния слов «емызэгъ // емыкъу» то, что неприлично, непристойно, неблаговидно + «къуэ» сын), что и подтверждается его действиями и речью в пьесе. Наряду с вымышленными именами в ней представлены ряд имен, которые оставили заметный след в истории черкесов. Среди них встречаются такие имена, как Бэчкъаныкъуэ – «Сын Бачканы» (дословно образовано от онима «Бачкан « + слова «къуэ» сын). Напомним, что в описываемое в пьесе время особой известностью у адыгов пользовались такие породы лошадей, как шалох, бачкан, абоку, атажук, куденет, Сосрыкъуэ – имя легендарного героя, богатыря адыгского нартского эпоса и Химсад. Среди представленных метафоричных имен в пьесе можно отметить персонажа по имени Бгъэжъынокъуэ (Бгажноков) – «Сын бывшего (старого) орлоглазого» (образовано от слияния слов «бгъэ» орел + «жы» старый + «нэ» глаза + «къуэ» сын).

При создании портретной галереи своих персонажей Шабан Кубов искусно использовал особенности художественного воплощения исторических событий и судеб реальных людей эпохи Кавказской войны. В пьесе легко узнаваемы имена некоторых исторических личностей воссоздаваемой эпохи. Так, например, за образом героя пьесы Магомедом мы видим лихого адыгского наездника Магомеда Касаева: «12 февраля 1837 г. абадзеши и кабардинцы собрались на реках Гупс и Фарс для совместных действий. Предводителями горцев были кабардинский князь Тимбулат Хажмурзин, абадзехский старшина Магомед Касаев и эфенди Мезаго»¹, под именем Бел подразумевается фигура британского разведчика, участника Кавказской войны на стороне горцев Белла, Джеймса Станислава (англ. *James Stanislaus Bell*; 8 января 1797, Данди, Шотландия, Великобритания – 16 марта 1858), в образе Бэрзэдж (Берзек) просматривается фигура предводителя убыхов Берзека Керантуха (он же Хаджи-Берзек Керантух или Дагомуко Хаджи-Герандуко), за образом наиба скрыто имя наиба Магомет Амина, который отправился к западным адыгам для консолидации сил сопротивления царским войскам. Если же говорить о представи-

¹ Кубэ Щэбан. ХэшыпыкЫыгъэ усэхэр, орэдхэр, поэмэхэр, пышсэхэр. – Мыекъуапэ: Меотхэр, 1993. – С. 352.

¹ РГВИА ф.15264. оп.1., д.33. л.1

телях царской военной верхушки, которые непосредственно на местах осуществляли колонизаторскую политику на Кавказе, то здесь, наверное, следует вспомнить и ряд имен – участников Кавказской войны, которые впоследствии стали генерал-маирами. Под фамилией Попов автор пьесы, возможно, предполагал фигуру Павла Васильевича Попова (1795-1839) или Михаила Герасимовича Попова (1818-1883), а под фамилией персонажа Иванова подразумевал личность Николая Агаповича Иванова (1813-1873) или Аполлона Алексеевича Иванова (?-1844). Основной конфликт пьесы построен на столкновении интересов трех наиболее влиятельных сил адыгского общества периода сопротивления. С одной стороны, это фигуры Емзагуко и Бачкануко – сторонников мирного разрешения конфликтов и примирения с политикой царизма на Кавказе. В частности, Бачкануко сетует за то, чтобы адыги не покидали пределы своей исторической родины и мирно проживали на своей земле. С другой стороны, выступает фигура предводителя убыхов Берзека, призывающего теснее сплачивать ряды сопротивления. Кроме того, Берзек неустанно осуждает спесивость, неуживчивость и распри, имеющие место среди адыгских князей. С третьей стороны, мы видим людей, объединившихся под знаменем мужественного адыгского предводителя Магомеда Касаева. Он резко осуждает действия царизма по отношению к горцам. Магомед и его сторонники бескомпромиссны. Эта группа до конца своих дней с честью и достоинством отстаивает честь, независимость и свободу черкесов.

Автор пьесы основной упор делает на контуры действий духовенства в жизни горцев и на мотивы принятия горцами Кавказа пути к массовой эмиграции, на воздействие объективных факторов той эпохи. Наряду с достоинствами, а их больше, чем недостатков, в пьесе существует ряд недочетов в языке и стиле. Отмечается также некоторая незавершенность эпизодических персонажей. Несмотря на некоторые недостатки пьесы, относящиеся к построению сюжета, автору удалась главная цель – он передал страдания людей, вынужденных покинуть родную землю и уехать на чужбину: горе разлук, страх, потерю.

Т.А. Муртазов,
Махачкала

БОГИ АБАСКОВ – ГЕНЕЗИС ОБРАЗОВ

Когда речь идёт о языческом веровании абаза, тогда надо осторожно соотносить имена божеств, главное, покровительствуемые ими роды, то ли к абазгам, или же к апсилам. Хотя историческое разделение данных этносов произошло в I-II веках, но дивергенция их субкультур, возможно, гораздо раньше. Поэтому, здесь, говоря о древних языческих верованиях, всего лишь обозначим предпочтение писать об их общих предках, не определённых ещё в этнонаимах абазги и апсилы. С некоторой долей условности можно говорить об Абасках (хотя в экзоэтнониме и присутствует корневая морфема – абазг).

Данная дефиниция вписывается в подход раскрытия этногенеза предков абхазов и абазин, относимых к макросемье сино-кавказских языков¹, которые имеют историческую глубину рождения и развития – 10-8 тыс. лет². В историографии выявляются две линии

¹ В сино-кавказскую макросемью языков включают языки сино-тибетской семьи (китайская, тибето-бирманская, канури, гурунг, невари, лепча, бодо, восточногималайская, качинская и мири), северокавказскую семью (абхазо-адыгские, нахско-дагестанские и шахдагские, возможно, хурритский, урартский, этрусско-языки), енисейские языки (кетов и югов, котов и асанов, предков ныне тюркоязычных хакасов), языки басков Пиренеи, буришков Северного Кашмира, индейцев северо-запада США и Канады – хайда и атабасков на-дене (в частности, навахо).

² Муртазов Т.А. Атабаски, Абаски, Баски. Абхазо-абазинский язык сино-кавказской макросемьи в аспектах палеолингвистики. Издание второе. 2014

более позднего их развития – «абазги-абазины» и «апсилы-апсу», исходные от «ашуи-ашвуа» и «абешла-апесла», отмеченные с III–II тыс. до н.э., на Кавказе и северо-востоке Малой Азии¹.

Поэтому допускается, что некоторые имена божеств «апсилов – апсу», будучи родовыми, возможно, никогда не присутствовали у «абазгов – абазин», и наоборот². И в историографии встречаемся с нечеткостью размещения этнических структур Абхазии (Абазгии), откуда и размытость принадлежности самого экзоэтнонима – «абхаз». Так, апсилы, это жители юго-восточных областей, а абазги – северо-западных регионов страны. Например, в начале новой эры между ними были размещены брухи и аланы, ещё ранее – колхи.

Главное здесь то, что многие исследователи, перечисляя имена божеств, не раскрывают сложную схему их иерархии (формат статьи не позволяет и нам полномасштабно отобразить эту проблему). То ли, они культурные герои, или же солярные божества, возможно, демиурги. Не отмечаются их связи и взаимное влияние, последовательность их возникновения, место их появления – географическая среда, и многое другое. Однозначно к единому абхазо-абазинскому пантеону божеств, можно отнести лишь АНЧВА – демиурга, созидающего начала Вселенной.

В библиотеке «Апсны.ru»³ находим перечень божеств, как итоги развития религиозной системы абазгов-апсилов, относимых к пантеону языческих божеств «абхазов». Кроме того, что здесь не определены этносы и субэтносы, прародители образов божеств, ещё отсутствует указания времени их возникновения. Будем исходить из того, что рождение этих образов произошло последовательно, начиная, например, с 8 тыс. лет назад, относимого к началу возникновения Цивилизации. Эти образы, с данного периода, со-

¹ Не все историки будут согласны с таким делением этносов, особенно, с потомственными признаками абазгов, апсилов, абхазов и абазин.

² Деление это условное, невозможно определить процентное соотношение присутствия абазгов и апсилов в составе будущих абхазов и абазин, не говоря о многих других этносах данной территории.

³ <http://apsny.ru/religion/religious/religious1.php>

хранились в архаике языка Абаза – абазгов-апсилов, но остались нераскрытыми здесь до отображения их полной сущности.

Рассмотрим этимологию некоторых божеств – их генезис и их внутреннее содержание, пространственно-временные характеристики их возникновения, их связи с миропониманием протоэтносов сино-кавказской макросемьи языков. Здесь же отобразим параллельные имена божеств абазинского языкового мира Абазг-Абаза, как возможные варианты абхазского пантеона Апсил-Апсуа.

Начнём с того, что в образы божеств изначально вложены функции, декомпозируемые на факторы, которые они выполняют – это действующие причины, и ожидаемые результаты изменения, которые они вызывают в Природе. Так, Айтар – божество обновления природы, размножения и скотоводства, состоящее из семи долей или семи примет, возможно, семи видов оборотничества. Доли эти следующие: Алышкынтыр – божество собак; Амза-ныха – персонификация луны; Амра-ныха – персонификация солнца; Анапа-нага – божество урожая; Ачышьашана – божество лошадей; Джабран – божество мелкого рогатого скота, особенно коз; Жвабран – покровительница крупного рогатого скота, особенно коров¹.

АЙТАР. Создатель «домашних животных», великий бог обновления природы, размножения и скотоводства. Это форма религиозных обрядов и верований, связанных с земледелием и скотоводством, которая опиралась на их общинную организацию. В более поздние времена восприятие данного образа осложнялось определёнными христианскими или мусульманскими наслоениями.

Первая особенность божества, это его главные ипостаси: «творение, обновление и размножение», указывает, что он предстал изначально – Богом-творцом, одновременно управляя демиургами (полубогами), перечень которых дополнялся постепенно. Вторая особенность – это то, что приписывая ему, исполнение некоторых

¹ В одном из гимнов Ригведы, творец вселенной – семи миров (управляемых семью сыновьями), назван хозяином племён; в перечне ведийских богов говорится о семерых Адитьи. В понимании Ариев, мир представлялся в семичастном делении. И в нартовском эпосе осетин упоминаются семь групп нартов и т.д.

функций demiurge, «понизили» его до рядовых божеств, с утратой функций единого бога. Третья особенность – этимология имени утрачена (не обнаруживается).

В ведах встречается понятие «айтар(ея)» – как тайна объектности единого имманентного сознания¹, отображенное в нескольких частях Упанишад. И в тибетской религии Бон, говорится о мыслимости объекта, его данности в сознании-основе каждого человека, думается, данный концепт осознавался и предками абазгов/абасков. Нечто неопределённое (характерное для отображения сущности Бога), воспроизводится и в имени-функции «Айтар», где подменяется субъект друидского миропонимания всеобщности (Космос), объектом – покровителем народных промыслов и ритуалов, посвящённых ему (Хаос).

Сущность бога Айтар – это отзвук миропонимания далёкой эпохи перехода матриархата в патриархат. Из матриархата, где было поклонение актам рождения и размножения детей человека и животных, предопределённых для последующего размножения, в патриархат – преобразование среды обитания и пользование результатами переустройства. Всё-таки, подобное отношение к миру патрилокальности, не сумело вытеснить окончательно мироощущение матрилокальности, и было приспособлено к его функциям.

Явление было повсеместным, возможно, синхронным. Так, со-впадают имя легендарного предка басков Айтор (правда у басков, семиглавым существом выступает дракон Эренсугэ), с именем Айтар – семиличного божества абхазов. В финской мифологии представлено демоническое существо Ajattar (Aiatar) известное как «Дьявол из леса». Это злой дух женщины, который проявляется в виде змея или дракона.

Его положение в иерархии богов кавказских этносов, перекликается с функциями их главных божеств. В мифах ингушей и чеченцев глава пантеона богов Дяла/Дэла, творец неба и земли, животных, птиц, людей, старший брат бога Селы, отец богини плодородия Тушоли. В грузинской мифологии верховный бог неба, отец богов, господин вселенной – это Гмерти.

¹ http://franzheinzel.narod.ru/RG_veda.html

Понятно, вера располагает тайной, и без неё нет веры. Тем не менее, рассмотрим возможный вариант этимологизации слова на абазинском языке: АЙ-ТАР (восклицание тщеты и надежды + вместилище). Однако морфема «ай» используется не только в качестве междометия, но имеет применение ещё как глагольный аффикс – показатель взаимности и совместной честности. Используя второе значение, можно проникнуть в глубину мировоззренияprotoабаза, где ясно выражается понимание того, что он может приобрести надежду на Бога – вместилище всех благ мира, если будет жертвенно служить ему. Для предков Абаза, Мир, это не благо и не зло, всё находится в содержании богов – по назначению, и людей – по достоинствам.

Могло быть иначе, например, уprotoабаза понятие возникло из поклонения Солнцу (рассвету, утреннему свету), как выражение радости новому дню. Они, располагаясь западнее предков армян – «Хай», могли воспринимать явление как ХАЙ-Т (армяне + открыли), т.е., «Восход происходит из Армении», что могло сопровождаться возгласами – ХАЙТ-ХАЙТ – «Приходи скорее» (по-абазински). И здесь, возможно, отыщется параллельное содержание имени божества у хаттов и абешла Малой Азии, из их традиций почитания восхода Солнца.

Дефиниция понятия указывает на то, что впоследствии данный образ мог преобразоваться в АЙТАР по следующей схеме: «хай» сокращается до «ай» (что допустимо, даже для армянского языка); к фонеме «ай» добавляется другая фонема «ар» и получается исконое имя «айтар». Именно крайняя фонема АР означает «Горы».¹ То есть, Бог-Солнце живёт в горах, откуда он «восстаёт» утром. Горы богов АР не только Олимп, или Кавказ, или Тибет – предстают

¹ АР встречается в слове KIB-АР – ущелье/балка, где кІв – распускать, разделять, т.е. «разделитель горы» – ущелье горной речки. Может иметь вторичное значение – «течь», «текать», или даже третичный смысл – «иноходь», аллюр лошади. Абхазская фамилия АР-гвы-н, как «ар» – гора, «гв» – сердце, «н/ану» – место, т.е. «живущие в сердце горы»; абазинская фамилия АР-р-гІа (Аровы) – горцы, где «р» – «их», аффикс притяжательности. Горские фамилии абаза: Арут/Арткуадж; Аред/Аредба, Арыд/Ард и т.д.). «Ар-касара» – горный хребет в Карачаево-Черкесии, между долинами рек Большая Лаба и «Ар-хыз» и т.д.

они везде, где возникал культ Солнца – «Ра». АЙТАР – Бог Солнца и нового дня; Бог рождения света и потомства; Бог Жизни и смерти (окончание «Р», может обозначать: рожать, родить «арии / гари»).

И здесь приближаемся (всего лишь) к разгадке таинства и божества Луны, которое также называлось АЙ (перс., тюрк.). Так, для жителей Персии-Турана, Армения расположена западнее их земли, и Солнце – дневное светило, опускалось за горизонт на землях армян, подобное наблюдалось и в движениях «заместителя» Солнца – Луны – АЙ. И протокартвелы, расположенные в древности юго-западнее Армении, имевшие связи с ней, с Персией и Хаттией, видя восход с Востока, как Луны, так и Солнца, назвали Солнце – Мзия (Луна на языке Абаза). И хатты называли Луну «кашку», как синоним – «кашки», этносов, живших северо-восточнее их земель, и т.д.

Такие параллели имён и функций богов, распределённых в пространстве, могли возникнуть не позднее дивергенции баскского языка, элемента сино-кавказской макросемьи, переселения его носителей, под предводителем Айтор (10 тыс. лет назад) на крайний Запад Европы. К данному периоду относится и география размещения хатто-хурритского и хатто-ашуйского конгломерата этносов, или несколько позднее (около 9-8 тыс. лет назад).

Первая часть Айтар¹, это АЛЫШ-КИНТЫР / АЛЫШКИН-ТЫР. Однако, ни функции этого божества собак, возможно, древнейшего образа поклонения, ни значение самого слова «Алышкынтыр» до сих пор не выяснены до конца. При этом можно уверенно говорить лишь о предмете тотемизма – родства группы людей с тем или иным животным.

Собака – АЛА, это первый опыт включения в семейный круг нечеловеческого существа. Соответственно, первое земное божество – тотем, наделённое функциями помощника в охоте и охране жилища. В регионах проживания и расселения сино-кавказских этносов встречаются божества собак. Так, в Месопотамии – Бау (Ан-пу), аналог древнеегипетского Анубиса; индейцы Аляски считали своими прародителями, не персонифицированных лаек; енисейские народы почитали дух «собаки-женщины», где-то и «вождя-

¹ Очередность отображения долей божества – произвольная.

собаки». Китайская мифология поместила собаку на небо, определив её одним из 12 знаков Зодиака, кроме того, относя его к образу гор; в Тибете – Сванасья, божество с лицом собаки. У этрусков собака – проводник мёртвых в преисподнюю; у басков женщины-ведуньи и гении-ведьмы, превращались, в том числе, и в собак.

В соседних регионах, где могли проистекать начальные этапы этногенеза многих народов, также почитается культ собаки. В Иране (Загросе) священный пес Ахурамазды Сенмурв (Симург), покровитель зародышей и всходов; у зороастрийцев собака – второе по святости существо после человека; собака является составной частью символики аккадской Богини-Матери, и т.д.

Собака является и атрибутом бога-врачевателя. Например, китайского – Вэй-Шан-Цзюня, шумерского – Великую Матерь – Гула, греческого бога медицины – Асклепия (Эскулапа) и покровителя путников и проводника умерших душ Гермеса¹. Так, ГУ-ЛА на языке Абаза – «сердцем», однако можно этимологизировать и как «сердце собаки». Греческие мифы повествуют о собаке «Лайлапс», которую изготовил и оживил Гефест для Зевса; позже тот превратил её в созвездие Большого Пса. Абаза: ЛА-Й-ЛАПС (собака + рождение + самка собаки).

Разбивка имени божества на морфемы и их этимологизация не однозначны. Здесь присутствуют понятие АЛ(А) – «собака» и описание действия, КЫН-С(Т)У (держать + погнаться). Или действие «алыш»², предстающим тюркским словом – борьба, также «кынтыр»³, по-турецки кындыр: прямой, тонкий и стройный. Тогда,

¹ Шерсть по-абазински называется ЛАСА: ЛА – собака; СА – стрижка, т.е. собачья шерсть, пряжа. Собачья шерсть использовалась для прядения еще в доисторические времена (преобладала и у американских индейцев). Эту шерсть (на 80% теплее овечьей), добавляли в овечью пряжу, для её эластичности. Кроме того, предки знали, что эта шерсть обладает ещё лечебными свойствами. Слово отыскивается даже в амхарско-абазинских синонимах: мягкий/гладкий // (la-se-laa-saa)/(ласы – лёгкий, ласа – шерсть).

² Алынша/Алаша/Алача/Аласа – хан, по поверьям потомок библейского персонажа Яфета.

³ В Абхазии есть гора Лашкендар (близ Ткуарчала), содержащая в имени данную морфему, кроме того, на Северном Кавказе, южнее г. Кисловод-

«стройная и тонкая собака» – это порода, похожая на древнюю норную собаку – таксу, почитаемую, видимо, древними охотниками.

Исходя даже из допустимого тюркизма в языке, представляется возможным реконструировать и этимологизировать слово по-абазински: АЛ-Ы-Ш-КЫНТЫРА (собака + лай + дыра). Здесь кЫнтыра, это просто дыра неопределенной длины, которая, относительно человека-охотника уже кЫн-хIара, где «хIара» испуг, страх. Кроме того, морфемы КЫН – «удержание», и ТЫР – «размещение внутри», указывают на действие «божественной» собаки.

Название божества относимо к глубокой древности (эпохи существования ностратического протоязыка), когда ещё не было его деления на отдельные протоязыки (индоевропейские, сино-кавказские). Изначально собака ЛА выступает в роли глаз – АЛА, помощника, позже, возможно, собака нужна была лишь для охраны, например, от волка, уносящего добычу КВУ-ДЖЬМА (на себя + коза), лисы БА-ГА (увидел + унёс). Для этих целей собака должна быть дерзкой ГВАУА, что соответствует звучанию названия собаки по-китайски «Gōi», злая собака «Nou». Или предстать злой ЧВ-ГЬА (бык + круг) – «гонщиком по кругу (диких) быков». (Бык и собака, изумительное сочетание в китайском гороскопе).

Вторая и третья доли Айтара, это АМАРА¹, и АМЗА². Солнце-день, на языке Абаза – АМАРА / АМРА, аналог древнеегипетского солярного божества – Амон-Ра: Бог-Солнце – АМОН, вкупе с Верховным богом РА. Луна-ночь АМЫЗ / АМЗА, второй по яркости объект на земном небосводе после Солнца, соответствует понятию – «светоч»³, как лучина из сосны. Они, образы Солнца и Луны, встречаются как космические символы оппозиции мужского и женского начала.

ска, есть река Кынтыр-Чадсу. Полуостров в Шотландии Кинтыр – «вершина земли».

¹ Одни из главных богов хаттов – бог солнца Эстан, бог Луны Кашку.

² В шумеро-аккадской мифологии мужское божество Луны – Нанна. В мифологии армян мужская персонификация луны – Лусин.

³ По-грузински Мзия – Солнце, богом Луны представлен Георги. На саухили Луна – mwezi.

Солнце-светило (АМАРА) – буквально «обладание» на языке Абаза, выбирается символом мужского начала, с которым делятся покровительские функции бога – «даю небесное царство тебе». Данная ипостась совпадает с функцией египетского божества Аренснуфис-Шу, сына РА – бога Солнца. Луну АМЗЫ – рассеивателя силы тьмы, с древних времен, представляли в женском обличье, выделяя ее плодовитость, даже месячные циклы, приписывая ей ипостась повелительницы ночи и ночных тайн (Селена, Артемида, Геката). Ещё Луна – символ материинства, и в китайской мифологии существует богиня Чан-Э, живущая на Луне.

В комментариях к абхазским мифам, иногда относят месяц – Амза к младшим из семи братьев, которого «женят» на солнце Амре, иногда говорится о юноше Солнце и девушке Луне, что соответствует грузинским мифам, где они выступают то, как брат и сестра, то, как муж и жена, или как сын и мать. По некоторым мифам, Аза – дочь Солнца, покровительница всего живого; родилась из луча солнца, является животворящей силой солнечных лучей. И горцы Дагестана наделяли луну (Барз) и солнце (Барг) обликами девушки и юноши, причём в одних мифах они считались братом и сестрой, в других – возлюбленными. В мифологиях ингушей и чеченцев богиня Аза – дочь Солнца, покровительница всего живого, или Аза – мать Солнца.

И в баскской мифологии Луна Ilazki – Дочь Земли, может предстать как «Бабушка-Луна» Ilargi Amandre; Солнце eguzki, может выступать в роли «Бабушки-Солнца» Eguzki Amandre. У басков Иларгия – это богиня Луны; у нахских народов Луна – мать Аза или девушка (Солнце – юноша). Однако в Месопотамии, Анатолии и в Египте, божества Луны – это мужские божества, что указывает на возникновение этих образов позже, при патриархате. В ранних мифологиях отображается мужская ипостась, или их неопределенность. Так, в китайской мифологии присутствует бинарная оппозиция: Инь – женское, лунное (Юэ), и Ян, служит символом мужского начала – Солнце¹.

¹ Солнце, на языке навахо (на-дene) – «Sha», что по-абазински означает рассвет (на китайском языке sha-ndgi – бог); по-грузински – «Мзи», что на языке Абаза означает Луну.

Начиная с палеолита, в образе Солнца, мужского начала, выступают лошади, и в образе Луны – быки. У абазгов и апсилов лошадь – ТШЫ / АЧЫ, смысл слова созвучен ШЫ – «принадлежность», ипостась бога Солнца; бык – ЧВЫ / АШЭ, созвучен с понятием АН-ЧВА – «женский покров» и т.д. В ритуалах поклоняются Амраныха – персонификация Солнца; Амза-ныха – Луны, где «ныха» – клятва¹, или «ныхы» кромлех².

Параллели в именах и функциях АМАРА / АМРА и АМОН-РА не простое совпадение-созвучие, это отображение хаттско-египетских связей (8-6 тыс. лет назад), и связей между хаттскими, абешлайскими и ашуйскими этносами (6-5 тыс. лет назад). Божество Луны³ АМЗА / АМЫЗ протоэтноса Абаза, и перелицованные отображение её как образа Солнца (Мзия), в пантеоне богов картвельских этносов, указывает на возможное заимствование ими у апсилов данного образа (не ранее 4 тыс. лет назад).

Существовали и другие ритуалы почитания Солнца и Луны. В частности, на Кавказе и Китае мифы о том, что затмения Солнца и Луны происходят потому, что эти светила хочет проглотить дракон, поэтому его надо было запугивать громкими трубными звуками, позже – выстрелами.

Четвёртая доля Айтара – АНАПА-НАГА, божество урожая. Анапа-нага этимологизируют как «мать, приносящая просо». При этом, указывается, это божество мужского пола, но, судя по имени, считают, что первоначально оно имело женский облик. Замечается, что при других вариантах этимологизации, гендерный признак не выявляется. Так, АНАПЫ-НАГА (рука + внести / занести), это образ горсти зерна в руке сеятеля, – засеянная, взращенная и собранная – воздаётся сторицей. «Анапа-нага» – это «Рука, приносящая изобилие»⁴, что мог стать символом АНАПА – «Руки дающей».

¹ В армянской мифологии персонификация солнца – Арэв/Арэгак.

² Ны-хы – дух камня.

³ Есть археологические данные о храмах лунному божеству (Месопотамия, Ближний Восток, Малая Азия, Египет), например, в Шумерии (Нана, Суен и Асимбаббар).

⁴ В египетской мифологии божество зерна и урожая – Непри, в шумерской – Ашнан.

Пятая доля Айтара – АЧЫШЬАШАНА. Искажённая запись звуков, например, лошадь АЧЫ (č), записывается как «ачы». Реконструированная форма записи на абазинском языке, названия покровителей лошадей АТШЫ-ЩАШАНА (лошадь + опора + до рассвета)¹. Возможный вариант: АТШЫ-ХЧА-ШАНА (лошадь + сторож + рассвет). Материальным воплощением божества представлялись триножьи путы ХЧА-НЫ-ЩАХА (три ноги + дух + спутанье)². Возможный вариант изначального имени божества АТШЫ-ЩАХАНА (лошадь + путы) – «Тот, кто служит путами лошади», имея ввиду его свободное перемещение, и его возможное удаление за пределы доступности³.

Шестая доля Айтара – ДЖАБРАН. В имени божества мелкого рогатого скота, особенно коз, присутствует определённый корень «ан» – «Мать», что подвигает всех к отнесению её к женскому божеству. Однако отсутствует морфема ДЖЬ («джь-ма» – коза), как отображение функции – прародительницы коз. Вместо этого присутствует – «дж». Но звук Ц / ДЖ абхазо-абазинского языка, редко встречающаяся фонема⁴. В приведённых в сносках значениях ни один из корневых морфем не подходит к ипостаси исследуемого божества. Кроме того, фонема «абр» мало перспективна.

Если только не нарисовать малопривлекательный образ: «высокорослую покровительницу с лохмато-раскидистыми, грязными волосами». Более приемлем вариант: ДЖ(Ь)АБ(А)РА-Н(Ы) (скорбь + дух) – «Скорбящий дух»⁵. Данная этимология объясня-

¹ Пшишан в мифах адыгов божество, покровитель скота.

² В китайской народной мифологии бог, покровитель лошадей – Ма-ван «князь лошадей», возник в глубокой древности, преобладал в Северном Китае.

³ В фольклоре связывается с именем нарта Шьашан, бывшим ответственным за нартский табун.

⁴ Применение ограничивается в таких понятиях: ац – грязь на теле, ацары́п/аджарджар – раскидистый, ацáца/аджаджа – большой, широкий, ацы́р/джыр – сталь. В абазинском языке встречается отдельный (не как последовательное произнесение как в абхазском «д» и «ж») звук «дж»: джыртш – стальной конь, джыш – чеснок, хIваджа – род травы, паджа – первенец, къвадж – рачок, тларыдж – лыжи с ручками.

⁵ При анализе миропонимания абазин, выделяется отчетливо понятие «дух» – Ны. Например, духи времён года: гIап-ны, пх-ны, дз-ны, гь-ны. Или

ется тем, что именно мелкий рогатый скот (особенно) козы, чаще приносились в жертву, и они «оплакивались духом покровителя животных». Так как дух бесплотен, то отнесение божества к определённому полу не целесообразно.

Седьмая доля Айтар – ЖВАБРАН. В имени (ипостаси) покровительницы крупного рогатого скота, особенно коров ЖВ-АБРАН, отыскивается корневая морфема «ажв» – корова и «абраны» здесь. Речь идёт скорее о символике божества – обереге-талисмане, как образа заступника животного, обеспечивающего удачное воплощение «пастушьей молитвы» о сохранности поголовья. Вновь видим отсутствие половой принадлежности божества¹.

Кроме того, с процессами языковорчества – мироосознания и мировоззрения, актуализируется рождение богов-покровителей родов – семейно-родовые божества, имена которых озвучиваются короткими и значащими словами. «Одухотворение» верования сводилось к закреплению в сознании общины предрассудков друзей, позже и вождей. Параллельно проистекало и языческое мифотворчество «без изысков», самой общиной.

Происходило наложение воззрений о богах-духах на образы божеств-покровителей, где нравственные установки, принимаемые правилами зарождающего аdata, становились ритуалами этноса. Притом, перепутывались небесные, духовные ипостаси божеств с их земными функциями – устанавливаемые покровителями рода. Рождалось язычество – коммутатор общин, генератор языков-

кров, поместье: п-ны, гІв-ны и т.д. В данных понятиях вульгарно этимологизируется морфема НЫ, как НЫІА – «присутствие» («пны» – персонализация присутствия). Истинное звучание и содержание морфемы – это НЫ-҃АНУ, «там, где присутствует Дух». Кроме того, в древности могли искать защиту у духов: «духа рассвета» – ШАР-П-НЫ; «духа заката» – ХЪВЛА-П-НЫ; «духа сна» – НЫ-ЧВА (конопля?) (например, в греческой мифологии Гипнос и Морфей изображались с цветком или напитком из мака); «духа выполнения дела» – НЫ-ХА. В языческой религии абхазов «ныха» – кромлех, а в осетинской – «ныхас», святилище, икона.

¹ Убыхи покровителем животноводства почитали Ахына. Один из главных богов хаттов – бог-пастух Хапанта-ли (ТАПАНТА?). В мифологии лезгин божество урожая – Гуцар, покровитель земледелия и скотоводства.

ворчества. Звуки молитвы – славословия и бубна, предвосхищали колокола и минареты будущего. Идеи и образы копировались, множились и распространялись. Нарастало количество божеств с множеством функций, наделяемых путём дифференцирования, распределяемых по отдельным природным явлениям, «рождёнными» в актах самоутверждения клана в среде обитания.

Поэтому, кроме семидольного божества, в этнокультуре предков Абаза, присутствовали и другие божества-покровители. Эти духи – сущности, наделены мыслительными способностями, они распределены в объектах почитания, обладают свободною волею, не всегда добрые к просьбам человека. Позже появляются культы материальных божеств: АНАНА-ГУНДА, АЖВЕЙПШАА, АДЫД, АЙЕРГЬ, ДАДЖА, ДЗЫЗЛАН, ЕРЫШ, ХАЙТ, АЖЬАХА-РА, КАДОШ, АШЬХА-ИНЦЭАХУ, САУНАУ, КИКВИН, ШАШВЫ.

Анана-Гунда – покровительница людей, животных, охоты, пчеловодства и плодородия, даже деторождения (аналог миф. перс. нартов). Афы – божество молнии и грозы (у абазгов – Адыд); Айергь – божество молнии, огня и войны (позднее и грабежей). Дзызлан – божество воды, а также и моря. Хайт – божество восхода и захода Солнца (мужск. божество). Ажъаха-ра – божество очага и плодородия; Кодош – покровительница деторождения, воды и деревьев (женское бож-во, аналог адыг.). Ашъха-инцэаху – духи гор. Покровитель кузнечного ремесла – Шашвы; Джаджа – покровительница земледелия и плодородия (аналог мегрел.); божество ткацкого ремесла – Ерыш; богиня мукомолья – Саунау; дух хлопка – Киквин, и многие другие.

Для этимологизации (дефиниции) содержания и смысла имён данных божеств, употребим способ редупликации и закономерности фонетических изменений, которые могут образовать множество различных форм звучания. Для раскрытия «замороженного» содержания в образах божеств – их сути, необходимо учитывать роль диффузии культур, присутствующей в формировании любого локального культурного типа. Так, мир явленный, как в Китае, так и на Кавказе представлялся наследственным героями, духами и демонами, творящими добрые, или злые дела.

К основным божествам, вне ипостасей Айтар, относится Ана-на-Гунда – покровительница людей, животных, охоты, пчеловодства и плодородия, даже деторождения. Первая часть имени покровителя данных объектов природы, звучит как АН-АНЫ (мать + дух матери), форма представления «бабушки – прародительницы». Вторая часть имени по-абазински – ГВУ-Н-ДЬА (сердце + дух + отсутствие). То есть, речь идёт о «душе», точнее – «чистой душевности», не обременённой земными заботами, о принципе палеоэкологии АХИМСА – «Не навреди».

Данный образ созвучен «Инанна» – центральному женскому божеству шумерской мифологии и религии, покровительнице продовольствия, обильных урожаев, плодородия и любви. В китайской мифологии «Няннян» (матушка-прародительница), богиня, защищающая младенцев и помогающая при родах¹.

Древний образ, относясь к эпохе собирательства и перехода к эпохе производства, встречается широко в культуре «сино-кавказских» народов. В адыгских мифах покровительница пчеловодства – Мериса; бог плодородия и земледелия – Тхагаледж. В этрусской мифологии бог плодородия, покровитель пчеловодства – Марис. В мифах ингушей и чеченцев богиня плодородия – Тушоли; табасаранцев богиня плодородия – Эбелцан. В Баскской мифологии пчела – Erle, является священным животным. Один из главных богов хаттов – бог плодородия Телепину; отмечаются обряды поклонения пчеле².

Другой из божеств АЖВЕЙПШЬАА – покровитель охоты, дичи и леса. По-абазински (ащхъарая) записывается АЖВ-ИАПШЫ-ГІА (корова + надсмотр + время) – «постоянное покровительство», ограждение от исчезновения. (У тапантийцев – Швзапц). Корова в миропонимании абазин выступает в образе Неба АЖВГІАНДЫ (корова + нетель + мать + неопределенная беспредельность). В ки-

¹ Встречается аналог и в египетской мифологии – «Анукет» (или Небтуи) – богиня плодородия, или Мин – бог плодородия и скотоводства, покровитель рождения людей и размножения скота; одна из богинь плодородия, хранительница урожая, мать бога зерна Непери – Рененут.

² В осетинской мифологии Анигал, покровитель пчеловодства.

тайской мифологии «Ню-Ван» (князь волов) – бог, покровитель волов и коров¹.

Замечается некоторое несоответствие имени божества с его функциями. Охота на языке абаза ШВАРА-ЦРА (бояться +ходить); хранитель и покровитель дичи может представать в образе АПС-АТА (душа + содержатель); лес звучит как АБ-НА (отчий + место). Никакой функции по охране, как самих охотников, так и их промыслов, не отмечается в имени. Более того покровитель охоты «апсати/афсати» видится у соседних народов: тюркских и картвельских, и осетин. Причём, эти слова не этимологизируются на их языках, этим раскрывая истину – название заимствовано у абазгов.

Видимо, в древности, в качестве основной лесной дичи, в местах обитания абазгов, представлялись зубры и туры, которые на языке абазгов произносились одинаково – АБНА-ЧВ (лес + бык). Именно покровительство «коров» этих животных, производителей потомства, было основной функцией божества². В старине не выделялась роль быков в процессах воспроизводства – они предписывались объектами охоты. Следовательно, образ и ипостась бога АЖВЕЙПШЬАА – это покровительство самок диких быков.

У апсилов к божествам стихий Природы, относится АФЫ. Божество молнии и грозы – Афы, этимологизируется по-абазински (абазгски) П / ПЫ – «молния» как древняя форма ашуйской письменности, с появлением звука «Ф», произносится «фы»³. Абазины бога молнии, всплохи и сверкание огня, называли МАЧВЫС, и арабы называли (заимствованным от греков) именем МАЧУС зороастрейцев – «огнепоклонников»⁴.

¹ В шумерской мифологии богиня скота – Лахар. В мифах адыгов бог лесов и охоты – Мезитха (по-абхазски – Ажвеипша). В грузинской мифологии богиня охоты – Дали.

² У лезгин «Ал паб», кроме других функций, была и «хозяйкой зверей», и наказывала охотников, которые охотились на беременных самок диких животных. У адыгов покровитель коров – Пшишака. Первоначально ведической религии, воспевало благосклонность Кришны к коровам: aghnya (та, что не должна быть убита), ahi (то же значение), и aditi (не могущая быть зарезанной).

³ У адыгов божество грома – Шибле.

⁴ В египетской мифологии божество грозы и бури – Махес.

Бог грома у абазгов – АДЫД, что соответствует шумерскому Верховному Богу грозы – АДАД¹, богу грома, бури и ветра, сыну бога неба Анну², Реконструируемо то, что с богом грома связан ритуал воздушного захоронения, и размещения впоследствии останков в дольменах. Рассчитывалось на умилостивление («хиласмос») божества – «Ты уже забрал его от нас – вот он пред Тобой, удовлетворяйся, и не забирай других»!

В качестве оберега от молнии, абазины использовали топор ГВРАХА как уложенного острием вверх³. Существует параллельный термин в абазинском языке, обозначающий молнию – АЦ, который одновременно обозначал и хранилище зерна ЦА – сапетка⁴. Оберег АЦ предотвращал от чужого проникновения в хранилища запаса пищи семьи (рода). Как бы молния, представляясь её именем, оберегала АЦА. И в шумерской мифологии «госпожа небес» Инанна показана божеством амбара, охраняя зерно, и спасая от голода.

Многофункциональное божество АЙЕРГЬ / АЕРГ / АИРГ – кумир восхода и захода Солнца, и божество моря. Покровитель стад и пастухов, диких животных и охотников. Этимология неизвестна, однако как божество восхода и захода, и даже охоты, может предстать корневой морфемой ИРГ – «кто поставил, установил», т.е. абазги могли звать его изначально – АИРГ. В нартских сказаниях Ажвейпшьаа и Айерг связаны между собой брачны-

¹ В древневосточных мифологиях (Шумере, Вавилонии, Палестине) бог грозы, ветра и дождя – Адад.

² В китайской мифологии божество грома – главнокомандующий «Синь Синьгоу», или «Дянь-Му», богиня олицетворяющая молнию, в образе девушки с двумя зеркалами в руках, от которых исходит молния. Один из главных божеств хаттов – бог грозы Тару (Сару). В мифологии лакцев божество грома и молний – Асс (Арш). В мифологии цахуров ему соответствует Арш. В осетинской мифологии бог-громоверхец – Уацилла. В хурритской мифологии божество грома – Тешуб. В этрусской мифологии бог-громоверхец – Тин (Тина, Тиния). В Армении ливневое облако и гром иногда представляют как небесную корову и ее мычание.

³ Баски использовали серп Igitai, как защита против молнии.

⁴ На тибетских языках «Ца» (rtsa) – это сосуды системы циркуляции энергии организма, по которым текут токи тонкой энергии, поддерживающие и питающие жизнь.

ми узами;¹ перекликаются образы Айергья (Гъаргья) и святого из осетинского фольклора – «Гергия/ Георгия»². Функции божества АИРГ / АЙЕРГЬ – это восстановить / установить Солнце утром, и «покатить» по небосводу днём.

ДАДЖА – покровительницу засеянных полей и растительности, представляли коренастой женщиной низкого роста и плотного сложения. Собственно, также этимологизируется имя ДА-ДЖА (жила + широкий/ крепкий)³. Как женское (?) божество, она характеризуется как «Жилисто-крепкая». У адыгов, покровитель хлебопашцев – Созерис⁴. Богиня растительности, покровительница животных, полей и лесов, в этрусском пантеоне божеств – Диана. Данный образ мог возникнуть в период перехода к новой деятельности, от культов скотоводства к поклонению земледелия.

ДЗЫЗЛАН – божество воды, по-абазински ДЗЫ-ЗЛ(А)-АН (вода + содержание + мать). С языческих времен до наших дней, практиковался водосвятный ритуал ДЗИ-УАРА(Д) – (вода + песня), выспрашивание (возможно) у ДЗЫЗЛАН дождя. Проводились такие же ритуалы в адыгских, черкесских поселениях под разным названием. И данные действия проводили около родника – начала прохладных вод – АДЗЫХЬ-АХЬА⁵. В китайской мифологии бог дождя ЮЙ-ШИ («юй» вольность, необузданность), культа которого сохранился с глубокой древности до 20 в., что соответствует понятию абазин – КВА-ШУА (дождь + зной) – летний ливень.

ЕРЫШ – богиня ткацкого дела в мифах абхазов. Реконструируется по-абазински двояко: ЕРЫШ-А (скручивание), видимо, касается ручного вязания скрученными нитями; АЙРЫШ (упрямый)⁶.

¹ <http://topreferat.znate.ru/docs/index-10974.html?page=225>

² У адыгов и убыхов божество охоты и лесов – Мезытх.

³ Джа (за) – мегрельское название культового дерева – дуба.

⁴ Этруски почитали бога земли и посевов – Satres, который входил в число девяти главных богов.

⁵ В мифологиях божество дождя: табасаранцев Гудил, татов, рутульцев (Гуды), цахурцев (Годей), лезгин (Пешапай), лакцев (Зювил). Следы культа Гудила сохранились в обрядах вызывания дождя, в которых Гудила изображался мужчиной или юношой, покрытым зелеными ветками.

⁶ См. самоназвание ирландцев – АЙРЫШ.

Возможно, божество покровительствовало изготовлению холста, конопляной или грубой льняной пряжи, позже, в эпоху неолита, и полотна из шерстяной пряжи.

ХАЙТ – божество захода и восхода Солнца, связанное с миром живых (БЗА), с миром усопших (ПСЫ), с морем (АМШЫН). По древним поверьям, в морское царство Хайта через огромную дыру (КЫНХИАРА) стекаются с гор все реки. В абазинском языке встречается реликт – «хайт», которое произносится, гиперболизировано – ХАЙТ-ХАЙТ, этим отображая эмоциональный призыв к форсированию процесса, например, восхода Солнца. В течение иудаизма – хасидизма, «Хайт», что отыскивается и в абхазо-абазинском языке, является синонимом «хасид». Хасиды известны своим отношением к заповедям иудаизма, их неукоснительным исполнением¹.

АЖЬАХАРА – божество очага и плодородия. В китайской мифологии бог-хранитель домашнего очага – Цзао-Ван, или духи ворот и дверей Мэнь-Шень. В адыгской мифологии божество очага – Джагупатха. В мифологии аварцев добрый дух, охранитель домашнего очага, благополучия семьи – Каж, считается, что растение, которого коснулся он, бурно разрастается². В баскской мифологической и антропологической системе, ядро круга семейства – Etxe (дом).

Все названные фетиши 1-го порядка, такие как дом, надочажная цепь – выступающие ещё в качестве духа-оберега, встречаются в ритуальных объектах абазин. Так, АТДЗЫ – дом;³ РАХЧЫНА

¹ <http://www.izrail-info.ru/israel/religion2/slovar/>

² Покровитель рода и семейного очага, в мифах лакцев (кини), дидойцев (кине), даргинцев (куне), рутульцев (Тушед рышба).

³ В древности практиковались общие жилые помещения: АГІВНЫ (абх.) и АГІВНА (абазин.) – «место обитания людей», сводимое к понятиям АГІВЫ – человек и ценности НЫ – человеческий «дух». Дом изначально (8-6 тыс. лет назад), – одно, но многоочажное жилище для общины, мог представать элементом целостности и единства людей и природы, переосмысленный позже в образ Космоса. Когда из форм группового брака перешли к моногамным семьям патриархата, начинают возводить стационарные дома для всей семьи ТДЗЫ, где Т / ТА / ТЫ – размещение, и ДЗЫ – семья (например, колосовые

/ АРЫХНЫШНА – основной предмет открытого очага – цепь,¹ предмет особого почитания, связующего узла семейственности (при переезде, всегда переносили с собой, как бы ни был труден путь);² УАР-ДЖЬА-ХЪ (небо + смерть + начало) – дымоход, в ста-рину единственное световое отверстие жилища, которому приписывали роль связующего звена с небесной сферой.

Видимо, считалось, что души предков уходили, и являлись в дом, через это отверстие; и запах еды для покойников (поминки), также доносился до них через дымоход. Со знакомством с христианством, и после вхождения в лоно этой веры, символику очажной цепи стал исполнять крест ДЖЬ-УА-Р (смерть + небо + движение) – вознесение³. Некоторые старинные «рахчына» содержали в себе звенья цепи, с изображением креста.

Очаг (ТШГІВА) охранялся изначально порогом дома АШВ-ХЪЫМСА, где «аш / ашв» – дверь «хъымса» – непреодолимая, табуированная граница, между домом и внешним миром, особенно для чужих пришельцев; и косяком двери – ШВ-КЪЫЦ (дверь + перейти) – некое загадочное действие. Это место проживания домашнего стражи – заступника семьи КЬАЖА⁴, на которого нельзя было наступать, даже прикоснуться, чтобы не оскорбить его⁵,

То есть, божество предстаёт в образе АЖЬЫ-ХАРА (родство + исполнение) к нему, как обобществлённый покровитель как апси-

«хъвы-дзы», «шыр-дза», «гва-дз» и др.). Данный тип жилища известен на Северном Кавказе с эпохи меди (5-3 тыс. лет назад). И традиционное жилище в Китае – это Фан-дзы, и космическое начало – Тай-цзы.

¹ Здесь открывается одна загадка абхазо-абазинского языка, вроде бы отсутствие в лексике названия «цепь». Фактически «рахчына», это и есть «цепь», где «ра» – часть корневой морфемы «нить» (вторая часть хъва – «гибкая»), «х» – металл, «чи» – округло-раздуптое, «на» – конкретный предмет. Во всех остальных случаях, название цепи (фетиша), стало табуированным в её произнесении.

² По-осетински «рахыз» – надочажная цепь. В Таджикистане до сих пор девочки носят полусферическую шапочку – «рахчина».

³ У басков бог неба Urtzi, что по-абазински звучит УАР-ТДЗЫ (небо + дом).

⁴ См. добрый дух, охранитель домашнего очага аварцев – Каж.

⁵ В мифологиях Китая, Дух домашнего очага Цзао-шэнь был главным защитником и покровителем дома, семьи, всех домочадцев.

лов («ажы» этимологизируется в данном диалектном поле), так и абазгов («хара») – покровитель общего дела семьи и родства, очага и плодородия. Такое обобществление древнего образа наблюдалось в V–VIII веках в едином для них государстве Абазгия, позже Абхазии.

КОДОШ / КАДОШ. Покровительница деторождения, воды и деревьев, кульп которой был распространён в прибрежной полосе Абхазии и у соседних племен (шапсугов), выражался в почитании посвящённых ей рощ и отдельных деревьев. Черкесы и абазины словом Кодош обозначали почитаемые, святые места. Этимология слова Кодош соответствует имени, которое греки дают Святой деве «*kadis*»; на идише – «заупокойная месса»;¹ арабском (куддус) – «святой». Вряд ли можно рассматривать топоним Кадош (Кодош) на Западном Кавказе в отрыве от переднеазиатского Кадеш (имя древнеассирийской богини, изображаемой в виде женщины, сидящей на спине льва); название крупнейшей хеттской крепости в Сирии².

АШЬХА-ИНЦЭАХУ. Духи гор, которые были повсюду и нигде конкретно, смотрители горного края от их основания до вершин АЩ-ХЪА (основание + вершина), их вотчины, добрые провожающие и злые преследователи, в зависимости от намерений и действий посетителя. Собственно ипостась божеств так и этимологизируется: АЩХЪА-ИНЦЭАХУ (горы + сокрытые) – невидимые, но действующие духи, которых надобно умилостивить.

САУНАУ / САУРО / САУРБУ / СЫУСАНА – покровительница ручного помола (къывыт, хъакъвут, шыла)³. Замечается сразу, что очень много имен божества, отсутствует корневая морфема орудия труда ЛУ – жернова, и самого процесса – ЛАГАРА. Однако другая морфема «сау», возможно, сокращённое слово САУ-ГЪЫЩ – стечание, плачь, жалоба, сетование. Ведь имя божества упоминается в старинных трудовых мельничных песнях, и в одном из названий муки – ГАЗАБ – мучение (как и в русском языке). Из четырёх вариантов имени, в трёх присутствует «сау»; варианты «нау» и «уро» трудно идентифицируемые морфемы на языке Абаза.

¹ В западноsemитской мифологии богиня плодородия – Кудшу/Кадеш.

² http://budenteresno.info/toponim/tverdiy/perevod_1142.html

³ У карачаево-балкарцев духи – хозяева зовутся Сууирдины

Остаётся САУ-РБ-У, где вторая часть РБ, может предстать усечёнными словами абазгов РББЫ – развеять по ветру (до помола) и РБЦЫ – смятие, раздавливание (помол); третья часть слова «у» обозначает продолжительный процесс. Возможно, женщины страдали «саугъышра», «жизни» зерна – женского символа воспроизводства, раздавливаемого в муку. Засеянное зерно, умирая, воспроизвело жизнь, а зерно помолотое – умирало без приплюда, что особо близко женской доле. Тогда САУРБУ, олицетворённая «покровительница (утешительница) помольщицы», или «защитница от развеяния муки ветром».

КИКВИН. Искажённая (мегрелизированная) запись имени «духа хлопка», фактически по-абазински звучит как КВКИЫ, по-абхазски – КЭКЭЫ (пряденье), с архаизмом НЫ (дух). Отображает процесс очищения от костра волокон льна, конопли или шерсти, приготовленные для прядения, как «делание», и, как завершённое прядение.

Вряд ли хлопководство было массовым промыслом, следовательно, это родовой, семейный кульп или кульп личных духов – покровителей, отображал процесс распада родовых связей и возникновение классового общества. И данный образ мог сформироваться у апсилов (соседей мегрел). Абазги предпочитали жить в горных регионах, где не было условий для выращивания хлопка, в отличие от апсилов, населявших предгорные и прибрежные области Причерноморья. То есть абазги могли заимствовать данный промысел у апсилов.

Загадочны имя и функции покровителя кузнецов ШАШВЫ / ШЬАШВЫ / ШЬАШВЫ-АБЖЬНЫХА (АБЫЖЬНЫХА) – культа кузни (АЖЬИРА) и железа (АЙХА)¹. Этимология не найдена. Определённые проблемы реконструкции и второй части слова АБЖЬНЫХА. Возможно, речь идёт о ритуале песнопения (бжы / быжь – голос) у кромлеха (ныха). Хотя первый вариант записи с начальным «ш» приводится повсюду, однако В.Г. Ардзинба приводил лишь вторые варианты. Здесь содержится начальная фонема «щ», и слово читается Š'AŠWY, где «ща» может означать

¹ Один из главных богов хаттов – бог-кузнец Хасамили.

– «кровь», правда, нигде не говорится о ритуале жертвоприношения в кузне.

Многовариантно содержание первой морфемы. Варианты разбивки слова на морфемы и их совокупной этимологизации отображают нечто, не относимое к функциям культурного героя (например, «рассветный свист», «белая дверь», и др.). Тем не менее, выбираются основные признаки металлообработки, к коим относятся – нагревание и остужение (речь идёт о железе или стали); нагрев до накала ШЫ, остужение для закалки ШВЫ (замораживание). С использованием этих морфем абазгского (абазинского) языка, восстановим вариант изначального имени покровителя кузнецов – ШЫШВ – «Раскалено-Остуженное».

Это таинство железа, приданье ей твёрдости, упругости и гибкости (къантIа), и тайны (мадза-мадза) кузнеца (жыи). Технология возникла в Малой Азии и Кавказе, изначальных местах проживания абхазо-адыгских народов – родине металлургии. В языке отображаются элементы технологии стали, например, сырьевной плавильной печи – АЙХАРЧВАРТА, топки – АЙХАМЦА (сталь + огонь) / РЫЧВАМЦА (уголь + огонь). Также элементов кузни АЦАРЧЫГА – кузнечные меха, ПСЫРГЛА – наковальня, ЖЬ-АХИВА-ДУ (ковка + меч / сабля + большой) – молот.

Каждое из этих предметов может предстать фетищем поклонения, например, наковальня вне кузни КВСЫГА, фактически – «Для прикосновения», на которой приносились жертвы. Положив руку на наковальню, произносились ненарушимые клятвы (НЫХА) и семейные моления АЖЬЫР-НЫ-ХЭА (родство / кузня + дух + опора). В качестве тотема-кромлеха мог служить точильный камень металлических предметов, около которого произносилась клятва УА-Ш-ХИВА (небо + врата + просьба), прикасаясь к камню-свидетелю, удостоверяли искренность просящего, добавляя МАКЬА-МПСЫС (точило + неумирающее). Считалось, что железо имеет силу оберега от злых духов, главное, в свидетели брали присутствующие всегда во дворе тотемы.

Исследуем новообразование с привлечением культурной сферы этногенеза. Например, у адыгов и убыхов общий культ покро-

вителя кузнечного ремесла – Тлепш (Лъэпщ), культурный герой эпоса Нарты. Фонема «лъэш», может значить «могучий». В абазинском языке встречается слово ЛЬЫЦІ – пережарено-спечённый, относимое к получению железа из крицы, возможно, абазгской этимологией, присутствующей в имени, отображающей фазы металлообработки, не отмеченной исследователями.

Кроме того, в эпосе «Нарты» говорится о тайных действиях Тлепша в пещере, с табуированным входом; молотом раскалённым добела, которую он подбрасывал в небесные сферы и уделы Земли – действиям по «воздушной» закалки. Всё это указывает на древность ритуала почитания кузни и кузнеца, относимое к периоду, когда протоязык абхазо-адыгов ещё не разделился окончательно (более 3 тыс. лет назад).

Орудия труда, редкие и массивные, сложные в изготовлении, особенно из металла, ценятся весьма высоко, этим преобразуясь в предметы религиозного культа, включаемые в систему ценностей рода. Культ кузни – это элементы тайного союза со своими специфическими верованиями и обрядами, это зачатки новой формы общности – социальной организации, одновременно выступающие формой религии. Заканчивается древний период, начинается антика. Первобытнообщинный строй окончательно уступает своё место новым формам социальной жизни. Начинается вождизм, как основа перехода к классовому обществу.

Многие имена божеств и их функции утрачены, отдельные образы спутаны между собой, некоторые вошли в нартский эпос, и стали поэтическими образами. Произошла историзация (эвгемеризация) персонажей мифов, которые уже истолковываются как реальные деятели глубокой древности. Тем не менее, замечается, что развитие образов энотеизма – религиозного сознания, когда единичные божества еще не имеют определенности и устойчивости и каждое может заменять всех, достигает высоты понимания необходимости главного бога – Небесного божества, единого и незаменимого.

Именно мировой дух АНЧВА / АНЦЭА, из пантеона божеств абхазо-абазинского этноса – это всеобщий и всеведающий, всев-

ластный и вседобрейший Бог¹. Относительно данного образа, божество АЙТАР выступает с несколько приглушёнными функциями, рассредоточенными в нематериальных образах создателей и хранителей людей и всего сущего. Культ единого земного бога-духа Айтар декомпозировался на части космического образа Анчва – с разнесением на семь гендерных долей – функций божеств, утаваемого друидами от всех непосвященных в таинства рождения, смерти и воскрешения. Таинств, без каковых невыполним каждодневный ритуал – воздаяние миру, вписывание своей судьбы в преобразуемый мир.

Особенностью АНЧВА (Анчэа) является то, что здесь используется древнейший образ – АН, который в языке Абаза переводится как – «мать», образ, возникший при матриархате, тем не менее, этот образ воспринимается как мужская сущность². Образ АНЧВА исходит из глубокой древности как Небесный Покров – ЧВА (шкура). Этот же образ Неба отображается Богиней – Матерью, грудные соски, как источник питания, воссоздаются понятием ЧВА – «сосательный». Образ – дарящий Жизнь, и оттого заслуживал несомненного почитания.

Поэтому АНЧВА – ещё и центральное женское божество в абхазо-абазинском пантеоне, материнский покров (оболочка), обволакивающий, и востребованный в качестве высшего оберега³. АНЧВА – это сама Жизнь, источник жизни. Это ипостаси божественности, возникшей в жреческой, друидской среде – творцов протоязыка, этимологизируется и согласуется с понятием, отображённым в древнеегипетском символе АНКХ: «мать, кормящая грудным молоком».

¹ От Ханаана и до Евфрата было устойчивое поклонение богине Анат – Великой неолитической богине-матери, или более приземлённо – «деве и богини охоты». (В имени Анат (шумер.) окончание «ат» ставит «АН – небо» в форму женского рода). Древнеиранская богиня Анахита – непорочная богиня небесных вод и планеты Венера. (<http://www.lah.ru/konspekt/back/hanaan.htm>).

² В тюркских языках встречается «анна» – мать.

³ Многие топонимы и гидронимы Малой Азии, Сибири и Кавказа, содержат корневую морфему АН / АНА, именно в местностях, где проживают (проживали) этносы сино-кавказской макросемьи языков.

Хатты называли Бога Анцили, как и абхазы – Анцва. У адыгов верховный Бог Тхашхо / Тхъэшхо. В XIV–XVI веках под влиянием христианства сформировались образы: Тхъэнапэ «лик Тхъэ Богоматери – Тхъэнанэ; Святого Духа – Псатхъэ, приравненного к верховному божеству, без функций древнего верования. В этнокультурных концептах абхазо-адыгских народов, эти образы во многом тождественны.

АНЦВА / АНЧВА, в мифологии абхазов и абазин верховное божество, творец природы и людей, Повелитель и Вседержитель мироздания; обитатель небес ЖВГІВАНДЫ. Когда он спускается с неба, гремит гром АДЫД, когда поднимается – вспыхивает молния МАЧВЫС. (Возможно, «Анчва» – это апеллятив, заменяющий некое запретное имя бога).

Небосвод имеет не только физический, но и поэтический смысл. На языке Абаза – ЖВГІВАНДЫ / АЖӘФАН. Здесь «жвгіва» переводится как – плечо, «н» – местоположение, «ды/дыд» – Бог грома¹. «Жвгіва-н-ды» – «Небесный свод, по которому мчится Бог грозы АДЫД», сакральный символ Божественной неотвратимой кары. Подобное понимание соответствует по своей сути Зевсу – богу неба, грома и молний в греческой мифологии или Титану, в наказание за участие против Зевса осужденному поддерживать на своих плечах небесный свод, более известен его римский аналог – Атлант².

В другом варианте: в шумерском, египетском и греческом пантеоне богов – двенадцать, олицетворявших великих Богов Неба³. Тогда, ЖВУГІВ-АН-ДЫ: жвутгів (двенадцать), Ан(у) – Верховный Бог (хеттский), ДЫ(д) / АДАД – Верховный Бог грозы (шумерский), которые связаны через понимание хаттов; Д / ДУ – большое/огромное. АН / АНУ – содержание.

¹ Здесь встречаемся с неопределенностью написания: то ли «гів», или «гъв».

² Образ Атланта существовал и у других народов: мексиканский бог Питто-шоо держит Землю на своих плечах, и когда он шевелится, возникают землетрясения. Бог индейцев чибча, Чибчакум колеблет Землю, перекладывая ее на плечах.

³ В пантеоне богов этрусков – 12 великих богов.

Главными божествами шумерского пантеона были АН (небо – мужское начало) и КИ (земля – женское начало), которые с хатским понятием ДЫ, формируют образ АН-ДЫ-КИ – Небо и Земля, связанные с молнией. Или исходя из образа АЖВГІВ(А)-АНДАКЬ, где АНДАКЬ («къ» – k') обрыв, овраг, пропасть, описывается образ Небесного Трона, где восседает Бог: сидение на обрыве бездонной пропасти, и обозрение насквозь семи небес и семи слоёв Земли (у средневековых каббалистов образ Неба более сложный – Десять небес).

Мифы генезиса Вселенной, связывают её появление со звуком – БЖЫЫ. Связь антропологии и космологии отображается в абазинском понятии «небосвод» – БЫЖЬ-КЪА-БА-Т: БЫЖЬ «быжы / быжь-ба» – голос / семья, КЪАБАТ (кацлафа или кафабдης, ó, военная одежда имени персидского царя Кафабдης)¹ – «семислойный небосвод». В этих названиях проглядываются и более глубокие изотерические мотивы, например, об этом говорилось ещё в древнеегипетской мифологии и учении ордена Мельхиседеков, вкладывая это в понятие «Мер-Ка-Ба»². В таком случае, АНЧВА – божество, как «голос семи уровней жизни и смерти», накрывает людей от напастей семью платьями-покровами³.

Здесь отмечается, что отображаемая автохтонная культура, предстаёт гиноцентричной, сосредоточенной на культе хтонических божеств плодородия, прежде всего женского божества, тогда как культура, принесенная племенами степной бронзы, восходит кprotoиндоевропейским традициям, являлась андроцентричной, для которой был характерен культ воинственных, уранических мужских божеств⁴.

¹ Бытует и тюркский аналог: «Беш кабат» – пять слоёв. Или по-абазински ХЪ-АБ-АТ «хъ/хъа» – голова/начало, «аб» – предки, «ат/ата» – местоположение, буквально: «Место семи начал сущности человека и мира». Не отвергается и вариант ордынского, или персидского, арабского кафана.

² «Мер» обозначает два поля света в диаметре от 15 до 18 м., вращающиеся в противоположных направлениях вокруг человека, «Ка» – его индивидуальный дух, «Ба» – физическое тело.

³ На санскрите Небо – gagana, аналог абазинскому пониманию – «просторы», или ākāsā – окно.

⁴ <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-istoriya/a530.php>

Великий бог абхазо-абазинского пантеона богов АНЧВА / АНЦЭА / АНЦВА – единый Бог-Творец, бесконечно множественен в своих проявлениях, является первоисточником всего сущего, отвечает определению «строгого монотеизма», в котором единственный Бог является источником и добра, и зла. Одновременно, АНЧВА – воспринимается без формы и без имени, как безграничность проявлений на Небе и Земле¹.

Имя бога этимологизируется ещё как АН-ЧВЫ – мать-бык (корова), мать и отец (АН – символ женского начала, ЧВ – символ мужского начала – бык), что соответствует древнеиндийскому божеству – Адити (корова-бык, мать и отец). Генезис человеческого сознания характеризуется bipolarностью мышления – значения слов дифференцируются в противоположных понятиях, выражаящих смысл, и интегрируются в восприятие. В данном случае, главная ипостась – это женский образ, а вспомогательный – мужской (например, Хныш и Гушаней в эпосе «Нарты»). Поэтому понятие АНЧВА – это реликт языка Абаза.

Возможный вариант дефиниции ипостаси божества АН-ЧВЫ (мать + сквашивание). Здесь имеется в виду период перехода из матриархата в патриархат, когда женщина отводилась роль – «хранительница семени», влажной муты, «сбраживание» плода, и рождение дитя. То есть, из образа Творца вселенной и порождения сущностей, образ божества опускается до «родительницы человека». Однако данный образ занимает уже Айтар, и Анчва препровождается с небесно-космической ипостасью.

В чечено-ингушской мифологии верховное божество – ЕЛТА, «хлебное зерно», символ рождения и плодородия. Однако сакральный символизм образа АНЧВА резонирует с женским божеством вайнахов – ТУШОЛИ: господствующая среди творцов богиня плодородия, заступница людей перед своим отцом Дяла – главы пан-

¹ Во главе грузинского пантеона стоит верховный бог Гмерти, единственный учредитель и хранитель мирового порядка, повелитель всего существующего. Он пребывает на седьмом небе, и без его воли ничего не происходит ни под солнцем, ни в мире усопших. В отображении аспектов данной проблемы наличествует работа Акаба Л.Х. «У истоков религии абхазов». – Сухуми: 1974.

теона богов, живущего на Небе. Совпадая в символизме, эти образы: Анчва, Табити и Тушоли, разнятся в ритуалах обрядодействия.

В китайской мифологии Небесная богиня Нюй Ва, «родившая» Жизнь, Чан Э – богиня Луны, Гуаньинь – родовспомогательница, Нюйва, «с сотворившая все вещи в мире», Си Ванму – «владычица Запада» и т.д. Лунная богиня басков – Иларгия, богиня солнца – Урци (Орци или Эгушки); земная богиня – Мари. Верховным Божеством Китая является Шан-Ди, где Шан – явленный (судьба), Ди – сам Бог (Шан на языке Абаза – явленная судьба)¹.

В тибетском буддизме воплощением Будды – Амогхасидхи среди людей станет Будда грядущего – Майтрея. Женская ипостась Амогхасидхи – богиня Тара. Кроме того, многие дакини (воздушные духи) – это женские ипостаси мужских божеств. У атабасков легенда о Маисовой Деве, чей уход из мира людей вызывает исчезновение растительной пищи, и чье возвращение после долгого отсутствия приносит обильные урожаи. У кетов представлены богини: хозяйка Севера – Хоседэм, и хозяйка Юга – Томэм, и т.д. У шумеров, греков и сирийцев, скандинавов и японцев мифологическое название неба – Ama. Одно из имен первичной богини – матери мира. Происхождение неясно². Абаза: AMA – не персонифицированная держательница множества.

Единство данных понятий и их взаимосвязанность с архаикой сохранённого языка, указывает на пространственно-временные значения параметров древности антропо-этногенеза Абаза, отображаемых в рамках рождения и развития языков сино-кавказской макросемьи.

При всём том, есть существенные различия между божествами Айтар и Анчва: в их субъективных особенностях, в признаках эсхатологии и догматах теократии. Айтар – это куль поклонения Солнцу, однако, солнце выступает, то ли с мужскими признаками, или же женскими. И Анчва – фактически женский образ, прини-

¹ В египетской мифологии божество-хранитель человека, бог доброй судьбы, изобилия и богатства – Шаи. У абхазов духи – прорицатели судьбы человека – Ашаца и Чапаца.

² <http://bibliofond.ru/view.aspx?id=107437>

маемый за мужское начало. Половая неопределенность Айтар, соответствует многим образам этнических богов, например, образу человека изначального – андрогину Адаму-Кадмону – «Образу и подобию Бога». Подобная неопределенность как раз и указывает на глубину возникновения образа у этносовprotoабаза.

Они представляли ещё два разных духовных мира – мир гендерного равенства божества (просто мужчина-женщина) и мир матриархата (женщина-правительница). Мысление человека раскрывается синхронно повсеместно, принося новые знания сущностей мира, и сущности человека, и последовательно – рождая сущности многогранного мира. Первый образ бога – это создатель (творец), следом – покровитель. Далее управитель (теократия), затем – разрушитель (эсхатология). Так, Айтар – творец и покровитель, однако роль Анчва, соответствующая настоящему, не ограничивается этим – определяются для него (неё) и другие функции – управителя и разрушителя.

АНЧВА выступает в роли полновластного хозяина Небес и Земли, в отличие от Айтар – покровителя лишь общины. Совокупность данных палеонтологии – палеолингвистики, палеогенетики и палеоантропологии, показывает, что рождение образа Айтар могло произойти в Малой Азии, в регионе проживания Митани, Алзи, Азры, Диаухи и др. общин, предков армян, нахско-дагестанских и абхазо-адыгских общин (начиная от 6 тыс. лет назад). И в Библии (Ветхий Завет) отображен изначальный образ Бога – Бога Рая, позже и Бога Ада (Новый Завет), трансформация которого происходила синхронно с видоизменениями мышления от протоеврейских общин Месопотамии до этносов Иудеи.

В прародине protoабаза и прародине сино-кавказской семьи языков – Малой Азии, первые изображения великой богини¹ зафиксированы на 2 тысячи лет раньше первых изображений мужских богов, датируемых 6000 тыс. лет назад². Например, Богиня Анат – богиня Месопотамии, также и в хурритских

¹ Великая богиня была одновременно и всеобщей матерью, дающей жизнь, и демоном, поедающим умерших, подобно грифу.

² <http://www.grimuar.com/kult-velikoj-bogini-materi.html>

текстах. Образ божественной Матери – источника жизненности множества богов, является единственным в древних религиях¹.

В Месопотамии АН «небо» (шумер.), Ану(м), Ану (аккад.), в шумеро-аккадской мифологии – одно из центральных божеств, бог неба, например, Ан-зуд. Его имя пишется знаком, обозначающим понятие «бог» и ставится как эпитет перед именами других богов. Все списки богов (4600 лет назад) из Фары, открываются его именем.² Естественно, что образ бога возник намного ранее этих событий³.

АНЧВА/ АНЦЭА (Анцва) – единый Бог-Творец, отвечает определению «строгого монотеизма» (к нему, по мнению многих исследователей нельзя отнести даже современное христианство и ислам), в котором единственный Бог является источником и добра, и зла. Монотеизм в языке Абаза выражается признанием единого Верховного Бога – Анчва, через его проявление – Адыд (гром), и его почитание – Уашхо (клятва).

В своём фундаментальном труде «Истоки представлений о Боге» В. Шмидт доказывает, что первоначальной религией человечества был монотеизм, что за всем многообразием существующих верований, в том числе у самых отсталых народов, можно обнаружить остатки этой древнейшей веры в единого Бога-Творца. Л. Регельсон и И. Хварцкия, также указывают, что «народная религия абхазов представляет собой хорошо сохранившийся реликт добиблейского монотеизма»⁴.

Подобного монотеизма не отмечается даже в отображениях духовного мира у древних шумер и египтян. Аналогии встречаются лишь в отголосках поздних представлений дуальности Бога. Например, богиня древнеегипетской мифологии Ра – дочь Амона,

¹ Муртазов Т.А. Взгляды фундаментального консерватизма на проблемы генезиса Вселенной и Человека. Изд-во LAP LAMBERT Academic Publishing (Германия), 2011г.

² <http://myfhology.info/gods/shumer/an.html>

³ По данным палеоантропологии и палеолингвистики, современная цивилизация возникла около 40 тыс. лет назад, допустимо, что именно с того периода появились первые смутные образы божеств.

⁴ http://www.ca-c.org/journal/cac-04-1999/st_26_krylov.shtml

Царя богов, представлялась как Царь (а не Царица) Египта. Причём, в образе бога Солнца Ра – «подобная сиянию Атона, Царица наша», выступает уже в женском роде¹. Впоследствии (патриархат) женский образ переосмыслился в мужское начало². При этом отмечается иерархия функций: царь Египта не выше фараона, он «Господь», богиня Солнца, царица наша – это «Всевышний».

Итак, первоначальный образ Богини АН – это «Мать» (около 11–9 тыс. лет назад), который трансформируется в АНы – «Мать места обитания», далее А-Ны – «Дух местности» (не позднее 8 тыс. лет назад). Со временем формируются образы: АНЧВА – «Мать-распорядительница», АН-ЧВА – «Мать-кормилица», и наконец, АНЧВА – «Материнский покров» (около 7 тыс. лет назад). Данные образы, активизированные генезисом духовности при матриархате, воспринимались рождающей и покровительствующей людям единой силой Природы, представляясь обобществляющим понятием всех людей и Природы.

Родовые, общинные и этнические самоназвания, выражали социальные признаки зарождающегося народа. Изначально (10–8 тыс. лет назад), при полигамии матриархата, род обозначался АНКВАПХА / АНКВАПА – «дочери/сыновья матерей» (сохранился в архаике языка в виде абхазской фамилии – Анкваб). При моногамном принципе матриархата (8–6 тыс. лет назад), род обозначается как АНУА – «люди, от одной матери» (архаика – абхаз. фамилия Ануа). В дальнейшем, при переходном периоде матриархата в патриархат, родовые названия заменяются общинными: АПШИЛ – «сосредоточенные в похожих условиях», в целом – «Похожие / Родственные»³.

¹ <http://biofile.ru/his/189.html>

² Персы имели свою великую богиню по имени Митра, которая впоследствии была вытеснена мужским божеством с тем же именем.

³ К подобному конструкту (реконструкту) относима фамилия Анчабадзе, где «дзе» приставка (груз.), обозначающая княжеское происхождение. Между тем, корневые морфемы АН-ХЩА-ПА или АН-ЩА-ПА отображают статусное положение: в первом случае первенство – «сына сестры матери», при развитом матриархате; во втором – «сына брата матери» – переходной эпохи из матриархата в патриархат.

С началом патриархата (6 тыс. лет назад), начинается попытка вытеснения символа женского покровительства, с желанием замены на мужской образ АБ (отец) – «Образ одного вождя». Со временем он трансформируется в форму АБА-ЪА – «Отечество», далее, АБА-З-ЪА – «Родство по отцовству», и наконец, АБА-ЗГЬИ – «Весь народ по отцовской линии». Попытка вытеснения АНЧВА провалилась, образ матери остался божественным символом, воспринимаемым как мужской образ – Бог. Альтернативные образы сохранились до наших дней, в виде единичных эндоэтнонимов: АБАЗА, АБАЗГИ, АБСИЛЫ. Понятие отечество появляется с данных этнонимов – АБ-Е-ШЛА и АБА-ШТА.

Итак, многие, из перечисленных атрибутов божеств, предстают ценностями этносов сино-кавказской макросемьи; культуры хаттов (от VII тыс. до н.э., Чатал-Хююк) как непрерывной линии этногенеза, родственных ашуйцам, кашкам и абешлайцам, и коренных народов Северо-Западного Кавказа – абазгам и апсилам; их культуре земледелия, скотоводства, домостроения и металлургии.

Функциональное назначение верующего в Анчва – творить добро БЗИРА, не вредить никому АХИМСРА – типологии мировоззрения Абаза, что близко также, миропониманию этносов Месопотамии, Ближнего Востока, Анатолии и Кавказа. Платон считал, что «разумной жизнью является такая, в которой нет ни радости, ни печали, нет «сильных страстей», она не является настоящей, истинной душой. Душа же, освобождённая от таковых течений, чистая душа и есть душа сама по себе»¹.

Однако у многихprotoэтносов, носителей сино-кавказских протоязыков, не сформировалась религия единобожия (частично свершилась у прототибетцев – религия Бон). Лишь только в Аравии и Ближнем Востоке – афразийской макросемье языков, появились религии – иудаизм, христианство и ислам. В Китае сформировались «религии» без божества (конфуцианство, даосизм и др.), в Индии (индуизм, буддизм и др.).

Божество АНЧВА, для жителей страны Ашуя и Хатии (хатты, абешла, возможно, кашки), имея функции космического масшта-

ба, могло предстать Единым Богом одной из ранних религий, и быть отображенными в «Книге» (имелась письменность в Ашуи в III-II тыс. до н.э.). При всём том, возможная фиксация учения не стала явью – не появились пророки или аватара, как у другихprotoэтносов, и верования остались на уровне «язычества». Подобное произошло и с носителями протоязыков индоевропейской макросемьи.

Для предков абазгов образ бога АНЧВА отображается эмоционально – «Небесный покров». Здесь человек АГІВЫ-ЧІВ-ГІВЫС (человек + собственный + прохожий) – «Человек-прохожий», интерпретируется аналогично эзотерической философии Востока. Так, образ Будды описывается как Просто Прохожий в мир покоя: зрелый, сознательный человек, кому открывается истина Срединного пути спасения, пролегающий между крайностями наслаждения и самоистязания, где он шествует безжеланным. Это концепты духовности. Нечто родственное видится в христианстве и исламе.

У апсилов АГІВЮ-ПСЫ / АЮ-ПС – «человек-душа», человек душевный, наполненный разумом и добросердечием, где отображаются ценностные категории в понятии «Человек разумный» – Homo sapiens, что соответствует признакам ноосферного человека. Собственно, и образ АНЦЭА – это венец рационального мира идей.

Однако во внутренней сущности «чистой души» – АГІВЫ-ЧІВГІВЫС (также, АГІВЮ-ПСЫ) не стали доминантами более поздние наслоения – доктрины христианства и ислама. Где эзотерика религий устанавливает, что вся Вселенная «здесь» и «там», является домом для человека, в святости почитающего свою уникальную роль – «с сотворчеством седьмого дня». Где ему предписано принять Божественный Мир для сохранения и приумножения и совершенствования себя для возврата в Рай – Царство Божие.

Не вписались в менталитет «человека-прохожего» (и «человека-душевного») доктрины мировых религий. В христианстве теплота душевности земной жизни, предуготовлена для обретения холодного духовного бессмертия на небе. В исламе – душевная радость от конечных земных дней, предназначетана для чаяния бесконечности духовного блаженства на небе. В буддизме – страдание

¹ <http://petaref.com/?page=viewref&id=8975>

закрепощённого духа в колее конечной череды земного существования, предопределено для устремления к бесконечному упокойнию на небе. (И в иудаизме – тяготения плача по земной жизни, предназначено для освобождающей страсти небесного воссоединения с Духом)¹.

В целом, религиями мира Душа предназначена для разделённого существования: в безрассудном Райском наслаждении «там»; умилительно-рассудочной земной скорби «здесь». Духу же предуготовлено земное наслаждение безраздельным властованием, и скорбная и печальная отрешённость в «небесной жизни». Для предков Абаза (человека-прохожего и человека-душевного), в общей сложности – «человека-духовно-душевного», все радости равнозначны, как для земной жизни, так и «жизни» на Небе – они неразделимы. И там и здесь – он преходящий индивид, находящийся под охранительным материнским покровом АНЧВА.

Это всего лишь собственное мнение автора, в раскрытии проблемных областей абхазоведения и абазиноведения, в целом – аба-зведения, которое может найти понимание у научного сообщества, может быть опровергнуто возможными оппонентами, но имеет право быть заявленным и услышанным.

В.(Х.)Т. Чшиев,
Владикавказ

ОБ ОДНОЙ СКУЛЬПТУРНОЙ КОМПОЗИЦИИ В МАТЕРИАЛАХ КОБАНСКОЙ И КОЛХИДСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЯХ

1. Сходство в материальной культуре кобанской и колхидской культурно-исторических общностях уже привлекало внимание исследователей (А.А. Иессен, А. Л. Лукин, Б.Б. Пиотровский, Ю.Н. Воронов, М. Барамидзе, О.М. Джапаридзе, А.Ю. Скаков и др.). Эти параллели, в том числе «Наличие общего...графического стиля и близость, иногда доходящая до идентичности бронзовых скульптурных изображений, позволяют говорить о существовании общих идеологических представлений»¹. Одной из этих устойчивых идеологем, видимо, является образ двух всадников, скульптурные фигуруки которых известны на ряде предметов колхидской и кобанской культуры. Это скульптурная композиция на бронзовом топоре VIII–VII в.в. до н.э. из Сулори², культовом предмете из кла-

¹ Скаков А.Ю. Еще раз к вопросу о кобано-колхидском единстве // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне. Третья Международная научная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения профессора Г.А. Федорова-Давыдова. Тезисы докладов. – М., 2006. – С.2.

² Очерки истории Грузии (в восьми томах) // Грузия с древнейших времен до IV в. до н.э. Том 1. / Ред. Г.А. Меликишвили, О.Д.Лордкипанидзе. – Тбилиси: МЕЦНИЕРЕБА, 1989. Илл. 80.

¹ Муртазов Т.А. Битва Сфинксов. Бунт подвластного разума в зоне надзирающего сознания. Монография. 2013.

да на Бомборской поляне¹, навершия («штандарты») из Казбеги² и Гастон Уота³, на вершие бронзового кинжала (покупка у жителя с. Кубачи)⁴.

2. В 2007 г., в ходе наших раскопок Адайдонского могильника кобанской культуры, расположенного в высокогорной части Алагирского района РСО-А, в гробнице №37 был выявлен бронзовый кинжал с навершием, изображающим скульптурную композицию из двух всадников (илл. 1). Клинок кинжала вытянуто-подтреугольной формы. Рукоять рамочная, с сужением-перехватом в нижней части и четырьмя отверстиями для штырей-заклепок, крепивших, видимо деревянные (несохранившиеся) накладки. Место перехода клинка в рукоять отделено бортиком. Срединное ребро клинка подтреугольной в сечении формы, выделенное. Навершие – в виде вытянуто-овальной подставки, на которой плечом к плечу, размещены две фигуры всадников. Кинжал двусоставной. Первоначально был изготовлен клинок. Позднее, на верхнюю часть рукояти, было «прилито» скульптурное навершие. Общая длина кинжала – 35,4 см.

Изображения всадников отличаются. Правый (если мы развернем скульптуру лицом к смотрящему) несколько выше ростом, крупнее (илл. 2 – 3). Голова больше, чем у левого. Шея толще. Талия отсутствует. В то время, как у левого всадника она выражена. Представляется, что левый всадник изображает женщину, а правый – мужчину. Важно, что подробно описавшая навершие бронзового кинжала с изображением двух всадников из с. Кубачи, О.А.

¹ Вольная Г.Н., Депуева А.Б. Фигурка конного всадника из экспозиции Национального музея Кабардино-Балкарской Республики // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. – Махачкала: Мавраевъ, 2012. – С. 169, рис. 1, 11.

² Там же. – С. 169, рис. 1, 18.

³ Мошинский А.П. Древности горной Диории. VII–IV вв. до н.э. // Труды ГИМ. Вып. 154. – М.: ГИМ, 2006. – С. 197, рис. 38.

⁴ Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир: (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). – М.: ТАУС, 2013. – С. 89–90, рис. 43,3.

Брилева отмечает, что и здесь «Всадники различны»... «У левого всадника... мужские признаки пола подчеркнуты»¹.

Гробница №37 Адайдонского могильника, по наличию в комплексе удил с подвижными S-видными бронзовыми псалиями, датируется в рамках середины – последней трети 8 в. до н.э.². Следует отметить, что согласно хронологии бронзовой антропоморфной пластики Кавказа, произведенной О.А.Брилевой, второй хронологический период (Х – VII вв. до н.э.) «отмечен появлением бронзовой пластики на Северном Кавказе»³. Причем, для этого «этапа характерно: 1) появление бронзовых листов с загнутыми краями, на которые напаивались антропоморфные фигурки; 2) появление пластики на предметах вооружения и 3) появление статуэток всадников»⁴. Как отмечает О.А. Брилева, «Антропоморфные изображения, являющиеся частью других предметов», на предметах вооружения датируются здесь VIII – VI вв. до н.э.⁵.

3. Навершие кинжала с изображением двух всадников, приобретенное в Кубачи, по мнению Е.Е. Кузьминой и В.И. Козенковой, происходит из ареала памятников кобанской культуры⁶. Примечательно, что изображения всадников из Сулори, Кубачи и Адайдона размещены на предметах вооружения – кинжалах и топоре. Сближает рассматриваемые предметы и дата их бытования – начало 1 тыс. до н.э. – VII в. до н.э.

Отметим также весьма большое сходство вышерассмотренного бронзового клинка из Адайдона и клинка с рамочной рукоятью,

¹ Брилева О.А. Древняя антропоморфная пластика Кавказа (XV в. до н.э. – X в. н.э.). – М.: ТАУС, 2013. – С. 178.

² Чшиев В.(Х.)Т. Новые узбечные комплексы из памятников предскифско-го-раннескифского времени Северной Осетии // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Сб. посвященный юбилею В.И.Козенковой. – Грозный – Москва, 2011. – С. 170-171, 175, рис. 3, 1-3.

³ Брилева О.А. Древняя антропоморфная пластика Кавказа: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – М.: Институт Археологии РАН, 2008. – С. 10.

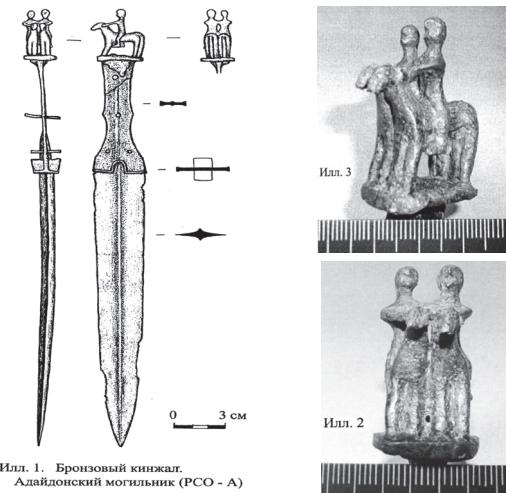
⁴ Там же. – С. 10.

⁵ Там же. – С. 11.

⁶ Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир: (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). – М.: Таус, 2013. – С. 89.

предусматривающей накладки из могильника Эргета III колхидской культуры¹.

4. Представляется вероятным, что весьма большое сходство между композицией и функциональностью рассматриваемых предметов вооружения, свидетельствует о тесной связи колхидской и кобанской культур (кио) в начале – середине 1 тыс. до н.э. Во всяком случае, вероятно, мы можем говорить о близком или едином информационном (идеологическом) пространстве в рамках ареала колхидской и кобанской культур в начале – середине 1 тыс. до н.э. Так же представляется справедливым мнение Е.Е. Кузьминой и В.И. Козенковой о переднеазиатских, и, в частности, луристанских культурных импульсах на Кавказ в конце II – начале I тыс. до н.э., попадавших в ареал колхидской и кобанской культур и получивших здесь дальнейшее развитие².

¹ Папуашвили Р. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы – раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Сб. посвященный юбилею В.И. Козенковой. – Грозный – Москва, 2011. – С. 90, рис. III, 26.

² Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир: (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). – М.: ТАУС, 2013. – С. 88-91.

СОДЕРЖАНИЕ

В.Ш. Авидзба,

Приветственное слово 3

А.Ф. Авидзба

Вопросы военно-политической истории Отечественной войны в Абхазии (1992-1993 гг.) 7

В.М. Пачулия

Сентябрьская наступательная операция и причины победы в грузино-абхазской войне (1992-1993 гг.) 20

Р.И. Сефербеков

Из истории проникновения христианства и ислама в средневековый Карах 30

В.А. Нюшков

Абхазия и арабский халифат в первой половине VIII в. 35

М.А. Гизбулаев

Та'рих Халифа ибн Хайят как источник по истории Дагестана в VII – VIII вв. 47

А. Д. Панеш

Взаимодействие России и Османской империи как определяющий фактор политической ситуации на Северо-Западном Кавказе в период Кавказской войны 57

T.X. Алоев
Эволюция идентичности абазских обществ междуречья
Бзыби и Сочи в 30-е гг. XIX в. 64

M.B. Гумба 78
К вопросу о причинах возвращения владетельного князя
Михаила в оккупированную турками Абхазию в период
Крымской войны 78

З.Х. Ибрагимова
Кавказские горцы и российские императоры – история
их взаимоотношений 86

Л.И. Цвижба
Политические ссыльные Кавказские горцы в XIX в. 101

Н. А. Трапиш
Абхазская история второй половины XIX столетия
в оценках В.И. Немировича-Данченко 119

Е.В. Стегленко
Кавказские горцы в оценках донского
историка Е.П. Савельева 130

Н.Г. Соловьева
Проблема межкультурной коммуникации в истории
Северного Кавказа конца XIX века 138

Э.М. Чкок-Эшиба
К истории автокефалии Абхазской православной церкви
(конец XIX – нач. XX вв.) 148

И.В. Крючков
Кавказ в экономических связях России и Германии
в последней трети XIX – начале XX вв. 157

В. Новиков
Абхазские большевики Н.А. Лакоба и Е.А. Эшба
о своей поездке в Турцию в конце 1920-начале 1921 гг. 174

С. Ш. Салакая
Политическая история Абхазии XIX века в абхазской
советской исторической науке 187

Ф.С. Эфендиев, С.И. Эфендиев
Абхазия и Кабардино-Балкарская в советское время:
(из истории творческих взаимосвязей. К. Кулиев,
Д.. Гулиа, Г. Гулиа, Б. Шинкуба, Ф. Искандер) 204

И.Р. Марыхэба
Апсны Қырттәыла аиааира 20-шықәса атра иазкны
К 20-летию Победы Абхазии над Грузией 208

И. П. Добаев
Этапы радикализации ислама в Российской Федерации
и их характеристика 219

М.-З.Ю. Курбанов
Современные проблемы «разделенных» народов
Республики Дагестан 232

Л. М. Гарсаев, А.М. Гарасаев
Об обычаях кровной мести чеченцев и роли главы чеченской
республики, героя России Р.А. Кадырова
по примирению кровников 236

Л.Х. Сабанчиева	
Гендерные аспекты политического управления в Кабардино-Балкарии: Традиции и современность	245
Л.В.Кубанова, Е.А. Щербина	
Государственная политика РФ в сфере межэтнических отношений в контексте конфликтологической парадигмы	258
О.А. Васильева	
Признание состоялось: предыстория, аналитика, перспективы.....	268
Д.Т. Ачугба	
Некоторые аспекты грузино-абхазского конфликта в контексте глобальных вызовов современности.....	281
Э.Д.Эшба	
«Черкесская» диаспора в Турции на Ближнем Востоке: современные проблемы и перспективы.....	289
А.Ю. Шадже	
«Мы должны помнить – но что?»	297
Р. Э. Герман	
Развитие дорожно-транспортной и почтовой сети в центральном Предкавказье в первой половине XIX в.: потенциал и функции	306
Д.М. Маламагомедов	
Неизвестные факты Кавказской войны в сочинении Мухаммад-Тахира аль-Карахи «Китабу ибарат ал-и'тибар» (краткий обзор)	317
А.Ч. Абазов	
Кавказская война в драматургии черкесского зарубежья.....	328
Т.А. Муртазов	
Боги абасков – генезис образов	335
В.(Х.)Т. Чииев	
Об одной скульптурной композиции в материалах кобанской и колхидской культурно-исторических общностях.....	369

«ВОЙНА И МИР В ИСТОРИИ КАВКАЗА»

**Материалы Международной научной конференции, посвященной
20-летию Победы народа Абхазии в Отечественной войне 1992-1993
гг. (24-26 сентября 2013 г.)**

Редактор Л.С. Пачулия

Корректор Л.М. Чкок

Кампьютерный набор Л.Р. Чамагуа

Кампьютерная верстка Н.Г. Гунба

Формат 60x84 $1/_{16}$. Тираж 500. Физ. п.л. 23,75. Усл. п. л. 21,375.
Заказ №....
РУП «Дом печати». Сухум, Эшба, 168.